

85,97

www.libtool.com.cn

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

3388

www.libtool.com.cn

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
81, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

ПОЖАЛУЙСТА
не перегибайте книг при чтении.

www.libtool.com.cn

Историческихъ романовъ.

Кроуфордъ.

Дон-Жуанъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Во гворче Королја

Подъ редакціей, съ введеніємъ и примѣчаніями

ПРОФЕССОРА

ПРОФЕССОРА
A. MOST POPULAR
PUBLISHED BY
ГОРБАЛ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI
2288

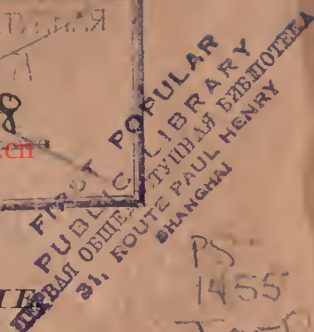
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Картографическаго заведенія А. Ил

1902.

www.libtool.com.cn

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“, Фонтанка, 86.

ВВЕДЕНИЕ

I. Общія условія испанскаго владычества.

Новый романъ, предлагаемый нами читателю, относится ко временамъ испанскаго владычества въ Европѣ. Его нельзя вполнѣ усвоить себѣ безъ объясненія этого великаго историческаго явленія. Вотъ почему мы, прежде всего, постараемся раскрыть смыслъ испанской исторіи въ средніе вѣка, по современнымъ даннымъ науки.

Испанское владычество долго поражало міръ и смущало историковъ. Приходилось чуть ли не обнять необъятное. А разрѣшать такую тяжкую міровую загадку приходилось больше догадками, чѣмъ научными данными: основной источникъ, испанскій архивъ, былъ подъ семью печатями гордой націи, которая сама стыдилась своего мрачнаго прошлаго. Немудрено, что именно въ сужденіяхъ объ этой великой эпохѣ, полной захватывающаго духъ драматизма, господствовала поэзія, сказка, созданная романтическими преданіями.

Дѣло измѣнилось съ половины прошлаго вѣка, когда правительства начали открывать свои сокровищницы политическихъ тайнъ, и историческая наука выступила во всеоружіи документальной критики. Для нашего предмета архивы оказались особенно плодovитой почвой: міровое владычество Испаніи 16-го вѣка оставляло слѣды всюду. Архивы всѣхъ

странъ, не исключая маленькой Шотландіи *), дали обильную жатву историкамъ. Ослѣпительный свѣтъ на дѣло былъ брошенъ архивами Венеціи, Вѣны, Нидерландовъ и особенно Симанки—города близъ Вальядолида, гдѣ хранится государственный архивъ Испаніи, богатѣйшій въ мірѣ. А затѣмъ, къ концу 19-го вѣка выступили и экономисты, безъ которыхъ нечего было и думать постигнуть испанское владѣтельство 16-го вѣка. Вѣдь, это явленіе, прежде всего,—плодъ того великаго переворота въ экономикѣ, которымъ знаменуется переходъ отъ средневѣковья къ новой исторіи.

Въ наше время бытописателю нетрудно схватить суть испанской исторіи, уловить ея главныя теченія, хотя для частностей еще нужно много работать. И теперь въ наукѣ уже установился общій взглядъ, который раздѣляется всѣми историками, достойными этого званія. Вотъ къ чему онъ сводится.

Въ средневѣковой исторіи Испаніи поражаетъ одно явленіе большой важности. Первые семь вѣковъ нашей эры не представляютъ здѣсь ничего исключительнаго. Мы видимъ одинъ изъ уголковъ обширнаго поприща, на которомъ закладываются основы христіанской цивилизаціи и новыхъ національностей. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ тѣсно связанъ съ другими частями великаго организма; его исторія—одна изъ страницъ европейской исторіи.

Но, вотъ, совершается изумительный переворотъ. Съ начала 8-го столѣтія имя Испаніи внезапно исчезаетъ изъ этой книги, и пробѣлъ остается въ ней въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Въ это время жизнь Испаніи — эпизодъ изъ исторіи магометанскаго міра. И чѣмъ глубже падалъ

*) Конечно нужно исключить Россію. Наши сношенія съ Испаніей начались лишь съ Алексѣя Михайловича, около половины 17-го вѣка; и они долго были случайны. Зато съ Екатерины II нашъ архивъ пріобрѣтаетъ существенное значеніе даже для поясненія внутреннихъ дѣлъ Запада. Пишущему эти строки удалось, въ свое время, выставить это его значеніе, особенно по отношенію къ Германіи и именно Испаніи. См. наши *Союзъ князей* (1 и *Испанію двенадцатаго вѣка* (1872).

восточный халифатъ, тѣмъ сильнѣе выступала эта страна въ качествѣ средоточія арабской культуры. Но, при всемъ своемъ могуществѣ, эта культура не могла завоевать себѣ господства въ христіанскомъ мірѣ, гдѣ она была лишь временной гостьей. Какъ ни высоки были ея блага, она не могла овладѣть ~~испанскими христіанами~~, которые, защищая свою независимость подъ знаменемъ креста, встрѣчали ее съ оружіемъ въ рукахъ.

Говорятъ, что этотъ періодъ въ жизни Пиренейскаго полуострова представляетъ непрерывный крестовый походъ противъ магометанства. Такъ. Но, чтобы сравненіе не ввело въ заблужденіе, какъ часто бываетъ, необходимо замѣтить, что эта многовѣковая борьба значительно отличается отъ событій, именуемыхъ крестовыми походами. Весьма важно, что испанскіе христіане не проходили черезъ массу разнообразныхъ земель и народностей, созерценіе которыхъ могло бы способствовать ихъ умственному развитію. Они вели полуразбойническую жизнь въ своихъ суровыхъ ущельяхъ. Ихъ борьба съ арабской силой была та самая гверилья ¹, которая поразила потомъ Наполеона I. И результаты ея напоминаютъ слѣдствія свирѣпой гверильи. Врагъ былъ сломленъ, слава и независимость были пріобрѣтены; но какую цѣную? Исторія заноситъ на свои страницы блестящее имя полусказочнаго Сиды ², этого типа гверильяса,—и только. Чуть-чуть видны слѣды гражданственности, да и то не самородной, въ бытѣ испанскаго христіанства, испытавшаго такую горькую судьбину.

Это бы еще ничего. Хуже всего было то, что дикая, фанатическая гверилья совершенно порвала всѣ связи между своими бойцами и ихъ европейскими собратьями. Страшно было пробужденіе Испанца въ концѣ 15-го столѣтія: онъ увидѣлъ, что отсталъ отъ своихъ сверстниковъ на цѣлые два вѣка. Съ конца 13-го столѣтія, всего болѣе благодаря именно крестовымъ походамъ, Европа поворачиваетъ на новый путь, прощается съ духомъ рыцарства, подсмѣивается надъ великой фантазмагоріей, именуемой средними вѣками, строить

города, заводить мастерскія и школы. А Испанія, за исключеніемъ развѣ одной Каталоніи ³, хранить дикую поэзію броженія силъ, которую старалась разрушить и подчинить неизбѣжной прозѣ критика здравого смысла на всѣхъ другихъ точкахъ нашего материка. Она даже заботливо развивала черты отжившаго быта. Такъ почти три вѣка созрѣвалъ знаменитый типъ донъ-Кихота, пока не схватило его, въ эпоху реформациі, перо мастера, судьба и свойства котораго, въ свою очередь, напоминаютъ героевъ рыцарскихъ романовъ.

Исторія какъ будто старалась доказать, что испанская нація даровита и достойна лучшей участи. Въ концѣ 15-го вѣка совершился новый важный переворотъ. Явилась смѣлая, мужественная Изабелла и дипломатъ Фердинандъ. Въ лицѣ ихъ народъ съ рѣдкой энергіей взялся разомъ навестать упущенное. Въ одно поколѣніе были измѣнены и внутреннія, и внѣшнія отношенія страны. Передъ изумленной Европой возникло, изъ царства анархіи, замѣчательное государство, которое стремилось опередить другіе народы и превосходило многихъ изъ нихъ въ силѣ порядка, единства и верховной власти.

Послѣдній арабскій тронъ рухнулъ въ Гранадѣ: и народъ, раздробленный на части духомъ рыцарскаго индивидуализма, быстро сплотился, слѣдуя указаніямъ чуткой полиціи, непреклоннаго правосудія, даже серьезнаго воспитанія. Королевская власть, только-что родившись, была уже могущественна и просвѣщенна. Она вела свой вострепнувшійся народъ на путь побѣдъ въ Италіи и въ безграничныхъ пространствахъ Новаго Свѣта, открытаго на ея средства.

А вслѣдъ затѣмъ Испанія переходитъ въ руки Габсбурга ⁴, владѣвшаго большею частью западной Европы. Ни одна страна не могла похвалиться такою тѣсной связью съ образовательными силами Европы. Казалось, испанцамъ нарочно давалось средство вознаградить себя за ущербъ, нанесенный имъ столь долгимъ, пагубнымъ отчужденіемъ отъ новой цивилизаціи.

Но это только такъ казалось по сравненію: такъ, вѣроятно, и было бы вездѣ, только не въ этой загадочной странѣ,

Габсбургъ сѣлъ на испанскій престолъ въ эпоху мировыхъ вопросовъ, гигантскихъ замысловъ, богатырскихъ характеровъ. У талантливаго мечтателя, Карла V, закружилась голова, когда онъ увидѣлъ, что солнце не заходитъ въ его владѣнія, и почуялъ въ своихъ рукахъ страшную власть съ тѣхъ поръ, какъ дворянство и духовенство помогло ему ослабить арагонскаго „хустицію“ и смирить „комунеры“ Кастиліи, „германдаду“ Валенціи и старые кортесы⁵. А тутъ дерзкій монахъ изъ Виттенберга вздумалъ основать міровое царство мысли и совѣсти и потрясти старину. Карла увлекла великая идея создать, въ свою очередь, всемірное господство, утвердивъ его на началахъ папства. И вотъ, Испанія вновь берется за тяжкую задачу, которая не переставала занимать ее въ теченіе полутора столѣтій. Ея лучшія, молодые силы погибаютъ на поляхъ битвъ въ Испаніи, Германіи, Нидерландахъ, или въ безвѣстныхъ пространствахъ Новаго Свѣта.

Управляютъ міромъ и повсюду искоренять „еретичество“— это задача, достойная эпохи крестовыхъ походовъ. И дѣйствительно, исторія Испаніи въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ напоминаетъ, по своимъ результатамъ, судьбу этой страны въ средніе вѣка. Правленіе Габсбурговъ, повидимому, предназначенныхъ къ сближенію Пиренейскаго полуострова съ остальною Европой, имѣло въ сущности такое же значеніе, какъ господство арабовъ. Видя лишь „еретиковъ“ въ представителяхъ европейской цивилизаціи, испанцы относились къ ней столь же враждебно, какъ и къ арабской культурѣ.

И вотъ быть, похожій на 13-й вѣкъ, поддерживается цѣлая двѣсти лѣтъ. Свято сохранялись норманскія, гогенштауфенскія и арабскія подати, съ алькабалой⁶ во главѣ, доведенной до 14⁰/. Внезапно до того повышались налоги, что мѣра соли поднималась въ цѣнѣ съ 30 до 300 реаловъ. Въ то же время росли государственные долги.

Закладывались національныя имущества и доходы съ провинцій иностранцамъ, въ руки которыхъ ускользала чуть не вся испанская земля. Да и при этомъ средствъ государство,

по выраженію историка Давилы, „болѣе теряло репутацію, чѣмъ приобрѣтало золота“.

Около половины 17-го в. началось распаденіе этого міроваго владычества. Португалія не только стала независимой, но ея господство проникло далеко въ испанскія области. Затѣмъ была признана самостоятельность Нидерландовъ, а къ Франціи отошло Франшъ-Контэ. И въ то время, когда Англія становилась царицей морей, а Франція повелительницей западной Европы, великая держава Карла V должна была торговать съ Америкой подъ прикрытіемъ иностранныхъ флаговъ и равнодушно смотрѣть, какъ морскіе разбойники опустошали ея колоніи. А народъ все глубже погружался въ непробудный сонъ; и его идеаломъ все исключительно становились праздность высокоумнаго хидальга.

II. „Великій императоръ“.

Набросавъ общія черты испанской исторіи, присмотримся немного къ самому испанскому владычеству. Попытаемся обрисовать личности Карла V и Филиппа II, входящихъ непосредственно въ рамки нашего романа.

Въ 1519 году міръ содрогнулся: римско-нѣмецкимъ императоромъ былъ избранъ, подъ именемъ Карла V, король испанскій, Карлъ I. То былъ внукъ великой королевы испанской, Изабеллы, и пышнаго германскаго императора, Габсбурга Максимиліана I и его супруги, дочери Карла Смѣлаго бургундскаго. Кромѣ всей Испаніи и ея принадлежностей—Неаполя съ Сициліей и Сардиніей, ему принадлежали Германія, Австрія, Богемія и Венгрія, какъ Габсбургу, Нидерланды и Бургундія—какъ потомку бургундскихъ герцоговъ, наконецъ Вестъ-Индія, Мексика съ Калифорніей, Перу, Чили и Парагвай—какъ даръ „конкистадоровъ“⁷.

Всѣ увидѣли, что во владѣніяхъ этого счастливца „не заходитъ солнце“. Возникла міровая держава обширнѣе имперіи Карла Великаго: средняя исторія кончалась тѣмъ, чѣмъ

начиналась. И въ Испаніи на первый планъ выдвинулась международная политика, поприщемъ которой служила до тѣхъ поръ Италія. Казалось, эта страна забивала Италію и въ экономикѣ: она становилась средоточіемъ наплывавшаго изъ Америки золота, которое превращало „естественное“ или земельное хозяйство Европы въ „денежное“ или капиталистическое. Такъ не одни поколѣнія, но и націи чередуются во главѣ человѣчества.

Съ воцаренія Карла V воистину начиналась новая исторія. Онъ былъ обязанъ самымъ своимъ выборомъ въ императоры новымъ силамъ — монархическому чувству народовъ, золоту, которое олицетворялось въ нѣмецкихъ Фуггерахъ, этихъ Ротшильдахъ своего времени, да лютеранству, выступившему за два года передъ тѣмъ: нѣмцы видѣли въ Карлѣ естественнаго вождя національнаго движенія противъ тираниі своихъ „фюрстовъ“⁸ или князей-феодаловъ и папства.

Самая личность Карла V представляла собой новый типъ на тронѣ, — именно испанскаго Габсбурга. Воспитавшись въ Брюсселѣ, живя официально въ Испаніи, но вѣчно разъѣзжая по своимъ разноплеменнымъ владѣніямъ, онъ не былъ привязанъ ни къ какой странѣ, ни къ какому народу. Рожденный вмѣстѣ съ великимъ вѣкомъ, обладатель сокровищъ Америки и пространства болѣе Запада и Россіи, взятыхъ вмѣстѣ, 20-лѣтній монархъ, говорившій почти на всѣхъ языкахъ своихъ подданныхъ, возмечталъ о возобновленіи „монархіи“, какъ называли испанцы *мiродержавіе* Карла Великаго. И не одна эта надменная нація именовала его „великимъ императоромъ“.

Но, по своей природѣ, это вовсе не былъ Карлъ Великій. Карлъ V представлялъ собой развитіе, съ одной стороны, чертъ дѣда, Фердинанда Католика, мужа знаменитой Изабеллы, съ другой — свойствъ своей матери, Іоанны, которую онъ напоминалъ и лицомъ. Молодцоватый рыцарь въ юности, онъ сталъ нелюдимъ, все сидѣлъ въ кабинетѣ, среди вороха бумагъ. Онъ высоко цѣнилъ книгу Макиавеля. Карлъ не довѣрялъ даже своимъ орудіямъ; онъ только выслушивалъ

своихъ наперсниковъ — канцлера Гранвеллу да его сына, кардинала, но самолично велъ переговоры и войны, составлялъ правительственные планы.

„Я по природѣ упоренъ въ мелочахъ, даже дурныхъ“, говорилъ онъ,—и поражалъ всѣхъ крайнею осторожностью: по нѣскольку дней задерживались курьеры съ самыми спѣшными бумагами; медленно читались ему доклады; даже съ послами говорилъ онъ по запискамъ, гдѣ тянулись два столбца всякихъ „за“ и „противъ“, которыя постепенно вычеркивались, по мѣрѣ обсужденія дѣла. Но, разъ рѣшивъ вопросъ, онъ уже не отступалъ: у него первое слово было и послѣднимъ. Дивились его настойчивости, безстрастію въ счастья и несчастья, энергіи и неумоимости на полѣ битвы и въ кабинетѣ. Онъ былъ мужественъ, вездѣсущъ, предприимчивъ: его девизомъ было—„Дальше!“

Карлъ не поощрялъ ни искусствъ, ни наукъ: религія, сводившаяся къ обрядности, была орудіемъ его политики. Это—средневѣковой космополитизмъ: и Карлу были противны силы новой исторіи—гуманизмъ, реформація, народность. Радужныя надежды и любовь массъ и интеллигенціи окружали вѣнчаннаго юношу наканунѣ избранія. „День и ночь буду служить тебѣ даромъ; наберу тебѣ много гордыхъ героев—и будешь ты вождемъ, начинателемъ и исполнителемъ“, писалъ горячій лютеранинъ, поэтъ гуманистовъ, Гуттенъ, Карлу, плохо понимавшему понѣмецки. „Мы желаемъ прежде всего посвятить наше могущество распространенію нашей св. католической вѣры и истребленію ея враговъ“, писалъ Карлъ своимъ дипломатамъ. А про Франциска онъ сказалъ: „Вскорѣ или я стану жалкимъ императоромъ, или онъ—жалкимъ королемъ“. Такъ міровую бурю предвѣщало выступленіе Карла V на историческое поприще. Ей предшествовала смута въ самой Испаніи, какъ только появился тамъ Габсбургъ.

Чуждый испанцамъ по всему, Карлъ обидѣлъ ихъ съ самаго пріѣзда въ Мадридъ (1516). Онъ отплатилъ черной неблагодарностью ихъ національному герою, кардиналу Хименесу, и

окружилъ себя фламандцами, которые начали продавать должности и епископства и отправляли золото домой, такъ что вскорѣ оно стало рѣдкостью въ Кастиліи. Народъ возсталъ противъ нихъ, когда Карлъ, избранный въ императоры, уѣхалъ въ Германію; онъ радовался также случаю свести старые счета съ угнетавшими его аристократами. Во главѣ движенія стали кастильскіе города: оттого оно названо „бунтомъ коммунаровъ“. Но у возставшихъ не оказалось ни вождей, ни политическаго развитія: они просили короля не покидать Испаніи, не давать власти иноземцамъ и не нарушать правъ кортесовъ; сверхъ того, они предложили возвратить ему земли, отнятыя знатью у короны. Но знать-то и взялась отвѣтить коммунарамъ: она расправилась съ городами, прежде чѣмъ Карлъ рѣшилъ, какъ ему поступить (1521).

Бунтъ коммунаровъ утвердилъ власть въ Испаніи. Карлъ V, возвратившись съ отрядомъ ландскнехтовъ⁹, воспользовался случаемъ оградить ее на будущее время: онъ принялъ новый титулъ „величества“ вмѣсто древняго — „высочества“, окружилъ себя пышнымъ дворомъ и многочисленной гвардіей. Съ тѣхъ поръ Испанія затихла. Карлъ даже проживалъ въ ней лишь наѣздомъ. Покончивъ съ ея независимостью, онъ взялся за свою „монархію“ т. е. за идею міродержавія. Вспыхнула непримиримая борьба Габсбурга съ лютеранами и съ самою сильной и властолюбивой державой — Франціей. Превратности почти 25-лѣтней войны Карла съ Францискомъ I отражались на судьбѣ реформациі.

Карлъ одолѣлъ соперника, унизилъ Францію овладѣлъ почти всею Италіей и поработилъ ревниваго папу, который примкнулъ-было къ его врагамъ, испугавшись его міродержавія. Затѣмъ онъ взялся за протестантовъ, которые, обманутые въ своихъ надеждахъ, уже питали къ нему враждебное чувство. „Тутъ дѣло не въ наставленіи, а въ кулакѣ: такъ увидятъ, кто сильнѣй!“ воскликнулъ онъ—и приказалъ всѣмъ возвратиться въ лоно папства. Опытный въ бояхъ герцогъ Альба разгромилъ нововѣрцевъ у Мюльберга (1547).

Но вслѣдъ затѣмъ настало историческое возмездіе. Разъ-

яренные нѣмцы, съ помощью французовъ, уничтожили лучшую армію Карла и избрали себѣ въ императоры не сына его, Филиппа, а Фердинанда I австрійскаго. Въ то же время мусульмане напирали съ востока и юга. Томимый тяжкимъ недугомъ, Карлъ искалъ успокоенія на родинѣ, въ Брюсселѣ. Но и здѣсь уже разгоралась реформація; а папа подымалъ всю Италію противъ императора, соединившись съ французами. Исчезла и послѣдняя мечта императора — слить Нидерланды съ Англіей: для этого онъ женилъ своего сына Филиппа на фанатичной католичкѣ, Маріи Тюдоръ; но невѣстка оказалась безплодной и вскорѣ умерла. Карлъ впалъ въ кручину и отрекся отъ престола, со слезами признавъ тщету своихъ усилій. Ему оставалось жить всего три года.

Послѣ сорока лѣтъ неутомимыхъ трудовъ, при безпримѣрно блестящемъ положеніи, Карлъ кончилъ сознаніемъ, что его жизнь была ошибкой: онъ расшаталъ основы испанскаго могущества и чуть не попалъ въ плѣнъ къ ничтожнымъ фюрстамъ; а его враги, Франція и реформація, расцвѣтали. Самъ онъ, уже въ 40 лѣтъ, былъ старикомъ.

Смерть любимой жены подкосила его послѣднія силы; 56-лѣтній императоръ пришелъ къ мысли, что „счастье любить только молодежь“, и удалился въ монастырь св. Юста (въ западной Испаніи), утопающій въ зелени лимоновъ, миртъ и каштановъ, освѣжаемый горными ключами. Въ красивомъ дворцѣ, стѣны котораго были увѣшаны множествомъ часовъ и картинами Тиціана, онъ обучалъ сына своего правленію, но больше молился и пѣлъ на клиросѣ. Духъ новаго времени не отступалъ отъ него: его исповѣдникъ оказался лютераниномъ. Но Карлъ не сдавался: онъ жалѣлъ, что не сжегъ Лютера въ Вормсѣ, и завѣщалъ сыну истреблять ереси посредствомъ инквизиціи. Со взоромъ, устремленнымъ на Распятіе, скончался, въ монастырской глуши, „великій императоръ“ (1558).

III. Трагическая личность.

„Великій императоръ“ былъ не столько фанатикъ, сколько записной политикъ. Его обращеніе съ папой и допущенный имъ „разгромъ Рима“ ¹⁰ ясно показываютъ, что церковь была въ его рукахъ лишь орудіемъ политики. Инквизиція при немъ окончательно стала политическимъ учрежденіемъ ¹¹.

Карлъ V жилъ въ первой половинѣ великаго вѣка, когда въ умахъ царилъ просвѣтительный гуманизмъ, это дитя Возрожденія наукъ и искусствъ, а въ сердцахъ кипѣла страсть сбросить средневѣковыя цѣпи папства. Тогда даже въ Испаніи робко проростали сѣмена нововѣрія: появились переводы Библии, самъ примасъ издалъ катехизисъ въ лютеранскомъ духѣ; домъ духовника императора сталъ приютомъ протестантства; даже въ народныхъ поговоркахъ и въ монашеской поэзіи замѣчался протестъ противъ пороковъ Рима.

Но затѣмъ выросло новое поколѣніе, воспитанное ужасами религіозныхъ волненій. Вторая половина 16-го вѣка, ознаменовалась реакціей, названной „возрожденіемъ католичества“. Триентскій соборъ (1563), это новое воплощеніе духа Григорія VII ¹², сталъ основой католичества, сохранившеюся до нашихъ дней: онъ объявилъ „непогрѣшимыми“ догматы Ѳомы Аквинскаго и изрекъ „анаѣму всѣмъ еретикамъ“. На римскомъ престолѣ явился рядъ такихъ подражателей средневѣковымъ папамъ, какъ Сикстъ V, котораго возненавидѣли сами монахи за деспотическій фанатизмъ. Всюду возникали новые строгіе монастыри, даже цѣлые монашескіе ордена, и семинаріи; появилась исключительно папская инквизиція (1542), затмившая ревностью испанскую служанку трона: она тотчасъ издала „Указатель запрещенныхъ книгъ“, чтеніе которыхъ влекло за собой тяжкія кары. Наконецъ, родился орденъ иезуитовъ (1540).

Воплощеніемъ духа этого ордена былъ сынъ „великаго императора“, Филиппъ II, которому досталось все еще недурное

наслѣдіе—кромѣ Испаніи, Неаполь, Нидерланды и Америка. Онъ походилъ на отца, но былъ меньше ростомъ, блѣднѣе, слабѣе, съ менѣе оживленнымъ выраженіемъ лица; онъ былъ лишенъ энергіи и изобрѣтательности Карла V такъ же, какъ и его внѣшней ловкости и благовоспитанности. Это былъ настоящій испанецъ; онъ и остался, въ памяти туземцевъ, самымъ популярнымъ королемъ. Филиппъ говорилъ только покастильски, плохо понималъ латынь. Мало интересовавшійся науками и искусствами, онъ былъ мастеръ выказывать испанскую „грандецу“—недоступное, напыщенное величіе. Король смущалъ опытныхъ пословъ, когда исподлобья измѣрялъ ихъ своимъ ледянымъ взоромъ. Онъ говорилъ имъ съ самодовольной улыбкой: „Успокойтесь!“. Онъ не проронилъ слезы при смерти своихъ женъ и дѣтей; его ротъ раскрывался рѣдко, и только для сухого отказа или дѣлового вопроса.

Филиппъ не терпѣлъ ничего выдающагося, ссорилъ своихъ наперсниковъ, внезапно возвышалъ и низвергалъ ихъ. Онъ не довѣрялъ своимъ женамъ, завидовалъ сыну и брату. Филиппъ работалъ отъ зари до зари одинъ въ кабинетѣ, куда приносили въ одинъ и тотъ же часъ одно и то же кушанье. Онъ читалъ даже въ носилкахъ, и съ большимъ напряженіемъ мысли: его мучили даже опечатки. Его страшились церковники: онъ лучше ихъ зналъ всѣ мелочи обрядовъ. Филиппъ гордился названіемъ Мудраго (El Prudente); а между тѣмъ весь его кропотливый трудъ былъ бумажная, канцелярская работа надъ мелочами. Оттого Филиппу пришлось довести чиновничество до крайнихъ размѣровъ: у него было 13 совѣтовъ (министерствъ) и куча хунтъ (коммисій). „Время и я—мы стоимъ другъ друга“, говорилъ онъ. „Нѣтъ ничего труднѣе должности короля!“ восклицалъ Филиппъ, внимая только своему духовнику, и проигрывалъ всѣ крупныя предпріятія.

Въ рукахъ этого человѣка была міровая сила: „Шевельнется Испанія—задрожитъ земля“, говорили тогда. Идеаломъ Филиппа было міродержавіе Карла V, но съ пре-

обладаніемъ фанатизма. Онъ благоговѣлъ передъ папой, какъ покаянникъ, и считалъ богохульствомъ, злодѣяніемъ все не католическое. „Скорѣй сойду съ трона, чѣмъ стану управлять еретиками“, говорилъ другъ іезуитовъ и, не разбиралъ средствъ для „очищенія“ вселенной. Всѣ изобрѣтенія инквизиціи, всѣ извороты дипломатіи, всѣ сокровища Америки пошли у него на устраненіе нововѣрцевъ, на устройство заговоровъ и уوبيщъ въ ихъ земляхъ.

Первый государственный шагъ новаго короля ясно показывалъ разницу двухъ эпохъ и ихъ представителей. Карлъ V вѣчно соперничалъ съ Франціей изъ-за свѣтской политики; Филиппъ заключилъ съ нею миръ въ Като-Камбрези (1559), въ религіозныхъ интересахъ. Вѣдь, тогда въ Англіи воцарилась могущественная защитница протестантизма, Елизавета: и задача Карла V смѣнилась идеей всекатолическаго союза, который былъ скрѣпленъ бракомъ Филиппа II съ дочерью Генриха II французскаго, Елизаветой (Изабеллой) Валуа. Миръ въ Като-Камбрези—эра Возрожденія католичества и ужасныхъ религіозныхъ войнъ.

Дѣло началось съ Испаніи. Гордая знать, клиръ, даже кортесы Кастиліи стали орудіями Филиппа. Арагонія почти лишилась своей самостоятельности; ея хустиція былъ обезглавленъ. Инквизиція не принимала раскаяній, не щадила ни монахинь, ни прелатовъ, ни царедворцевъ: она 17 лѣтъ держала въ тюрьмѣ примаса и обвиняла Лойолу и св. Терезу; она наконецъ напала на самого папу Сикста V за переводъ Библіи на итальянскій языкъ. При сожженіи знатныхъ, присутствовалъ дворъ, со всею своей грандеццою; ихъ дома разрушали, а на пепелищѣ водружали позорный столбъ. Къ 1570 г. покончили съ реформаціей.

Тогда же взялись за „морисковъ“, какъ называли тогда крещеныхъ мавровъ. Они возбуждали зависть своимъ богатствомъ, этимъ плодомъ земледѣлія и торговли съ африканскими соплеменниками; ихъ ненавидѣли также за то, что они сохраняли свою національность, довольствуясь соблюденіемъ католическихъ обрядовъ. Имъ велѣли бросить

все національное — одежду, омовенія, бани, самыя имена и родной языкъ; даже приказано было, чтобы при свадьбахъ двери стояли открытыми настежь для всякаго испанца. Мориски возстали поголовно, не исключая женщинъ и дѣтей. Они мстили страшными жестокостями и два года защищались въ пещерахъ и ущельяхъ. Только доблесть дон-Жуана да фанатизмъ солдатъ могли сломить мятежь. Гранадцы были выгнаны поголовно, причемъ ихъ красавицы были частью распределены между солдатами, частью проданы въ рабство. Около полумилліона бѣжало въ Африку или было переселено на сѣверъ; роскошная арабская культура погибла. Встрепенулся исламъ: султанъ выслалъ блестящій флотъ. Но Филиппъ съ Піемъ V подняли крестовый походъ—и дон-Жуанъ нанесъ туркамъ первое серьезное пораженіе у Лепанто (1571).

Затѣмъ Филиппъ разгромилъ Португалію, гдѣ прекратилась династія со смертью Себастіана (1581): не обращая вниманія на національную ненависть португальскихъ массъ и на привилегіи горожанъ, онъ захватилъ страну посредствомъ іезуитовъ, продажной знати и военного насилія и отнялъ у нея старыя права, наводнивъ ее чиновниками да инквизиторами. Провинціи—Сицилія, Неаполь, Миланъ—легче поддавались фанатизму испанскихъ „губернаторовъ“, которые спѣшили нажиться, такъ какъ ихъ часто смѣняли: уломбардскихъ городовъ были отняты остатки муниципальныхъ правъ.

Но самую ужасною народной трагедіей, имѣвшею міровое значеніе, была тяжба могучаго Филиппа съ крошечными Нидерландами. Она была главнымъ очагомъ всеобщей борьбы протестантства съ католичествомъ, новаго времени съ средневѣковьемъ. Ужасы инквизиціи и „испанской фурии“, какъ называли солдатъ Альбы, подвиги голландцевъ, смерть Вильгельма Оранскаго отъ ножа іезуита,—все возбуждало міровой интересъ. Нидерландамъ помогали протестанты всѣхъ странъ — и эта земляца вышла побѣдительницей изъ неравной борьбы: въ Европѣ возникли Соединенные Штаты Голландіи (1579).

Филиппъ стремился распространить свою систему и за редѣлами своихъ владѣній. Онъ вступилъ въ союзъ съ Польшею и окатоличеннымъ королемъ Швеціи, чтобы раздѣлить Ганноверію, и поддерживалъ истребителей гугенотовъ. Но заветною мечтою Филиппа было уничтожить сѣверную зачистную протестантства — Елизавету англійскую, которой онъ сначала предлагалъ свою руку. Англичане стали при ней смѣлы, патріотичны; ихъ морскіе герои, Дрекъ и Ралей, помогали нидерландскому мятежу, гонялись за испанскими судами въ ихъ собственныхъ гаваняхъ, заводили поселенія въ Америкѣ. А инквизиторы сожигали въ Испаніи британскихъ купцовъ и даже притѣсняли посланника Англій. Наконецъ, Филиппъ рѣшился на крупный шагъ. Долго готовился онъ къ „великому предпріятію“: по всѣмъ гаванямъ тайно строили до 150 судовъ, стоившихъ десятки милліоновъ. Въ 1588 г. настала благопріятная минута. Казнь Маріи Стюартъ, завѣщавшей Филиппу большой алмазъ со своими правами на престолъ Англій, взывала къ мести — и Сикстъ V рѣшилъ о крестовомъ походѣ для низверженія „іезавели“¹³, бѣжащая пожертвовать для этого свои сокровища.

Со всѣхъ католическихъ странъ собирались благочестивые воины, съ надменными хидальгами во главѣ, вспомнившими подвиги отцовъ въ маврскихъ войнахъ. Они называли „Непобѣдимой Армадой“ невиданный флотъ, двинувшійся прямо въ Лондонъ: на немъ было до 3.000 пушекъ и 30.000 отборнаго войска, а также до 1.000 монаховъ и іезуитовъ, съ самимъ „великимъ инквизиторомъ“ во главѣ. Между тѣмъ какъ въ испанскихъ церквахъ ежедневно служили молебны, непобѣдимость Армады, съ плохими капитанами, съ трудомъ дошла до Англій. Легкія, увертливыя суденышки англичанъ, которыхъ было вдвое меньше, съ такими молодцами, какъ Дрейкъ, знавшими Каналъ, какъ свой домъ, пчелинымъ роємъ ружали грузные галіоны Филиппа и жгли ихъ брандерами; когда съ ними соединился голландскій флотъ, Армада подверглась безпримѣрное пораженіе. Она бѣжала вокругъ Шотландіи; но буря разсыпала ее до того, что нѣкоторыя суда попали въ Норвегію. Когда разбитый адмиралъ палъ къ ногамъ Дон-Жуанъ.

гамъ своего повелителя, Филиппъ сказалъ ему съ притворнымъ равнодушіемъ: „Я посылалъ васъ сражаться съ людьми, а не съ бурями и скалами“. Слѣдомъ за нимъ дерзкій Дрэкъ явился у береговъ Испаніи и ловко захватилъ Кадиксъ.

Разгромъ Армады былъ *гибелью морскаго господства Испаніи*: оно перешло къ Англіи и Голландіи. Таковы же были плоды работы Филиппа повсюду. Данія уцѣлѣла; протестанство было возстановлено въ Швеціи; во Франціи воцарился другъ гугенотовъ, Генрихъ IV. Благодаря самому Филиппу, разбившему карьеру дон-Жуана, турки быстро оправились послѣ лепантскаго погрома, про который султанъ сказалъ! „Это для насъ все-равно, что сбрить бороду; скоро вырастетъ новая“. Они начали бить испанскія эскадры и помогать африканскимъ корсарамъ, которые уже брали дань съ Филиппа. Мориски частью увеличили собой число корсаровъ, частью образовали въ горахъ Испаніи знаменитое „бандитство“,—разбойничество, которое процвѣтало также въ Неаполѣ. Въ лицѣ морисковъ Филиппъ, лишился самыхъ полезныхъ подданныхъ въ то время, какъ отъ него отложилась половина Нидерландовъ, а Португалія непрерывно волновалась и выставила четырехъ Лжесебастьяновъ. Не говоря уже про Андалузію, даже Арагонія и Португалія обвиняли, а мировое торговое значеніе Лиссабона перешло къ Амстердаму.

Испанія становилась пустыней. Прѣздъ по ней сдѣлался мученіемъ: приходилось запасаться съѣстными припасами и спать подъ открытымъ небомъ. Тогда развилось много такихъ поговорокъ: „Больше дней, чѣмъ колбасъ“. „Уже не было мѣстности, которая не нуждалась бы въ обитателяхъ; на каждомъ шагу попадались опустѣлые, заколоченные дома: словомъ, страна погибла“, говорили сами кортесы передъ смертью Филиппа. Владелец сокровищъ Америки и пол-Европы два раза прекращалъ уплату кредиторамъ и оставилъ небывалый государственный долгъ.

Такая-то картина окружала Филиппа, когда пришелъ ему конецъ. А онъ видѣлъ еще, что наслѣдникъ, сынъ отъ авст-

рячки, Филиппъ, былъ болѣзненъ, лишенъ ума и воли. Филиппъ II велѣлъ поставить у постели своей гробъ, взявъ въ руки кнутъ, которымъ бичевался подконецъ Карлъ V, сдѣлалъ мельчайшія распоряженія насчетъ своихъ похоронъ и умеръ, вперивъ взоръ въ Распятіе 1598 г.

www.libtool.com.cn

IV. Отецъ и сынъ.

Главная трагедія въ личной жизни Филиппа II связана съ именами его сына, брата и наперсника, принца Эболи. Для насъ обязательно разсмотримъ ее подробнѣе: она прямо освѣщаетъ нашъ романъ; и читатель, знающій историческую истину, оцѣнитъ степень достовѣрности Кроуфорда. Изъ этихъ трехъ ¹⁴ трагедій самая потрясающая касается первенца Филиппа II, дон-Карлоса. И она-то наиболѣе загадочна. Въ настоящее время наукъ уже удалось сорвать покровъ поэзіи и романтики съ страдальческаго лица юноши, но она устранила только сказки, историческая же правда не вся выяснена; нѣкоторыя ея стороны останутся и навсегда застланы мракомъ, за истребленіемъ документовъ. Впрочемъ это касается только мелочей. Сущность дѣла, основныя причины явленія уже уловлены историками.

Только исторія Петра I съ сыномъ возбуждаетъ такой-же жгучій интересъ. Она и похожа отчасти на описываемую трагедію. И тамъ, и здѣсь болѣзненный, неспособный юноша, вокругъ котораго, какъ наслѣдника престола, переплетаются нити политики, сцѣпляемые брачнымъ вопросомъ. И тамъ и здѣсь отецъ съ сыномъ не понимаютъ другъ друга и пылаютъ взаимной ненавистью: сынъ готовъ бѣжать на край свѣта. отъ грозныхъ очей родителя; отецъ держитъ свое дѣтище въ рукахъ. Но какая разница! Не станемъ сравнивать двухъ отцовъ: это значило бы оскорблять благородную тѣнь нашего исполина-просвѣтителя. Но въ самыхъ сыновьяхъ и ихъ положеніи мало общаго. Царевичъ Алексѣй не желалъ вмѣшиваться въ дѣла; но обстоятельства сдѣлали изъ

него зная старой Руси; онъ готовъ былъ возстановить Москву, что и оказалось при его сынѣ. Карлосъ не былъ лишенъ честолюбія, стремился къ дѣламъ, но еслибъ онъ пережилъ отца, пошелъ бы по его стопамъ: его заигрыванье съ прогрессивными силами было безсознательнымъ забѣганіемъ во дворъ волка, гонимаго своей собакой.

Сынъ Филиппа, отъ его первой жены, Маріи португальской, Карлосъ родился въ 1545 году. Его воспитывали сначала тетка Іоанна, потомъ одинъ хорошій гуманистъ; а 16-ти лѣтъ онъ немного поучился въ алкалскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ своимъ дядей, дон-Жуаномъ Австрійскимъ, и двоюроднымъ братомъ, Александромъ Фарнезэ,—тѣмъ въ послѣдствіи намѣстникомъ Нидерландовъ, который оказался равнымъ своему дядѣ и другу, дон-Жуану, по военной доблести и превосходилъ его, какъ политикъ. Но здѣсь-то началась трагедія.

До тѣхъ поръ юноша, хотя и слабенькій и своенравный, подавалъ надежды: самъ король торжественно призналъ его „инфантомъ“, т. е. наслѣдникомъ престола. Но въ Алкалѣ, въ 1562 году, онъ схватилъ лихорадку, которая уже почти не покидала его. Тогда же онъ такъ расшибся, упавъ съ лѣстницы, что пришлось сдѣлать трепанацію (выемку части черепа). Врачи—11 человѣкъ!—мучили его еще слабительными, банками, кровопусканіями.

Вскорѣ инфантъ началъ какъ будто поправляться. Филиппъ, который уже года три прибѣгалъ къ отеческимъ строгостямъ противъ строптивости сына, сталъ мягче. Онъ устроилъ ему особый дворъ и давалъ не мало денегъ. Онъ даже затѣвалъ женить его — сначала на Елизаветѣ Валуа, потомъ на его троюродной сестрѣ, Аннѣ Богемской, наконецъ, на Маріи Стюартъ.

Но въ 1565 году бѣда разразилась съ новой силой. Карлосъ уже „съ трудомъ переносилъ присутствіе отца“, говоритъ очевидецъ. Онъ возненавидѣлъ и всѣ его планы, и всѣхъ его любимцевъ. Инфантъ возставалъ противъ брачныхъ замысловъ Филиппа, а когда тотъ женился на Елиза-

ветѣ, сталъ объявлять притязаніе на ея руку, такъ какъ раньше былъ обрученъ съ ней заочно. Сердобольная, наивная Елизавета, сверстница своего пасынка по годамъ, испытывавшая на себѣ тяжелую руку Филиппа, жалѣла своего пасынка, какъ больного и забитаго брата. Отсюда поэты вывели романъ—чистѣйшую сказку, которая никогда не приходила въ голову самому Филиппу. Словомъ, въ ту пору обнаружился весь нравъ юноши, сведшій его въ безвременную могилу.

То былъ болѣзненный юноша ¹⁵ съ самаго начала. А чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже. Исчезали даже признаки дружелюбія, которые проявлялись прежде по отношенію къ дон-Жуану и благородному учителю-гуманисту. Инфантъ сталъ презирать обряды и ненавидѣть насылаемыхъ королемъ монаховъ и инквизиторовъ, хотя былъ католикомъ въ душѣ: его склонность къ лютеранству—такая же сказка, какъ и романъ съ мачихой; онъ, напротивъ, тоже мечталъ объ „истребленіи еретниковъ“. Карлосу просто становилось ненавистно все, чтò шло отъ отца. Онъ старался противорѣчить ему во всемъ, до мелочей, какъ капризное и упрямое дитя.

Отецъ усиливалъ строгости, надѣясь обуздать больного; сынъ началъ открыто возмущаться противъ его воли. Онъ возненавидѣлъ наперсниковъ Филиппа, особенно торчавшаго у него на глазахъ принца Эболи, который сталъ, съ 1565 года, его „мажордомомъ“. Карлосъ отравлялъ жизнь этому доброму, вѣжливому царедворцу.

Изо дня въ день обострялась личная ненависть между сыномъ и отцомъ. Политики тутъ не было никакой, за отсутствіемъ мыслей у больного юноши: о ней никогда не заходило и рѣчи. Правда, наконецъ, инфантъ возставалъ противъ инквизиціи, бросался къ кортесамъ, общалъ всѣмъ привилегированнымъ возстановить ихъ права, а народу—сложить подати. Но это было лишь исканіе союзниковъ противъ могучаго врага-отца: говорятъ, и у дон-Жуана мелькала иногда мысль сдѣлаться королемъ мавровъ, чтобы изба-

виться отъ деспотизма брата. Это ясно уже изъ того, что Карлосъ одинаково ластился ко взаимнымъ врагамъ—къ грандамъ и коммунерамъ, и одинаково нетерпѣлъ двухъ другихъ взаимныхъ враговъ—Альбу и Эболи. А послѣдняго онъ возненавидѣлъ больше всѣхъ „послѣ короля“ за то, что самъ открылъ ему свой планъ бѣжать, который мажордомъ конечно долженъ былъ сообщить Филиппу.

То же должно сказать о сношеніяхъ Карлоса съ мятежными нидерландцами, которыя послужили толчкомъ къ роковой развязкѣ. Карлосъ схватился за великое дѣло протестантизма, лишь какъ за средство уйти изъ опротивѣвшей тюрьмы—Испаніи и обезпечить себѣ владѣніе. Онъ не могъ не понимать того, что видѣли всѣ: король уже съ 1563 года замышлялъ лишить его наслѣдства; насмѣну уже готовъ былъ другой инфантъ, племянникъ Филиппа, австрійскій эрцгерцогъ Рудольфъ, который даже проживалъ въ Мадридѣ. Въ 1567 году, Карлосъ потребовалъ себѣ „штатгальтерства“ или намѣстничества въ Нидерландахъ, которое ему и было обѣщано еще съ дѣтства. Филиппъ притворился, будто самъ ѣдетъ туда, а потомъ послалъ въ Брюссель Альбу. Тутъ-то инфантъ совсѣмъ ошалѣлъ, бросился съ мечомъ на герцога, крича, что не пустить его въ Нидерланды.

Филиппъ собирался засадить сына въ башню, но испугался большого скандала. Королева слезно просила о помилованіи пасынка; кортесы, не знавшіе степени болѣзни инфанта, желали даже сдѣлать его регентомъ королевства, если самъ король уѣдетъ въ Брюссель. Филиппъ вдругъ сталъ милостивъ. Онъ увеличилъ содержаніе инфанта, даже велѣлъ государственному и военному совѣтамъ собираться въ его кабинетъ—впрочемъ, по пустяшнымъ дѣламъ. Наконецъ, онъ изъявилъ желаніе взять его съ собой въ Нидерланды и велѣлъ ему собираться въ дорогу.

Конечно, все это была лишь политика. Тогда-то Европа начинала понимать Филиппа. Французскій посланникъ доносилъ своему двору: „Теперь ясно, что если, въ служеб-

ныхъ дѣлахъ, Филиппъ шумить, что сдѣлаетъ то-то, это значитъ, что онъ этого не намѣренъ сдѣлать“. Озлобленный инфантъ окончательно бросился въ объятія нидерландцевъ: онъ сговорился съ ихъ посломъ, барономъ Монтиньи, насчетъ бѣгства. Вдругъ міръ испыталъ потрясеніе, которое повторилось лишь 250 лѣтъ спустя, когда узнали о разстрѣляніи герцога Ангьенскаго Наполеономъ ¹⁶; Монтиньи былъ внезапно казненъ въ мадридской тюрьмѣ! Сынъ рѣшился на отчаянное средство; отецъ отвѣчалъ тѣмъ же ¹⁷.

Карлосомъ овладѣвали припадки болѣзни, опасные для окружающихъ. Филиппъ заточилъ его въ собственномъ помѣщеніи. Вскорѣ тамъ и умеръ инфантъ ¹⁸.

V. Братья-соперники.

Судьба дон-Карлоса полна психологическаго интереса, личнаго драматизма: трагедія дон-Жуана имѣетъ историческое и міровое значеніе. Тотъ отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть: политика касалась его лишь косвенно, въ силу положенія инфанта: этотъ принималъ прямое и крупное участіе въ событіяхъ, живя въ разгаръ борьбы противоположныхъ началъ, среди великаго, бурнаго вѣка.

Годъ спустя послѣ открытія триентскаго собора, въ тѣ минуты, когда умиралъ Лютеръ, въ одномъ изъ укромныхъ уголковъ Германіи сосредоточивалась судьба міра. То былъ баварскій Регенсбургъ на Дунаѣ—городъ, кипѣвшій молодой промышленностью и новымъ просвѣщеніемъ: то былъ одинъ изъ раннихъ притоновъ нѣмецкаго гуманизма и лютеранства. Туда явился „великій императоръ“, чтобъ истребить нововѣріе. Но, противъ своего обыкновенія, онъ поддался нетерпѣнію. Онъ явился, съ ничтожнымъ отрядомъ, на сеймъ фюрстовъ, чтобы предписать имъ повиновеніе. Но среди нихъ уже оказалось много нововѣрцевъ и хорошая армія наготовѣ: они легко могли плѣнить и соборъ, и сеймъ съ самимъ императоромъ, засѣдавшій въ протестантскомъ гнѣздѣ.

Немудрено, что на овдовѣвшего тогда Карла V напала кручина, сокрушавшая его мать, Іоанну Безумную. Его успокаивала красивая вѣструха и пѣвунья, но дѣвушка грубая, невоспитанная — простая мѣщанка Барбара Бломбергъ. Черезъ годъ, въ 1547 году, когда императоръ пребывалъ въ Брюсселѣ, ему доложили, что Барбара подарила ему сына. Карлъ назвалъ мальчика Іеронимомъ (имя его любимого святого) и тайкомъ отдалъ его на кормленіе своему камердинеру Дюбуа, а Барбару выдалъ замужъ за своего придворнаго изъ нѣмцевъ. Онъ всю жизнь давалъ ей пенсію, впрочемъ довольно скудную.

Когда мальчику исполнилось три года, отецъ отдалъ его одному скрипачу своей капеллы, который проживалъ на пенсіи въ деревнѣ, близъ Мадрида. Іеронимъ расцвѣталъ здѣсь здоровымъ красавцемъ, съ умными, блестящими голубыми глазенками, съ длинными русыми кудрями, съ высокимъ лбомъ. Сильный, ловкій, смѣлый мальчикъ, онъ ходилъ въ мужицкомъ платьѣ и вѣчно возился съ своими деревенскими сверстниками, на воздухѣ, освѣжаемомъ холоднымъ вѣтромъ изъ ущелій снѣжной Сьерры Гадарамы. Каждый день онъ отмахивалъ верстъ по пяти, въ школку сельскаго пономаря. Черезъ пять лѣтъ, Іеронимъ былъ отданъ на воспитаніе гофмейстеру Кихадѣ, владѣльцу Вильягарціи, близъ Вальядолида. Здѣсь только года два шло настоящее воспитаніе: жена Кихады Мадалена, свѣтская, образованная дама, лишенная собственныхъ дѣтей, усердно внушала мальчику благочестіе, милосердіе, рыцарственное благородство; она обучила его грамотѣ, латыни и музыкѣ.

Когда Карлъ V удалился въ монастырь св. Юста, онъ призвалъ къ себѣ сына. Здоровая красота и живость мальчика года два услаждали добровольное отшельничество больного императора. Онъ былъ и при его погребеніи, въ 1558 году. Тайна его рожденія все еще соблюдалась, хотя Карлъ V призналъ свою незаконную дочь, Маргариту Пармскую. Но уже шла молва, особенно когда узнали, что покойный императоръ завѣщалъ Іерониму 30.000 дукатовъ пожизненной

пенсіи — сумма царская по тому времени. И Карль оставил документъ своему сыну Филиппу, гдѣ поручалъ ему заботы о своемъ „естественномъ сынѣ Іеронимѣ“.

Іеронимъ возвратился къ Кихадамъ, въ Вильягарцію, гдѣ продолжалъ расти воиномъ. Кихада доносилъ Филиппу, что онъ не долюбиваетъ ученье, а „очень любитъ лошадей и ловко владѣетъ копьемъ“: дон-Жуанъ всегда оставался равнодушнымъ къ наукамъ и искусствамъ.

Вдругъ 12-лѣтній мальчикъ былъ смущенъ важнымъ открытіемъ. Король прибылъ въ Вальядолидъ поохотиться, призвалъ его къ себѣ и объявилъ своимъ братомъ. Они вмѣстѣ переселились въ Мадридъ, среди ликованій народа. Король далъ брату имя *дон-Жуана Австрійскаго* ¹⁹, устроилъ ему особый „большой дворъ“ и поручилъ Кихадѣ позаботиться объ его „заброшенномъ воспитаніи“. Филиппъ II видѣлъ, что происхожденіе брата уже становилось тайной полишинеля; а въ то время на такіа дѣла смотрѣли просто ²⁰. Филиппъ любилъ ставить родственниковъ, хотя бы и незаконныхъ, между трономъ и гордыми грандами: Маргарита Пармская, была штатгальтершей Нидерландовъ.

Дон-Жуану не было и пятнадцати лѣтъ, когда братъ послалъ его въ Алкалу, славившуюся своимъ университетомъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхали учиться его племянники, дон-Карлосъ и Александръ Пармскій Фарнезэ. Дон-Жуанъ и Фарнезэ, натуры сродныя, сдружились, учась вмѣстѣ года два латыни и риторикѣ, а также увлекаясь наѣздничествомъ и птицеловствомъ. Тогда же 18-лѣтній дон-Жуанъ, узнавъ о нападеніи турокъ на мальтійскихъ рыцарей, тайкомъ уискалъ въ Барселону и, не найдя тамъ судовъ, хотѣлъ броситься черезъ Францію навстрѣчу мусульманамъ. Опять сказывался воинъ, а Филиппъ именно тогда хлопоталъ у папы о кардинальской шляпѣ для брата! Но теперь король одумался: въ 1568 году онъ назначилъ юнаго храбреца „морскимъ генераломъ“, какъ назывался у испанцевъ чинъ адмирала, и далъ ему на письмѣ многоглаголивое, педантичное наставленіе, какъ вести себя.

Унылые испанцы вострепонулись, прозрѣвъ въ юношѣ свѣжую, живую силу. И нельзя было не надѣяться. Очевидцы писали тогда: „Это—очень красивый, изящный юноша, милый во всѣхъ своихъ поступкахъ, вѣжливый, любезный; онъ очень уменъ, въ особенности же храбръ и доблестенъ, и выслушиваетъ совѣты. Онъ былъ очарователенъ, со своими русыми кудрями и гордыми усиками. У него не было соперниковъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ“ ²¹. Всѣ любовались на этого блестящаго, веселаго, правдиваго и вмѣстѣ скромнаго, преданнаго королю и папѣ рыцаря, который раздавалъ всѣмъ подарки, ибо ему „подобало давать, а не брать“; всѣ ухаживали за нимъ. Нація готовила его въ свои герои. Такимъ онъ и оказался съ перваго же шага.

Весной 1568 же года новый адмиралъ выступилъ въ море. Старый армеецъ Кихада передалъ его на руки опытнаго моряка Цуниги и толпѣ молодыхъ грандовъ, жаждавшихъ военныхъ лавровъ. Эскадра въ 33 паруса рѣшила кружить у береговъ Испаніи, охраняя ихъ отъ варварійскихъ морскихъ разбойниковъ. Здѣсь дон-Жуанъ присмотрѣлся къ морскому дѣлу и приобрѣлъ военный навыкъ. Не успѣлъ онъ отдохнуть мѣсяца два въ Вильягарціи, въ любимой семьѣ Кихады, какъ вспыхнулъ мятежъ морисковъ въ Гранадѣ. Юноша горячо просилъ короля послать его противъ этихъ „негодяевъ“, выражая гордую увѣренность, что „никто не справится съ ними лучше“.

Весной 1569 года, герой съ радостью покинулъ придворную жизнь. Онъ прибылъ, со своимъ Кихадой, въ Гранаду, во главѣ десяти-тысячнаго отряда. Испанцы сопровождали „святую“ рать, шедшую на истребленіе ислама, благословеніями, и осыпали кликами сочувствія „его высочество“, хотя король далъ брату только титулъ „превосходительства“.

Дѣло началось не важно. До іюня пришлось укрѣплять запущенныя твердыни Гранады, обучать плохія войска да собирать припасы и такихъ охочихъ людей, что имъ „приличнѣе было просить милостыню на паперти“. Филиппъ не посылалъ ни подкрѣпленій, ни даже денегъ: солдаты начинали бунтовать,

не получая жалованья. Дон-Жуанъ былъ опутанъ строжайшими, доходившими до смѣшныхъ мелочей, наказами короля и безтолковымъ, сварливымъ военнымъ совѣтомъ. Онъ плакался, что его обрекли на безславіе, на растрату даромъ своихъ юныхъ силъ.

А мориски, одушевляемые отчаяніемъ, поднимались всѣ, не исключая женщинъ, какъ одинъ человѣкъ, и хорошо вооружились, подъ начальствомъ своего новаго короля Абдаллы, который гордо написалъ на своемъ знамени: „Ни больше, ни меньше!“. Имъ помогали родныя мѣста, окруженные снѣжной Сьеррой Невадой, скалистой Альпухарой и дикой Сьеррой де-Рондой, усѣянной нагроможденными скалами, словно работой великановъ ²².

Дон-Жуанъ изнывалъ. Онъ жаловался на „дѣтскую, недостойную“ его зависимость отъ другихъ. Онъ умолялъ брата дать ему волю, чтобы, „въ его возрастѣ“, показать себя и послужить примѣромъ войску, которое „не знаетъ никакой чести и занимается только грабежомъ да дезиртирствомъ“, какъ извѣщалъ герой брата „съ немалымъ стыдомъ и печалью“. А тотъ отвѣчалъ, что, въ его возрастѣ, этотъ походъ долженъ служить ему лишь школой, и что онъ обязанъ щадить свою августѣйшую особу. Но мориски все усиливались. Они уже дерзко появлялись въ окрестностяхъ Гранады изъ Гехара—крѣпости на неприступныхъ утесахъ Невады. Филиппъ почуялъ, наконецъ, бѣду—и дон-Жуанъ получилъ полномочія, какъ генералиссимусъ, хотя лишь въ концѣ года.

Тотчасъ же Гехаръ былъ взятъ, благодаря ловкимъ обходамъ, причемъ отряды испанцевъ сообщались между собой посредствомъ огневыхъ телеграфовъ. А въ февралѣ 1570 г. уже была взята важная крѣпость Галера, причемъ дон-Жуанъ выказалъ талантъ артиллериста и инженера. Самъ онъ лично дрался такъ, что его имя уже попало въ народную поэзію, наравнѣ со сказочнымъ богатыремъ Сидомъ: Кихада вынесъ его изъ боя, когда онъ палъ, контуженный пулей въ грудь. Въ другой разъ пуля снесла шлемъ

съ его головы—въ томъ несчастномъ бою, гдѣ былъ убить его любимецъ Кихада.

Вскорѣ побѣдоносный юноша, привлекавшій уже сочувствіе врага милосердіемъ и справедливостью, извѣщалъ короля, что мориски готовы примириться, если съ ними будутъ обращаться человѣчно. Но Филиппъ былъ безпощаденъ. Съ полмилліона морисковъ гордой, богатой Гранады были выселены въ непривѣтливый мѣста, а знаменитое королевство мавровъ обратилось въ пустыню. Въ ноябрѣ 1570 г. дон-Жуанъ писалъ королю: „Сердце щемитъ при этомъ зрѣлищѣ! Что можетъ быть печальнѣе, чѣмъ обезлюдненіе цѣлаго царства?“

Дон-Жуанъ уже послѣ борьбы съ морскими разбойниками пристрастился къ морю. Его душило негодованіе при войнѣ съ какими-то мятежными „негодаями“, когда онъ уже зналъ, что состоялась Лига изъ папы, Венеціи и Испаніи для борьбы съ исламомъ. Юноша чуялъ въ себѣ расцвѣтъ силъ. Рядомъ съ трогательной скромностью, въ немъ проявлялась благородная гордость таланта. Восхваляя своихъ сподвижниковъ, онъ писалъ королю: „Меня считаютъ неисправимымъ; а мнѣ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ искреннее порицаніе“. Но онъ прибавлялъ: „Если Богъ создалъ меня не такимъ, какъ другіе, то я долженъ быть и ретивѣе къ моимъ обязанностямъ, чѣмъ прочіе“. Теперь, послѣ усмиренія морисковъ, герой былъ вправѣ требовать себѣ полного начальства надъ боевыми силами Лиги. Онъ писалъ принцу Эболи: „Теперь, когда представляется почетный случай, я хочу показать, что чего-нибудь стою. Но я, кажется, уже выросъ изъ пеленокъ; я могу, съ Божьей помощью, летать на собственныхъ крыльяхъ“.

Готовилось страшное міровое дѣло—коснуться могущества луны, стоявшей тогда въ зенитѣ, сразиться на водахъ съ турками, которыхъ еще никто не билъ на морѣ. Всякія придворныя козни должны были умолкнуть: Лига назначила юнаго героя генералиссимусомъ всѣхъ своихъ силъ—и морскихъ и сухопутныхъ, хотя Филиппъ опять опутывалъ его безконечными наказами.

Все оживилось. Знатная молодежь Мадрида бросилась къ дон-Жуану за славой. Самъ онъ съ трудомъ выхлопоталъ, чтобы ему прислали сверстника и друга, Александра Фарнезе, который томился при дворѣ, гдѣ Филиппъ, говорятъ, держалъ его заложникомъ, порукой въ вѣрности его матери. Отклонивъ всякія церемоніи, даже свиданіе съ папой, генералиссимусъ бросился искать грознаго врага и напалъ на него у Лепанто, въ 1571 году.

Столкнулись два культурныхъ міра. Свѣтъ давно не видалъ такого боя.

Дон-Жуанъ лично осматрѣлъ всѣ суда и до того воодушевилъ воиновъ, что они рвались въ бой, хотя знали превосходство непріятеля; и личные враги обнимались вокругъ знаменъ. Дон-Жуанъ поднялъ Распятіе на своемъ кораблѣ и сказалъ, указывая на него: „Вашъ генералиссимусъ—Христосъ! Поддержимъ славу вашего отечества! Пора христіанамъ отомстить за свой позоръ!“ Собственной „королевской галерой“ герой сокрушилъ турецкій адмиральскій корабль, на мачтѣ котораго развѣвалось зеленое знамя пророка. Фарнезе, какъ богатырь, одинъ вскочилъ на непріятельское судно и отбивался отъ всѣхъ, пока не приспѣла помощь.

Съ обѣихъ сторонъ падали вожди въ рукопашныхъ схваткахъ; паша былъ убитъ, дон-Жуанъ покрытъ ранами. На дни одного судна лежалъ, съ двумя ранами въ груди, 24-лѣтній хидальго, изнемогая отъ лихорадки, и умолялъ вывести его на самое опасное мѣсто. Ему дали отрядъ — и онъ дрался, какъ левъ, пока не получилъ двухъ ранъ въ грудь, пока ему не оторвало руку ядромъ. „Раны, — звѣзды, ведущія къ небу чести“, — сказалъ онъ и не давалъ перевязывать себя, пока не узналъ о побѣдѣ, поздней ночью, когда пылающія галеры освѣтили уходившія суда непріятеля, среди моря труповъ и обломковъ кораблей. Хидальго былъ Сервантесъ, назвавшій этотъ день „преlestнѣйшимъ днемъ вѣка“.

Папа сравнилъ дон-Жуана съ Іоанномъ Крестителемъ: 95-лѣтній Тиціанъ схватился вновь за кисть и нарисовалъ свою послѣднюю картину. Поэты восклицали: „Теперь—на

Іерусалимъ!“ Одинъ Филиппъ, слушавшій тогда вечерню, „остался равнодушнымъ, не выказалъ ни волненія, ни даже вниманія“, говоритъ очевидецъ. Онъ сдѣлалъ знакъ продолжать службу. Потомъ Филиппъ замѣтилъ: „Дон-Жуанъ очень отваженъ“ и замыслилъ сократить героя.

Дон-Жуанъ сталъ уже кумиромъ всего христіанства и грозой мусульманъ, которые разбѣгались при одномъ его имени. Онъ уже собирался броситься на Константинополь, откуда богатые турки бѣжали въ Азію. А пока его влекло конечно въ Мадридъ, чтобы пожать заслуженную благодарность націи и сговориться съ королемъ насчетъ новыхъ подвиговъ. Но Филиппъ послалъ ему холодную записку, безъ всякихъ наградъ. Въ ней значилось: „Я уже отдалъ приказъ, чтобы вы зимовали въ Мессинѣ; а что вы говорите про важныя сообщенія, то ихъ можно передать письменно или черезъ посредника“. Филиппъ осудилъ брата жить въ Неаполѣ, безъ дѣла, среди шпионовъ да забавъ. Лига распалась. Турецкій султанъ сталъ хозяйничать на Средиземномъ морѣ, со своимъ флотомъ.

Въ Неаполѣ герой началъ-было, отъ скуки, предаваться страсти къ блеску и итальянскимъ красавицамъ, къ турнирамъ и боямъ быковъ; но высокое честолюбіе не покидало его. Оно поддерживалось извнѣ. Папа хотѣлъ сдѣлать его королемъ Туниса; греки и албанцы звали его къ себѣ на царство; католики внушали ему мысль спасти Марію Стюартъ, жениться на ней и овладѣть короной Англіи. Самъ онъ догадывалъ, что Филиппъ, хотя и лишенный сыновей, не объявляетъ его инфантомъ. Онъ даже возмечталъ-было о французскомъ тронѣ, когда внезапно умеръ Карлъ IX, а его братъ Генрихъ запропастился въ Польшѣ (1574). Таково было непримѣрное положеніе знаменитости вѣка, въ расцвѣтѣ ея силъ.

Понятно, что Филиппа снѣдали страхъ и подозрительность: онъ не зналъ, какъ раздѣлаться съ могучимъ соперникомъ, котораго опасно было тронуть прямо, безцеремонно. Наконецъ, онъ нашелъ средство подорвать всю славу брата, да такъ, что подданные могли еще одобрить его планъ. Онъ

рѣшилъ послать его въ самое пекло—въ Нидерланды, чтобы защищать проигранное дѣло, да еще покинуть несчастнаго тамъ безъ помощи, его же обвиняя въ неудачахъ. Филиппъ не позволилъ даже брату видѣться съ собой, какъ тотъ ни добивался этого, чтобы лично условиться насчетъ столь труднаго дѣла. Дон-Жуана утѣшала только мысль, что изъ Брюсселя легче добраться до Англіи и до Маріи Стюартъ.

Въ сентябрѣ 1576 года дон-Жуанъ насильно повидался съ королемъ, который на все отвѣчалъ уклончиво, и посѣтилъ Мадалену Кихаду, которая не удержалась отъ слезъ, предвидя его гибель. Онъ сказалъ одному другу: „Нидерланды теперь—почти трупъ; моя задача—принять ихъ послѣдній вздохъ“. Затѣмъ несчастный поскакалъ черезъ Францію, переодѣвшись въ платье своего слуги и подкрасивъ волосы и бороду.

Герой ѣхалъ безъ войскъ, безъ денегъ, какъ тать. Онъ почти не спалъ около недѣли, спѣша по сквернымъ дорогамъ, чтобы избавиться и отъ разбойниковъ, и отъ подозрительности Гизовъ, и отъ гугенотовъ, которые лишь за четыре года передъ тѣмъ испытали Вареоломеевскую ночь. „Много труда и мало покоя, никогда еще я не страдалъ такъ“, писалъ дон-Жуанъ другу. А добравшись до Брюсселя, онъ нарисовалъ такую картину самому Филиппу: „Король не обращаетъ вниманія на Нидерланды, забылъ ихъ, равнодушно смотритъ на ихъ утрату. Вездѣ подданные недовольны; отовсюду несутся жалобы. Но больше всего чувствуется недостатокъ въ людяхъ: нѣтъ людей ни для крупныхъ должностей, ни для министерскихъ постовъ“.

Дон-Жуанъ сразу почувствовалъ себя, какъ рыба на сушѣ. Его окружила чуждая, непріятная среда. Явилась вздорная, назойливая мать, которой онъ не видалъ отъ роду; впрочемъ ее тотчасъ же спровадили въ Испанію, гдѣ она и умерла, 20 лѣтъ спустя. Показались эти знаменитые дворяне, дружные и упорные,—главари цѣлой протестантской, богатой и просвѣщенной націи, про которую самъ оторопѣлый Филиппъ уже говорилъ: „Они всѣ соединились про-

тивъ насъ и доводятъ до отчаянія. *Это—самая могучая сила въ міръ!*“

Дон-Жуанъ не видѣлъ основъ этой силы новаго времени—ни патріотизма, ни свѣтскихъ, матеріальныхъ интересовъ. Послѣ приема первой депутаціи гордыхъ, прямодушныхъ нидерландцевъ, онъ писалъ въ Мадридъ: „Это—точно новорожденные; вмѣсто того, чтобы преклонять колѣна, они норовятъ схватить скипетръ!“ Особенно не понималъ знатный полководецъ подъема буржуазіи, средняго класса. Онъ писалъ Филиппу: „Они утверждаютъ, что свобода совѣсти благопріятствуетъ банку и торговлѣ. У нихъ въ головѣ только выгода; они хватаются только за то, что помогаетъ ей, не думая ни о Богѣ, ни о королѣ“.

Въ этихъ словахъ—весь испанецъ, дон-Кихоть! Лепантскій герой носился съ своей средневѣковой романтикой—съ папой, съ честью да славой. Онъ рвался въ Англію, готовый жениться даже на Елизаветѣ Тюдоръ, если дѣло не сладится съ Маріей Стюартъ; а самъ чувствовалъ гнетъ далекой, но твердой и холодной воли. И передъ нимъ стоялъ такой врагъ, какъ Вильгельмъ Оранскій,—этотъ „Молчаливый“ великій дипломатъ, напоминавшій Филиппа изворотливостью и терпѣніемъ, одушевленный гражданскою свободой, зависимый только отъ воли своего народа, съ которымъ онъ сливался душой. Дон-Жуанъ сразу увидѣлъ, что „вся страна и почти каждый изъ жителей въ отдѣльности преданы ему“.

Напрасно лепантскій герой старался привлечь всѣхъ своимъ милымъ нравомъ, простотой и ласковостью, а толпу—даже удачными выстрѣлами на состязаніи арбалетчиковъ. Разница двухъ міровъ, юга и сѣвера Европы, сказалась тотчасъ же. Нидерландскіе вельможи, восхваляя новаго штатгальтера, какъ человѣка, прибавляли: „Одна только бѣда—не случилась бы вторая Вареоломеевская ночь! Дай Богъ, чтобы намъ не готовилась какая-нибудь траги-комедія. Въ мірѣ исчезли честность и вѣрность, особенно среди великихъ, которые такъ и дойдутъ до своей собственной гибели,

если только Господь не сжадется надъ ними“. А дон-Жуанъ писалъ австрійскому Габсбургу, прося у него помощи противъ мятежныхъ еретиковъ: „Свобода, которой здѣсь добиваются, есть заразительная болѣзнь, которая распространится отъ сосѣда къ сосѣду, если не остановить ея живо, въ-время“.

www.libtool.com.cn

Не понимавшій политики воинъ тотчасъ же запутался въ игрѣ опытныхъ партій. Нидерландцы уже говорили: „Вездѣ и во всемъ приходится управлять правителемъ“. Онъ самъ писалъ Филиппу: „Я качусь, прыгаю, какъ мячикъ въ игрѣ; одинъ хватаетъ меня, другой кидаетъ“. Народъ оскорблялъ его на каждомъ шагу, Оранскій побивалъ его жалкое воинство. Герой сознавалъ, что ему не справиться съ Молчаливымъ въ честномъ, открытомъ бою. „Нужно спровадить его!“ писалъ онъ въ Мадридъ. „Да, нужно покончить!“ отвѣчали отсюда. „Но очень опасно: все ищу чело́вѣчка для этого, но не нахожу“, жаловался дон-Жуанъ. Чело́вѣчка дали іезуиты, но когда кости героя уже лѣтъ шесть тлѣли въ землѣ.

Филиппъ могъ только давать такіе совѣты: у него не было ни денегъ, ни солдатъ. Да еслибъ и были, онъ не послалъ бы ихъ: онъ строилъ всякія козни противъ брата, ревнуя его къ власти. Травимый отовсюду (тогда были еще попытки убить его со стороны Англіи), дон-Жуанъ то мечталъ броситься въ Лондонъ, Эдинбургъ или къ Гизу на истребленіе гугенотовъ, то впадалъ въ отчаяніе.

Не прошло и года, какъ несчастный уже писалъ брату голосомъ умирающаго: „Мое здоровье разрушено: мнѣ 6 разъ пускали кровь и 4 раза давали очистительное; а я еще не поправился... Мнѣ уже болѣе тридцати. Жизнь коротка. Пора бы мнѣ увлечься мыслью о собственныхъ дѣлахъ. Но если я все еще хлопочу объ англійскомъ планѣ, то, главное, потому, что онъ наиболѣе полезенъ службѣ короля и церкви... Ужъ и не знаю, что дѣлать, что со мной станетъ! О, еслибъ Богъ попустилъ мнѣ, не нарушая совѣсти и долга предъ королемъ, не навлекая на себя упрека въ дѣтской трусости, разбить себѣ голову о стѣну или броситься въ бездну!

Меня до того забыли, что даже не благоволяютъ отвѣчать на мои письма... У меня нѣтъ ничего, кромѣ усталости да смерти. Я въ отчаяніи и, какъ безумный, мечтаю стать отшельникомъ". Въ его воображеніи носился истомленный обликъ отца въ монастырѣ св. Юста!

Наступилъ невыносимый 1578 годъ. Дон-Жуанъ совсѣмъ слабѣлъ. Въ его душѣ уже не было стараго задора, смѣлости, страстности, самоувѣренности: все это замѣнилось вялостью поступковъ, умѣренностью рѣчей. Въ блестящихъ геніальныхъ глазахъ теплилась грусть, самоотреченіе. Его убивало пренебреженіе брата, дошедшее, наконецъ, до зловѣщаго гробоваго молчанія. Дон-Жуанъ взялся за послѣднее средство: не спросившись короля, онъ послалъ въ Мадридъ своего наперсника, Эскобеда.

Эта личность, упоминаемая и въ нашемъ романѣ, сыграла видную роль въ жизни дон-Жуана и Переза, а также въ исторіи Филиппа II. Потомокъ бѣдныхъ дворянъ, Эскобеда (или Escovedo) былъ питомцемъ и челядинцемъ принца Эболи, который любилъ его за даровитость и добрый нравъ. Эболи пристроилъ его и ко двору, гдѣ потомъ обратилъ на него вниманіе Перезъ, этотъ преемникъ принца по близости къ королю. Когда отправили дон-Жуана въ Нидерланды, Перезъ уговорилъ Филиппа дать ему въ частные секретари этого расторопнаго юношу: они надѣялись имѣть, въ его лицѣ, главнаго шпіона при особѣ штатгальтера. Заговорщики ошиблись въ расчетѣ: Эскобеда оказался человѣкомъ искреннимъ и такимъ довѣрчивымъ, что онъ писалъ самому королю: „Ваша политика шита на живую нитку“. Штатгальтеръ и его секретарь сдружились.

Перезъ притворился другомъ друзей и предложилъ имъ шпіонить за королемъ. Прямой дон-Жуанъ хотѣлъ, чтобы его письма представлялись королю и совѣту министровъ. Перезъ отсовѣтовалъ: онъ убѣдилъ друзей, что нужно все скрывать отъ „нашего человѣка“, отъ этого „ужаснаго человѣка“, который хочетъ сгубить ихъ. Онъ совѣтовалъ потерпѣть, чтобы „не наносить ему ударовъ безъ слѣда“.

Брюссельскіе друзья изливали ему всю свою душу. А Перезъ размалевывалъ королю .посвоему донесенія испанскихъ пословъ, особенно парижскаго: онъ внушалъ ему, что и англійскій планъ, и дружба съ Гизами,— словомъ, всѣ мечты дон-Жуана направляются къ его низверженію. Онъ предложилъ ему испытывать друзей своими письмами: это-де— „единственный способъ заставить ихъ самихъ наскочить на мечъ“. Король отвѣчалъ: „Согласно съ моей теологіей, я думаю то же; и вы будете правы передъ Богомъ и свѣтомъ“. Перезъ передавалъ Филиппу всѣ посланія друзей, а тотъ дѣлалъ на нихъ помѣтки и диктовалъ отвѣты.

Въ посланіяхъ честныхъ людей не нашлось ничего преступнаго. Но внезапный пріѣздъ Эскобеда въ Испанію привелъ въ ужасъ заговорщиковъ. На его извѣстительной депешѣ Филиппъ начерталъ: „*Avant-courier* (передовой) прибылъ; необходимо поспѣшить и спровадить его прежде, чѣмъ онъ убьетъ насъ“. Эскобедо былъ отлично принятъ при дворѣ, и особенно у своего Переза. Перезъ тянулъ дѣло, надѣясь испытать наконецъ у друга что-нибудь преступное: И тщетно зывалъ покинутый дон-Жуанъ: „Денегъ, денегъ, все денегъ, да Эскобеда!“ Вдругъ дѣло ускорилося. Искренній Эскобедо, благоговѣвшій передъ памятью своего благодѣтеля, принца Эболи, вскипѣлъ гнѣвомъ, замѣтивъ связь его вдовы съ своимъ пріателемъ.

Принцесса Эболи отвѣчала оскорбленіями; Эскобедо грозилъ раскрыть глаза королю. Перезъ внушилъ Филиппу, что нужно поспѣшить, и получилъ приказъ погубить друга дон-Жуана. Два раза пускали въ ходъ ядъ на обѣдахъ у Переза, разъ—у самого Эскобеда, служанка котораго была повѣшена, когда дѣло не удалось. Наконецъ, когда, мартовскимъ вечеромъ, Эскобедо возвращался домой, переодѣтый, его уничтожили убійцы, изъ которыхъ четверо оказались челядинцами Переза. Полиція никакъ не могла разыскать палачей: они получили награды и тайкомъ были отправлены солдатами въ Сицилію.

„Вѣсть объ этомъ отняла у меня все сердце и всю силу“.

писалъ брюссельскій страдалецъ. Въ его душу прокралось ужасное подозрѣніе. Онъ писалъ другу: „Вотъ въ какой игрѣ гибнетъ наша жизнь!... Но какая корысть королю въ гибели насъ обоихъ?“ Наконецъ, онъ прямо обратился къ брату: „Но скажите же, что мнѣ дѣлать?“ — „Нѣтъ, не скажу!“ начерталъ Филиппъ на поляхъ письма, а самъ, тайкомъ отъ штатгальтера, вступилъ въ переговоры съ Молчаливымъ.

Дон-Жуанъ лихорадочно схватился за дѣла, въ лагерѣ подъ Намюромъ, гдѣ вдругъ начала свирѣпствовать зараза. Онъ, говоритъ его духовникъ, сталъ очень набоженъ и „превратилъ испанскій лагерь въ монастырь“. Онъ ходилъ за больными, утѣшалъ ихъ, раздавалъ имъ свои гроши. 17-го сентября полководецъ самъ свалился отъ заразы.

Его вынесли изъ зараженного лагеря на ближайшій холмъ, въ развалившійся сарай: Въ промежуткахъ горячки, онъ набрасывалъ приказы по арміи и письма друзьямъ, гдѣ нарисовалась вся печальная картина его жизни — и обманутыя великія надежды, и гложущее чувство обиды отъ брата-короля за самую вѣрную службу. Письма гласили:

„Его величество ни на что не рѣшается: я, наконецъ, не знаю его намѣреній. Жизнь здѣсь удѣляется намъ мгновеніями. Я кричу; но это мало помогаетъ. Благодаря страшной небрежности, дѣла скоро устроятся такъ, какъ только могъ пожелать дьяволъ. Ясно: мы покинуты здѣсь, чтобы изнывать до послѣдняго издыханія. Богъ управляетъ нами, какъ можетъ: все въ руцѣ Его... Вокругъ меня міръ въ суматохѣ. У насъ отрѣзаны руки: остается только протянуть головы подъ топоръ“.

А вотъ посланіе самому Филиппу: „Увѣряю ваше величество, здѣсь довольно дѣла, чтобы разстроить любое здоровье, любую жизнь. Я спутанъ и смущенъ. Больше жизни жажду какого-нибудь рѣшенія отъ васъ, о которомъ я молилъ васъ столько разъ. На этомъ посту наши жизни на исходѣ. Мы желаемъ только одного — покончить съ ними съ честью... Отъ заразы и голода осталось только тысячъ десять солдатъ. Остается одно изъ двухъ—или драться безъ на-

дежды на побѣду, или бѣжать, куда глаза глядятъ, съ крайнимъ безчестьемъ!“

То же писали тогда другіе, и особенно благородный Александръ Фарнезэ, котораго дон-Жуанъ назначилъ теперь своимъ преемникомъ.

Страдалецъ благочестиво приобщился Св. Тайнъ, пособоровался и сказалъ духовнику: „Теперь, батюшка, не вправдѣ ли я, не имѣющій и пяди земли на этомъ свѣтѣ, желать безпредѣльности небесъ?“ Умирающій завѣщалъ все брату, прося его вознаградить слугъ, давно не получавшихъ жалованья, да позаботиться объ его матери ²³. Два дня мучился онъ и бредилъ битвами, побѣдами. Только возгласы причта „Иисусъ, Марія!“ приводили его въ сознаніе на мгновенье. Съ этими словами онъ и умеръ 1-го октября. Часовой сказалъ: „Онъ скончался не какъ человѣкъ, а какъ ангелъ“. Духовникъ отписалъ королю: „Вся его собственность состояла изъ стараго тряпья. Онъ просилъ васъ простить, если много издерживалъ“.

Весной тѣло безвременно угасшаго героя было вырыто тайкомъ, изрѣзано на куски и провезено черезъ Францію, въ кожаныхъ сумкахъ на верховой лошади. Оно было похоронено, по королевски, въ Эскуриалѣ, подлѣ костей „великаго императора“.

Такова была кончина героя нашего романа. Но молва не переставала говорить о какомъ-то „бульонѣ“, таинственно сваренномъ врачомъ Филиппа, да о „раздушенныхъ ботинкахъ“, присланныхъ отъ брата. Излишнія подробности романтизма! Довольно того, что ни одна мечта геніальнаго юноши не исполнилась, и вся его слава даромъ пролетѣла метеоромъ: на немъ тяготѣла неумолимая десница Филиппа.

Но въ той великой драмѣ, которая называется исторіей, личное сливается съ народнымъ, частное съ общимъ, нерѣдко въ удивительныхъ, загадочныхъ сочетаніяхъ. Поэзія, эта сокровищница идеаловъ человѣчности, не даромъ овладѣваетъ такими рѣдкими образами, какъ нашъ герой. Достоинъ всякаго сочувствія дон-Жуанъ Австрійскій, какъ человѣкъ ²⁴;

трудно читать безъ слезъ одну правду объ его жизни, безъ романтическихъ прикрасъ. Но, въ случаѣ его удачи, что было бы съ началомъ новой жизни—съ терпимостью и просвѣщеніемъ? Какой адъ водворился бы на землѣ при этомъ лучшемъ изъ испанцевъ, но все-таки испанцѣ 16-го вѣка, который смѣло и твердо слѣдовалъ преданіямъ своего дома и своего класса?..

VI. Преступная чета.

Намъ остается сказать историческую правду о той четѣ, принимающей участіе въ нашемъ романѣ, которая не принадлежала къ королевскому дому, но срослась съ нимъ всею своею жизнью. Въ безшабашности ея преступленій дорисовываются нравы той жестокой поры.

Мы уже упоминали о важной роли, которую игралъ принцъ Эболи при мадридскомъ дворѣ. Сынъ португальскаго выходца, пріютившагося при испанскомъ дворѣ, Рюй (то же, что Родриго) Гомезъ де Сильва воспитывался вмѣстѣ съ Филиппомъ II: онъ былъ немного старше него, родившись въ 1525 году. Такъ судьба предназначала его на высокую чреду съ восшествія на престолъ его товарища дѣтскихъ игръ. Но Гомезъ и по своему нраву оказался образцомъ испанскаго царедворца: его называли „мастеромъ“ (maestro) искусства слу-
жить монарху.

Знатоки человѣческаго сердца вообще и придворныхъ нравовъ въ частности, венеціанскіе посланники употребляютъ такія выраженія, упоминая о Гомезѣ: „очень любезный, милый, вѣжливый (cortese), неболтливый, здравомысленный“. Человѣкъ бездарный, Гомезъ бралъ неутомимостью по службѣ, придворнымъ навыкомъ да твердостью преданій испанскаго дворянства. Въ его глазахъ, весь свѣтъ сводился къ Испаніи, которую онъ понималъ въ смыслѣ древнихъ привилегій грандовъ и клира, а Испанія олицетворялась въ королѣ, какъ въ земномъ Провидѣніи. Тѣ же свидѣтели гово-

рять: „Никакой трудъ не страшить его, когда дѣло касается службы короля: онъ преданъ королю, какъ Богу“. Всегда блѣдный, истощенный „невѣроятной усталостью“, онъ былъ олицетвореніемъ долга царедворца.

Филиппъ конечно съумѣлъ воспользоваться силами такого образцоваго слуги. „Ключникъ и спальникъ августѣйшей особы, главный казначей, государственный министр, частный секретарь короля“, Гомезъ одѣвалъ и раздѣвалъ Филиппа, спалъ въ его спальнѣ, заправлялъ всѣмъ королевскимъ хозяйствомъ и финансами Испаніи. Его обязанностью было еще мирить и успокаивать сварливыхъ, вѣчно недовольныхъ царедворцевъ да ублажать изысканной любезностью обидчивыхъ посланниковъ и спесивыхъ грандовъ. Мало того: ему поручались самыя щекотливыя, хотя и почетныя дѣла. Гомезъ ѣздилъ въ Като-Камбрези заключать знаменитый миръ, который долженъ былъ служить могилой протестантизма. Онъ же былъ назначенъ, какъ мы видѣли, мажордомомъ при дон-Карлосѣ. За всѣ эти неутомимые труды Филиппъ осыпалъ его всякими титулами — этой завѣтной, мечтой испанскаго дворянина тѣхъ временъ: Гомезъ сталъ грандомъ, подъ именемъ герцога Эстремеры и Пастраны, и принцемъ Эболи ²⁵.

Немудрено, что въ Испаніи тогда не было ему другаго имени, какъ „король Гомезъ“: испанцы называли такъ особенно чужеземныхъ выходцевъ, которымъ Филиппъ больше довѣрялъ, чѣмъ своимъ. Посланники величали Эболи и Альбу „двумя столпами, поддерживающими эту великую машину“ (испанскую монархію). Какъ водится, эти великіе мужи были соперниками: ихъ взаимная ненависть составляла тогда чуть не всю исторію мадридскаго двора. И какъ ни важенъ былъ Альба, Гомезъ одолѣлъ его. Пышный, свирѣпый герцогъ вдругъ, невѣдомо почему, очутился въ изгнаніи, гдѣ прозябалъ, „словно мертвый, цѣлыхъ десять лѣтъ“, до самой смерти. Венеціанскому дожу доносили про Гомеза: „Онъ сильнѣе всѣхъ; онъ одинъ ведетъ все“.

При такомъ положеніи, нашъ Гомезъ могъ устроить и

выгодный брак—это основное начало въ жизни тогдашнихъ грандовъ ²⁶. Въ 1552 году, когда ему было 27 лѣтъ, онъ былъ помолвленъ съ своей дальней родственницей, 12-лѣтней Анной де Мендозой. Невѣста была самая интересная. Она носила кучу знатныхъ титуловъ, и по отцу, и по матери: донья де Мендоза де Сильва и-ля-Церда, герцогиня Франкавилла, княгиня Мелито. А главное, это была единственная наслѣдница чуть ли не перваго богача Испаніи, купавшагося въ золотѣ Америки, бывшаго вице-короля Перу, дон-Діэга де Мелито, который былъ женатъ на вельможной Каталинѣ де Сильва.

Вдобавокъ дѣвочка, подростки, оказалась красавицей въ испанскомъ вкусѣ той поры — съ грубоватыми, но ослѣпительными, жгуче-чувственными чертами. „Это былъ драгоценный камень въ роскошной оправѣ природы и счастья“, говоритъ Перезъ, какъ знатокъ дѣла. Производитъ впечатлѣніе даже портретъ этой стройной женщины, съ блестящей бѣлизной лица, съ глазами черными, какъ уголь, съ волосами цвѣта воронаго крыла, съ крупными для испанки ушами, носомъ и подбородкомъ, съ большимъ ртомъ кроваваго цвѣта, съ повелительнымъ взоромъ, въ роскошномъ нарядѣ придворной модницы тѣхъ временъ ²⁸. Особенный задоръ придавала ей повязка на правомъ глазу, который она потеряла на фехтованьѣ. Немудрено, что Гомезъ, который забылъ-было про невесту, путешествуя съ королемъ въ Брюссель и Лондонъ, сразу былъ околдованъ ею, когда она повѣнчалась съ нимъ 19-ти лѣтъ (1559).

Повидимому, чета была счастлива: въ 13 лѣтъ Анна подарила своему Гомезу 10 дѣтей. Она была небезполезна ему и при дворѣ: ей удалось сдружиться съ королевой Елизаветой, хотя та была на пять лѣтъ моложе нея. Съ ея помощью, она до того возвысилась, что даже выживала изъ дворца важныхъ лицъ. Со смертью царственной подруги, положеніе доньи Анны пошатнулось. А вскорѣ, въ 1573 году, умеръ и ея мужъ.

Вдовушка убивалась, по испанскому обычаю: она уда-

лилась въ монастырь, явившись туда на мужичьей телѣгѣ. Она назвала себя „сестрой Анной-Богоматерью“. „Это — гибель обители!“ воскликнула св. Тереза, настоятельница ея же основаннаго славнаго монастыря ²⁹. Принцесса подняла тамъ цѣлую бурю своими капризами и наглымъ высокомеріемъ. Наконецъ, она выселилась въ монастырскій садъ, въ хижину, откуда прорубила дверь на улицу, къ соблазну народа, на страхъ монахинямъ. Но и оттуда неукротимая донья такъ допекала всѣхъ, не исключая самой св. Терезы, что несчастныя кармелитки разбѣжались.

Черезъ полгода Эболи уѣхала въ свой дворецъ Пастрану, чтобъ заняться хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, и пробыла тамъ три года. Здѣсь вдовушка также тиранила всѣхъ: она издѣвалась надъ дѣтьми, измучила свою мать, а по смерти ея жаловалась самому королю на отца за то, что онъ женился вновь. Напрасно ее усовѣщивали церковники: она оскорбляла и ихъ, хотя тутъ же, изъ тщеславія, совершала благочестивыя дѣла, не жалѣя денегъ.

Затѣмъ домашняя возня надоѣла: принцесса соскучилась по большому свѣту. Эболи снова очутилась при дворѣ: и здѣсь также пошла потѣха. Началась загадочная исторія уже съ самимъ королемъ, до сихъ поръ неполнѣ выясненная. Молва тогда же приписывала могущество „короля Гомеза“ не одному его раболѣпію, но и согласіемъ на уступку всѣхъ своихъ правъ своему кумиру. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что изъ всѣхъ женщинъ, окружавшихъ Филиппа, только одна принцесса Эболи имѣла даже нѣкоторое политическое вліяніе ³⁰.

Если находились люди, которые не вѣрили въ слишкомъ опасную молву, зато никто не сомнѣвался въ другомъ романѣ принцессы Эболи. Черезъ два года по смерти Гомеза, имя ея лѣтъ пятнадцать, было неразрывно связано съ именемъ новаго свѣтила при дворѣ, Антонія Переза преемника и почти питомца ея мужа.

Антоній Перезъ (Antonio Perez) былъ всего на годъ старше Анны Эболи. Онъ родился въ Арагоніи, въ Сарагоссѣ, въ

бѣдной семьѣ, и какъ-то таинственно. Подросткомъ онъ былъ принятъ въ домъ Эболи, какъ родной. Полюбившій его Гомезъ приучилъ юношу къ придворнымъ дѣламъ и даже женилъ его на знатной дѣвушкѣ; а когда Антонію исполнилось всего 25 лѣтъ, онъ пристроилъ его на свое мѣсто частнымъ секретаремъ у Филиппа (1565 г.) и передалъ ему свои сношенія съ иностранными послами. Десять лѣтъ спустя, ловкій арагонецъ замѣнилъ Гомеза и въ качествѣ мужа принцессы Анны, хотя и негласнаго.

Антоній этой Клеопатры былъ человѣкъ способный, вкрадчивый, живой, находчивый — настоящая душа свѣтскаго общества. Обладая знаніемъ свѣта и языковъ, благодаря путешествіямъ, онъ умѣлъ занять всякаго. Такой молодецъ пошелъ бы еще дальше своего тяжеловѣснаго благодѣтеля, еслибъ не самонадѣянность арагонца да крайняя юркость проходимца. Спесивый даже съ Альбой интриганъ, милостивый только съ низшими, онъ былъ тщеславенъ и алченъ. Онъ любилъ пышность, шумъ, почести, отличался изысканностью въ нарядахъ и обстановкѣ, душился до тошноты. Онъ до того предавался радостямъ жизни, что рано началъ прихварывать. Все это распаляло его страсть къ взяткамъ и богатымъ подаркамъ: даже непокорная, царственная донья Анна тотчасъ же скрѣпила свой союзъ съ нимъ 40.000 дукатовъ — цѣлое состояніе по тому времени. Вскорѣ Перезъ такъ прославился казнокрадствомъ, что даже Филиппу становилось противно. Но король не разстался бы съ человѣкомъ, который, помимо всего, злоумышлялъ съ нимъ противъ дон-Жуана, еслибъ не замѣшался въ дѣло общій злой геній въ лицѣ доньи Анны.

Принцесса Эболи отличалась всѣми качествами большой барыни, да еще богачки 16-го вѣка. Властолюбивая, надменная, самовольная до упрямства, непреклонная и нахальная до сумасбродства, привыкшая къ поклоненію, какъ кокетливая красotka и какъ придворная сила, она изображала собой типъ Мегеры въ шелку, золотѣ и бархатѣ, удачно обрисованный Кроуфордомъ. Она отличалась подозритель-

ностью, злопамятствомъ, мстительностью, дерзостью порока, дьявольскимъ сознаніемъ, что ей дозволены всякія средства для достиженія всякихъ цѣлей. Въ послѣднемъ отношеніи принцесса чувствовала себя совсѣмъ свободной: у нея не было много фанатизма, кромѣ политическаго и личнаго. Она готова была погубить кого угодно. Перезъ, подкравшійся къ ней изъ разсчета и честолюбія, сталъ ея рабомъ и жертвой: онъ сознавался, что дѣлалъ или допускалъ „все, чего только она ни желала“. И всякій, какъ онъ самъ, питалъ къ донѣ Аннѣ только чувство страха. Ее ненавидѣлъ даже жалкій дон-Карлосъ; а дон-Жуанъ презиралъ такого врага, хотя напрасно, если даже считать сказкой оскорбленное отказомъ самолюбіе чувственной Мегеры. Брюссельскій страдалецъ умеръ, не подозрѣвая, что она-то сгубила его Эскобеда.

Мы видѣли, какъ гибель друга дон-Жуана была ускорена его вмѣшательствомъ въ ея альковныя дѣла. Тутъ адскій нравъ принцессы выразился во всемъ блескѣ: избалованный нѣженка Антоніо струсилъ и отпирался; донья Анна нахально созналась, не только не страшась короля, но громко осыпая его оскорбительными словами, какъ разъяренная фурія. Затѣмъ она велѣла Перезу тотчасъ покончить съ Эскобедомъ.

Но у жертвы явился грозный мститель испанской крови, соперникъ Переза, его заклятый личный врагъ, дон-Вазкесъ (Vazques). Это былъ какой-то подкидышъ у одного каноника, способный и трудолюбивый юноша. Великій инквизиторъ взялъ его къ себѣ въ лакеи, а потомъ пристроилъ въ секретаріатъ короля. Филиппъ уже замѣтилъ расторопнаго малаго: Вазкесъ пробирался къ роли его перваго шпіона; его начинали называть „архи-секретаремъ“. Вазкесъ становился Перезу поперекъ дороги. Порохъ уже былъ готовъ: искрой послужила гибель несчастнаго Эскобеда, которая взывала къ небу о возмездіи.

Не зная о соучастіи короля въ этомъ дѣлѣ, Вазкесъ донесъ ему, что молва обвиняетъ Переза въ убійствѣ Эскобеда „изъ-за женщины“. Филиппъ, любившій ссорить

своихъ слугъ, показалъ доносъ своему Антонію: онъ не подозрѣвалъ, что, благодаря „Іезавели“ (такъ называли тогда донью Анну), подымется буря, которая мучила его до могилы и наиболѣе способствовала его опозоренію въ глазахъ потомства.

Опять вся Испанія была смущена борьбой двухъ лагерей при своемъ дворѣ, какъ во времена соперничества между герцогомъ Альбой и принцемъ Эболи. Буря росла тѣмъ болѣе, что Филиппъ не становился прямо ни на одну сторону. Онъ усиленно выказывалъ старую дружбу къ своему Антонію, успокаивалъ его и, когда тотъ хотѣлъ уѣхать, удержалъ его милостивыми обѣщаніями. Но онъ не только не трогалъ Вазкеса, а еще совѣтовалъ Перезу примириться съ нимъ. Напуганный Антоній готовъ былъ потушить скандалъ ради короля. Но не таковы были двое другихъ актеровъ драмы: они поклялись истребить другъ друга.

Неукротимая Мегера вскипѣла гнѣвомъ. Она потребовала, чтобы Филиппъ, „какъ король и дворянинъ“, защитилъ ее отъ безчестья со стороны „арабской собаки“: иначе она грозилась даже собственноручно заколотъ Вазкеса на глазахъ у своего монарха. А Вазкесъ добылъ отмѣнные „бумажки“ (*petits papiers*, какъ говорятъ французы)—шесть писемъ доньи Анны къ Антонію, которыя доказывали ихъ связь и выливали на короля цѣлый ушатъ площадной брани.

Филиппъ будто и не слышалъ всѣхъ дерзостей принцессы. Онъ сказалъ Вазкесу: „Унесите эти письма! Довольно съ меня, что эта баба (*la hembra*) оскорбляетъ меня своими поступками; не хочу слышать, какъ она оскорбляетъ меня еще словами“. Король даже совѣщался съ своимъ архисекретаремъ (тотъ велъ протоколы объ этомъ), какъ бы вступить въ переговоры, „чтобы не огорчалась баба“. А тѣмъ временемъ въ Мадридъ прибылъ кардиналъ Гранвелла, преемникъ Переза.

Лѣтомъ 1579 года король вдругъ началъ запирается со своимъ духовникомъ—знакъ, что готовится важное рѣшеніе. Наконецъ, онъ пріобшился св. Тайнъ и позвалъ Переза.

Самымъ дружескимъ образомъ работали они надъ текущими дѣлами за-полночь. Отпуская своего секретаря, король милостиво протянулъ ему руку и пообѣщалъ покончить *то* дѣло. А когда Перезъ ушелъ домой, онъ прокрался изъ дворца и спрятался на паперти церкви, противъ дома доньи Анны. Онъ видѣлъ, какъ она пробиралась къ дому Антонія: удостовѣрился и въ арестѣ преступной четы.

Захворавшаго Антонія продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ полиціи, потомъ оставили подъ домашнимъ арестомъ, но такимъ, что онъ не смѣлъ сдѣлать шагу, не могъ говорить ни съ кѣмъ. Принцессу отправили въ сохранившуюся понынѣ крѣпость Пинто, въ 15-ти верстахъ отъ Мадрида. Ея удѣломъ стала мрачная, холодная, почти безъ мебели, древняя башня, видѣвшая нашествіе арабовъ. Полгода спустя, новую царицу Тамару перевели въ другую тюрьму, близъ ея имѣній, и позволили ей видаться съ дѣтьми. Она серьезно заболѣла—и, еще черезъ годъ, пустили ее въ ея Пастрану. Филиппъ объявилъ посланникамъ: „Принцесса разоряла дѣтей и домъ Гомеза и оскорбила самого короля въ письмѣ; она никого не слушается, дѣлаетъ, что хочетъ; она неисправима“.

Чудовищная, политая невинною кровью интрига, истомившая всю Испанію, замерла. Подлѣ короля всю эту мелкоту замѣнилъ второй Альба—величавый сынъ крупнаго канцлера „великаго императора“, кардиналъ Гранвелла. Это—тотъ самый посланецъ смерти, котораго, лѣтъ за 15 передъ тѣмъ, снарядилъ Филиппъ въ Нидерланды со словами: „Лучше тысячу разъ умру, чѣмъ допущу малѣйшее измѣненіе въ нашей святой религіи!“ Гранвелла съ радостью отправился тогда усмирять, пытками инквизиціи, „лютаго звѣря“, какъ называлъ онъ народъ и нововѣріе.

То былъ, душой, второй Филиппъ: Честолюбивый, алчный, лукавый политикъ, богословъ, знатокъ языковъ и особенно человѣческихъ слабостей, кардиналъ опуталъ своего короля тѣмъ, что перенималъ его воззрѣнія, нравъ, даже привычки. Онъ старался превзойти свой идеалъ во многописаніи и кро-

потливости; по одному движенію лица схватывалъ онъ его смутную мысль и ясно излагалъ ее. Филиппъ осыпалъ его милостями, довѣрялъ ему больше, чѣмъ сестрѣ и принцу Эболи, тѣмъ болѣе, что кардиналъ былъ другомъ Альбы.

Но чудовище только замерло. Вѣдь, донья Анна была еще жива! Король даже велѣлъ ~~ослабить~~ строгій надзоръ надъ нею, далъ нѣкоторую свободу и Антонію. Забываемая принцесса могла бы, наконецъ, успокоиться, въ собственной семьѣ, отъ пяти-лѣтней грозной бури; и многіе уже хлопотали за нее у престола. Но она оказалась во-истину неисправимой. Самъ главный надзиратель за ней, одно изъ первыхъ лицъ въ государствѣ, президентъ кастильскаго совѣта, съ смущеніемъ и страхомъ доносилъ королю о томъ, что творилось въ Пастранѣ.

Тамъ опять поднялся Содомъ. Чертогъ сіялъ, оглашаясь звуками музыки, шумомъ танцевъ. Задавались пиры, „какъ въ рыцарскихъ романахъ“. Вино лилось рѣкой; золото разсыпалось пригоршнями. И всюду показывался призракъ смерти, этотъ спутникъ вельможнаго веселья въ Испаніи тѣхъ дней. Уже подросшій сынъ принцессы требовалъ отчета у порочной матери: онъ даже грозилъ зарѣзать ее изъ-за Переза и доносилъ королю на родительницу, которая оставляетъ его безъ сапогъ, а расточаетъ родовое добро на любимца. Сама донья Анна пылала еще неуголимой жадной мести своему палачу, Вазкесу, который убрался навремя въ Португалію. Подлѣ нея оказалась шайка разбойниковъ, которыми командовалъ ея родственникъ, маркизъ Фавара—этотъ „министръ ея мести“. ³¹ И Фавара уже собирался въ Португалію по слѣдамъ Вазкеса. Онъ долженъ былъ еще поддерживать тамъ злѣйшаго врага Филиппа II, одного изъ претендентовъ на лиссабонскій престолъ, который соглашался жениться на дочери принцессы Эболи.

А кругомъ, почти на безграничномъ пространствѣ, возгорались или подготовлялись страшныя трагедіи исторіи. Филиппъ снаряжалъ „великую армаду“ для смертельнаго удара протестантизму; а у него подъ бокомъ подымала

свою кровавую голову та самая анархія, которая сопутствовала началу испанскаго владычества. Опять волновался почти весь народъ, снѣдаемый жизненной тоской отъ обманутыхъ надеждъ. Снова возставали взаимные враги—и коммунеры, и гранды; вдобавокъ ковался чудовищный заговоръ милліона слишкомъ морисковъ и евреевъ, крещенныхъ подъ пытками инквизиціи. И опять подымался старинный споръ изъ-за первенства между Арагоніей и Кастиліей.

Въ такую-то пору неукротимая Мегера изо-дня въ день смущала всю страну скандалами. Общественное мнѣніе не-годовало. Всѣ опять заговорили о небесномъ возмездіи за невинную кровь Эскобеда. Явно указывали на короля, который недаромъ замялъ ужасное дѣло. А Филиппъ блѣднѣлъ, замѣчая въ Пастранѣ тѣни потайныхъ „министровъ мести“, которымъ было одинаково близко и до Альказара, и до мятежной Арагоніи, и до только-что поработщенной Португаліи.

Вдругъ доносъ: узники воспользовались облегченіемъ надзора; Перезъ въ тайной перепискѣ съ принцессой Эболи; онъ даже побывалъ у нея разъ, темной, бурной ночью. Филиппъ задрожалъ отъ страха и гнѣва. Онъ опять заперся съ духовникомъ, не разъ исповѣдался и пріобщался св. Тайнъ. Онъ рѣшилъ на отчаянный шагъ, чтобы прекратить навѣки скандальную борьбу своихъ секретарей и шпионовъ, чтобы затушить пламя, грозившее объять всю его державу. Надъ преступной четой былъ назначенъ судъ.

Но то былъ Шемякинъ судъ³². Тутъ никакому историкѣ не разобраться. Слѣдствіе велось тайно; судьи ежедневно посылали во дворецъ за наказами. Многіе документы, въ томъ числѣ пять протоколовъ допроса, истреблены; остальные—все ложь, такая же, какъ сами судьи и свидѣтели, подобранные изъ враговъ Переза. Друзей четы всячески запугивали. Самого Антонія пытали; а онъ, въ свою очередь, измышлялъ небывалые ужасы про короля. Филиппъ извивался трусилъ. Онъ велѣлъ судьямъ выдвигать порочность доньи Анны да взяточничество и казнокрадство Антонія. Онъ то совсѣмъ отпирался, то готовъ былъ объявить

правду, но сваливъ всю вину въ убійствѣ на принцессу. Измученный судья воскликнулъ: „Король то разжимаетъ мнѣ кулакъ, то опять зажимаетъ его: ничего не понимаю!“ Наконецъ, Филиппъ далъ-таки ему роковую росписку: „Смерть Эскобеда совершилась по моему уполномоченію“. Но онъ приказалъ хранить ее въ тайнѣ. Тогда же король поставилъ искупительный крестъ на могилѣ своей жертвы.

Во всемъ этомъ томительномъ дѣлѣ, тянувшемся лѣтъ пять, величіе души оказалось только у дочерей да у пренебреженной жены Переза: онѣ пошли въ мрачную тюрьму, но не выдали писемъ Филиппа къ Антонію, избличавшихъ участіе короля въ убійствѣ Эскобеда. Своего рода величіе обнаружила и принцесса Эболи. Она держала себя съ обычнымъ высокомѣріемъ, какъ особа, привыкшая, чтобъ ей повиновались и поклонялись. Она даже воскликнула, при всѣхъ, съ героической беззащитностью: „Виданное-ли дѣло, чтобы арестовывали даму моего званія за отказъ въ дружбѣ? Печально, когда господа всю жизнь остаются господами: теряешь голову, вѣчно оставаясь господиномъ!“

Судъ приговорилъ Переза, собственно за казнокрадство, къ двух-лѣтнему заключенію въ крѣпость, а также къ вознагражденію казны и даже къ возвращенію принцессѣ ея подарковъ, предувствуя такой роковой конецъ, Антоній, накануне, бросился въ одну церковь, обладавшую священнымъ правомъ азила ³³. Алькады полиціи взломали дверь, вопреки протесту великаго инквизитора, и свели его въ тюрьму. Но вскорѣ ему удалось ускользнуть (1590), переодѣвшись въ платье вѣрной жены: онъ бѣжалъ на родину, въ свободолюбивую Арагонію, которая волновалась тогда отъ нарушенія своихъ древнихъ фуэровъ.

У всѣхъ какъ гора свалилась съ плечъ: кончились долгія козни и пытки! Но Филиппъ мстилъ оставшимся. Жена Переза сгнила въ тюрьмѣ, дочери изнывали въ нищетѣ. Взялись опять и за забытую принцессу Эболи. Надъ ея имуществомъ была назначена опека. Ссылка превратилась въ строгій плѣнъ. На окнахъ Пастраны появились рѣшетки.

Особый писецъ велѣлъ дневникъ о каждомъ шагѣ узницы, до самой ея смерти. Донья Анна словно изъ-подъ земли жаловалась отъ имени дѣтей: „Мы во тѣмѣ; намъ не хватаетъ воздуха; мы задыхаемся въ мрачной, печальной, смертельной комнаткѣ!“

Безполезныя слезы отчаянія и гнѣва текли, во мракѣ, по щекамъ доньи Анны, Ея трясла лихорадка, отъ которой умерли двѣ служанки. Суровый тюремщикъ просилъ за узницу: король не сдѣлалъ даже помѣтки на поляхъ бумаги. Онъ былъ внѣ себя отъ непреклоннаго духа принцессы. Когда сынъ просилъ ея покориться, она воскликнула съ яростью негодованія: „Чтобъ я, какъ нищая, молила о справедливости? О, никогда!“ Послѣ 11-ти лѣтъ заключенія, 18 мѣсяцевъ переносила донья Анна эту предсмертную муку. Неугомонная преступная душа упокоилась навѣки въ февралѣ 1592 года, 52-хъ лѣтъ отъ роду.

Антоній былъ счастливѣй. Родина, гонимая общимъ врагомъ, увидѣла въ немъ героя своей угасающей свободы; а онъ развернулъ тутъ всѣ свои политическіе таланты—мужество, выдержку, находчивость, краснорѣчіе. Сарогосцы два раза вырывали его изъ рукъ кастильскихъ алкадовъ и инквизиторовъ. Мятежъ Арагоніи былъ послѣднимъ кровавымъ заревомъ пожара, который озарялъ конецъ Филиппа, погубившаго пышное наслѣдіе „великаго императора“. Филиппъ бросился въ гнѣздо бунта, подавилъ его въ крови и наступилъ державной пятой на маститыя хартіи фуэровъ. Но онъ не досталъ личного врага.

Перезъ бѣжалъ за предѣлы его власти и продолжалъ борьбу съ Филиппомъ, ставши совѣтникомъ Елизаветы англійской и Генриха IV французскаго. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ, потомъ поселился въ Парижѣ, гдѣ и умеръ, въ нищетѣ, въ 1611 году. Онъ мстилъ Филиппу и изъ могилы: въ 1594 году появились его записки, подъ именемъ „Донесеній“ потомству (Relaciones). Филиппъ еще успѣлъ увидѣть свою душу въ этомъ зеркалѣ, которое, хотя и было снабжено увеличительнымъ стекломъ, но по-

служило къ созданію довольно вѣрнаго взгляда потомства. Онъ конечно прочелъ здѣсь классическое выраженіе: „Король и я были *соперниками* (Zelos) по любви къ одной дамѣ. Дѣло разгорѣлось. Король воспользовался своимъ величіемъ“.

Такъ въ жизни человѣчества личныя и историческія силы сплетаются затѣйливо и таинственно. Антоній и его донья Анна, въ сущности,—ничтожества; но вѣкъ, въ которомъ они жили, и мѣсто, которое занимали они въ немъ, придали незабвенный смыслъ мелкимъ изворотамъ ихъ пошлыхъ личностей.

Оба они были не простые, а великіе преступники, въ уровень жестокой порѣ: и они сорвали съ жизни всѣ наслажденія, расплатившись за безцеремонность всѣми муками. Личность наперсника—и тоже жертвы — Филиппа сквозитъ изъ-за міровыхъ потрясеній въ Нидерландахъ и Арагоніи, въ Англіи и Франціи. А мстительности испуганнаго владыки полуміра намъ не понять, если мы будемъ топтаться на личной, романической почвѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые бытописатели.

Филиппъ II преслѣдовалъ, въ лицѣ принцессы Эболи, тотъ гордый, дон-кихотскій духъ кастильскаго дворянства, который стоилъ покоя и даже жизни многимъ королямъ. Если этотъ духъ былъ на исходѣ, то не забудемъ наслажденія побѣдителя доканать поверженнаго грознаго врага. Именно Карлу V и Филиппу II выпало на долю яростно добивать ту феодальную силу, которая столько вѣковъ тяготѣла надъ беззащитными массами.

Мы должны прибавить, что тутъ же имъ приходилось бороться и съ другой могучей силой—съ женщиной, какъ съ великимъ началомъ жизни, а не какъ съ героиней романовъ. И по обычаю, и по закону, женщина стояла въ Испаніи высоко, быть можетъ, въ odporъ ея положенію въ мусульманскомъ мірѣ. Она пользовалась и имущественными, и политическими правами. Подконецъ она выставила примѣры такого мужества, какъ королева Изабелла Кастильская и та донья Марія Пачеко, что подняла, въ 1521 году,

на стѣнахъ Толедо знамя коммунеровъ, облитое кровью ея мужа.

Столь же неустрашима и неподатлива была принцесса Эболи, эта послѣдняя представительница стараго кастильскаго дворянства. Она боролась съ самимъ Филиппомъ II, какъ равная, даже ставила ему оскорбительныя условія и заставляла его трепетать. Измученный ею президентъ кастильскаго совѣта воскликнулъ: „Ея вражда и козни цѣлыми годами доставляли первымъ государственнымъ мужамъ больше хлопотъ, чѣмъ самыя трудныя государственныя дѣла“!

VII. Жестокій вѣкъ, жестокія сердца!

Мы исчерпали трагедіи Филиппа II, которыхъ хватить еще на много романовъ, подобныхъ нашему „Дон-Жуану“. Но историкъ обязанъ помнить высшій долгъ безпристрастія—объясненіе каждой исторической личности изъ условій среды и времени. Онъ долженъ расширить картину, чтобы видѣть душу данной поры со всѣхъ сторонъ. Поднявшись для этого на высоту научнаго наблюденія, мы тотчасъ замѣтимъ великое явленіе. Враги, и именно протестанты, прозвали Филиппа II „южнымъ демономъ“. Но міръ кишѣлъ тогда демонами. Тогда былъ поистинѣ великій, но жестокій вѣкъ!

Когда мысль человѣчества, помраченная средневѣковой фантазмагоріей, озарилась блескомъ Возрожденія наукъ и искусствъ, т. е. богатой античной культуры, сердца сохраняли еще первобытное звѣроподобіе. И на такія-то поклѣнія судьба возложила страшную задачу—вдругъ сорваться съ цѣпей старины, открыть новую исторію! Отсюда потрясающее величіе 16-го вѣка. Онъ полонъ глубокихъ идей, переходящихъ за его предѣлы: здѣсь родникъ всей новой цивилизаціи, еще неисчерпанный до нашихъ дней. Онъ—образецъ геніальности: никогда не было столько вдохновеннаго творчества во всѣхъ сферахъ жизни.

Формы соотвѣтствовали содержанію. Трудно перечестъ

одни міровыя событія, которыя совершались по всему свѣту, Старому и Новому, среди самой драматичной и романтической обстановки. Еще труднѣе ознакомиться съ ихъ участниками: здѣсь насчитываются десятки однихъ великихъ именъ, не говоря о множествѣ крупныхъ дѣятелей, которые играли бы ихъ роль въ другое время. То была истинно-богатырская пора, какъ по своему добру, такъ и по своему злу. Въ ея психологической безднѣ много неразъясненнаго. Тогда въ послѣднемъ поденщикѣ исторіи сознаніе личности достигало поэтической красоты, убѣжденность доходила до рыцарства, восторженность и страстность—до демонизма. Вездѣ—ненасытность желаній и любознательности, неусыпное стремленіе впередъ: обманутая надежда становилась силой, толкая неудачника въ опасныя странствія. Вездѣ—полнота жизни. Въ этомъ смятеніи лицъ и народовъ, на порогѣ двухъ историческихъ міровъ, все—Шекспировская драма, все велико—добродѣтель и порокъ, благодѣянія и преступленія, новая жизнь (Возрожденіе, реформація) и новая смерть (Возрожденіе католичества).

Въ ту пору по міру ходилъ „всеобъемлющій человѣкъ“ (uomo universale), какъ называли себя гуманисты. Вырвавшись изъ оковъ средневѣковаго папства, личность впадала въ своеволіе. Стремленіе къ независимости доходило до чудачества. Славолюбіе превращалось въ тщеславіе, міровая скорбь космополита — въ щекотливость эгоиста, преклоненіе предъ вышедшей изъ заперти женщиной—въ чувственность; и воздержность клеймилась презрѣніемъ, какъ преступленіе противъ природы. Новый человѣкъ считалъ всякое свое желаніе священнымъ и не разбиралъ средствъ.

Рѣзкость личности особенно проявлялась на югѣ, гдѣ и теперь бушуютъ жгучія страсти и гуляетъ роковой „стилеть“ (кинжалъ), и больше всего въ Италіи, этой родинѣ гуманизма или языческаго классицизма. Здѣсь мы съ самаго начала видимъ адскій типъ „кондотьера“—мелкаго тирана, захватывающаго все, чтò плохо лежитъ, съ помощью шайки своихъ наемниковъ. Одинъ изъ нихъ написалъ на своемъ знамени:

„Врагъ Бога, благочестія и состраданія“. Но и его превзошелъ маэстро преступленій, Чезаре Борджіа. По примѣру кондотьеровъ, вездѣ были въ модѣ наемные убійцы и отравители, къ которымъ присоединились потомъ іезуиты. И между тѣмъ какъ поэты воспѣвали „прелестную месть (bella vendetta), а народъ прославлялъ „бандитство“ (разбойничество), эти заплечные мастера назывались *bravi*, т. е. молодцами. Тогда и звѣрскій типъ „Государя“ Макиавеля назывался „виртуозомъ“, т. е. доблестнымъ: его доблесть (*virtu*) покоряла сердца, какъ мощь „необычайнаго человѣка“ (*uomo singolare*), который „выше обычныхъ законовъ“, по словамъ самого папы.

А къ концу вѣка, въ описываемую нашимъ романомъ пору, подвиги мелкихъ брави стушевываются передъ массовыми преслѣдованіями морисковъ и евреевъ христіанами, нововѣрцевъ и всякихъ „еретиковъ“—католиками и инквизиторами, реформатовъ—лютеранами. То былъ вѣкъ такихъ событий, какъ Вареоломеевская ночь, Стокгольмская Баня, Разгромъ Рима, и такихъ героев ужаса, помимо „южного демона“, какъ Альба, Марія Кровавая, папа Павелъ IV, Христіанъ II датскій, Альбрехтъ Бранденбургскій, Ульрихъ Вюртембергскій. Что это были за сердца,—на это отвѣчаетъ намъ первобытная невинность. Когда, въ Америкѣ, одному царьку индійцевъ предложили креститься или умереть, онъ спросилъ: „Есть ли испанцы въ раю?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ отказался отъ жизни.

Но даже эти желѣзные сердца содрогнулись отъ драмъ, совершившихся въ двухъ фамиліяхъ вымирающей итальянской знати. Въ Римѣ, въ средніе вѣка, Орсини и Ченчи соперничали между собой въ злодѣянійхъ и богатствѣ. Теперь одинъ изъ Орсини, женатый на медичеянкѣ, влюбился въ красавицу Виргинію, жену племянника Сикста V. Онъ женился на ней, умертвивъ ея мужа, съ помощью ея же братьевъ, и заколовши свою собственную жену; а когда злодѣй умеръ, одинъ родственникъ Виргиніи завладѣлъ его наслѣдствомъ, убивши вдову и ея брата. Тогда же изъ Ченчи прославился

графъ Франческо: онъ содержалъ шайку брави, позорилъ собственную семью, загналъ въ гробъ трехъ старшихъ дѣтей. Оставались еще два сына и дочь,—15-лѣтняя красавица съ свѣтлыми кудрями, Беатриче, которую отецъ заточилъ въ замокъ, надѣясь тамъ сломить ея сопротивленіе его гнуснымъ желаніямъ. Но вслѣдъ затѣмъ Франческо былъ найденъ въ постели заколотымъ, съ гвоздями въ глазахъ. Въ его смерти обвинили жену и дѣтей. Графиня съ сыновьями созналась; но невинная Беатриче молчала подъ пытками. Она приняла на себя вину только передъ казнью, чтобы спасти свои кудри; но ихъ отрѣзали, какъ помѣху палачу. Сначала, на ея глазахъ, палачъ мучилъ ея мать и брата. Затѣмъ скатилась и головка Беатриче (1599), завѣщавшей свое имущество на приданое бѣднымъ дѣвицамъ.

VIII. Книги о дон-Жуанѣ и Маріонѣ Кроуфордъ.

Изъ всего сказаннаго читатель увидитъ, какъ важна исторія Испаніи для пониманія судебъ человѣчества. Къ сожалѣнію, ея научная разработка не стоитъ на должной высотѣ, въ сравненіи съ другими странами Европы. Строго говоря, она началась лишь съ половины прошлаго вѣка. До тѣхъ поръ приходилось пробавляться общими „исторіями Испаніи“ (*Historia de Espana*) такихъ испанцевъ, какъ *Mariana* и *Masden*, писавшіе, въ 1783—1805 годахъ, цѣлые десятки томовъ, похожихъ на сухія лѣтописи, съ прибавкой разныхъ ходячихъ анекдотовъ. Они пользовались больше преданіями, чѣмъ документами; а ихъ духъ—настоящій испанскій. Квасные патріоты, они прославляли своихъ грандовъ да „монархію“, т. е. міровое владычество; они любили „генеалогію“ или родословія—страсть, которая и теперь отражается у испанскихъ историковъ.

Какъ мы видѣли, настоящая исторія Испаніи началась съ 1850-хъ годовъ, когда были открыты европейскіе архивы, въ особенности же роскошныя сокровища Симанки. Тогда-то

явился замѣчательный *Lafuente*, написавшій дѣйствительную, критическую и документальную исторію своего отечества въ 30-ти томахъ (*Historia general de Espana*). Этотъ капитальный трудъ и теперь не утратилъ своего значенія: въ 1888 г. явилось его новое изданіе. Въ 1860-хъ годахъ возникло еще нѣсколько подобныхъ же трудовъ по политической, и именно парламентарной, исторіи Испаніи, а также лучший учебникъ г-на *Alfaro*. Въ 1890-хъ годахъ мадридская академія начала издавать „Всеобщую исторію Испаніи“, которой суждено вытѣснить почтенный, но старѣющій трудъ Ляфуэнте. Между тѣмъ и иностранцы стали посвящать свои силы на то же дѣло. Больше всего сдѣлали соплеменники, французы. Обширное сочиненіе *Rosseau Saint-Hilaire'a* соперничало съ работой Ляфуэнте и превосходило ее по свѣжести взглядовъ: въ 1879 г. закончилось его новое изданіе, въ 14 томахъ. Нѣмцы *Lembke* и *Schäfer* издали основательную „Исторію Испаніи“ въ 5 томахъ, законченную въ 1893 г., когда началъ издаваться подобный же трудъ другого нѣмца, *Diercks'a*. А въ 1895 г. появилась обширная „Исторія Испаніи“ (до Фердинанда Католика) англичанина *Burke'a*.

Между тѣмъ открытіе архивовъ вызвало обнародованіе всевозможныхъ документовъ, съ помощью академіи, ученыхъ обществъ и самого правительства: *Сильва* издалъ замѣчательное собраніе бумагъ, не уступающее подобнымъ предпріятіямъ въ Германіи, Франціи и Англіи, подъ именемъ „*Coleccion de documentos ineditos para la Historia de Espana*“; въ 1861—1885 годахъ явились многотомные „Акты кастильскихъ кортесовъ“ и „испанскихъ кортесовъ“. Немудрено, что и въ Испаніи, какъ вездѣ, выдвинулся цѣлый рядъ мелкихъ труженниковъ, которые освѣщали критически разные уголки въ бытописаніи своего отечества: возникли добросовѣстные монографіи или отдѣльныя работы по исторіи провинцій, городовъ, разныхъ сторонъ жизни народа.

Таковы, между прочимъ, любопытные труды г-дъ *Tavia* (*Historia de la civilisazion d'Espana*, 4 тома), *Borrego* (исторія кортесовъ 19-го в.), *Montesa* и *Manrique* (*Historia*

de la legislacion d'Espana, 7 томовъ), *De la Fuente* (Hist. ecclesiastica de Espana), *de-Castro* (объ испанскихъ протестантахъ). И здѣсь иностранцы принимали живое участіе. Основательны и талантливы французскія разработки новой исторіи за Пиренеями. Укажемъ на такихъ историковъ-публицистовъ, какъ *Mazade* (*Les révolutions de l'Espagne* contemporaine. 1869), *Cherbuliez* (*L'Espagne politique*. 1868—1873), *Hubbard* (*Histoire contemporaine d'Espagne*, оконченная, въ 6 томахъ, въ 1883), *Morel-Fatio* (*L'Espagne au 16 et au 17 siècle*. 1878). Французы много сдѣлали и для среднихъ вѣковъ, благодаря своему извѣстному ученому *Dozy* (*Histoire des Muselmans de l'Espagne*. 1861, 4 тома) и знатоку испанскаго искусства *Solvay*. Много потрудились и нѣмцы. Нельзя обойтись безъ такихъ дѣльныхъ авторовъ, какъ *Aschbach* (исторія арабовъ въ Испаніи), *Havemann* (15—17 вѣка), *Baumgarten* (съ революціи), *Lauser* (съ паденія Изабеллы), *Habler* (экономика 16-го в.), *Kayserling* (евреи въ Испаніи и Португаліи), *Wilkins* (испанскіе протестанты). Изъ работъ на англійскомъ языкѣ довольно упомянуть исторію Фердинанда и Изабеллы (1838, 3 тома) американца *Prescott's*.

Конечно особенно посчастливилось Карлу V и Филиппу II исторію которыхъ пришлось совсѣмъ передѣлать съ открытіемъ архивовъ. Имъ посвящали много своего времени такія силы, какъ *Ranke* (въ „*Völker und Fürsten von Süd-Europa*“, въ „*Deutsche Geschichte*“ и въ мелкихъ статьяхъ), *Prescott* (*History of the reign of Philipp II*, 1855—1858, 4 тома) и *Motley* (*Rise of the Dutch Republic*. 1856. 3 тома). Много добавили къ нимъ новѣйшіе трудолюбивые изслѣдователи—*Cabrera de Cordoba* (*Historia de Filippe II rey de Espana*. 1878, 4 тома), *Baumgarten* (*Geschichte Karls V*, не кончено; 3-й томъ вышелъ въ 1892), *Forneron* (*Histoire de Philippe II*. 1882, 4 т.), *Philippson* (*Westeuropa im Zeitalter von Ph. II*. 1882. Ein Ministerium unter Ph. II. 1895). Есть множество мелкихъ монографій, особенно у нидерландцевъ (*Gachard*, *Juste*, *Groen van Prinsterer* и др.), нѣмцевъ (*Maurenbrecher*, *Höfler* и др.) и французовъ (*Mignet*). Издано громадное количество докумен-

товъ, особенно въ Нидерландахъ. Во главѣ ихъ стоитъ переписка Карла V, которую обнародовалъ извѣстный архивистъ *Kervyn de Lettenhove*, впервые огласившій и собственныя записки великаго императора (*Commentaires de Charles-Quint*, 1862). Такую же услугу оказаль наукѣ *Gachard* своимъ изданіемъ переписки Филиппа II о Нидерландахъ (1879, 5 томовъ) и „*Lettres de Ph. II à ses filles*“ (1884). Важна также изданная въ 1888 году „*Correspondencia di Felipe II con sus embajadores en la corte de Inglaterra*“.

Остановимся на трехъ главныхъ трагедіяхъ въ жизни Филиппа II, имѣющихъ наиболѣе значенія для нашего романа. Объ нихъ написано, кажется, больше, чѣмъ о мировыхъ событіяхъ того времени. Тутъ было широкое поле для поэзіи, романтики и для всякихъ историческихъ сплетенъ, до которыхъ такъ падки люди.

Больше всего говорили и современники, и потомство, конечно, о „дон-Карлосѣ“. Для оцѣнки личности Филиппа II любопытнѣе всего, что очевидцы событій считали его палачемъ, а инфанта—жертвой. Только о причинахъ взаимной ненависти отца и сына ходили весьма смутные толки. Тѣмъ болѣе было простору для фантазіи романистовъ и драматурговъ. Ихъ конекъ, любовь Карлоса къ мачихѣ Елизаветѣ, былъ пущенъ въ ходъ съ легкой руки *Сен-Реала*, издававшего, въ 1672 году, свою „историческую повѣсть—Дон-Карлосъ“. Сначала онъ былъ схваченъ испанцами, потомъ перешелъ и къ другимъ народамъ. Наконецъ, онъ былъ возведенъ въ перлъ поэтического созданія Шиллеромъ и итальянцемъ Альфіери.

Шиллеръ назвалъ своего „Дон-Карлоса, испанскаго инфанта“ именно „драматическимъ стихотвореніемъ“. Это—рѣдкій примѣръ „поэтической вольности“ относительно исторіи. Это—какой-то хаосъ именъ и годовъ. Здѣсь принцесса Эболи влюбляется въ Карлоса, когда еще не была женой Гомеза; а черезъ нѣсколько явленій Медина Сидонія докладываетъ Филиппу о гибели Непобѣдимой Армады—и только для того, чтобы король сказалъ свою знаменитую фразу о

буряхъ и скалахъ. Здѣсь цѣлыхъ два сочиненныхъ романа—и ни слова про отношенія доньи Анны къ Филиппу, а Переза вовсе нѣтъ среди кучи ненужныхъ лицъ. Тѣ же лица, которыя оказываются въ драмѣ,—словно каррикатура дѣйствительности.

Карлосъ у Шиллера „чистая, великая душа“, въ которой Поза создалъ рай для миллионовъ: онъ „осуществить мечту о новомъ царствѣ, гдѣ возродится братство и божественная любовь“; въ этомъ принцѣ, жаждущемъ „освободить народъ свой угнетенный, зрѣетъ судьба Европы“. Такова же королева Елизавета—личность гордая, сильная, съ высшими стремленіями, съ просвѣщеннымъ взглядомъ: она „не признаетъ инквизиціи за долгъ“. Да что! На днѣ души Филиппа лежитъ такой же алмазъ великой идеи. Онъ оказывается способнымъ хоть на минуту прозрѣть, раскаяться, подчиниться „свободомыслящему человѣку“, въ лицѣ Позы, котораго называетъ своимъ „ангеломъ-хранителемъ“, спасающемъ его отъ „плутовъ“. И даже Эболи, которую самъ Шиллеръ называетъ, въ другомъ мѣстѣ, непечатнымъ именемъ, является въ драмѣ идеаломъ жгучей страсти и трагическаго раскаянія.

Нечего и говорить про главнаго героя драмы, про маркиза Позу, этого „гражданина міра и вѣковъ грядущихъ“, друга „человѣчности и свободомыслія“, врага „покоя кладбища“. Это—то же, что Чацкій въ „Горѣ отъ ума“. Но въ драмѣ Шиллера и всѣ историческія имена—лишь ярлычки общихъ страстей и разсужденій. Въ этомъ смыслѣ, нашъ поэтъ—лжеклассикъ: для него не существуетъ ни пространства, ни времени. Романтизмъ же проявляется въ живости положеній дѣйствующихъ лицъ, въ пафосѣ изящнаго языка и—смѣемъ прибавить—въ страстности протеста противъ всякихъ пережитковъ, царившихъ въ его время и уродовавшихъ его собственную жизнь.

Значеніе этого протеста лучше всѣхъ критиковъ объяснилъ самъ Шиллеръ, въ своемъ возраженіи имъ, которое онъ называлъ „Письмами о дон-Карлосѣ“. Здѣсь авторъ наивно

раскрываетъ намъ весь свой замыселъ и всю механику своего творенія. Онъ пишетъ воображаемому пріятелю:

„Вспомните, милый другъ, извѣстный разговоръ о любимомъ предметѣ нашего десятилѣтія—о распространеніи чистой, кроткой гуманности, о возможной свободѣ личности при высшемъ процвѣтаніи государства, словомъ, о самомъ совершенномъ состояніи человѣчества, насколько оно доступно его природѣ и его силамъ,—разговоръ, который погрузилъ нашу фантазію въ тѣ восхитительныя мечты, отъ которыхъ становится такъ отрадно на сердцѣ. Мы закончили тогда нашу бесѣду романическимъ желаніемъ, чтобы случай, который совершалъ и болѣе великія чудеса, въ будущемъ Юліанскомъ циклѣ послалъ какому-нибудь государю, на этомъ или другомъ полушаріи, первороднаго сына, который осуществилъ бы наши мысли, наши мечты и убѣжденія съ тою же живостью и доброй волей. То, что въ серьезномъ разговорѣ казалось простой игрой, должно, думалось мнѣ, въ такой игрѣ, какъ трагедія, превратиться въ серьезную истину. Чего не создать фантазія? Чего не напишетъ сочинитель? Нашъ разговоръ былъ давно забытъ, когда я познакомился случайно съ испанскимъ принцемъ; я скоро замѣтилъ, что этотъ даровитый юноша, можетъ быть, и есть тотъ, который осуществить нашъ планъ. Сказано, сдѣлано!.. Но какимъ образомъ можетъ дойти до этой либеральной философіи королевскій принцъ XVI в., сынъ Филиппа II, воспитанникъ монашествующаго народа, если его умъ, при самомъ своемъ пробужденіи, уже окруженъ строгимъ, неусыпнымъ надзоромъ? Видите ли, мы и объ этомъ позаботились. Судьба даровала ему друга, друга въ рѣшительные годы, когда расцвѣтаетъ умъ, воспринимаются идеалы и очищается нравственное чувство,—умнаго, сердечнаго юношу, развитіе котораго—почему мнѣ не допустить этого?—охраняла сама счастливая звѣзда, при стеченіи необыкновенныхъ, счастливыхъ обстоятельствъ, котораго какой-нибудь тайный мудрецъ его вѣка подготовилъ къ этому прекрасному дѣлу“.

Въ „Письмахъ“ встрѣчаемъ и другія прелюбопытныя при-

знанія. Здѣсь маркизь Поза оказывается олицетвореніемъ „республиканской добродѣтели, этой возвышеннѣйшей изъ идей“. Его „нравственная цѣль сродни стремленіямъ иллюминатовъ и масоновъ“. Шиллеръ сознается, что это—идеалистическое сумасбродство (Schwärmerei): „вся фантазія Позы наполнена образами романтическихъ размѣровъ; въ его душѣ живутъ герои Плутарха“. Но, для его оправданія, поэтъ готовъ на казуистику и нравоученія, которыми вообще кишитъ драма. Выходитъ, что Поза — такой рабъ свободы, что, ради нея, преспокойно и преестественно долженъ былъ совершить деспотическій поступокъ по отношенію къ Карлосу.

Отъ всего этого вѣетъ рѣзкимъ воздухомъ грозной эпохи, „періода бурь и стремленій“: „Дон-Карлосъ“ написанъ въ 1785 году; автору было 26 лѣтъ. Шиллеру казалось тогда, что все „можетъ“ или „должно“ быть. Отчего, спрашиваетъ онъ, не могъ явиться при Филиппѣ II какой-нибудь Поза? Отчего ревность не могла перевести короля „изъ неестественнаго стѣсненія его званія въ первобытное состояніе человѣка?“ Послѣ этого, конечно, отчего и не „примѣнить идей Монтескьё къ трагедіи“? Въ первой своей критикѣ (объ „Эгмонтѣ“ Гёте, въ 1788 году), Шиллеръ ставитъ закономъ пренебреженіе дѣйствительностью: въ драмѣ историческія имена должны служить поэтической истинѣ.

Въ оправданіе Шиллера, нужно замѣтить, что тогда еще не было исторической критики. Ему естественно было вѣрить въ сказки о Сцеволѣ, Курціѣ и Регулѣ. Еще легче было ему увлечься романомъ Сен-Реаля, на который онъ самъ указываетъ въ „Письмахъ“. Его поэтическому таланту дѣлается честь то, что онъ долго не писалъ историческихъ драмъ послѣ „Дон-Карлоса“; а когда снова взялся за нихъ (изъ эпохи Тридцатилѣтней войны), у него оказались и научныя свѣдѣнія, и историческое чутье.

Наконецъ, публика, бывшая на первомъ представленіи „Дон-Карлоса“, могла принять самого инфанта за какого-нибудь Сцевола. Тогда могли читать только Маріану, да и

тотъ выпускалъ лишь первые томы своей исторіи Испаніи. Въ наше время Шиллеръ, конечно, взялъ бы историческое имя для своей „поэтической истины“ изъ временъ фараоновъ или Зороастра. Дон-Карлосъ ужъ никакъ не подошелъ бы къ этой роли. Наука уже достаточно вырисовала эту личность, какъ изобразили мы ее выше. Сказка Сен-Реаля была потрясена уже въ 1817 году дѣльнымъ испанскимъ историкомъ *Ллоренте*, а еще больше, лѣтъ десять спустя, самимъ *Ранке*, *Раумеромъ* и *Прескоттомъ*. Затѣмъ, біографія инфанта была передѣлана заново, по документамъ, *Гашаромъ*, *Де-Муи*, *Варнкёнигомъ*, *Мауренбрехеромъ*, *Бюдингеромъ* и другими ³⁴.

Поэты и историки словно истощили свои силы надъ сфинксомъ, который представляла собой судьба дон-Карлоса. Они мало занимались его дядей—человѣкомъ, не менѣе несчастнымъ, но гораздо болѣе важнымъ въ историческомъ отношеніи и даже прямо замѣшаннымъ въ трагедіяхъ инфанта и принцессы Эболи. До эпохи открытія архивовъ, о дон-Жуанѣ было только двѣ книжечки, которыя мудро было и читать: онѣ были написаны въ концѣ 17-го, одна—испанцемъ, другая—нидерландцемъ. Лишь въ 1820 годахъ *Ранке*, съ свойственной ему проницательностью, указалъ, на основаніи документовъ, значеніе дон-Жуана. Такъ какъ въ этихъ первыхъ трудахъ знаменитаго историка преобладало художественное направленіе, то вышло мастерское и трогательное описаніе борьбы даровитаго, пылкаго, героическаго юноши съ холодною, педантствомъ, лицемеріемъ и низменными кознями его брата. Но у *Ранке* судьба дон-Жуана могла послужить только предметомъ блестящаго очерка, эпизода его широкой исторіи южной Европы въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ.

Къ сожалѣнію, поэты, по крайней мѣрѣ въ то время, были туги на ухо относительно науки. Въ 1835 году, во „Французскомъ Театрѣ“ былъ поставленъ „Дон - Жуанъ Австрійскій“—„комедія въ пяти актахъ“. Она принадлежала перу извѣстнаго драматурга и либретиста, Казимира *Делавиня*.

Бѣдный нашъ герой вторично испыталъ горькую судьбу. Какъ счастливъ, въ сравненіи съ нимъ, племянникъ! Если, на его примѣрѣ, Шиллеръ показалъ, до чего поэты искажаютъ исторію, зато самъ дон-Карлосъ попалъ въ герои. Сверхъ того, у Шиллера онъ послужилъ ярлычкомъ для „поэтической правды“ для высокой идеи; и онъ окруженъ главными лицами исторіи, съ самой принцессой Эболи во главѣ. А у Делявиня дон-Жуанъ оказался шутомъ гороховымъ для публики, которая любитъ „позабавиться“ (*s'amuser*). Таковы же Карлъ V, Филиппъ II, Кихада и Гомезъ. Авторъ очевидно не зналъ даже доньи Анны: онъ заставляетъ и дон-Жуана, и Филиппа II влюбиться въ одну и ту же какую-то Флориду Сандоваль—вдобавокъ еврейку! Зато онъ приплелъ ужъ не Медину Сидонію, а самого Лойолу, хотя отца іезуитовъ уже не было въ живыхъ къ тому времени: какъ видно, пьеса описываетъ событія той поры, когда Карлъ V удалился въ монастырь, хотя дон-Жуану было тогда не больше десяти лѣтъ. Этотъ мальчикъ напоминаетъ сказочнаго дон-Жуана: подлѣ него есть и свой Лепорелло. Онъ занимается только похождениями, хотя и проживаетъ одно время въ монастырѣ. Вся пьеса—цѣпь сюрпризовъ и острыхъ словъ, напоминающихъ заурядное скоморошничество. Делявинъ недаромъ взялъ эпиграфомъ слова Монтескьё: „Исторія, это—ложь, основанная на вѣрныхъ данныхъ или сочиненная по поводу ихъ“.

Съ половины прошлаго вѣка подобныхъ пьесъ уже не могло быть.

Въ 1860-хъ годахъ, когда вдругъ появились богатѣйшія изданія документовъ, особенно изъ архивовъ Симанки, Брюсселя и Венеціи, вышла первая истинно научная біографія дон-Жуана. Она принадлежала нѣмецкому профессору *Гавеману*. Такъ какъ ему приходилось, прежде всего, бороться со сказками поэзіи и сплетнями публицистовъ, то его трудъ получилъ отгѣнокъ облегченія многогрѣшной души мадридскаго брата. Но авторъ заявляетъ: „Съ моей стороны требовалось нѣкоторое самопринужденіе, чтобы быть спра-

ведливымъ къ такому человѣку, какъ Филиппъ II. Трудно было довольствоваться доказанными данными, которыя, правда, подтверждали и обманъ, и убивающую всякое человѣческое чувство холодность, и даже жестокость, но въ то же время отвергають вѣковѣчныя обвиненія, лишенныя всякаго основанія“.

Гавеманъ установилъ научный взглядъ на дон-Жуана. Но его небольшая книжка не могла углубляться, во многія частности вопроса, для которыхъ тогда не было еще достаточно матеріала. Эту задачу выполнилъ англичанинъ *Стирлингъ-Максвелъ*, лѣтъ 20 спустя ³⁵. Богатый лордъ, Стирлингъ посвятилъ всю свою жизнь и отчасти состояніе на изученіе эпохи испанскаго владычества. Онъ собралъ замѣчательную библіотеку по этому предмету, особенно изъ испанскихъ книгъ, и цѣлую галерею пояснительныхъ картинъ и гравюръ; у него образовалось и полное собраніе портретовъ дон-Жуана. Издавъ сначала „Жизнь Карла V въ монастырѣ“ и рядъ мелкихъ изслѣдованій, Стирлингъ занялся жизнью дон-Жуана. Надъ этой работой онъ и умеръ. Друзья издали его „Дон-Жуана Австрійскаго“, въ двухъ большихъ роскошныхъ томахъ, снабженныхъ множествомъ рисунковъ. Здѣсь съ любовью собраны мельчайшія подробности о жизни героя и приведено много новыхъ документовъ. Послѣ этого изданія трудно сказать что-нибудь новое о дон-Жуанѣ: одна надежда—на Симанку, гдѣ еще не всѣ семь печатей сняты.

Другая участь постигла третью трагедію въ жизни Филиппа II. Исторіей Эболи и Переза занимались давно: тутъ не оберешься разныхъ изданій, а также и всякихъ романтическихъ сплетенъ. Дѣло началось съ мести Переза въ потомствѣ. Современники долго считали Филиппа правымъ въ дѣлѣ преступной четы, объясняя все лишь требованіями высшей политики. Но когда появились *Relaciones* Антонія Переза, почти всѣ повѣрили, что „южный демонъ“ руководился ревностью изъ-за доньи Анны, и что дѣло объ Эскобедѣ послужило ему лишь орудіемъ мести „сопернику“ (*zelos*). Впрочемъ сами испанцы, понятно, избѣгали ставить точку

на і. Ихъ историки 16—17 вѣковъ намекали только, что король вдругъ возненавидѣлъ своего любимаго секретаря нето по „неизвѣстнымъ“, нето по „извѣстнымъ тайнымъ“ причинамъ. Впервые заговорилъ о донѣхъ Аннѣ патеръ *Миніана*, лѣтъ полтораста спустя послѣ событія; но и онъ прибавлялъ, что „истинная причина никогда не откроется“.

Смѣлѣе думали другіе народы, въ особенности французы, падкіе до будуарныхъ скандаловъ. Во Франціи даже такой серьезный историкъ, какъ *д'Обинье*, стоялъ за показанія Переза, принимая ихъ въ прямомъ смыслѣ. Но особенно схватился за „соперника“ современникъ событій, чрезвычайно популярный рассказчикъ *Брантомъ* ³⁶. Въ своей „Жизни дон-Жуана“ онъ раскрывалъ интриги доньи Анны сначала съ однимъ Филиппомъ, потомъ и съ Антоніемъ. Послѣ этого уже и испанцы стали на всеобщую точку зрѣнія: *Gregorio Leti* даже прибавилъ, что Гомезъ зналъ тайну своей жены и короля: сердце любящаго мужа было принесено въ жертву честолюбію царедворца. Этимъ взглядомъ овладѣла вся поэзія, вплоть до драмы *Gutzkow'a: Philipp und Perez*. Онъ легъ и въ основаніе приговоровъ новыхъ историковъ въ 1840—1860-хъ годовъ—испанцевъ *де-Кастро* и *Пидалья* и особенно француза *Минье* ³⁷.

Въ 1870-хъ годахъ, когда вообще у историковъ, подъ преувеличеннымъ вліяніемъ новыхъ документовъ, разгоралось желаніе „реабилитировать“, обѣлять память слишкомъ мрачныхъ героевъ, показалось противодѣйствіе общепринятому взгляду. За дѣло взялись такіе маэстро исторической науки, какъ *Ранке* и *Ляфуэнте*; къ нимъ на помощь пришло муравьиное прилежаніе ученика, испанца *Муро*, добросовѣстно перерывшаго источники до мелочей ³⁸. Они рѣшительно отвергали „соперничество“ записокъ Переза. Но съ тѣхъ поръ опять началъ преобладать прежній взглядъ. Блестящія догадки *Минье* подтвердилъ точнымъ документальнымъ изложеніемъ почтенный ученый *Морель-Фатіо*, *Гавеманъ*, *Стирлингъ* и самъ испанскій академикъ *Кановасъ* считаютъ романъ доньи Анны и Филиппа II дѣломъ доказаннымъ ³⁹.

Намъ остается сказать два слова о нашемъ романѣ и его авторѣ. „Дон-Жуанъ Австрійскій“ посвященъ одному отрывку изъ исторіи испанскаго могущества. Раньше англійскій романъ какъ бы подготовилъ почву Кроуфорду. Лордъ Литтонъ (Bulwer) обрисовалъ ростъ этого явленія до Карла V включительно, въ своей „Лейлѣ“ (или „Осада Гранады“). Вліяніе знаменитаго романиста, быть можетъ, дѣйствовало прямо на нашего автора. Но Кроуфордъ ограничился скромною, исключительно романической задачей. Онъ взялъ только любовь дон-Жуана къ Долоресѣ Мендозѣ: его романъ называется „Во дворцѣ короля (In the palace of the king). Любовная исторія стараго Мадрида“. Авторъ даже выхватилъ всего одну ночь изъ этого своеобразнаго быта, которую должно приурочить приблизительно къ 1570 году, когда дон-Жуану было 23 года. И нужно подивиться романисту, какъ онъ сѣмѣлъ, въ такихъ узкихъ рамкахъ, живо и полно изобразить придворные нравы вѣка и довольно вѣрно очертить главныя дѣйствующія лица. Не забудемъ, что относительно самого предмета романа, любовной интриги, исторія давала ему лишь слабые намеки.

Кроуфордъ, съ никогда не измѣняющимъ ему художественнымъ чутьемъ, искусно провель, въ теченіе одной ночи, всю шекспировскую гамму страстей. Онъ далъ волю своему психологическому анализу, хватаясь за него при всякомъ случаѣ, и особенно углубляясь въ женское сердце: иногда онъ даже немного увлекается этой задачей, расплывается. Но всегда его психологія картинна, патетична, своеобразна; и она согрѣта человѣчнымъ сердцемъ, проникнута возвышенной душой. Печальная участь слѣпой и шута, прискорбные, правдивые портреты „паука“ и Мегеры, идеальный обликъ юнаго героя въ тенетахъ Альказара, — все это созданія поистинѣ художественныя. Благородная душа художника сказывается, помимо тонкости наблюденій, и въ стремленіи къ психологическимъ обобщеніямъ, и въ страстномъ, красивомъ слогѣ, который не такъ-то легко передать въ переводѣ. Иногда Кроуфордъ высказываетъ, въ красивой формѣ, глу-

бокія и неожиданныя истины. Сегодня онъ поражаетъ васъ пафосомъ и почти мистицизмомъ, завтра—забавнымъ юморомъ и почти легкомысленнымъ взглядомъ на жизнь: таковы его „Три судьбы“ („The three fates“), гдѣ, между прочимъ, сильно досталось его собратьямъ, американскимъ романистамъ.

Романисты-психологи, такъ-сказать, нутренники, обыкновенно слабы съ внѣшней стороны. У Кроуфорда, въ этомъ романѣ, какъ и въ другихъ, много занимательности и въ смыслѣ интриги, дѣйствія. Онъ довольно естественно ставитъ своихъ героевъ въ затѣйливыя положенія, которыя напрягаютъ вниманіе читателя до того, что трудно оторваться отъ книги, не добравшись до конца. Внѣшній интересъ поддерживается неувядающей свѣжестью красокъ, тонкихъ эпитетовъ, смѣлыхъ сравненій съ природой. Англичане относятъ Кроуфорда къ столь излюбленному ими разряду „хватающихъ за живое“ (sensational) романистовъ.

Кроуфордъ и самъ человѣкъ живой. Горячій спортсменъ, онъ любитъ игру жизни, приключенія, особенно морскія забавы: это—патентованный въ Америкѣ мореплаватель и яхтъ клубистъ. Онъ вѣчно передвигается: онъ отлично знаетъ и Европу, и Америку, и Ост-Индію; его адресъ—и въ Нью-Йоркѣ, и въ Сорренто. Отъ него трудноѣе получить письмо, чѣмъ даже отъ юркаго вѣчнаго странника, Марка Твэна ⁴⁰.

Кроуфордъ такъ-же быстро пишетъ, какъ и живетъ. Ему теперь только 48 лѣтъ; а онъ уже натворилъ много. Сынъ итальянскаго ваятеля, онъ воспитывался въ Соединенныхъ Штатахъ, учился восточнымъ языкамъ въ Кембриджѣ, женился на дочери американскаго генерала, много странствовалъ чуть не по всѣмъ частямъ свѣта, писалъ во всякія газеты, издавалъ въ Аллагабадѣ „Indian Herald“. Все это—до 1880-хъ годовъ, до 25-лѣтняго возраста.

Въ 1882 году явился его первый романъ „Мистеръ Исаакъ“, сразу обратившій вниманіе на автора своеобразиемъ, живостью и искреннимъ глубокомысліемъ; онъ переведенъ у насъ. Господинъ Исаакъ—восточный человѣкъ,

магометанинъ, влюбленный въ англичанку! Его устами авторъ отлично излагаетъ буддизмъ. За „Исаакомъ“ послѣдовалъ опять весьма любопытный романъ, съ философской подкладкой—„Докторъ Клавдій“. Въ немъ англичанамъ понравились разныя изреченія, вродѣ такого: „Женщина—та же религія: или бери ее на вѣру, или уходи“. Съ тѣхъ поръ, не говоря уже о кучѣ повѣстей и рассказовъ, явилось еще много романовъ Кроуфорда, и между ними съ дюжину такихъ видныхъ, какъ „With the Immortels“, „Zoroaster“, „American Politician“, „Paul Patoff“, „The Witch of Prague“, „Via Crucis“, „The Children of the king“ и др. Нашъ романъ написанъ авторомъ въ Нью-Йоркѣ, въ 1900 году. Въ настоящее время онъ переводится во французской газетѣ „Temps“.

А. Трачевскій.

С.-Петербургъ. 23 марта 1902.

www.libtool.com.cn

ГЛАВА I.

Двѣ сестры и одна любовь.

Двѣ молодыя дѣвушки сидѣли въ высокой, но очень тѣсной комнатѣ стараго мавританскаго ¹ дворца, куда король Филиппъ II перенесъ свой дворъ, послѣ того какъ окончательно сдѣлалъ Мадридъ ² своей столицей.

Стоялъ ноябрь мѣсяцъ. Время было послѣполуденное. Въ комнатѣ царилъ полумракъ и было холодно: свѣтъ пробивался сквозь два высокихъ окна, расположенныхъ на сѣверъ, и цѣлое утро моросилъ дождичекъ. Камни во дворѣ мѣстами просыхали; но небо походило на гладкій свинцовый сводъ, опустившійся надъ городомъ, расположеннымъ къ сѣверу. А этотъ городъ былъ мраченъ, сыръ и безмолвенъ, точно вся его жизнь скрылась гдѣ-то глубоко въ землѣ, подалеже отъ рѣзкаго холода и пронизывающаго тумана.

Меблировка комнаты была скудная; по то немногое, что въ ней находилось—рѣзной столъ, стулья съ высокими спинками, бронзовый чеканный каминъ—носило печать эпохи начала Возрожденія искусства ³. На стѣнѣ висѣли широкіе ковры со смѣлыми рисунками, изображавшими зеленые лѣса, населенные всевозможными видами животныхъ, въ самыхъ неестественныхъ положеніяхъ, пристально разсматривающихъ другъ друга, точно они были поражены безконечнымъ изумленіемъ.

Пониже ковровъ, вокругъ всей комнаты тянулась рѣзная орѣховая обшивка; дверь была также забрана орѣхомъ и красовалась косяками изъ того-же темнаго дерева, поддерживавшими капители, имѣвшія видъ курчавыхъ листьевъ акантуса ⁴. На капителяхъ покоился карнизъ, образовавшій надъ дверью высокую полку, на которой были правильно расположены три расписныя итальянскія вазы. Наполненные лепестками послѣднихъ лѣтнихъ розъ, вазы были

тщательно закупорены, чтобы не дать улетучиться их нѣжному аромату: цвѣты медленно созрѣвали въ нихъ для будущаго употребленія. Кучка бѣлой золы, подъ которой, въ обширномъ каминѣ, все еще тлѣли горячіе уголья, распространяла немного теплоты въ холодной комнатѣ.

Двѣ дѣвушки сидѣли у противоположныхъ концовъ стола. Одна изъ нихъ держала въ рукѣ длинное гусиное перо, а передъ нею лежало нѣсколько большихъ листовъ бумаги, мелко исписанныхъ. Ея глаза медленно скользили по строчкамъ; отъ времени до времени она дѣлала поправки. Читая, она шевелила губамъ, но не произносила ни единого звука. По временамъ, слабая улыбка придавала очарованіе ея лицу, причемъ и глаза ея вспыхивали; но она вдругъ исчезала, и дѣвушка снова принималась читать усердно и заботливо, словно дѣло поглощало всю ея душу.

Она блистала той красотой, которою и теперь иногда отличаются испанки, но которая встрѣчалась гораздо чаще въ былыя времена. У нея были золотистые волосы, глубокіе, сѣрые глаза, гордые черты лица, нѣжная бѣлая шея и изящныя ушки—признакъ знатнаго готскаго происхожденія⁵. Когда улыбка сбѣгала съ ея губъ, выраженіе лица ея дѣлалось печальнымъ; подчасъ нѣжный румянецъ исчезалъ съ ея щекъ, и она становилась такъ блѣдна, что казалась почти хрупкой. Тогда нѣжныя ноздри⁶ ея чуть замѣтно трепетали, а изогнутыя губы сжимались, словно стараясь не выдавать тайны. Впрочемъ это случалось рѣдко: обыкновенно же взглядъ ея былъ спокоенъ, а выраженіе рта ласковое.

Лицо ея выражало скорѣе религіозность, женственную выносливость и чувствительность, чѣмъ дѣятельную и властительную силу. Дѣвушка была дѣйствительно вполне развившейся женщиной: ей было болѣе двадцати лѣтъ. Но блескъ перваго дѣвчества все еще облекалъ ее. И если въ глазахъ ея можно было замѣтить нѣкоторую печаль, то легко было догадаться, что это—плодъ сердца: причиной ея были не внезапное несчастье, не подавляемое горе, а общая всей молодости тайна—любовь. Марія Долореса де-Мендоза испытала всевозможные женскіе страхи за любимаго человѣка и питала большія надежды, какъ бываетъ всегда въ началѣ любви; но она не знала ни горя, ни разочарованія, ни стыда за себя или

не перегибайте книг при чтеніи.

за него, ни всякихъ отравъ любви. Она считала невозможнымъ, чтобы подобныя непріятности исходили изъ вѣрнаго, преданнаго сердца: и она была права.

Человѣкъ, которому она отдала сердце и душу, на котораго возлагала всѣ свои надежды, самъ отдалъ ей сердце и душу; если она боялась за него, то вовсе не оттого, чтобы онъ могъ забыть ее или совершить безчестный поступокъ. Добрый, вѣрный, онъ могъ считаться лучшимъ изъ людей; но то былъ воинъ и полководецъ, которому приходилось ежедневно подвергаться, въ бояхъ, такой-же опасности, какъ тотъ Дугласъ, чѣмъ бросилъ шлемъ съ сердцемъ Брюса въ густые ряды враговъ, чтобы обратно отвоевать его или погибнуть ⁶.

Человѣкъ, котораго она любила, былъ дон-Жуанъ Австрійскій, сынъ великаго почившаго императора, Карла V, дядя почившаго дон-Карлоса ⁷, единокровный братъ короля Филиппа испанскаго. Она любила человѣка, который стяжалъ славу на сушѣ и на водахъ. Онъ вторично отвоевалъ у мавровъ Гранаду, причемъ выказалъ храбрость своего прадѣда Фердинанда ⁸, но безъ его жестокости. Онъ одержалъ побѣду при Лепанто ⁹. И за все это онъ заслужилъ ненависть брата да смерть отъ яда,—это неизгладимое пятно на исторіи Испаніи.

Наступилъ ноябрь; а въ іюнѣ прошлаго года дон-Жуанъ выѣхалъ изъ Мадрида, чтобы усмирить свирѣпое возстаніе морисковъ противъ жестокаго правленія испанцевъ. За часъ до отъѣзда, среди свѣжести ранняго лѣтняго утра, онъ распрощался съ Долоресой де-Мендозой на той уединенной террасѣ надъ покоями короля, гдѣ они такъ часто встрѣчались. Здѣсь росли, въ большихъ глиняныхъ горшкахъ, почти дикія розы, посаженные въ давнія времена рукой какой-нибудь мавританки. Долореса могла незамѣтно пробираться сюда со своей слѣпой сестрой, вѣрной ея помощницей, подъ предлогомъ дать бѣдной дѣвушкѣ подышать свѣжимъ, тихимъ воздухомъ.

Инеза, глубоко сознававшая свое горе, страдала не только отъ своей слѣпоты, но и отъ всего, чѣмъ можетъ тревожить чувствительное, одаренное пылкимъ воображеніемъ существо. Она была совершенно слѣпа и не имѣла никакого представленія о свѣтѣ, хотя и родилась зрячей, какъ другія дѣти. Она лишилась зрѣнія отъ

скарлатины. Мать она потеряла при самомъ рожденіи; отецъ то-и-дѣло отлучался надолго изъ-за походовъ: слѣпая оставалась на рукахъ безсердечной няньки. А нянька, любившая хорошепъкую маленькую Долоресу, втихомолку мучила младшую дѣвочку, увѣряя ее, какъ только она была въ состояніи понимать что-нибудь, будто она до того безобразна, что ее можно считать почти уродомъ.

Потомъ, когда нянька ушла, а Долореса подросла, эта дѣвочка приложила всѣ старанія, чтобы залечить жестоку ю рану. Она всячески убѣждала сестру, что у нея шелковистые темные волосы, грустное и миловидное лицо, съ закрытыми глазами, и нѣжный ротикъ, который вздрагиваетъ скорбно и трогательно, когда что-нибудь тревожить ее; а ее легко было встревожить.

Всегда блѣдная, Инеза имѣла привычку держать голову выше, чѣмъ зрѣліе; а такъ какъ она была довольно высокаго для женщины роста, стройна и хорошо сложена, то эта привычка придавала ей величественный, почти горделивый видъ, особенно когда она чувствовала себя оскорбленной или задѣтой за живое. Но рана была глубока и неизгладима: Инеза ужъ никогда не могла вполне повѣрить, что внѣшность ея не производитъ отталкивающего впечатлѣнія, а тѣмъ болѣе думать, что временами она блистала духовной, воздушной красотой.

Изъ всѣхъ страданій, испытываемыхъ слѣпыми, едва ли не самое острое состоитъ въ невозможности узнать, говорятъ ли имъ правду насчетъ ихъ внѣшности. Кто постарается и съумѣетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что значитъ быть слѣпымъ отъ рожденія, тотъ пойметъ, что это—плодъ не тщеславія, а извѣстнаго рода недоувѣрія къ себѣ, къ которому слѣдуетъ относиться снисходительно. Раньше всего необходимаго для жизни, раньше всѣхъ благъ, раньше путей къ истинѣ, Богъ создалъ свѣтъ. Много острыхъ страданій, много ужасныхъ болѣзней и горя приходится терпѣть въ жизни, многое терзаетъ тѣло и душу; но затѣмъ страданія минуютъ или смягчаются, человѣкъ выздоравливаетъ или же находитъ успокоеніе въ смерти. Изъ всего же того, что длится цѣлую жизнь, не лишая жизни, самое ужасное — это безнадежная тьма. Невѣжество и ярость мы называемъ слѣпотой; мы говоримъ, что человѣкъ ослѣпъ отъ горя.

Инеза сидѣла у другого конца стола, напротивъ сестры, и прислушивалась. Она знала, что дѣлала Долореса, знала, что ея сестра писала письмо въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, отъ времени до времени, маленькими отрывками, съ тѣмъ, чтобы сунуть его своему возлюбленному изъ рукъ въ руки, при первомъ же свиданіи, или же, вложивъ въ перчатку, уронить, а, пожалуй передать его черезъ посредство проворныхъ рукъ слѣпой.

Вѣдь, Инеза всегда помогала обоимъ влюбленнымъ. И дон-Жуанъ Австрійскій былъ ласковъ съ нею, разговаривалъ, когда было возможно, а ее, иногда водилъ когда она была въ незнакомой комнатѣ. Долореса знала, что ей возможно будетъ обмѣняться съ нимъ развѣ однимъ только словомъ, когда онъ вернется; что терраса теперь мрачна и влажна, розы поблекли; что отецъ тревожится на ея счетъ и способенъ на отчаянный поступокъ, если бы онъ увидѣлъ ея возлюбленнаго разговаривающимъ съ ней въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не можетъ ни видѣть, ни слышать ихъ.

Старый Мендоза зналъ свѣтъ и дворъ, а потому предвидѣлъ, что, рано или поздно, для дон-Жуана Австрійскаго готовится бракъ съ особой королевской крови, и что даже если бы Долореса обвинчалась съ нимъ, то нашлись бы какіе-нибудь способы для расторженія этого брака; а тогда домъ его будетъ опозоренъ. Кромѣ того, Мендоза былъ преданъ королю тѣломъ и душой, готовъ былъ пожертвовать десять разъ жизнью, по одному слову своего монарха, и считалъ государственной измѣной сомнѣніе въ безупречности мыслей или поступковъ своего государя. То былъ непреклонный старикъ, испанецъ временъ величія Испаніи, безстрашный, гордый, нетерпимый, для котораго честь Испаніи была кумиромъ. Онъ былъ способенъ чувствовать нѣжность только къ своимъ дѣтямъ, которыхъ любилъ горячо, но съ примѣсью строгости и жестокости, когда затрагивалась его власть. А это могло обратить любовь отца въ невыносимое бремя для молодой дѣвушки, одаренной нѣжнымъ сердцемъ. Если же предметомъ такой любви является сынъ, то рано или поздно возникаютъ жестокія ссоры и поселяется отчужденіе на всю жизнь.

Такъ и случилось. У нашихъ дѣвушекъ былъ братъ, гораздо старше ихъ, Родриго. Отецъ обращался съ нимъ, какъ съ мальчиш-

кой, до тѣхъ поръ, пока сынъ не потерялъ терпѣнія и не ушелъ изъ дома искать счастья по свѣту, какъ многіе дѣлали въ его дни; онъ ушелъ бѣднымъ дворяниномъ, чтобы отличиться въ арміи, рядомъ съ людьми такими же храбрыми, какъ онъ, такъ же жаждавшими снискать почести на полѣ брани. Потомъ, точно желая поступать во всемъ не такъ, какъ отецъ, онъ примкнулъ къ дон-Жуану и считался его другомъ.

Мендоза боялся, чтобы сынъ его не помогъ дон-Жуану вступить въ бракъ съ Долоресою. Но на этотъ счетъ онъ ошибался: Родриго былъ такой же истый испанецъ, такъ же дорожилъ честью своего имени, какъ и его отецъ. Хотя въ его глазахъ дон-Жуанъ былъ идеаломъ воина и принца, однако Родриго скорѣе позволилъ бы отрѣзать себѣ правую руку, чѣмъ передать ему письмо, надъ которымъ Долореса такъ долго трудилась. Долореса знала это: она боялась брата и старалась скрыть отъ него свою тайну.

Инеза знала все и боялась отца и брата, какъ за сестру, такъ и за себя самое. Такъ, въ этой распавшейся семьѣ, отецъ былъ противъ сына, а дочери заключили союзъ противъ нихъ обоихъ,—союзъ, основанный не на ненависти, а на страхѣ, и вызванный любовью Долоресы къ дон-Жуану Австрійскому.

Пока сестры сидѣли у стола, снова пошелъ дождь.

Нѣсколько минутъ крупныя капли бѣшено стучали въ окна. Стекла были тяжелыя, круглыя, зеленовато-желтаго цвѣта, дутыя, съ пузырькомъ посерединѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная выдувательная трубка отдѣлилась отъ расплавленной массы ¹⁰. Было совершенно невозможно ясно различать что-нибудь сквозь подобныя окна; а когда небо покрывалось тучами и моросило, лишь слабый свѣтъ проникалъ въ комнату, которая, какъ только проходилъ дождь, снова становилась холодной и сѣрой.

Инеза долго сидѣла неподвижно, опершись локтемъ на столъ, прислонивъ подбородокъ на сложенные руки, нѣсколько приподнявъ слѣпое лицо, прислушиваясь къ скрипу пера сестры и къ шелесту переворачиваемой бумаги. Она вздохнула, сдѣлала движеніе и снова опустила руки на столъ съ безпомощнымъ, почти отчаяннымъ видомъ, откидываясь на спинку рѣзнаго стула.

Долореса тотчасъ же взглянула на нее: она привыкла помо-

гать ей во всѣхъ, даже малѣйшихъ ея нуждахъ, и выказывать ей дѣятельное сочувствіе.

— Что такое?—спросила она нѣжно.—Тебѣ что-нибудь нужно, дорогая?

— Ты скоро кончишь?

Самый голосъ дѣвушки выдавалъ ея слѣпоту. То былъ нѣжный, низкій голосъ; онъ звучалъ нерѣшительно; въ немъ такъ и слышалось стремленіе къ чему-то, вѣчно неудовлетворенное, но часто будто близкое къ недостигаемому. Тутъ отражалось еще вѣчное сомнѣніе человѣка, отъ котораго можно скрывать, что угодно или молчаніемъ, или какимъ-нибудь изворотомъ въ словахъ. Каждое мимолетное чувство надежды или страха, удовольствія или страданія—все передавалось быстро смѣняющимися звуками этого голоса. Въ немъ слышалось и довѣріе, и безпокойная осторожность. Онъ то возвышался, то понижался, смотря по тому, сильнѣе или слабѣе билось чуткое сердце Инезы. Онъ доносился изъ міра, лишеннаго свѣта, гдѣ только звуки имѣютъ значеніе, только осязаніе доставляетъ увѣренность.

— Да—отвѣтила Долореса.—Я скоро кончу: мнѣ остается только прочесть полстраницы.

— А зачѣмъ же ты перечитываешь?—спросила Инеза.—Развѣ ты измѣняешь написанное? Развѣ сейчасъ ты не чувствуешь точно такъ же, какъ когда писала?

— Нѣтъ, я чувствую гораздо сильнѣе! Я и ищу лучшихъ словъ. И все-то кажется мнѣ такимъ ничтожнымъ, такъ плохо выраженнымъ! Мнѣ хотѣлось бы высказать то, чего никто никогда не высказывалъ... и много, много чего... Онъ будетъ смѣяться... О, нѣтъ, нѣтъ! Онъ не можетъ смѣяться надо мной. Но письмо мое покажется ему ребяческимъ: да, это такъ. И зачѣмъ я написала его! Какъ ты думаешь, отдавать ли ему это письмо?

— Что мнѣ сказать на это?—безнадежно отвѣтила Инеза.—Ты не прочла мнѣ. Я не знаю, что тамъ сказано.

— Я говорю, что люблю его такъ, какъ еще никто никого не любилъ—отвѣтила Долореса.

И эти ея правдивыя слова, казалось, затрепетали собственной жизнью. Потомъ она умолкла на минуту, глядя на написанныя стра-

ницы и не видя ихъ. Инеза не двигалась и, казалось, еле дышала. Долореса снова заговорила, бессознательно прижимая обѣ руки къ бумагѣ, лежавшей передъ ней на столѣ.

— Я сказала ему, что люблю его и буду любить вѣчно; что буду жить для него, умру ради него, готова страдать изъ-за него, служить ему. Вотъ что ~~высказала~~ ~~я~~ ~~ему~~ ~~сп~~ еще гораздо *больше*.

— Больше? Вѣдь, и этого довольно. Но и онъ любитъ же. Нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы ты не могла обѣщать ему и чего бы онъ не могъ обѣщать тебѣ, да не только обѣщать, но, полагаю, и исполнить. Но *больше*? Что могла ты сказать ему еще?

— Нѣтъ ничего, чего бы я не сказала, если-бы только могла подобрать слова.

Голосъ ея былъ такъ полонъ жизненной силы, что, рядомъ съ неувереннымъ голосомъ сестры, онъ казался солнечнымъ свѣтомъ подлѣ луннаго.

— Ты найдешь слова при свиданіи съ нимъ, сегодня вечеромъ—медленно проговорила Инеза.—И они будутъ лучше всего, что ты могла написать. Ну, такъ я отдамъ ему письмо?

Долореса быстро взглянула на сестру, такъ какъ послѣднія слова прозвучали какъ-то принужденно.

— Право, не знаю—отвѣтила она.—Какъ могу я знать, что случится, даже гдѣ я съ нимъ увижусь?

— Ты сейчасъ увидишь его въ окно. Я уже слышу, какъ часовые строятся, чтобы встрѣтить его: и ты... ты увидишь его въ окно.

Голосъ Инезы вдругъ оборвался, словно что-то душило ее. Она повернулась бокомъ на своемъ стулѣ, какъ будто для того, чтобы лучше вслушаться: она сидѣла спиной къ свѣту.

— Я стану передавать тебѣ—мягко сказала Марія Долореса.—Тебѣ будетъ почти все такъ ясно, какъ будто ты сама видѣла.

— Почти...

Произнеся одно только это слово, Инеза быстро прервала разговоръ и встала со стула. Въ знакомой ей комнатѣ она двигалась смѣло, какъ зрячая. Она подошла къ окну и начала прислушиваться. Долореса тоже приблизилась къ окну и стала у нея за спиной.

— Что съ тобой, дорогая?—вскрикнула она.—Въ чемъ дѣло? Что огорчило тебя? Скажи!

— Ничего—отвѣтила слѣпая.—Ничего, милая моя! Подумалось мнѣ только, какъ я буду одинока, когда вы вступите въ бракъ, а меня отиравятъ въ монастырь или въ нашъ старый противный домъ въ Вальядолидѣ ¹¹. www.libtool.com.cn

— Я съ тобой не разстанусь!—воскликнула Долореса, обнимая сестру одной рукой.—Они никогда не отымутъ тебя у меня! И если я когда-нибудь, много лѣтъ спустя, выйду замужъ, ты всегда будешь съ нами: я всегда буду заботиться о тебѣ, какъ забочусь теперь.

Инеза вздохнула и прижалась лбомъ и слѣпыми глазами къ холоднымъ стекламъ окна, почти вырвавшимся изъ объятій сестры. А тамъ, внизу, подъ ихъ окномъ, слышался топотъ тяжелыхъ ногъ: то строились отряды пѣшей гвардіи. Воины двигались по широкой площади, въ своихъ стальныхъ шлемахъ и панциряхъ, неся на плечахъ алебарды, украшенныя кисточками. Раздавалась рѣзкая команда офицера. Ливень прекратился, но моросилъ мелкій дождикъ, и стекла оконъ совсѣмъ помутнѣли отъ внезапно наступившаго холода.

— Видно-ли тебѣ что-нибудь?—спросила вдругъ Инеза шопотомъ.—Мнѣ кажется, я слышу звукъ далекихъ трубъ.

— Ничего не видно: стекло помутнѣло. Ты ясно слышишь трубы?

— Да, кажется... Да, да, теперь я слышу ихъ ясно.

Она помолчала, потомъ прибавила вполголоса:

— Онъ приближается.

Долореса прислушивалась. Но, не обладая почти сверхъестественною тонкостью слуха слѣпыхъ, она не слышала ничего, кромѣ топота солдатъ внизу и прерывчатаго дыханія сестры возлѣ себя: Инеза сдерживала дыханіе, чтобы яснѣе слышать далекіе, слабые звуки.

— Открой окно!—почти рѣзко сказала она.—Я увѣрена, что слышу звукъ трубъ.

Своими нѣжными пальцами она ощупывала задвижки почти съ лихорадочной торопливостью. Долореса помогла ей и широко открыла окно. Далекіе звуки торжественнаго марша плыли волнами надъ влажнымъ городомъ.

Долореса вздрогнула. Лицо ея просіяло отъ радости, а свѣжія губки чуть открылись, словно она старалась унестись звуками, вмѣстѣ съ холоднымъ воздухомъ. Стоя возлѣ нея, Инеза медленно блѣднѣла, придерживаясь за раму окна и крѣпко сжимая ее рукою.

Ни та, ни другая не чувствовали холода. Сѣрые глаза Долоресы широко открылись, когда она пристально смотрѣла по направленію къ городу, туда, гдѣ начиналась аллея, ведущая къ дворцу. А Инеза, слегка нагнувшись, повернулась ухомъ въ ту же сторону, какъ будто она не хотѣла проронить ни одной нотки изъ музыки, возвѣщавшей, что дон-Жуанъ Австрійскій возвращается побѣдоносно, живъ и невредимъ, изъ своего продолжительнаго похода на югъ.

Постепенно звуки приближались, одинъ за другимъ, все яснѣе и громче, дышащіе радостью. Сначала были слышны только высокія ноты кларнетовъ; потомъ менѣе рѣзкіе звуки трубъ слились съ ними въ складную мелодію; наконецъ низкія басовыя ноты роговъ точно отбивали тактъ, такъ что воздухъ сотрясался какъ бы слабыми ударами грома. Офицеры на копяхъ командовали, обмѣнивались короткими фразами, легкимъ галлопомъ отправлялись на свои мѣста, затѣмъ, минуто спустя, снова возвращались, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія. Ихъ блестящія, и золотомъ оправленные латы и богатая сбруя коней походили на перлы, сверкающіе тамъ и сямъ въ сѣроватой мглѣ; а темно-красные и желтые мундиры гвардейцевъ красовались съ трехъ сторонъ садикъ, образуя широкую цвѣтную кайму.

Долореса могла видѣть командовавшаго этими отрядами отца, къ которому офицеры подъѣзжали за приказами. Серьезный старикъ сидѣлъ неподвижно и прямо на своемъ ворономъ конѣ. Онъ носилъ коротко подстриженную сѣдую бороду и былъ одѣтъ весь въ черное, за исключеніемъ тяжелыхъ позолоченныхъ латъ и шелковаго шнура поверхъ нихъ, который тянулся отъ плеча до рукоятки меча. Долореса слегка отшатнулась: ей не хотѣлось, чтобы онъ замѣтилъ, какъ она глядитъ сверху изъ окна, съ цѣлью привѣтствовать возвращающагося побѣдителя. Услыша дыханіе сестры, Инеза осмыслила ее вопросы.

— Что случилось? Ты видишь его? Онъ здѣсь?

— Нѣтъ, это нашъ отецъ тамъ, внизу, верхомъ на конѣ. Онъ не долженъ видѣть насъ.

И Долореса отодвинулась еще дальше въ углубленіе окна.

— Но ты ничего не увидишь—тревожно заговорила Инеза.— Какъ сможешь ты передать мнѣ, т. е. я хочу сказать, какъ можешь ты видѣть что-нибудь въ того мѣста, гдѣ стоишь?

Долореса тихо засмѣялась; но этотъ смѣхъ такъ и дрожалъ отъ ожиданія близкаго счастья.

— О, я отлично вижу,—вѣдь, окно открыто настѣжъ, ты знаешь.

— Да, знаю!

Инеза оперлась спиной о стѣну возлѣ окна, опустивъ руки съ видомъ полнымъ безнадежности. Простой отвѣтъ сестры больно затронулъ ее, которая никогда не увидитъ ничего: ее огорчило то счастье, которое слышалось въ дрожащемъ отъ радости голосѣ Долоресы.

Музыка раздавалась все громче и громче. Вдругъ къ ея звукамъ присоединились радостные клики толпы, подпѣвающей маршъ вмѣстѣ съ трубами, привѣтствующей дон-Жуана. Вотъ толпа прорвалась съ улицы въ открытую аллею и ея голоса, заглушили звукъ кларнетовъ. Воздухъ былъ потрясенъ единодушнымъ торжествующимъ кликомъ.

— Вотъ онъ! вотъ онъ!—повторяла Инеза, наклоняясь изъ окна и хватаясь за каменный косякъ.

Но Долореса не слыхала ея словъ, заглушенныхъ криками толпы. Тучи разступились къ западу и сѣверу; а когда полуденное солнце стало опускаться все ниже къ горизонту, онѣ совсѣмъ исчезли, и свѣтъ въ одно мгновеніе озарилъ мрачное зимнее небо. Долореса неподвижно стояла у окна, облитая свѣтомъ, точно изваяніе изъ перламутра и золота въ каменной рамѣ. Въ то время, какъ небо озарилось солнечными лучами, шествіе, подвигаясь впередъ, оттѣснило народъ. Трубы снова загремѣли звонко; а латы трубачей горѣли, точно движущіеся огни, предшествуя высокому знамени, которое тихо раскачивалось въ рукахъ знаменосца, медленно подвигавшагося на своемъ конѣ.

Все ближе подвигались, все ярче блестѣли знамена, сверкавшія вооруженія, штандартъ, торжественные ряды побѣдоносныхъ воиновъ;

громче и громче звучали трубы. И все выше подымались тучи надъ заходящимъ солнцемъ. Половина населенія Мадрида шла впереди; остальные тѣснились позади шествія. Всѣ пѣли, кричали, привѣтствовали. Потокъ яркихъ цвѣтовъ и свѣта образовалъ струю, струя стала рѣкой: и вотъ, среди этого прилива славы, появился молодой побѣдитель, дон-Жуанъ Австрійскій, и пустилъ своего коня къ воротамъ дворца.

Конные трубачи разступились передъ нимъ на обѣ стороны; а знаменосецъ побѣдителя направилъ свою лошадь налѣво отъ штандарта короля, который держался правой стороны. Дон-Жуанъ, сидя на своей сѣрой арабской кобылицѣ, остался одинъ во главѣ своихъ воиновъ и привѣтствовалъ короля, своего брата, опустивъ мечъ и преклонивъ голову. Въ послѣдній разъ звонко раздались звуки трубъ; затѣмъ опять и опять слышались крики толпы, потрясавшія воздухъ, точно громъ, которому отвѣчало эхо сотрясенныхъ стѣнъ дворца. Въ ту минуту король Филиппъ, стоя на балконѣ надъ воротами, отвѣчалъ на привѣтствіе дон-Жуана мановеніемъ руки, слегка склонившись надъ каменными перилами.

Долореса де-Мендоза забыла и объ отцѣ, и обо всемъ, что онъ могъ сказать ей: она стояла у открытаго окна, смотря внизъ. Ей давно уже снилось по ночамъ это мгновеніе; она днемъ имѣла видѣнія; она много разъ представляла себѣ эту картину, какова она, по ея мнѣнію, должна была быть. Но дѣйствительность превзошла и сны ея, и грезы. Она досыта наслаждалась тѣмъ блаженствомъ, которое вообще рѣдко перепадаетъ на долю женщинъ и тѣмъ болѣе рѣдко бываетъ удѣломъ молодыхъ дѣвушекъ: она наслаждалась зрѣлищемъ того, какъ ея возлюбленный, самъ горячо любящій ее, возвращается торжествующій домой, послѣ тяжелой борьбы, въ качествѣ полководца и побѣдителя, несмотря на свою первую молодость; она видѣла, что онъ—кумиръ воинственнаго народа, средоточіе боевой славы.

Послѣ привѣтствія королю, дон-Жуанъ все еще сидѣлъ нѣкоторое время на своемъ конѣ. Онъ глянулъ вверхъ, какъ будто безсознательно, привлеченный взглядомъ той, которая привѣтствовала его горячѣе всѣхъ. Онъ встрѣтился съ ней взоромъ и улыбнулся ей глазами, хотя лицо его не измѣнилось ни одной чертой. Но

старый Мендоза, неподвижный на своемъ сѣдлѣ, прослѣдилъ его взглядъ и замѣтилъ его. Онъ охотно прославлялъ бы молодого полководца вмѣстѣ съ его лучшими друзьями, онъ сражался бы подъ его начальствомъ и за него не хуже другихъ храбрецовъ; но въ эту минуту онъ былъ бы радъ, если-бъ дон-Жуанъ Австрійскій упалъ мертвымъ съ коня у него на глазахъ.

Дон-Жуанъ, неторопясь, слѣзъ съ коня и направился къ воротамъ, когда король удалился съ балкона. Онъ былъ весьма изящень обладатель вріятнымъ обхожденіемъ. Роста онъ былъ не малаго, но казался выше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, благодаря соразимѣрности своего сложенія. Коротко остриженные золотисто-каштановые волосы вились на его маленькой головѣ, оставляя лобъ открытымъ, выдѣляя бѣлизну кожи и подвижность чертъ. Маленькіе усы оттѣня и его губу, не скрывая его еще дѣтскаго рта; бороды онъ тогда еще не носилъ. Онъ часто улыбался; выраженіе его рта было скорѣй беззаботно и добродушно, чѣмъ твердо. Вся сила его лица сосредоточивалась въ его рѣзко очерченной челюсти, а все выраженіе—въ глубоко сидящихъ, пламенныхъ голубыхъ глазахъ, въ которыхъ свѣтились подчасъ гнѣвъ, а подчасъ чисто жепственная пѣжность.

Онъ былъ одѣтъ въ изящный, но не бросающійся въ глаза военный нарядъ того времени, состоящій изъ красивыхъ латъ съ насѣчками, отдѣланныхъ золотомъ, черныхъ бархатныхъ рукавовъ, широкихъ штановъ изъ бархата и шелка, такихъ короткихъ, что они не доходили до колѣнъ. Ноги его были обуты въ узкіе чулки и кожаные сапоги, сдѣланные на подобіе поножей, такъ что они застегивались отъ колѣнъ до щиколотки. На плечи былъ наброшенъ короткій вышитый плащъ, а на головѣ—широкая бархатная шапочка, украшенная черными и желтыми перьями Австрійскаго дома ¹².

Когда дон-Жуанъ приблизился къ воротамъ, многіе друзья подошли къ нему съ привѣтствіями; онъ всѣмъ имъ протягивалъ руку, всѣхъ дарилъ улыбкой и добрымъ словомъ. Только старый Мендоза не спѣшилъ: онъ ни на шагъ не подвинулъ впередъ своего коня. Дон-Жуанъ, осмотрѣвшись кругомъ, прежде чѣмъ вступилъ въ ворота, увидѣлъ его суровое лицо и привѣтствовалъ рукой отпа

своей Долоресы; но старикъ притворился, будто не замѣтилъ этого, и не сдѣлалъ отвѣтнаго привѣтствія.

Кто-то въ толпѣ придворныхъ тихонько засмѣялся. Старикъ Мепдоза не измѣнился въ лицѣ. Но онъ, вѣроятно, вдругъ сжалъ коленями бока лошади: его черный конь безпокойно задвигался и пытался стать на дыбы. Дон-Жуанъ остановился. Глаза его выпыхнули. Выраженіе ихъ стало жесткимъ, прежде чѣмъ успѣла сойти съ его губъ улыбка: онъ старался отыскать въ толпѣ того человѣка, смѣхъ котораго послышался ему. Послѣднее оказалось невозможнымъ; и онъ, съ задумчивымъ, суровымъ видомъ, продвинулся въ ворота, сопровождаемый радостными кликами толпы.

Долореса все видѣла и слышала изъ своего высокаго окна. Она слѣдила за каждымъ движеніемъ дон-Жуана, за каждымъ измѣненіемъ его лица. Она точно все передавала сестрѣ до тѣхъ поръ, пока не раздался тихій, отрывистый, но звывительный смѣхъ. Инеза также слышала этотъ смѣхъ: желая слышать голосъ дон-Жуана, она высунулась далеко въ окно, опираясь на каменный косякъ. Она отскочила назадъ и издала звукъ, похожій на жалобный крикъ.

— Кто-то смѣется надо мной! — воскликнула она. — Кто-то смѣется оттого, что я стараюсь посмотреѣть!

Долореса тотчасъ-же привлекла сестру къ себѣ. Она начала цѣловать ее, успокаивать, какъ испугавшагося ребенка.

— Нѣтъ, дорогая, нѣтъ! Это совсѣмъ не то. Я видѣла, что случилось. Никто не смотрѣлъ на тебя, моя милочка! Знаешь, что вызвало смѣхъ? Меня этотъ смѣхъ тоже огорчилъ. Онъ улыбнулся и привѣтствовалъ рукой нашего отца; а тотъ не обратилъ на него никакого вниманія. Отсюда смѣхъ. И смѣялись также надо мной: вѣдь, тому человѣку, который засмѣялся, хорошо извѣстно, что отецъ не желаетъ нашего брака. Видишь, дорогая, это совсѣмъ не тебя касается.

— А онъ въ самомъ дѣлѣ посмотреѣлъ на насъ, когда ты сказала мнѣ?

— Кто? Человѣкъ, который засмѣялся?

— Нѣтъ! Я хочу сказать...

— Дон-Жуанъ? Конечно. Онъ взглянулъ вверхъ и улыбнулся,

какъ онъ часто улыбается мнѣ,—одними глазами; а лицо его оставалось серьезнымъ. Онъ вовсе не измѣнился: только видъ у него болѣе рѣшительный; и онъ сталъ еще красивѣе, сплѣтѣе, мужественнѣе! Всякій разъ, какъ я его вижу, онъ становится лучше!

Но Инеза не слушала ея.

— Стоитъ жить, стоитъ быть слѣпой—заговорила она вдругъ—чтобы слышать, какъ народъ привѣтствовалъ его, когда онъ приближался! Ты все можешь видѣть, а потому не понимаешь, какое значеніе имѣютъ звуки для меня. Но одну минуту, только одну минуту, я видѣла свѣтъ... да, видѣла яркій свѣтъ предъ глазами. Я не грежу. У меня забилося сердце и закружилась голова. Это навѣрно былъ свѣтъ. Какъ ты думаешь, Долореса, возможно-ли это?

— Не знаю, дорогая—пѣжно отвѣтила Долореса.

Когда день сталъ клониться къ вечеру, и обѣ сестры сидѣли вмѣстѣ въ сумеркахъ, Долореса долго и задумчиво вглядывалась въ лицо слѣпой: Инеза любила дон-Жуана, хотя не сознавала этого; она невольно открыла свою тайну сестрѣ.

ГЛАВА II.

Неумолимый отецъ.

Когда дон-Жуанъ уже скрылся во дворцѣ, толпа въ некоторое время продолжала ожидать, въ надеждѣ, что произойдетъ что-нибудь достойное вниманія; потомъ она медленно разошлась, чувствуя ни на чемъ не основанное разочарованіе и слегка ронща. Затѣмъ, по командѣ старика Мендозы, переданной черезъ офицеровъ, гвардія тоже замаршировала въ полномъ порядкѣ. Конница, сопровождавшая дон-Жуана, по знаку трубачей, медленно поѣхала по направленію къ городу; тѣсня толпу. И прежде чѣмъ окончательно стемнѣло, площадь передъ дворцомъ снова опустѣла. Небо прояснилось; мостовая высохла. Неполная луна стала медленно подыматься. Двое рослыхъ часовыхъ, вооруженныхъ аллебардами, безмолвно прохаживались по площадкѣ, въ тѣни.

Долореса все еще сидѣла, съ сестрой, въ потьмахъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ слѣдой служитель, одѣтый въ красное

Донъ-Жуанъ.

съ желтымъ. Онъ принесъ двѣ зажженныхъ восковыхъ свѣчи въ тяжелыхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, и поставилъ ихъ на столъ ¹³. Вслѣдъ за нимъ вошелъ и старикъ Мендоза, все еще въ своихъ латахъ. Шпоры ¹⁴ его звенѣли на тяжелыхъ сапогахъ; длинный мечъ съ рукояткой ¹⁵ волочился по мраморному полу. Мендоза былъ теперь простоволосъ: его короткіе, мягкіе, сѣдые волосы покрывали его мощную голову, точно ермолка изъ сѣраго бархата. Онъ сталъ у стола и положилъ на него свою костлявую десницу, въ которой держалъ длинныя перчатки. Блескъ свѣчей падалъ на его мрачное лицо и придавалъ желтоватый оттѣнокъ его грознымъ очамъ.

Обѣ дѣвушки невольно встали при входѣ отца. Онѣ стояли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, держась за руки, точно стараясь защитить другъ друга отъ общаго врага. А между тѣмъ этотъ суровый человѣкъ охотно пожертвовалъ бы жизнью за каждую изъ нихъ когда угодно, съ самаго дня ихъ рожденія. Онѣ это знали, и все-таки тренетали.

— Ты сдѣлала меня посмѣшищемъ двора—началъ онъ медленно, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Что скажешь ты въ свое оправданіе?

Онъ обращался къ Долоресѣ. Она немного поблѣднѣла. Было что-то такое жесткое въ его голосѣ и движеніяхъ, что она невольно отступила немного назадъ,—не изъ страха, но такъ, какъ можетъ отступить и храбрый человѣкъ, когда надъ нимъ неожиданно подымается мечъ. Инеза мгновенно сдѣлала шагъ впередъ, подняла свою бѣлую руку какъ бы для того, чтобы выразить протестъ, и повернула свое лицо къ пылающимъ глазамъ отца.

— Я не съ тобой говорю—сказалъ онъ рѣзко.—Но ты!—обратился онъ къ Долоресѣ, и громоздкій столъ задрожалъ подъ его тяжелой рукой.—Какой дьяволъ овладѣлъ тобой, что ты покрыла меня и себя позоромъ, стоя у окна, улыбаясь дон-Жуану, точно онъ—эспадеро ¹⁶ на боѣ быковъ, а ты—красотка изъ зрительницъ? И это на виду всего Мадрида: вѣдь, всѣ видѣли тебя, начиная съ короля, кончая послѣднимъ нищимъ! Гдѣ-же твоя скромность, твой стыдъ? Значитъ, въ тебѣ нѣтъ крови, которая заставила бы тебя краснѣть. А если такъ, то неужели въ тебѣ нѣтъ хоть простаго

не перегибайте язык при чтеніи.

женскаго здраваго смысла, который подсказалъ бы тебѣ, что ты губишь свое и мое имя предъ лицомъ всего міра?

— Отецъ! Ради самаго Неба, не произносите подобныхъ словъ... Вы не должны, вы не можете говорить такъ!

Лицо ея совсѣмъ побѣлѣло. Она тихонько отстранила Инезу и взглянула прямо въ лицо разгнѣванному отцу. Столь отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга.

— Развѣ я произнесъ хоть одно слово, которое не было бы правдой?—спросилъ ее Мендоза.—Развѣ не извѣстно всему двору, что ты любишь дон-Жуана Австрійскаго?

— Да будетъ это извѣстно всему міру!—храбро воскликнула Долореса.—Я не стыжусь своей любви къ лучшему и храбрѣйшему изъ людей.

— Да будетъ извѣстно всему міру, что ты желаешь быть его игрушкой, его забавой...

— Его женой, сударь!—Голосъ Долоресы былъ твердъ и звученъ, когда она прервала своего отца.—Его женой!—гордо повторила она.—И я могу стать ею завтра же, если только вы и король не воспрепятствуете этому. Богъ создалъ васъ моимъ отцомъ; но Богъ же не далъ вамъ права оскорблять меня. И пока во мнѣ есть сила и дыханіе, чтобы говорить, я буду отвѣчать вамъ. Если-бъ не вы, я сегодня же стала бы женой дон-Жуана Австрійскаго, а потомъ... его *игрушкой*, его *забавой*, его рабой и служанкой,—всеѣмъ, чѣмъ вамъ угодно. Я люблю его! Я стану работать на него вотъ этими моими руками. Отдамъ за него жизнь, готова пролить за него свою кровь, если Богъ удостоитъ меня этой милости, дастъ мнѣ это счастье, такъ какъ вы не хотите, чтобы я стала его женой!

— Его женой!—воскликнулъ Мендоза съ жестокой насмѣшкой.—Его женой!... Это для того, чтобы сегодня обвиняться, а завтра быть отверженной однимъ взмахомъ пера, нѣсколькими словами, которыя сдѣлаютъ твой бракъ недѣйствительнымъ! Вѣдь, это именно и потребуется, чтобы дон-Жуанъ могъ стать супругомъ каковъ-нибудь царственной вдовы, ну хоть королевы Маріи шотландской ¹⁷... Его женой!..

И онъ разсмѣялся съ горечью.

— Странное же вы имѣете понятіе о вашемъ королѣ, отецъ, если полагаете, что онъ дозволить совершиться подобнымъ дѣламъ въ Испаніи!

При этихъ словахъ Долореса выпрямилась во весь ростъ и неподвижно ожидала отвѣта. Отвѣтъ заставилъ себя долго ждать, хотя Мендоза не спускалъ съ нея своихъ темныхъ глазъ, и нѣсколько разъ его губы шевелились, точно онъ собирался заговорить. Долореса нанесла ему ударъ, который трудно было отбить; и она понимала это. Инеза молча стояла возлѣ нея и тяжело дышала, слушая ихъ разговоръ.

— Ты думаешь мнѣ нечего отвѣтить тебѣ?—сказалъ онъ наконецъ, и голосъ его сталъ спокойнѣе.—Ты права, можетъ быть. Что могу я сказать тебѣ, разъ ты утратила всякое чувство стыда, почтенія и повиновенія? Ты, можетъ быть, рассчитываешь на то, что я пушусь съ тобой въ разсужденія, вмѣсто того, чтобы принудить тебя уважать меня и самое себя? Слава Богу, я еще никогда не обсуждалъ ни мыслей моего короля, ни его побужденій, никогда не сомнѣвался въ его верховномъ правѣ поступать такъ, какъ онъ находитъ нужнымъ для чести и славы Испаніи! Моя жизнь принадлежитъ ему. Все мое—его: онъ можетъ поступать, какъ ему угодно, въ силу своего божественнаго права. Вотъ моя вѣра и мой законъ! И если мнѣ не удалось воспитать и тебя въ этой вѣрѣ, то я впалъ въ тяжкій грѣхъ, въ которомъ мнѣ придется потомъ отдать отчетъ. Но я дѣлалъ, чтò могъ, поступалъ по крайнему моему разумѣнію.

Мендоза поднялъ свой мечъ и возложилъ свою десницу на рукоятку.

— Богъ, король, Испанія!—воскликнулъ онъ торжественно, прикладывая губами къ рукояткѣ послѣ произнесенія каждаго изъ этихъ трехъ словъ.

— Я не стану пытаться поколебать вашу вѣру—сказала холодно Долореса.—Знаю, что это невозможно.

— Какъ невозможно и заставить меня измѣнить мое рѣшеніе—отвѣтилъ Мендоза, снова опуская мечъ.

— А что вы рѣшили?—спросила дѣвушка, пристально глядя на него.

Что-то неуловимое въ выраженіи его лица вызвало въ ней чутье близкой опасности, когда онъ, не отвѣчая ни слова, устремилъ на нее пристальный взглядъ. Она немного отступила, такъ, чтобы стать рядомъ съ Инезой. Принявъ почти вызывающее положеніе, она быстро заговорила, заложивъ руки за спину и прижимаясь къ сестрѣ, чтобы привлечь ея вниманіе. Въ рукѣ она держала письмо къ дон-Жуану, скомканное до того, что ей удалось спрятать его въ запястье узкаго рукава: она не знала, чтò можетъ случиться и когда встрѣтится возможность отдать посланіе по назначенію.

— На что рѣшились вы?—спросила она еще разъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжала.—Какими путями вы собираетесь выказать свою власть падо мной? Думаете-ли вы увезти меня снова въ Вальядолидъ? Собираетесь-ли вы отдать меня на попеченіе какой-нибудь суровой старухи, которая будетъ слѣдить за мной днемъ и ночью?

Тутъ она ошупала руку сестры у себя за спиной и передала ей письмо, которое та крѣпко сжала. И она усмѣхнулась почти весело.

— Ужъ не думаете-ли вы, что цѣлая дюжина угрюмыхъ старыхъ дуэній ¹⁸ сдѣлаютъ заставить меня забыть человѣка, котораго я люблю, или воспрепятствовать мнѣ передать ему вѣсточку о себѣ въ любой день, когда захочу? Не думаете-ли вы, что можете помѣшать дон-Жуану Австрійскому, только-что побѣдоносно вернувшемуся съ поля битвы, кумиру всей Испаніи, любимцу народа, храброму, молодому, могущественному, богатому, всѣмъ извѣстному, обожаемому народомъ гораздо больше короля, — помѣшать дон-Жуану видѣться со мной хотя бы ежедневно, если таково его желаніе, во все время, пока онъ не отправится на войну? И потомъ... Предложу вамъ еще вопросъ: неужели вы думаете, что отецъ, мать, король или законъ страны могутъ заковать страсть женщины, которая любить всѣмъ сердцемъ, всею душой, всѣми своими силами? Такъ отвѣчайте-же мнѣ! Скажите, на чтò вы рѣшились; а я скажу вамъ, на чтò я рѣшилась. Да, и я приняла рѣшеніе, и не отступлю отъ него, чтò бы ни случилось и какъ бы вы ни поступили со мной!

Долореса замолчала на минуту: она услышала, что Инеза ти-

хонько вышла и притворила за собой дверь. И такъ, письмо по крайней мѣрѣ было въ безопасности; и если только окажется малѣйшая возможность, Инеза передастъ его по назначенію. Она, вѣдь, обладала изобрѣтательностью слѣпыхъ, ихъ умѣньемъ избѣгать надзора,—умѣньемъ, повидимому неподходящимъ къ нимъ, но которое всякій, кому приходилось жить съ ними, наблюдалъ въ нихъ. Мендоза видѣлъ, какъ уходила Инеза, и былъ радъ этому: подчасъ выраженіе ея слѣпного лица смущало его, когда ему хотѣлось выказать свою власть.

— Да—сказалъ онъ—я сообщу тебѣ, что я намѣренъ сдѣлать. Мнѣ ничего больше и не остается предпринять: ты не оставила мнѣ выбора. Ты непослушна и непокорна; ты утратила и ту каплю уваженія, которую имѣла ко мнѣ или выказывала мнѣ. Но это еще не все. И раньше бывали непокорныя дочери; но отцы выдавали ихъ преотлично замужъ за людей, которые умѣли ихъ умирять. Не стану говорить о моей привязанности къ вамъ обѣимъ, разъ вы не питаете никакой любви ко мнѣ. Но теперь ты не только непослушна и непокорна: ты губишь себя и позоришь меня; а я не допущу перваго и не потерплю второго.

Онъ грубо возвысилъ голосъ:

— Ты понимаешь меня? Я намѣренъ защитить мое доброе имя отъ тебя, а твое—отъ свѣта единственнымъ доступнымъ мнѣ путемъ. Я намѣренъ отправить тебя въ Ляс-Гуэльгасъ, завтра-же утромъ. Я не шучу. И если ты не согласна отказаться отъ своего безумія и выйти замужъ за того, за кого я хочу, то останешься тамъ на всю жизнь. А до завтрашняго утра ты побудешь здѣсь, въ этой комнатѣ. Посмотримъ, рѣшится-ли дон-Жуанъ Австрійскій насильно проникнуть сначала въ мой домъ, а затѣмъ—въ обитель святыхъ монахинь! Ты будешь вдали отъ него, даю тебѣ мое честное слово,—слово испанскаго дворянина, слово твоего отца. Ты будешь разлучена съ нимъ навѣки. А если дон-Жуанъ попытается зайти сюда ночью, то я убью его здѣсь-же, на этомъ порогѣ. Клянусь тебѣ, убью!

Онъ замолчалъ, повернулся и началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, звезя шпорами и мечомъ. Онъ скрестилъ руки на груди и опустил голову.

Выраженіе ужаса и боли медленно распространилось по лицу Долоресы: она знала отца, знала, что онъ во что бы то ни стало сдержать свое слово. Она знала также, что король высоко цѣнилъ его, да и самъ былъ сильно противъ ея брака: онъ охотно поможетъ отцу. Ей никогда не приходило на умъ, что ее могутъ запереть въ монастырѣ на всю жизнь, если только таково будетъ желаніе родителя: она была слишкомъ молода, слишкомъ жизнерадостна, чтобы предполагать что-нибудь подобное. Она, конечно, слышала, что такіа дѣла возможны и что они творятся; но ей лично не былъ извѣстенъ ни одинъ подобный случай, и она до сихъ поръ не понимала, что находится до такой степени во власти отца. Въ первый разъ въ жизни она ощутила страхъ. Она почувствовала, что не имѣетъ возможности бороться, что силы ея надломлены, что еще мгновеніе — и она падетъ въ ноги отцу, станетъ молить его о пощадѣ. Да, она пообѣщаетъ ему все, что онъ ни пожелаетъ. Но эти обѣщанія будутъ лицемерны: они будутъ исторгнуты у нея страхомъ. И ей грозитъ униженіе да потеря всякаго душевнаго мужества, — состояніе, которое ей не грезилось даже во снѣ.

У нея закружилась голова, — и пламя обѣихъ свѣчей странно заколебалось. Она уже вообразила себя на колѣняхъ: вотъ она, объятая судорожной болью, рыдаетъ отъ ужаса, пытается схватить руку отца, молить о прощеніи, отрекается отъ своей любви, клянется быть послушной и покорной. Ей представлялись мрачные корридоры, унылыя кельи въ монастырѣ Ляс-Гуэльгасъ, безмолвныя, закутанныя фигуры монахинь и весь этотъ ужасъ отчаянія, отъ котораго одно только избавленіе — смерть! А та слабая надежда, которая не допуститъ ее постричься, будетъ все слабѣть и слабѣть отъ той неизвѣстности, въ которой ея тюремщики стараются держать ее. Они не скажутъ ей даже, живъ ли или умеръ ея возлюбленный. Она никогда не узнаетъ, разлюбилъ ли онъ, потерявъ всякую надежду? Не порвалась ли съ годами нить, которая ихъ связывала? Не забылъ-ли онъ ее, не полюбилъ-ли другую?

Однако ея сильная природа взяла верхъ. Ужасъ сталъ проходить, а вѣра въ любовь ея кумира заставила ее съ презрѣніемъ отбросить послѣднія мысли. Сколько разъ, когда они не пахотили словъ, когда, въ минуты самой искренней вѣры другъ въ друга, не могли говорить,

онъ просто шепталъ ей: «Люблю тебя такъ, какъ ты любишь меня!» Эти нѣсколько словъ были полны значенія: они значили гораздо больше, чѣмъ самыя нѣжныя рѣчи, которыя, бывало, лились такъ мило, но просто, естественно, исходя прямо изъ сердца. Теперь, въ минуту отчаянія, его голосъ зазвучалъ въ ея душѣ этими словами: «Люблю тебя, какъ ты любишь меня!» Сердце ея наполнилось вѣрой въ него, вновь воззавшаго ее къ жизни: и всякій страхъ ужъ казался невозможнымъ.

Пока ея отецъ медленно шагаль по комнатѣ, она думала о томъ, что ей предпринять, и есть ли что-нибудь на свѣтѣ, чего она не сдѣлала бы, если бы дон-Жуана Австрійскаго убрали отъ нея? Она была увѣрена, что поборола бы всякія препятствія, не боялась бы никакой опасности, чтобы только добраться къ нему. А если она способна на это, то и онъ тоже: вѣдь, онъ любилъ ее, какъ она любила его. Но ни за что въ мірѣ онъ не пожелалъ бы видѣть, какъ она изъ страха бросается отцу въ ноги, не захотѣлъ бы слышать, какъ она молить о пощадѣ, даетъ лживыя обѣщанія, отрекается отъ любви своей... Нѣтъ, ужъ лучше умереть!

— Дѣлайте со мной, что хотите, разъ въ вашихъ рукахъ власть! — сказала она наконецъ почти спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

Внезапно старикъ остановился и быстро повернулся къ ней, точно онъ самъ испугался въ свою очередь. Къ ея изумленію, она замѣтила, что его темные глаза были влажны отъ слезъ, повисшихъ на густыхъ рѣсницахъ. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, а она смотрѣла на него удивленная: она не понимала его. Вдругъ онъ закрылъ лицо своими загорѣлыми руками и воскликнулъ прерывистымъ голосомъ:

— Долореса! Дитя мое, моя дѣвочка!

Обезсиленный, онъ опустился на стулъ, оперся на рукоятку меча и приникъ къ нему головой, чуть замѣтно покачиваясь. Въ теченіе двадцати лѣтъ, Долореса ни разу не смекнула, не подозрѣвала даже, что этотъ суровый человѣкъ, вѣчно проповѣдующій исполненіе обязанностей и безусловную покорность, вѣчно порицающій, вѣчно недовольный, почти всегда въ дурномъ расположеніи духа, любитъ ее всѣмъ сердцемъ, считаетъ ее драго-

цѣннымъ сокровищемъ. Въ эту минуту она прозрѣла, она разомъ поняла все. Но это было такъ необычно, такъ странно, что она не могла дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Долореса не испытывала ощущенія торжества при мысли, что онъ первый не выдержалъ: сильнѣе всего въ ней заговорило чувство состраданія, чисто женское, простое, доброе чувство къ мученіямъ этого непреклоннаго человѣка. Она подошла къ нему, положила руку ему на плечо и нѣжно заговорила съ нимъ:

— Мнѣ, очень, очень грустно, что я огорчила васъ—сказала она, тихо пожимая плечо его.

Онъ не подвигалъ головы и все тихонько покачивался, опираясь на свой мечъ. При видѣ его страданій, и дочь страдала. Всего нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ былъ жестокъ, суровъ, гнѣвенъ; онъ угрожалъ ей жизнью, похаживалъ на смерть, и привелъ ее въ ужасъ. Казалось невозможнымъ предполагать въ немъ хоть каплю нѣжности къ кому бы то ни было, и меньше всего къ ней.

— Господи, смилосердуйся надо мной!—сказалъ онъ, наконецъ, чуть слышнымъ голосомъ.—Да прости меня Богъ, если это—моя вина: ты не любишь меня, я для тебя только злой старикъ, а ты для меня—все на свѣтѣ, дитя мое!

Онъ медленно поднялъ голову и взглянулъ на нее. Она ужаснулась при видѣ того, какъ онъ измѣнился въ лицѣ; а слова его глубоко тронули ее. Смуглый цвѣтъ его лица принялъ сѣрый оттѣнокъ. Слезы не падали, но застилали глаза его точно туманомъ: онъ походилъ на слѣпого. И въ самомъ дѣлѣ врядъ-ли онъ ясно видѣлъ ее. Его скрещенныя руки слегка дрожали на рукояткѣ меча.

— Какъ могла я знать?—воскликнула Долореса, становясь на колѣни возлѣ него.—Какъ могла я предполагать? Вы никогда не выказывали мнѣ своей любви... Или я была слѣпа всѣ эти годы?

— Тише, дитя!—отвѣчалъ онъ.—Не бреди моихъ душевныхъ ранъ... То была моя вина.

Онъ начиналъ успокаиваться. Хотя лицо его все еще было серьезно и печально, но природный смуглый цвѣтъ постепенно возвращался; и руки перестали дрожать. Дѣвушка была слишкомъ молода, да и слишкомъ мало походила на отца, чтобы постигнуть

его природу; но все же она поняла, что онъ—совершенно не такой, какимъ она его считала.

— О, если бы я могла знать!—воскликала она съ глубокимъ сокрушеніемъ.—Еслибъ могла хоть предполагать что-нибудь подобное, я была бы совсѣмъ другой! Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, я всегда боялась васъ, думала, что вы равнодушны къ намъ, что вы всегда недовольны нами... Какъ могла я знать...

Мендоза снялъ одну руку съ рукоятки меча и взялъ ея руку такъ нѣжно, какъ только было возможно для него. Глаза его снова прояснились; и сильное волненіе точно опустилось въ тѣ глубины, откуда оно поднялось.

— Мы никогда не поймемъ вполнѣ другъ друга—сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ.—Ты не можешь постигнуть, что мужчина обязанъ поступать такъ, какъ того требуетъ благо его дѣтей: онъ не долженъ жертвовать этимъ благомъ, чтобы пріобрѣсть ихъ любовь.

Долореса подумала, что есть путь, который могъ бы сблизить ихъ обоихъ, но промолчала. Она не отнимала у него своей руки, радуясь его ласкѣ, но сознавая, какъ сознавалъ и онъ, что между ними никогда не можетъ быть настоящаго взаимнаго пониманія. Слишкомъ долго между ними лежала пропасть, и слишкомъ она была глубока.

— Ты упряма, милая моя!—сказалъ онъ, покачивая головой при каждомъ словѣ.—Ты очень упряма: подумай объ этомъ.

— Упряма не голова моя, а сердце—отвѣчала Долореса.—Да кромѣ того—прибавила она, улыбаясь—я ваша дочь; а вы, вѣдь, не очень-то кротки и уступчивы. Не такъ-ли, батюшка?

— Да—нерѣшительно сказалъ онъ—быть можетъ, это такъ.

Лицо его прояснилось; онъ почти-что улыбнулся.

Казалось, миръ былъ заключенъ, всѣ недоразумѣнія прошли. Но до этого все еще было далеко: уступить было невозможно для Мендозы, а для Долоресы было такъ-же невозможно отказаться отъ своей любви къ дон-Жуану. Она этого не понимала: она воображала, что въ немъ дѣйствительно произошла перемѣна, и что онъ забудетъ о своей угрозѣ отправить ее въ Ляс-Гуэльгасъ.

— Но что сдѣлано, то сдѣлано—сказалъ онъ, снова омрачаясь.—

Никогда тебѣ не повѣрить, что ты была для меня всѣмъ на свѣтѣ во всю твою жизнь. А какъ же иначе, дитя мое? Вѣдь, я былъ совсѣмъ одинокъ. Вотъ ужъ скоро восемнадцать лѣтъ со смерти вашей матери, а Родриго...

Онъ разомъ оборвалъ свою рѣчь: никогда еще онъ не произносилъ имени сына въ присутствіи дочерей, съ тѣхъ поръ, какъ Родриго оставилъ отчій домъ.

— Я думалъ, что Родриго разбилъ мое сердце—продолжалъ старикъ, помолчавъ и стараясь придать своему голосу сухой, равнодушный тонъ.—А если и осталось что-нибудь, то ты разобьешь остальное.

Онъ всталъ, выпустилъ ее руку изъ своей и отвернулся отъ нея, съ суровостью твердаго, жестокаго человѣка, который хотя и поддался на мгновенное сильному волненію, но именно поэтому боится снова уступить наплыву чувствъ и готовъ на всякую рѣзкую выходку. Долореса слегка вздрогнула и отступила. Она все еще была подъ впечатлѣніемъ его мягкости; но его голосъ и движенія оскорбили ее.

— Вы ошибаетесь—сказала она серьезно.— Вы выразили мнѣ свою любовь,—и я постараюсь не огорчать васъ, не дѣлать вамъ непріятности. Я сдѣлаю все, что смогу... что смогу.

Послѣднія слова она повторила медленно и съ безсознательной торжественностью. Онъ сейчасъ-же повернулся къ ней:

— И такъ, ты общаешь, что никогда больше не станешь видаться съ дон-Жуаномъ Австрійскимъ, что забудешь свою любовь, что совсѣмъ перестанешь думать о немъ и съ покорностью вступишь въ бракъ по моему выбору.

Отказъ въ подобнаго рода покорности уже готовъ былъ сорваться съ языка молодой дѣвушки въ рѣзкой формѣ. Но именно теперь, послѣ случившагося, она не хотѣла сказать ничего такого, что вызвало бы гнѣвный отвѣтъ. Она съ минуту пристально глядѣла на отца, высоко и гордо поднявъ голову. Потомъ, улыбнувшись при мысли о его невозможномъ требованіи, она отвернулась отъ него и молча пошла къ окну. Она широко открыла его, облокотилась на косякъ и стала смотрѣть вдаль. Луна высоко поднялась надъ горизонтомъ; дворъ сіялъ бѣлымъ свѣтомъ.

Она думала, что ей удалось прервать споръ, не возбудивъ гнѣва отца. Но она ошиблась: она не могла бы избрать лучшаго способа, если бы пожелала уничтожить послѣдніе слѣды мягкаго чувства въ сердцѣ старика. Онъ уже не возвышалъ голоса, подходя къ ней съ вопросомъ:

— Ты отказываешься?

Но въ этомъ вопросѣ слышалось что-то почти злобщее.

— Вы требуете невозможнаго!—воскликнула она, не оборачиваясь.—Я не выразила вамъ своего отказа: вѣдь, это не въ моей власти; у меня тутъ нѣтъ выбора. Вы можете поступать со мной, какъ вамъ угодно: вы пользуетесь властью надъ моей жизнью; а если бы у васъ не было этой власти, вамъ помогъ бы король. Но вы не властны ни надъ душой моей, ни надъ сердцемъ моимъ. Я люблю его, я давно люблю его, и буду любить до конца моей жизни, и за гробомъ, во вѣки вѣковъ, до скончанія вѣка, до послѣдняго дня Страшнаго Суда! Какъ-же я могу перестать думать о немъ? Безумно требовать этого отъ меня!

Она замолчала на минуту; а онъ стоялъ позади нея, сжавъ зубы и медленно скрипя каблукомъ одного изъ своихъ тяжелыхъ сапоговъ по плитѣ пола.

— Что-же касается вашихъ угрозъ—продолжала она—то вы не убьете дон-Жуана, даже не попытаетесь его убить, потому что онъ—братъ короля. Если мнѣ можно будетъ увидѣть его сегодня вечеромъ, я увижу его; и никакой опасности для него не будетъ. Вѣдь, вы не захотите-же убить его изъ-за угла, я полагаю? Нѣтъ! А въ такомъ случаѣ, вы и вовсе не нападете на него: и если я смогу повидаться съ нимъ, то повидаясь, говорю вамъ откровенно. Завтра или послѣ завтра, когда окончатся здѣшнія празднества и вы будете свободны, везите меня въ монастырь Ляс-Гуэльгасъ, если такова ваша воля, только по возможности съ наименьшимъ соблазномъ. Но когда я буду тамъ, поставьте вооруженную стражу: я, вѣдь, постараюсь бѣжать! А сбѣжавши, я пойду къ дон-Жуану. Встъ все, что я имѣю сказать вамъ. Вотъ мое послѣднее слово!

— А я даю тебѣ слово, честное слово—сказалъ Мендоза.—Если дон-Жуанъ попытается войти сюда повидаться съ тобой, я убью его. Завтра ты отправишься въ Ляс-Гуэльгасъ.

Долореса не отвѣчала, даже не повернула головы. Отецъ оставилъ ее и вышелъ. Она слышала его тяжелые шаги по передней, слышала, какъ онъ задвинулъ засовъ послѣдней двери. Она была плѣнницей: запертая отцомъ дверь была именно та, которая отдѣляла комнаты сестеръ отъ меньшей небольшой половины квартиры, оставленной имъ для себя. Эти комнаты, изъ которыхъ не было другого сообщенія, выходили, какъ и пріемная, въ одну и ту же переднюю.

Когда Долореса убѣдилась, что никого нѣтъ, она отошла отъ окна и закрыла его. Оно уже сослужило ей службу, какъ убѣжище противъ отца; а ночь была холодная. Она сѣла, чтобъ обдумать свое положеніе. Хотя близкая къ отчаянію, она улыбнулась при мысли, что ее заперли въ комнатѣ, оставили безъ ужина, точно своенравнаго ребенка.

Но когда она задумалась о томъ, нѣтъ-ли какихъ способовъ уйти, лицо ея стало серьезнымъ.

Инезы навѣрно не было дома: она конечно отправилась на другой конецъ дворца, чтобы, подъ предлогомъ повидаться съ какой-нибудь изъ придворныхъ дамъ, передать письмо дон-Жуану. Было весьма вѣроятно, что ей не позволятъ зайти къ плѣнницѣ, когда она вернется: Мендоза не довѣрялъ ей. Такъ Долореса будетъ лишена возможности сообщаться съ кѣмъ бы то ни было въ теченіе вечера и ночи; а она слишкомъ хорошо знала своего отца, чтобы хоть на минуту усомниться въ его вѣрности своему слову: онъ завтра же утромъ отправитъ ее въ монастырь. Можетъ быть, онъ позволитъ ей горничной придти помочь ей приготовить все нужное для дороги? Но и это сомнительно: онъ никому не довѣрялъ.

Положеніе Долоресы казалось безнадежнымъ. Она медленно блѣднѣла, по мѣрѣ того, какъ приходила къ убѣжденію, что ей, вѣроятно, не удастся обмѣняться ни единымъ словомъ съ дон-Жуаномъ до отъѣзда въ монастырь. Ей не удастся даже сообщить ему, куда ее отправляютъ: Мендоза способенъ хранить эту тайну годами; а ей никогда не позволятъ писать.

Вдругъ она услышала, что опять отворяютъ выходную дверь: засовъ былъ съ шумомъ отодвинутъ. Затѣмъ раздались шаги отца и его голосъ, звавшій Инезу, причемъ слышно было, какъ онъ пе-

реходить изъ комнаты въ комнату. Но отвѣта не было. Онъ снова ушелъ и вторично задвинулъ засовъ. Теперь ужъ не было сомнѣнія. Долореса была совершенно одна. Ея сердце стучало въ груди сильно, но медленно. Однако еще не все кончилось. Снова засовъ задвигался въ выходной двери передней. Опять раздались тяжелые шаги, они приближались къ дверямъ. Можетъ быть, онъ раздумалъ или желаетъ сказать еще что-нибудь? Она старалась задержать дыханіе; но онъ не вошелъ. Точно для того, чтобы быть совершенно спокойнымъ, онъ заперъ ее въ маленькой комнатѣ, прошелъ въ послѣдній разъ по передней и заперъ засовомъ дверь на ночь, выполнѣ увѣренный, что Долореса разобщена съ цѣлымъ свѣтомъ.

Нѣсколько минутъ она сидѣла неподвижно, разбитая, не въ состояніи придумать выхода изъ своего положенія: она дѣйствительно была точно въ темницѣ. Вдругъ снова раздался шорохъ у дверей, на этотъ разъ чуть замѣтный, казавшійся ей гораздо тише бѣненія ея сердца. Было что-то таинственное въ этомъ шорохѣ, потому что не слышно было шаговъ. Засовъ медленно отодвигался: ей пришлось напрягать слухъ, что-бы дать себѣ отчетъ въ происходившемъ. Звукъ отодвигаемаго засова замеръ—и послышалось, будто дверь тихо отворяется. Минуту спустя, Инеза была уже въ комнатѣ. Она безпокойно поворачивала голову во всѣ стороны, прислушиваясь къ дыханію Долоресы, чтобы узнать, гдѣ она. Долореса встала. Слепая прижала палецъ къ губамъ и искала руку сестры.

— Твое письмо у него—сказала она шепотомъ.—Я случайно встрѣтилась съ нимъ, и очень скоро. Мнѣ поручено передать тебѣ, что, пробывъ немного въ большой залѣ, онъ ускользнетъ оттуда и придетъ сюда. Ты знаешь, что отецъ нашъ будетъ занятъ службой и не сможетъ придти.

Рука Долоресы сильно дрожала.

— Онъ поклялся, что убьетъ дон-Жуана, если тотъ придетъ сюда—прошентала она.—Онъ исполнить это, хотя бы это стоило ему самому жизни! Ты должна отыскать его опять поскорѣй, дорогая, ради самаго Неба!

Тревога ея возрастала ежеминутно.

— Иди, иди, дорогая! Не теряй ни минуты, нето онъ можетъ придти раньше... Спаси его, спаси его!

— Я не могу идти—отвѣчала Инеза, объятая ужасомъ, понявшая все.—Я спряталась и заперта вмѣстѣ съ тобой. Онъ звалъ меня, но я сидѣла тихо: я знала, что онъ не позволитъ мнѣ оставаться здѣсь.

Она закрыла лицо руками и громко зарыдала отъ горя и страха. Губы Долоресы побѣлѣли; она безпомощно оперлась о стулъ.

www.libtool.com.cn

ГЛАВА III.

Снаряженіе Долоресы на приключеніе.

Долореса стояла, опершись на спинку стула. Она не видѣла, не слышала сестры: она сознавала только одно, — что дон-Жуанъ въ опасности, и она не можетъ предупредить его объ этомъ. Когда она говорила отцу, что онъ не посмѣетъ поднять руку на брата короля, она сама не вѣрила своимъ словамъ.

Она сказала эти слова, чтобы придать себѣ мужества. А, можетъ быть, въ пылу спора, ей казалось, что любимый ею человѣкъ не уступитъ въ бою никому, а пожалуй, даже превзойдетъ всякаго. Теперь—другое дѣло. Хотя она мало была знакома съ человѣческой природой, все же она чужа, что если разгнѣванный мужчина смягчится, поддастся чувству,—этому-де признаку слабости,—то, задѣтый вновь, онъ станетъ еще опаснѣе: тогда онъ разозлится уже не только на другихъ, но и на себя. Гораздо чаще люди безумствуютъ и совершаютъ преступленія при второмъ приливѣ гнѣва, чѣмъ при первомъ. Если даже Мендоза не вполне серьезно грозилъ въ первый разъ, то во второй онъ сознательно повторилъ сказанное. Опять страхъ обуялъ Долоресу, но теперь онъ исходилъ изъ болѣе благороднаго источника: она боялась ужъ не за себя, а за другого. И этотъ страхъ было труднѣе подавить въ себѣ.

Инеза перестала рыдать. Она тихо сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, принявъ положеніе сосредоточеннаго вниманія, до того свойственное слѣпымъ, что ихъ легко признать по наклону головы и тѣла, даже не всматриваясь въ ихъ лица.

Слѣпыя рѣдко опираются на спинку стула. Они сидятъ совер-

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книг при чтеніи.

шенно прямо, или слегка наклоняются впередъ. Лицо ихъ немного приподнято, когда кругомъ царитъ безмолвіе; если же ясно раздается звукъ, они наклоняютъ голову. Рѣдко они скрещиваютъ ноги, рѣдко складываютъ руки: напротивъ, они часто протягиваютъ ихъ впередъ, будто готовятся помочь слуху осязаніемъ. Губы у слѣпыхъ слегка раскрыты: они не только слушаютъ ушами, но и поглощаютъ звуки ртомъ. Выраженіе ихъ лицъ—смѣсь ожиданія и глубокаго вниманія, но оно не безучастно; оно спокойно, но вовсе не равнодушно.

Такъ сидѣла Инеза, что часто случалось съ ней, когда она часами прислушивалась не только къ рѣчамъ людей, но и къ тому, что говорили ей окружающіе предметы, что говорила ей природа.

И, прислушиваясь, она думала, она непрерывно, терпѣливо размышляла, такъ что нерѣдко самые слабые звуки имѣли для нея глубокое и ясное значеніе. Глухіе мало и плохо разсуждаютъ, и они очень подозрительны; слѣпые, напротивъ, остроумны, глубоко-мысленны, изобрѣтательны и скорѣе не довѣряютъ себѣ, чѣмъ другимъ. Тихо сидѣла Инеза, прислушиваясь, размышляя и придумывая, какъ бы помочь сестрѣ.

Но Долореса стояла, точно окаменѣлая: въ ея воображеніи рисовалась картина, которую она никакъ не могла отогнать отъ себя. Вотъ идетъ такъ знакомая фигура любимаго человѣка по мрачному корридору. Совсѣмъ одинъ, безоружный, проходитъ онъ мимо оконъ, сквозь которыя льются потоки луннаго свѣта, и направляется прямо къ дубовой двери въ концѣ корридора. Вдругъ изъ углубленія окна появляется другая фигура, съ мечомъ въ рукѣ, — высокій человѣкъ съ сѣдой бородой. Они обмѣниваются нѣсколькими словами, — и происходитъ что-то неопредѣленное: какія-то тѣни сливаются съ холоднымъ лучомъ, который перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто; затѣмъ кто-то падаетъ — и наступаетъ тишина. Какъ только все кончалось, картина опять и опять возобновлялась, съ небольшими измѣненіями; только она становилась все ярче и ярче. Наконецъ, Долореса видѣла блѣдное, облитое луннымъ свѣтомъ лицо дон-Жуана, распростертаго запертво на плитахъ корридора.

Наконецъ, эта мука становилась невыносимой. Долореса медленно подняла руку и закрыла ею глаза.

— Слушай!—сказала Инеза, когда Долореса зашевелилась. — Я обдумала. Ты должна повидаться съ нимъ сегодня ночью, хотя бы и не наединѣ. Остается только одно: одѣнъся въ парадное платье, спустись внизъ, въ большую залу съ придворными, и тамъ уговорись съ нимъ насчетъ того, какъ и гдѣ вамъ повидаться завтра.

— Инеза, я не все еще сказала тебѣ. Завтра меня отправляютъ въ монастырь Ляс-Гуэльгасъ и тамъ запрутъ, какъ плѣнницу.

Инеза слабо вскрикнула:

— Въ монастырь!

Эти слова прозвучали, какъ смертный приговоръ.

Долореса передала ей все, что говорилъ Мендоза. Инеза тотчасъ прервала ея рассказъ. Выраженіе лица ея было мрачно.

— Онъ увѣрялъ тебя въ своей любви!—вскричала она съ негодованіемъ. — Онъ всегда былъ жестокъ, неласковъ. Онъ никогда не могъ простить мнѣ моей слѣпоты; тебѣ онъ не проститъ твоей молодости. Король! Король для него выше всего и всѣхъ. Онъ готовъ жертвовать королю собой: пусть такъ! Но онъ пожертвуетъ ему и дѣтьми своими, и душой своей, и сердцемъ... Да что я говорю! У него нѣтъ сердца.

Она разомъ оборвала свою рѣчь.

— А все же, какъ это ни странно, но онъ любитъ обѣихъ насъ—сказала Долореса.—Я не понимаю этого; но я видѣла его глаза, полные слезъ, я слышала его голосъ. Онъ готовъ пожертвовать жизнью за насъ.

— А нашими жизнями и сердцами, нашими надеждами онъ пожертвуетъ для успокоенія своей совѣсти, во спасеніе своей души.

Инеза вся дрожала отъ гнѣва. Она наклонилась впередъ; лицо ея пылало; руки судорожно сжимались. Долореса молчала. Не въ первый разъ приходилось ей слушать такіа рѣчи отъ Инезы: слѣпая внезапно и страшно вспыхивала изъ-за дѣла, которое она считала правымъ.

— Я спасу тебя!—воскликнула она вдругъ измѣнившимся голосомъ.—Но не падо терять времени. Отецъ не придетъ къ намъ теперь: онъ знаетъ, что дон-Жуанъ не можетъ зайти къ намъ въ

Дон-Жуанъ.

такое время, а потому и не поджидаетъ его. Вся эта часть дворца въ нашемъ распоряженіи; только выходная дверь заперта. Чтобъ одѣться, тебѣ понадобится часъ: даже въ три четверти часа можно быть готовой. Какъ только выйдешь, обойди кругомъ дворца и отправляйся къ герцогинѣ Альварезъ. Отецъ не зайдетъ къ ней, и ты можешь отправиться съ ней внизъ, какъ всегда; только не рассказывай ей ничего. Отецъ будетъ тамъ и увидитъ тебя; но онъ не пожелаетъ затѣять исторію при всемъ дворѣ. Дон-Жуанъ подойдетъ къ тебѣ и поговоритъ съ тобой. Ты конечно должна будешь стоять возлѣ герцогини; но все же тебѣ удастся обмѣняться съ нимъ словомъ-другимъ.

Долореса внимательно слушала, и лицо ея нѣсколько прояснилось, но не надолго. Оно вдругъ опять омрачилось, выражая полную безнадежность: все, что предлагала Инеза, было несбыточной мечтой.

— Все это было бы отлично, если бы я могла выйти изъ прихожей — уныло проговорила она. — Но, вѣдь, дверь заперта за-совомъ.

— Для меня ее отперуть. Я всегда могу позвать стараго Эвдальдо; а онъ готовъ на все для меня. Кому-же я притворюсь, будто меня заперли по ошибкѣ; скажу, что я голодна, что я хочу пить, что мнѣ холодно, что отецъ, запирая тебя, нечаянно заперъ и меня, такъ какъ я спала. Эвдальдо отпереть для меня дверь! Я скажу ему, что иду къ герцогинѣ.

— Хорошо... А потомъ?

— Ты закутаешься въ мой черный плащъ, натянешь его на голову, закроешь имъ лицо. Мы одного росту. Ты только старайся ходить, какъ будто слѣпая; держись въ прихожей лѣвой стороны. Эвдальдо отворитъ тебѣ и выходную дверь. Ты только кивкомъ головы поблагодаришь его, не говоря ни слова. А когда выйдешь въ корридоръ, ощупывай лѣвой рукой стѣнку и держись вплотную къ ней. Я всегда такъ дѣлаю, боясь наскочить на кого-нибудь. Если съ тобой встрѣтится какая-нибудь женщина, она приметъ тебя за меня. Корридоръ всегда плохо освѣщенъ, не такъ ли? Только на пол-дорогѣ есть лампа: я знаю, потому что слышу ея запахъ, когда прохожу по корридору вечеромъ.

— Да, тамъ почти темно. Лампа не велика. Такъ ты думаешь, что это можно устроить?

— Можно, но навѣрняка рассчитывать нельзя. Если услышишь шаги за угломъ, то успѣешь скрыться въ углубленіи какого-нибудь изъ оконъ. Да отецъ не придетъ. Онъ знаетъ, что дон-Жуанъ у себя, и у него много народу. Кроме того, сегодня ночью будетъ большое торжество. Всѣ придворные будутъ тамъ, всѣ офицеры, архіепископъ, всѣ живущіе во дворцѣ; да наѣдетъ еще много гостей изъ города. Нашему отцу придется отдавать приказанія войскамъ, выводить гвардію: тысяча заботъ займетъ его время. Дон-Жуанъ могъ бы придти сюда лишь послѣ королевскаго ужина; а если отцу удастся уйти, то тоже не раньше этого времени. Вотъ гдѣ опасность!

Долореса вздрогнула: ея воображенію снова представилась прежняя картина.

— Если же тебя увидятъ разговаривающей съ дон-Жуаномъ до ужина, то никто не заподозритъ, что ты рѣшишься вернуться сюда, чтобы здѣсь снова повидаться съ нимъ: вѣдь, тогда тебя изловили бы и опять заперли. Понимаешь?

— Все зависитъ отъ того, удастся-ли мнѣ выйти—отвѣчала Долореса, но уже съ большей увѣренностью въ голосъ.—Однако, какъ я одѣнусь безъ помощи горничной?—вдругъ спросила ова.

— Довѣрься мнѣ!—сказала Инеза со смѣхомъ.—Мои руки лучше глазъ горничной. Ты будешь нарядне, чѣмъ когда-либо. Я знаю каждый локонъ твоихъ волосъ, знаю какъ его завить, какъ укрѣпить, и на какомъ мѣстѣ, чтобы онъ не развился. Но пойдемъ: мы напрасно теряемъ время. Сними туфли, какъ я, чтобъ не слышно было, какъ мы пройдемъ по прихожей въ твою комнату. Пожалуй, возьми съ собой свѣчи; да онѣ и необходимы, чтобы выбрать цвѣта твоихъ платьевъ.

— Я думаю, будетъ безопаснѣе оставаться въ темнотѣ—сказала Долореса.—Я знаю, гдѣ каждая вещь лежитъ.

— Пожалуй, что и безопаснѣе—сказала задумчиво Инеза.—Онъ можетъ быть во дворѣ, можетъ замѣтить свѣтъ въ твоемъ окнѣ; если же свѣчи останутся здѣсь, онъ ничего не заподозритъ. Если бы случайно онъ вернулся, то, полагая, что ты все еще здѣсь, онъ, вѣроятно, не зайдетъ.

— Дай-то Богъ, чтобъ онъ не зашелъ! — воскликнула Долореса, направляясь къ дверямъ.

Инеза предупредила ее. Она тихонько отворила дверь, шепча ей:

— Мои руки легче твоихъ.

Онъ вышли. Инеза осторожно снова засунула засовъ.

— Есть здѣсь свѣтъ? — спросила она въ пол-голоса.

— На столѣ стоитъ маленькая лампочка: я вижу дверь моей комнаты.

— Загаси ее, проходя мимо — сказала Инеза. — Я проведу тебя, если ты не сможешь идти въ темнотѣ.

Онъ осторожно двигались впередъ; и когда подошли къ столу, Долореса нагнулась и погасила лампу. Тутъ она почувствовала, что сестра взяла ее за руку и быстро повела къ другой двери. Слѣпая двигалась совершенно неслышно: Долоресѣ казалось, будто ее ведетъ какой-то духъ. Инеза остановилась на минуту — и тихо вошла: онъ были уже въ комнатѣ Долоресы, хотя та не слышала ни какъ отворилась, ни какъ затворилась за ними дверь. Въ этой комнатѣ было совсѣмъ темно: тяжелыя занавѣси были опущены. Долореса осторожно сдѣлала шагъ впередъ, но ударилась о стулъ.

— Не двигайся — шепнула ей Инеза. — Ты шумишь. Я могу одѣть тебя и тамъ, гдѣ ты стоишь; а если тебѣ что-нибудь понадобится, я отведу тебя къ тому мѣсту, гдѣ нужная вещь находится. Помни, что для меня — вѣчный день.

Долореса повиновалась; она стояла неподвижно, даже стараясь, въ волненіи, сдерживать дыханіе. Казалось почти невозможнымъ, чтобы Инеза могла исполнить все обѣщанное, не сдѣлавъ какой-нибудь ошибки; а Долореса не заслуживала бы названія женщины, если бы не боялась быть смѣшной какъ разъ въ эту минуту. Сама она, въ потьмахъ, совсѣмъ не могла ничего сдѣлать для себя; и теперь только она поняла всю громадность несчастія своей сестры. Но она и не подозрѣвала, какой быстротой соображенія, какимъ рвеніемъ одарена была Инеза: ей казалось такъ странно, что та, которой она всегда помогала, которую защищала, теперь, въ свою очередь, совѣтуетъ ей, направляетъ ее, помогаетъ ей.

Онъ быстро, шопотомъ, совѣщались о томъ, что надѣть Долоресѣ, какъ причесаться. Инеза находила все нужное безъ шума

и почти такъ же быстро, какъ могла бы справиться сама ея сестра яснымъ днемъ. Она поставила для нея стулъ, усадила ее и принялась быстро, искусно убирать ей голову. Долореса ощущала легкое и хваткое прикосновеніе ея рукъ, какъ какого-то привидѣнія: Инеза ни разу не причинила ей боли неосторожнымъ движеніемъ, какъ часто случалось съ ея горничной. Долореса почувствовала, какъ ея золотистые волосы распустились по плечамъ. Затѣмъ ихъ приподняли и начали чесать, не дергая: такъ искусно еще никто не расчесывалъ ея. Наконецъ, невидимыя ручки нѣжно раздѣлили волосы на пасмы, закрутили на головѣ и точно волшебствомъ пришилили именно тамъ, гдѣ слѣдовало, такъ что вся прическа сразу крѣпко держалась.

Вотъ послышался слабый звукъ мелкихъ жемчужинъ, ударяющихся другъ о дружку: Долореса почувствовала, что ей надѣваютъ на голову тонкую жемчужную нить—единственное украшеніе, которое дѣвушка могла носить на головѣ. Когда уборка головы была готова, слышно было, что Инеза издала звукъ одобренія; затѣмъ она слегка ощупала со всѣхъ сторонъ голову сестры, чтобы убѣдиться, все-ли въ порядкѣ. Казалось, будто нѣжныя птички дотрагивались до волосъ кончиками своихъ крыльевъ, порхая вокругъ головы. Долореса ужъ не опасалась, что, при яркомъ освѣщеніи, будетъ казаться плохо одѣтой. Прическа была самая трудная часть ея убора; и хотя она не сама сдѣлала ее, однако она чувствовала, что все исполнено съ полнымъ искусствомъ.

— Какое ты изумительное созданіе! — сказала она шопотомъ, когда Инеза попросила ее встать.

— У тебя чудные волосы—отвѣтила слѣпая. — Ты и вообще красива; но сегодня ты должна быть прелестнѣе всѣхъ, въ честь его. Пусть каждая женщина завидуетъ тебѣ, а каждый мужчина—ему, когда вы станете разговаривать другъ съ другомъ. А теперь надо торопиться: прическа твоя заняла много времени, и я слышу, какъ солдаты идутъ строиться въ садикъ; а это всегда бываетъ за полтора часа передъ тѣмъ, какъ королю войти въ залъ. Вотъ, надѣвай: это—лицевая сторона платья!

— Нѣтъ, это—изпанка!

Инеза тихо засмѣялась беззвучнымъ смѣхомъ, еле слышнымъ для Долоресы.

— Это—лицевая сторона!—повторила она.—Можешь положитьсь на меня въ темнотѣ. Опустѣ руки; дай, я наброшу его тебѣ черезъ голову, не дотронувшись ни до одного волоска. Ну, опусти-же руки!

Долореса невольно подняла-было руки, желая охранить свой головной уборъ. Послѣ этого все ринуло быстро. И тишина прерывалась лишь мимоходнымъ шопотомъ, шелестомъ шелковой матеріи, протяжнымъ, нѣжнымъ шуршаньемъ шнурка, который Инеза протягивала сквозь дырочки лифа, да легкими шлепками ея рукъ по складкамъ платья и по бархатнымъ буфамъ на плечахъ и локтяхъ.

— Ты должна быть красивой, настоящей красавицей сегодня вечеромъ—повторяла Инеза.

Она сама не давала себѣ отчета, почему повторяла эти слова. Развѣ потому, что красота Долоресы предназначалась для дон-Жуана Австрійскаго; а по ея мнѣнію, не было на свѣтѣ ничего достаточно прекраснаго для героя ея души, для солнца ея слѣпоты, для недостижимаго божества ея сердца. Она не сознавала, что придумала бѣгство Долоресы, приложила столько стараній, чтобы она казалась красивой, не столько ради самой сестры, сколько ради него. Но она испытывала глубокое, еще невѣдомое ей наслажденіе: въ первый разъ въ жизни удалось ей сдѣлать хоть что-нибудь, что могло порадовать его. Кромѣ того, она знала, что ему грозитъ опасность и что она не можетъ пойти предупредить его: только одна Долореса могла помѣшать его неожиданной встрѣчѣ съ Мендозой, вооруженнымъ мечомъ, тамъ въ корридорѣ.

— А теперь я наброшу на тебя мой плащъ—сказала она.— Подожди, я принесу его; и не трогайся съ мѣста!

Долореса не могла дать себѣ отчета, вышла-ли Инеза, или нѣтъ: такъ тихо двигалась слѣпая. Вдругъ она ощутила плащъ у себя на плечахъ, потомъ почувствовала, какъ ее закутываютъ въ него, чтобы скрыть платье: это было возможно, потому что тогда носили короткую одежду.

Инеза покрыла голову сестры мягкимъ шелковымъ платкомъ, а затѣмъ, сверхъ всего, надѣла калюшонъ такъ, чтобы онъ совершенно скрылъ ея лицо.

— Теперь иди за мной!—сказала она ей шопотомъ.—Я доведу

тебя до той двери, которая заперта засовомъ, и поставлю какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ она открывается. Послѣ этого я позвоу Эвдальда и попрошу его выпустить меня. Если онъ согласится, нагни голову и постарайся подражать моей походкѣ. Я буду стоять за дверью: такъ какъ въ комнатѣ темно, то онъ не увидитъ меня. Пока онъ будетъ ~~отворять~~ ~~выходить~~ ~~изъ~~ дверь, я тихонько проберусь обратно въ свою комнату. Поняла? Да не забудь спрятаться въ углубленіи окна, если слышишь мужскіе шаги. Увѣрена ли ты, что поняла меня?

— Да; все устроится легко, если только Эвдальдо отворитъ дверь. Спасибо, дорогая! Не знаю, какъ благодарить тебя. Ты, быть можетъ, спасла его жизнь...

— А, можетъ быть, и твою—отвѣтила Инеза, провожая ее къ дверямъ.—Ты бы умерла въ монастырѣ: не возвращайся, никогда не возвращайся къ намъ сюда, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не выйдешь замужъ! Прощай, Долореса, дорогая сестра моя! Я ничего не сдѣлала для тебя, а ты всю жизнь такъ много дѣлала для меня! Прощай!—Еще одинъ поцѣлуй—и намъ надо разстаться: вѣдь, ужъ поздно.

Она приблизила къ себѣ своими нѣжными руками голову Долоресы, приподняла немного капюшонъ и нѣжно поцѣловала ее. Обѣ залились слезами, сжимая другъ друга въ объятіяхъ почти съ отчаяніемъ.

— Ты должна пріѣхать ко мнѣ, гдѣ бы я ни была!—сказала Долореса.

— Да, пріѣду, гдѣ бы ты ни была! Обѣщаю тебѣ.

Сказавъ эти слова, она быстро освободилась изъ объятій сестры и пошла впередъ, ведя ее за руку, болѣе чѣмъ когда-либо похожая на привидѣніе. Онѣ дошли до дверей. Слѣпая поставила Долоресу у праваго косяка дверей, такъ, чтобы ей было удобно проскользнуть, когда отворять; а сама еще разъ ощупала ея капюшонъ, чтобы убѣдиться, что лицо ея хорошо укрыто. Съ минуту она прислушивалась. Издали раздавался рѣзкій, но правильный звукъ, точно нила скользила по мягкому сосновому полѣну.

— Эвдальдо спитъ—сказала Инеза, даже въ эту минуту едва сдерживая полуистеричный смѣхъ.—Мнѣ придется пошумѣть, чтобы

разбудить его. Бѣда въ томъ, что это можетъ встревожить кого-нибудь; могутъ придти сюда горничныя и остальные слуги.

— Что же дѣлать?—спросила грустно Долореса.

Она старалась совладать со своими нервами, чтобы помочь сестрѣ въ эту опасную минуту; а, при ея волненіи, каждая минута ожиданія, казалось, длилась въ десять разъ дольше. Инеза не сразу отвѣчала на ея вопросъ, и Долореса повторила его еще тревожнѣе.

— Я старалась придумать что-нибудь — отвѣтила, наконецъ, слѣпая. — Пройти мимо Эвдальда немудрено. Но совсѣмъ другое дѣло, если передняя наполнится людьми: вѣдь, отецъ навѣрно далъ всѣмъ приказаніе не пускать тебя. А тутъ придется ждать цѣлый часъ, пока удастся разбудить его.

Долореса невольно дернула дверь, но она крѣпко была заперта снаружи засовомъ. Ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ отъ тревоги: съ каждой минутой становилась возможнѣе встрѣча съ отцомъ гдѣ-нибудь снаружи. — Нужно-же рѣшиться на что-нибудь! — воскликнула она съ отчаяніемъ. — Мы не можемъ стоять тутъ.

— Не знаю, право, чтѣ дѣлать — отвѣчала Инеза. — Я сдѣлала все, чтѣ могла: мнѣ и въ голову не приходило, что Эвдальдо заснетъ. Но это, по крайней мѣрѣ, вѣрный знакъ, что отца нѣтъ дома.

— Но онъ можетъ вернуться каждую минуту. Мы должны что-нибудь сдѣлать, и поскорѣй!

— Дай-ка я тихонько постучусь — сказала Инеза. — Если услышатъ мой стукъ, подумаютъ, что стучатся въ выходную дверь. Если онъ не проснется, то кто-нибудь разбудитъ его; а мы уйдемъ, чтобы не замѣтили насъ.

Она сложила свою маленькую руку въ кулачокъ и три раза стукнула въ дверь. Подобный стукъ не могъ произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія на Эвдальда, который спалъ крѣпко; но она разсчитала вѣрно. Подождавъ немного, она постучала второй разъ, нѣсколько громче. Долореса молча ожидала, чтѣ изъ этого выйдетъ.

Вскорѣ послышалось, что дверь отворилась; и женскій голосъ проговорилъ тихо, но ясно:

— Эвдальдо, Эвдальдо! Кто-то стучитъ въ парадныя двери!

Женщина, вѣроятно, старалась растолкать старика: вскорѣ раздался его сердитый, ворчливый голосъ.

— Вѣдьма! Старая корга! Разбойничья мать! Отстань, не иѣшай мнѣ спать! Или ты хочешь оторвать рукавъ мой своими грязными лапами? Никто не стучить: это отъ вина шумить у тебя въ ушахъ!

Женщина—судомойка, которая занята была уборкой кухни—вѣроятно привыкла къ такимъ словамъ. Эвдальдо: она только разсмѣялась.

— Вино усыпляетъ людей, а не стучить въ двери. Кто-то раза два стучалъ: лучше пойдика да отвори двери.

Шарканье и громкое зѣванье убѣдили сестеръ, что Эвдальдо всталъ, наконецъ, со своего стула; слышно было, что онъ направляется къ выходной двери. Потомъ онѣ услышали, какъ женщина, убѣдившись, что онъ проснулся, ушла къ себѣ и затворила за собой двери. Тогда Инеза тихонько окликнула его:

— Эвдальдо, поди сюда! Это я стучала. Выпусти меня, пожалуйста. Да подойди ближе.

— Донья ¹⁹ Инеза?—спросилъ старикъ, останавливаясь.

— Иш!—отвѣтила она.—Подойди поближе!—Она подождала, прислушиваясь къ его шагамъ. — Слушай, что я скажу тебѣ. Генераль по ошибкѣ заперъ меня; онъ не зналъ, что я здѣсь, когда задвинулъ засовъ. А я голодна, хочу нить, я озябла, Эвдальдо! Выпусти меня: я побѣгу къ герцогинѣ Альварезъ и посижу съ ея дѣвочкой. Право, Эвдальдо, генераль не хотѣлъ запереть меня.

— Онъ ничего не говорилъ на вашъ счетъ—отвѣтилъ старикъ неувѣренно.—Но, право, я не знаю...

Онъ колебался.

— Пожалуйста, пожалуйста, Эвдальдо! Мнѣ холодно и жутко.

— Но, вѣдь, донья Долореса съ вами—замѣтилъ онъ.

Долореса затаила дыханіе и оперлась о косякъ двери.

— Отецъ заперъ ее въ гостиной. Я не смѣю отворить двери! Поди, постучи: она не откликнется тебѣ.

— А ваша милость увѣрена, что донья Долореса тамъ?—спросилъ Эвдальдо голосомъ, показывавшимъ, что онъ готовъ уступить.

— Совершенно увѣрена!—отвѣтила Инеза.—О, пожалуйста, выпусти меня!

Пока старикъ медленно отодвигалъ засовъ, сердце Долоресы

почти перестало биться: она готовилась къ бѣдѣ. Она отлично знала, что старый вѣрный слуга боится своего господина гораздо больше, чѣмъ дьявола и всѣхъ чертей: онъ готовъ даже употребить силу, чтобы не пустить ее, если только узнаетъ барышню.

— Спасибо, Эвдальдо, спасибо!—крикнула Инеза, пока отворялись двери.—Отвори мнѣ и выходную дверь, пожалуйста!—прибавила она, приложивъ губы къ полураствореннымъ дверямъ.

Потомъ она скрылась въ темнотѣ. Двери были настежъ открыты, а Эвдальдо направился уже къ выходнымъ дверямъ. Долореса двигалась впередъ, наклонивъ голову и стараясь подражать походкѣ сестры. Никогда никакое разстояніе не казалось ей такимъ большимъ, какъ то, которое отдѣляло ее отъ выходной двери, отворяемой Эвдальдомъ. Но она не рѣшалась ускорить шаги: вѣдь, Инеза, хотя и двигалась свободно въ домѣ, но все же всегда шла осторожно и часто останавливалась и прислушивалась, проходя по комнатѣ.

Слѣпая прислушивалась и теперь, напрягая свой необыкновенно тонкій слухъ, чтобы убѣдиться, что все обошлось благополучно до самого выхода Долоресы вонъ. Она въ точности знала, сколько шаговъ было отъ того мѣста, гдѣ она стояла, до выходныхъ дверей, такъ какъ много разъ считала ихъ.

Долореса находилась не дальше, какъ въ трехъ ярдахъ ²⁰ отъ дверей, когда Инеза невольно вздрогнула: ей послышался далекій звукъ, — настолько далекій, что Долореса вѣроятно и не слыхала его; но для тонкаго слуха Инезы звукъ этотъ раздавался несомнѣнно. Она еще больше напрягала слухъ: вотъ, слышны шаги Долоресы, которой оставалось сдѣлать всего четыре шага къ отворенной двери; но тамъ, все еще далеко, но уже ближе и ближе, раздавались, подъ сводомъ корридора, другіе шаги. Позвать сестру значило бы сдѣлать невозможной всякую новую попытку бѣжать; позволить ей идти дальше, тоже опасно...

Инеза готова была закричать отъ тревоги. Но Долореса уже вышла изъ прихожей. Минуту спустя, тяжелая дверь снова была заперта: было ужъ поздно звать сестру. Подобно безплотному духу, Инеза ускользнула съ того мѣста, гдѣ стояла, обратно въ комнату Долоресы: она предполагала, что прежде, чѣмъ засунуть засовъ на-

не перегибайте книг при чтеніи.

ружной двери, Эвдальдо постучится въ ту комнату, гдѣ, по его мнѣнію, должна быть Долореса. Онъ такъ и поступилъ, ворча на лампочку, которая погасла и оставила маленькую прихожую во мракѣ. Затѣмъ онъ постучался и заговорилъ сквозь замочную скважину голосомъ мольбы, предлагая принести затворницѣ пищи или огня и повторяя свою просьбу нѣсколько разъ: онъ былъ привязанъ къ обѣимъ дѣвушкамъ, хотя страхъ передъ старымъ Мендозой поглощалъ всѣ остальные его чувства.

Наконецъ, онъ покачалъ головой и уныло пошелъ зажечь свою лампочку. Затѣмъ онъ ушелъ и наложилъ засовъ на дверь, увѣренный, что Инеза ушла, а Долореса сидитъ въ задней комнатѣ.

Когда слѣная убѣдилась, что онъ окончательно ушелъ, она бросилась на постель Долоресы, зарылась лицомъ въ подушки и горько зарыдала, оплакивая свое одиночество. Она плакала и о чемъ-то другомъ, въ чемъ не отдавала себѣ отчета, и оттого еще больше страдала.

Это было нѣчто такое, что походило и на жаркое пламя, и на несказанную пустоту, жаждавшую наполненія,—нѣчто, что страшило и влекло къ себѣ, причиняло ей сильное тѣлесное страданіе, но могло бы, она это знала, быть источникомъ безконечнаго наслажденія,—нѣчто такое, что не имѣло связи съ ея мыслями, но сковывало ихъ,—нѣчто такое, что стояло выше тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснило его, касалось души, но переростало ее, наполняя ее страхомъ и тревогой, заставляло стенать ея сердце, точно оно не принадлежало ей и просилось на свободу. Она не понимала, что это чувство—любовь, которая, какъ она слыхала, давала счастье мужчинамъ и женщинамъ, обращая ихъ въ высшія существа, въ боговъ и богинь. И лежала она одна во мракѣ, который впрочемъ для нея былъ все-равно, что свѣтъ, и выплакивала свое сердце горячими слезами.

Долореса, между тѣмъ, прошла нѣсколько шаговъ по наружному корридору, не забывая касаться лѣвой рукой стѣны, какъ учила ее Инеза; и тогда только она слышала то, что ея сестра почувала гораздо раньше. Она на минуту остановилась, напрягая зрѣніе, чтобы разобрать что-нибудь при слабомъ свѣтѣ одной лампы, но ничего не увидала: она только слышала, что звуки приближа-

ются. Она быстро перебѣжала по корридору къ ближайшему оконному углубленію, чтобы спрятаться. Но, къ своему ужасу, она сообразила, что блескъ полной луны, яркій, какъ дневной свѣтъ, не дастъ ей возможности скрыться. Инеза не подозрѣвала существованія луннаго свѣта.

Она прижалась къ стѣнѣ, подалеже отъ дверей, стараясь по возможности сократить: вѣдь, могло случиться, что проходящій не повернетъ головы въ ея сторону. Разстроенная, измученная всѣмъ, что пришлось испытать, что заставило ее столько перечувствовать съ полудня, она затаила дыханіе и ждала.

Мѣрные шаги чловѣка, обутого въ сапоги со шпорами, все приближались къ ней, не торопясь, но и не замедляясь. Никто изъ посящихъ шпоры, кромѣ ея отца, никогда не ходилъ этой дорогой. Она прислушивалась, еле дыша, къ глухимъ звукамъ эха и устремила взоръ на стѣнку оконнаго углубленія. Еще мгновеніе — и она увидитъ высокую фигуру отца; и луна заблеститъ на его короткой сѣдой бородѣ.

ГЛАВА IV.

Неожиданная встрѣча.

Долореса знала, что у нея не будетъ времени поразмыслить о томъ, что ей предпринять, если отецъ увидитъ ее спрятавшуюся въ оконномъ углубленіи; а между тѣмъ, въ это короткое время тысяча плановъ возникала въ ея разстроенномъ воображеніи. Ей, можетъ быть, удастся прошмыгнуть мимо него и со всѣхъ ногъ бѣжать по корридору? Или не лучше-ли будетъ, если она надвинетъ капюшонъ на лицо такъ, чтобы онъ принялъ ее за кого-нибудь другого? Но нѣтъ: вѣдь онъ узнаетъ капюшонъ Инезы! Или не обернуться-ли ей спиной и не облокотиться ли о косякъ окна, совершенно спокойно, точно она имѣетъ полное право быть здѣсь. Онъ, можетъ быть, приметъ ее за одну изъ придворныхъ дамъ и пройдетъ мимо.

Но бѣдняжка не могла остановиться ни на одномъ рѣшеніи. Она стояла, прижавшись къ стѣнкѣ углубленія, забывая, что именно поэтому, что яркій свѣтъ луны безпрепятственно проходитъ сквозь осталь-

ныя окна, каждый, кому случится пройти по корридору, обратить вниманіе на то окно, у котораго она стояла, бросая отъ себя тѣнь.

Было что-то роковое, леденящее въ этихъ равномерныхъ шагахъ, которые повторялись эхомъ подъ сводами. Они приближались. Долореса была увѣрена, что еще мгновенье—и она увидитъ отца. Но все еще никто не явился, все еще слышался лишь звукъ, казавшійся громче и ближе, благодаря полной тишинѣ. Она слыхала ужасныя исторіи о привидѣніяхъ въ древнемъ Альказарѣ²¹: ребенкомъ ее пугали¹ рассказами о злыхъ духахъ, посѣщающихъ, по ночамъ, корридоры, о домовыхъ, привидѣніяхъ, о мавританскихъ колдунахъ, живущихъ неизвѣстно гдѣ-то въ подземельяхъ, выходящихъ наружу во мракѣ, когда царствуетъ всеобщая тишина, странствующихъ при лунномъ свѣтѣ, вселяющихъ ужасъ во всѣхъ живущихъ.

Дѣвушка почувствовала какой-то сверхъестественный трепетъ во всемъ тѣлѣ, до корней волосъ, и дрожала. Ей казалось, что звуки все усиливаются и уже раздаются точно громовые раскаты, хотя ничего не было, кромѣ шума приближающихся шаговъ и звона шпоръ. Но, наконецъ, не оставалось сомнѣнія: шаги приближались къ ней. Она закрыла глаза. Раздался звукъ послѣдняго шага на каменныхъ плитахъ—и все смолкло. Долореса знала, что отецъ увидѣлъ ее. Она чувствовала, что его густыя брови хмурятся; глаза горятъ гнѣвомъ даже при слабомъ лунномъ свѣтѣ; лѣвая рука опустилась на мечъ, и костлявые, загорѣлые пальцы судорожно барабанили по рукояткѣ. Какой-нибудь часъ тому назадъ, она смотрѣла на него храбро, какъ любой мужчина, а теперь не смѣла взглянуть на него, не смѣла даже открыть глазъ.

— Что съ вами, сударыня? Вы больны, или съ вами случилось бѣда?—спросилъ ее молодой, нѣжный, грустный голосъ.

Она открыла глаза, съ громкимъ, радостнымъ крикомъ, быстро откинула рукой капюшонъ и взглянула на него.

Это былъ дон-Жуанъ Австрійскій!

Онъ стоялъ на одинъ шагъ отъ нея, весь облитый свѣтомъ, держа шляпу въ рукахъ, слегка склонившись къ ней, какъ при видѣ незнакомой особы, которая, повидимому, попала въ бѣду и нуждается въ помощи.

Но онъ не могъ ни разсмотрѣть ея лица, ни узнать ея закутанную фигуру.

— Могу-ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, сударыня? — снова заговорилъ онъ своимъ ласковымъ голосомъ.

Она протянула къ нему руки и сдѣлала шагъ впередъ. Шелковый платочекъ упалъ съ ея головы вмѣстѣ съ капюшономъ, — и онъ увидѣлъ ея золотистые волосы, облитые серебристымъ свѣтомъ луны. Изумленный, все еще неполнѣ вѣря своимъ глазамъ, онъ медленно подошелъ къ ней, потомъ схватилъ ея руки, привлекъ ее и нѣжно повернулъ лицомъ къ себѣ, чтобы разсмотрѣть ее вблизи. Тутъ вырвался у него слабый звукъ, — не слово, не слогъ, даже не восклицаніе, а именно — звукъ восторга. Его губы прильнули къ ея губамъ, а руки схватили ея талію; и онъ, самъ не сознавая, что дѣлаетъ, медленно сталъ приподнимать ее, все сильнѣе и сильнѣе прижимая къ себѣ, какъ будто этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ мужчины женщины.

Прошло нѣсколько мгновеній; и ни онъ, ни она еще не въ состояніи были говорить. Она обвила его шею руками, положила голову къ нему на грудь и, казалось, говорила нѣжныя слова его сердцу, біеніе котораго слышно было ей сквозь мягкій черный бархатъ. Она знала, что это сердце и въ сраженіяхъ никогда такъ не билось, какъ теперь, и любила его за то, что оно ее узнало и привѣтствовало; ея же собственное сердце то совсѣмъ переставало биться, то порывисто трепетало, какъ сильная молодая птица въ клеткѣ, то снова затихало. Наклонивъ голову, онъ нѣжно цѣловалъ ея волосы, цѣловалъ безъ счета, пока эти поцѣлуи не перешли въ слова, которыя она скорѣе чувствовала, чѣмъ слышала.

— Отецъ Небесный, какъ я люблю тебя, сердце моего сердца, жизнь моей жизни, любовь души моей!

И онъ опять повторялъ все тѣ же слова, и другія имъ подобныя, почти безъ перемѣны: въ эту минуту онъ ни о чемъ не думалъ, ни о чемъ въ мірѣ не заботился — ни о жизни или смерти, ни о славѣ или власти: все было ничтожно въ сравненіи съ любимой женщиной! Онъ не могъ слышать ея отвѣтовъ: она говорила безъ словъ его сердцу, прижавъ лицо къ тому мѣсту, гдѣ слышалось его біеніе, и осыпая поцѣлуями бархатъ.

Когда она, наконецъ, опомпилась, первая ея мысль была о немъ: быстрымъ движеніемъ она слегка отстранилась отъ него и бросила на него испуганный, молящій взглядъ.

— Уйдемъ!—воскликнула она тревожно, но тихимъ голосомъ.— Здѣсь намъ нельзя оставаться. Отецъ сильно гнѣвается: онъ далъ честное слово, что убьетъ тебя, если ты попытаешься видѣться со мной сегодня ночью.

Дон-Жуанъ тихонько засмѣялся. Его глаза вспыхнули. Не давая ей продолжать, онъ еще разъ прижалъ ее къ себѣ и снова сталъ цѣловать въ щеки и въ глаза; въ лобъ и въ волосы, и опять въ губы. Онъ цѣловалъ ее такъ сильно, что ей стало бы больно отъ этихъ поцѣлуевъ, если бы она не любила ихъ и сама не отвѣчала на нихъ. Потомъ она снова попыталась освободиться отъ его объятій, и онъ ее выпустилъ.

— Оставаться здѣсь—смерть,—серьезно сказала она.

— А разстаться съ тобой—хуже смерти—отвѣтилъ онъ.—И я не покину тебя—прибавилъ онъ минуту спустя—ни ради короля, ни ради твоего отца, ни ради царственнаго брака, къ которому они вздумали бы меня принудить.

Она одну минуту пристально посмотрѣла ему въ глаза, прежде чѣмъ заговорить; и въ ея взглядѣ выразилась глубокая искренняя вѣра въ него.

— Въ такомъ случаѣ, спаси меня—спокойно сказала она.— Отецъ рѣшилъ завтра утромъ отправить меня въ монастырь Лас-Гуэльгастъ. Онъ заперъ меня во внутреннихъ покояхъ; но Инеза помогла мнѣ переодѣться, и я ушла, завернувшись въ ея плащъ.

Въ немногихъ словахъ она передала ему все, что уже сдѣлала и что хотѣла предпринять, чтобы повидаться съ нимъ; рассказала, какъ приняла его шаги за шаги отца. Онъ внимательно слушалъ ее; и она замѣчала, какъ его лицо постепенно принимало выраженіе, какого она еще не видала у него. Когда она кончила, онъ все еще молчалъ съ минуту.

— Мы здѣсь въ полной безопасности—сказалъ онъ, наконецъ—я думаю, даже больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было: вѣдь, твой отецъ не можетъ вернуться раньше, чѣмъ король уйдетъ ужинать. У меня есть свободный часъ. Но меня такъ осаждали носѣители

въ моихъ покояхъ, что я не успѣлъ переодѣться въ придворное платье; а безъ хвастовства могу сказать, что сегодня вечеромъ мое присутствіе при дворѣ необходимо. Твой отецъ теперь съ Перезомъ, который, какъ церемоніймейстеръ, распоряжается придворными дѣлами, а какъ секретарь короля — всѣмъ прочимъ; они оба чѣмъ-то заняты, и у генерала не будетъ ни одной свободной минуты. Въ этомъ я убѣдился, прежде чѣмъ идти сюда: иначе я и не пришелъ бы въ этотъ часъ. Здѣсь мы въ безопасности, я въ этомъ убѣжденъ.

— Тебѣ лучше знать — сказала Долореса, успокоенная тѣмъ, что онъ сказалъ ей о Мендозѣ.

— Ну, такъ сядемъ же. Ты вѣрно устала послѣ всего, что случилось. И намъ надо о многомъ поговорить.

— Какъ могу я теперь чувствовать усталость? — спросила она, нѣжно улыбаясь, но все же сѣла на каменную скамейку въ углубленіи окна.

На скамьѣ было мѣсто для двоихъ; дон-Жуанъ сѣлъ рядомъ съ дѣвушкой, молча сжимая ея руку въ своихъ и цѣлуя кончики ея пальцевъ. Но онъ почувствовалъ, что она вглядывается въ его лицо, поднималъ голову и взглянулъ ей въ глаза. Опять прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ нихъ могъ заговорить. Они, вѣдь, были еще молоды, любили другъ друга первой нѣжной юношеской любовью. Герой дня, покоритель мавровъ, человѣкъ, отвоевавшій Гранаду, генераль-адмиралъ Испаніи, — человѣкъ, которому не далѣе, какъ черезъ какихъ-нибудь десять мѣсяцевъ, предстояло одержать рѣшительную побѣду при Лепанто, былъ только двадцатидвухъ-лѣтнимъ юношей. Онъ въ первый разъ увидѣлъ Долоресу, когда ему было двадцать, а ей семнадцать лѣтъ; теперь же съ первой ихъ встрѣчи прошло всего два года.

Онъ заговорилъ первый. Человѣкъ энергичный и рѣшительный, онъ былъ способенъ къ поступкамъ столь же неожиданнымъ, какъ смѣлымъ и блестящимъ; а того, что рассказала ему Долореса о своей ссорѣ съ отцомъ, было достаточно, чтобы возбудить всю его энергію. Что бы ни случилось, онъ никогда не допустить, чтобы она переступила черезъ порогъ монастыря Лас-Гуэльгасъ. Разъ Долореса попадетъ въ монастырь по приказанію короля,

она будетъ ваходиться тамъ въ тѣсномъ заключеніи; и ничто не вернетъ ее въ свѣтъ, кромѣ святотатственнаго нападенія и вооруженнаго насилія. Онъ это зналъ, и ему необходимо было немедленно предпринять что-нибудь, чтобы предупредить бѣду: онъ, вѣдь, зналъ также и характеръ Мендозы, а потому не сомнѣвался, что тотъ приведетъ свою угрозу въ исполненіе. Слѣдовало теперь же скрыть Долоресу, какъ отъ отца, такъ и отъ короля, а сдѣлать это въ собственномъ дворцѣ Филиппа было не легко, въ особенности въ такую ночь. Дон-Жуанъ мало жилъ при дворѣ, и почти не имѣлъ понятія о придворныхъ козняхъ или о взаимныхъ отношеніяхъ придворныхъ дамъ и сановниковъ, жившихъ въ Альказарѣ. Въ его собственной свитѣ, разумѣется, женщинъ не было. Братъ Долоресы, Родриго, сражавшійся бокъ-о-бокъ съ нимъ въ Гранадѣ, просилъ у него позволенія остаться съ гарнизономъ: онъ не хотѣлъ встрѣчаться съ отцомъ. Донья Магдалена Кихада²², пріемная мать дон-Жуана, была далеко отъ Мадрида, въ Вильягарціи. Герцогиня Альварезъ, хотя и любила Долоресу, но была гардеробъ-мейстериной молодой королевы: нельзя было надѣяться и ожидать, что она рискнетъ подвергнуть себя опасности впасть въ немилость. А это неминуемо случилось бы, если бы стало извѣстно, что она скрыла у себя дѣвушку противъ воли короля. Между тѣмъ было рѣшительно необходимо скрыть Долоресу въ теченіе года, увести ее изъ дворца еще до утра и, если возможно, проводить въ Вильягарцію. Дон-Жуанъ сразу сообразилъ, что ему не къ кому обратиться.

Онъ опять взялъ руку Долоресы, но на этотъ разъ съ нѣкоторой торжественностью и покровительственнымъ видомъ, котораго раньше не замѣчалось; онъ не сталъ теперь цѣловать ея пальцевъ и рѣшительно смотрѣлъ въ противоположную сторону. Затѣмъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ онъ изложилъ ей положеніе вещей; она тревожно слухала его.

— Видишь-ли—закончилъ онъ—намъ остается только одинъ путь. Долореса, исполни-ли ты мнѣ довѣряешь?

Она слегка вздрогнула; ея пальцы внезапно сжали ему руку.

— Довѣряю-ли я тебѣ? Ахъ, отъ всей души!

— Подумай хорошенько, прежде чѣмъ отвѣчать—сказалъ онъ.— Ты не совсѣмъ понимаешь меня. Довольно трудно разъяснить тебѣ Дон-Жуанъ.

все, но это необходимо. Я знаю, ты доверяешь мнѣ во многомъ: ты вѣришь, что я тебя люблю, что я всегда говорю тебѣ правду, что я всегда готовъ защищать тебя, помогать тебѣ, пожертвовать за тебя жизнью, еслибъ это понадобилось. Ты знаешь, что я люблю тебя такъ, какъ ты меня любишь. Развѣ не часто мы говорили объ этомъ другъ другу? Ты написала такъ и въ своемъ письмѣ, дорогая: спасибо тебѣ. Да, я прочелъ его. Оно тутъ, близъ моего сердца; и я его снова прочту передъ сномъ.

Не говоря ни слова и продолжая слушать, она нагнулась и прижалась губами къ тому мѣсту, гдѣ лежало ея письмо. Онъ поцѣловалъ ея волосы и, когда она опять откинулась спиной къ стѣнѣ, продолжалъ:

— Ты должна довериться мнѣ еще больше, моя возлюбленная. Для твоего спасенія тебѣ необходимо скрыться у кого-нибудь, кому-бы я доверялъ, какъ самому себѣ, а такого человека нѣтъ не только во дворцѣ, но и во всемъ Мадридѣ, — нѣтъ никого, къ кому бы я могъ обратиться и быть увѣреннымъ, что ты въ безопасности, — ни одного живого существа, кромѣ меня самого.

— Кромѣ тебя?

Долоресъ поправились эти слова: она нѣжно пожала ему руку.

— Благодарю, дорогая моя, сердце мое! Понимаешь-ли ты, что мнѣ придется скрыть тебя у себя, въ моихъ собственныхъ комнатахъ, и продержатъ тебя тамъ до тѣхъ поръ, пока не удастся увезти тебя изъ дворца, т. е. до утра?

Она помолчала съ минуту, отвернувшись отъ него. У него замерло сердце.

— Нѣтъ, дорогая! — печально сказалъ онъ. — Ты не настолько доверяешь мнѣ, я вижу. Да и какая женщина могла бы рѣшиться на это?

Ея рука дрогнула въ его рукахъ, потомъ крѣпко сжала его руку. Наконецъ, она снова повернулась къ нему лицомъ.

— Ты ошибаешься! — сказала она съ дрожью въ голосъ. — Я люблю тебя такъ, какъ ни одна женщина не любила мужчину, гораздо сильнѣе, чѣмъ это возможно выразить словами, и буду любить тебя до самой смерти, и послѣ смерти, вѣчно, даже если никогда не

буду твоей женой. Я люблю тебя такъ, какъ никто не любитъ въ наше время: когда я говорю, что люблю тебя такъ, какъ ты меня любишь, это значитъ, что каждое твое слово я чувствую въ тысячу разъ сильнѣе. Я уже не тотъ ребенокъ, какимъ ты оставилъ меня, два года тому назадъ. Я — женщина: вѣдь я много передумала и много видѣла съ тѣхъ поръ. И я люблю тебя сильнѣе и лучше прежняго. Богу извѣстно, что при этомъ дворѣ можно видѣть и узпать много такого, что должно-бы быть скрыто отъ глазъ честной женщины! Если Богу угодно будетъ соединить насъ, то мы съ тобой устроимъ рай на землѣ: я буду жить для тебя, служить тебѣ, удалять съ твоего пути всѣ тревоги, не требуя ничего, кромѣ любви твоей. Если же намъ нельзя будетъ обвѣнчаться, — я сердцемъ все-таки буду жить для тебя, и душой буду служить тебѣ, и стану молить Бога, чтобы зло никогда не коснулось тебя. Я буду молиться такъ горячо, что Богъ услышитъ меня. А ты молись за меня такъ, какъ сражался бы за меня, если бы это понадобилось. Помни, что когда ты сражаешься за Испанію, твой мечъ обнажается за честь Испаніи и за честь каждой испанской христіанки, а слѣдовательно и за мою!

— Ты способна заставить трусовъ сражаться, какъ львовъ, если такъ заговоришь съ ними—сказалъ онъ.

— Я говорю не съ трусами—сказала она, ласково улыбаясь.— Я говорю съ человѣкомъ, котораго люблю, съ лучшимъ, самымъ храбрымъ, самымъ честнымъ на свѣтѣ,—не съ дон-Жуаномъ Австрійскимъ, побѣдоноснымъ вождемъ, а съ тобой, моя любовь, моя жизнь, мое все, съ тобой—добрымъ, храбрымъ, вѣрнымъ мнѣ, какъ ни одинъ мужчина не былъ вѣренъ женщинѣ. Нѣтъ!—она засмѣялась счастливымъ смѣхомъ, и слезы показались у нея на глазахъ.—Нѣтъ, для такой любви, какъ наша, нѣтъ словъ!

— Далъ бы Богъ, чтобы я былъ такимъ, какимъ ты желаешь, и еще лучше—сказалъ онъ дрожащимъ отъ умиленія голосомъ.

— Я говорю все, что чувствую: я, вѣдь, знаю, а не предполагаю. Я знаю, что ты таковъ, какъ я говорю, и еще гораздо лучше. И я довѣряю тебѣ такъ, какъ ты этого желаешь, насколько это нужно для моего спасенія. Веди меня, куда хочешь. Спрячь меня въ своей комнатѣ, если это нужно; замкни дверь и положи

засовъ, если считаешь это необходимымъ. Я буду такъ же безопасна съ тобой, какъ была бы съ моей матерью на небѣ. Отдаю себя въ твои руки!

И онъ снова услышалъ ея нѣжный, тихій смѣхъ, полный радости и довѣрія. Она сложила руки и подала ихъ ему, свѣтло и прямо взглянувъ ему въ лицо, потомъ нѣжно, но торжественно сказала:

— Въ твои руки я отдаю свою жизнь, вѣру и дѣвичью честь; вѣряю ихъ одному тебѣ во всемъ мірѣ, какъ Богу.

Дон-Жуанъ долго и крѣпко сжималъ ея руки въ своихъ, все еще смотря ей въ глаза, точно желая увидѣть въ нихъ ея душу, отдававшуюся подъ его охрану. Но онъ не произнесъ ни клятвы, ни длинной рѣчи: человѣкъ, водившій другихъ людей по пути славы, человѣкъ, о которомъ никто никогда не могъ даже подумать что-нибудь безчестное, знаетъ, что его слово крѣпко.

— Ты не раскрасешься въ своемъ довѣріи и будешь въ полной безопасности—сказалъ онъ.

Большаго она и не требовала. Любя его такъ сильно, она вѣрила ему и безъ обѣщаній; она только не всегда была увѣрена въ томъ, что онъ вполнѣ понимаетъ, какъ она его любитъ.

— Ты мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ—сказалъ онъ, прерывая молчаніе.—Я люблю тебя теперь сильнѣй прежняго; а когда я встрѣтился съ тобой здѣсь, мнѣ казалось, что невозможно любить тебя больше, чѣмъ какъ я любилъ: твое довѣріе тому причиной.

— Ты зналъ, что я вѣрю тебѣ—сказала она, прижимаясь къ его груди.—Но тебѣ хотѣлось, чтобы я тебѣ это высказала. Да, мы теперь еще ближе другъ къ другу.

— Гораздо ближе и безконечно дороже — отвѣчалъ онъ.— Знаешь? Въ теченіе всѣхъ этихъ мѣсяцевъ разлуки, я часто думалъ о томъ, какъ мы встрѣтимся? Будетъ-ли это въ присутствіи многихъ постороннихъ, или только при твоей сестрѣ Инезѣ, или наединѣ? Впрочемъ на послѣднее я не смѣлъ и надѣяться.

— И я тоже. Я сотни разъ... Что я говорю!.. гораздо чаще, мечтала о томъ, какъ встрѣчусь съ тобой! Но мнѣ всегда представлялось, что при этомъ будетъ кто-нибудь посторонній. Я думала, что если бы мы встрѣтились при дворѣ и смогли переки-

нутъся лишь немногими словами, то не скоро стали бы относиться другъ къ другу по-прежнему; а теперь мнѣ кажется, что мы никогда и не разставались, не такъ-ли?

— Что мы никогда не разстанемся—нѣжно отвѣтилъ онъ.

Наступило минутное молчаніе. Хотя при дворѣ, въ этотъ вечеръ, было большое собраніе, но у окна, гдѣ сидѣли влюбленные, было тихо, такъ какъ тронный залъ и большія гостинныя находились очень далеко, въ другой части дворца, а корридоръ выходилъ во дворъ, по которому мало кто ходилъ ночью. Вдругъ вдали послышался мѣрный бой испанскихъ барабановъ, точно отрядъ войска шелъ въ ворота. Дон-Жуанъ прислушался.

— Это мои солдаты—сказалъ онъ.—Намъ надо уходить: пока я внизу, я могу отослать моихъ людей, съ приказаніями къ нимъ, и останусь одинъ. Тогда ты войдешь ко мнѣ. Въ концѣ моихъ покоевъ есть маленькая комнатка, рядомъ съ моей. Это — мой кабинетъ, и едва-ли кто вздумаетъ зайти туда ночью. Я отведу тебя туда, запру дверь и возьму съ собой ключъ, такъ что никто не войдетъ туда, пока я буду при дворѣ; или же ты можешь и сама запереться изнутри. Можетъ быть, это будетъ лучше—торопливо прибавилъ онъ.

— Нѣтъ!—спокойно отвѣтила Долореса.—Я предпочитаю, чтобы ключъ былъ у тебя: я буду спокойнѣе. Но какъ пройти туда незамѣченной? Намъ, вѣдь, не удастся добраться туда, никого не встрѣтивъ.

Онъ поднялся со скамьи, а она встала возлѣ него.

— Мои комнаты выходятъ на широкую террасу, на южной сторонѣ—сказалъ онъ.—Въ это время тамъ могутъ быть два-три офицера да мои двое слугъ. Иди за мной на нѣкоторомъ разстояніи, закрывъ лицо капюшономъ; и когда дойдешь до будки часового, на углу, гдѣ я поверну, войди въ нее. Часового тамъ теперь не будетъ, а дверь отворяется наружу. Въ какія-нибудь пять минутъ я разошлю всѣхъ съ разными порученіями; и когда всѣ уйдутъ, приду за тобой. Понимаешь?

— Вполнѣ.—Она кивнула головой, въ подтвержденіе того, что совершенно поняла его объясненія. Потомъ она протянула руки, точно желая проститься съ нимъ.

— О, если бы мы могли спокойно остаться здѣсь! — воскликнула она.

Онъ ничего не отвѣтилъ, зная, что опасность была еще очень велика; онъ беззастѣнчиво за нее. Они вмѣстѣ, рядомъ, прошли по корридору до поворота. Тутъ онъ шепнулъ ей, чтобы она отстала шаговъ на двѣнадцать. Корридоръ былъ длиненъ и плохо освѣщенъ масляными лампами, висѣвшими со свода на короткихъ цѣпочкахъ; отъ нихъ падала широкая, темная тѣнь, и только наверху горѣлъ слабый свѣтъ. Отъ времени до времени мимо нихъ проходили люди; и всякій разъ сердце Долоресы страшно билось.

Придворная дама, въ сопровожденіи дуэньи и горничной, остановилась и, кокетливо улыбаясь, низко присѣла передъ дон-Жуаномъ, который снялъ шляпу, поклонился и пошелъ дальше. Онѣ не обратили вниманія на Долоресу. Мужчина въ зеленомъ передникѣ и широкихъ туфляхъ несъ на грязномъ желѣзномъ подносѣ пять зажженныхъ лампъ; онъ равнодушно прошелъ мимо, даже не взглянувъ на покорителя Гранады. На немъ лежала обязанность разносить лампы въ этой части дворца: это былъ не человѣкъ, а ламповщикъ. Они двинулись дальше, спустились по небольшой лѣстницѣ съ широкими ступенями, затѣмъ пошли по болѣе обширному корридору, освѣщенному лучшими лампами, хотя ночной вѣтеръ провикалъ сюда и заставлялъ колебаться и мерцать ихъ пламя. Отрядъ дворцовыхъ аллебардщиковъ, подъ начальствомъ капрала, спускался съ террасы. Капралъ салютовалъ аллебардой, но дон-Жуанъ остановилъ его, сразу сообразивъ, что у его дверей поставленъ часовой.

— Мнѣ не надо караула! — сказалъ онъ. — Уведите его.

— По приказу генерала, ваше высочество — почтительно отвѣтилъ капралъ.

— Попросите капитана доложить генералу, что я не желаю, чтобы у моихъ дверей стоялъ часовой: мнѣ нечего охранять, кромѣ моей чести, а объ ней я и самъ позабочусь. — Онъ добродушно засмѣялся.

Капралъ улыбнулся. Это былъ очень смуглый, широколицый мужчина, съ выдавшимися скулами и оттопыренными ушами. Онъ повернулся назадъ, со своими тремя солдатами, и проводилъ дон-Жуана до террасы. Вдали онъ замѣтилъ закутанную жевскую фигуру.

Долореса слышала весь этотъ разговоръ и, не зная, что дѣлать, остановилась на минуту: ей не хотѣлось встрѣтиться съ возвращавшимися солдатами. Потомъ она повернулась и прошла нѣсколько шаговъ въ другую сторону, чтобы выиграть время, нарочно замедляя шаги. Не прошло и минуты, какъ солдаты вернулись, уводя съ собой часового. Долореса шла медленно, считая ихъ по мѣрѣ того какъ они проходили мимо нея. Вдругъ она вздрогнула, какъ будто ее что-то кольнуло, и ярко всныхнула подъ своимъ кашюшономъ: она ясно слышала, что капралъ, проходя мимо нея, засмѣялся. Тутъ она поняла, какъ сильно она вѣрить любимому человѣку.

Когда солдаты повернули за уголъ и скрылись изъ виду, она быстро побѣжала назадъ къ террасѣ и спряталась въ каменной будкѣ, все еще чувствуя краску на лицѣ и волнуясь. Въ стѣнѣ будки, обращенной къ помещенію дон-Жуана, было маленькое, четверугольное окошечко, какъ разъ на высотѣ глаза: она стала смотрѣть въ него, вполне увѣренная, что снаружи никто не увидитъ ея лица. Она смотрѣла только изъ любопытства, чтобы увидѣть, какіе у дон-Жуана офицеры и слуги: она интересовалась всѣмъ, что касалось его.

Прежде всего вышли два высокіхъ капитана; они были великолѣпны въ своихъ блестящихъ латахъ, съ золотыми наплечниками и поясами, съ блестящими мечами, которые поднимались назадъ, когда ихъ владѣльцы нажимали на рукоятки. Офицеры двинулись впередъ, покручивая свои короткіе черные усы, въ надеждѣ встрѣтить какую-нибудь придворную даму. Потомъ прошелъ другой человѣкъ, постарше, тоже въ военномъ мундирѣ, но съ опущенной головой и, повидимому, погруженный въ глубокую думу. Прошло нѣсколько времени—и никто не проходилъ. Затѣмъ пробрался слуга, который вынулъ что-то изъ кармана и принялся ѣсть, еще не доходя до корридора.

Наконецъ, мимо окна будки прослѣдовала женщина. Долореса видѣла ее такъ же ясно, какъ и четверыхъ мужчинъ, что прошли раньше. Женщина кралась, ступая безшумно и осторожно, точно кошка. Это была донья: на ней былъ широкій плащъ, закрывавшій все ея платье, а голова была покрыта плотной вуалью, сложенной

ПОЖАРИСТА

не перегибайте книг при чтеніи.

на лицѣ вчетверо. Судя по походкѣ, она была молода и стройна; что-то въ поворотѣ ея головы убѣдило молодую дѣвушку, что она была и красива; кромѣ того, въ ея фигурѣ и манерѣ держаться, было что-то знакомое. Кровь отлила отъ щекъ Долоресы: она почувствовала, какъ холодъ охватываетъ ея сердце. Женщина вошла въ корридоръ, быстро пошла впередъ, повернула за уголъ и исчезла.

Тутъ Долореса беззвучно засмѣялась и снова, несмотря на грозившую опасность, почувствовала себя счастливой. Она подумала, что ей не изъ-за чего волноваться. Терраса была длинна и, безъ сомнѣнія, кромѣ комнатъ дон-Жуана, здѣсь были и другія помѣщенія, хотя она этого не знала. Донья шла осторожно и вѣроятно, имѣла на то свои причины: она не желала, чтобы ее здѣсь видѣли, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія комнаты не ей принадлежали. Вѣдь, Альказаръ—старинный мавританскій дворецъ, подновленный и увеличенный неправильно, да и вообще построенный очень неуклюже, такъ что во многія помѣщенія можно было пройти лишь черезъ открытыя террасы.

Когда дон-Жуанъ пришелъ за Долоресой въ будку, ея минутное подозрѣніе уже разсѣялось, хотя любопытство еще не прошло. Она улыбнулась, выходя изъ своего убѣжища и встрѣтилась глазами съ его взглядомъ, яснымъ и правдивымъ, какъ и ея собственный. Она готова была возненавидѣть себя за подозрѣніе, что эта особа вышла изъ его комнаты. Изъ отворенной двери струился яркій свѣтъ, — и дон-Жуанъ поспѣшно повелъ ее туда. Рядомъ съ его комнатой было еще три окна, а затѣмъ терраса кончалась. Проходя мимо, Долореса посмотрѣла на фасадъ и снова сосчитала окна: ихъ было три между отворенной дверью и тѣмъ угломъ, возлѣ котораго стояла будка.

— Кто живетъ въ тѣхъ комнатахъ, рядомъ съ тобой?—поспѣшно спросила она.

— Никто. Послѣдняя назначена для тебя — отвѣчалъ онъ, повидимому, съ удивленіемъ.

Они уже подошли къ отворенной двери, и онъ остановился, пропуская ее впередъ.

— А съ этой стороны?—съ тягостнымъ усиліемъ спросила она.

— Здѣсь моя уборная и столовая—отвѣчалъ онъ.

Она замолчала и глубоко вздохнула, прежде чѣмъ снова заговорить, прижавъ руку къ сердцу, подъ плащемъ.

— Какая это донья вышла отсюда, когда всѣ мужчины разошлись?—спросила она, сильно поблѣднѣвъ.

www.libtool.com.cn

ГЛАВА V.

Долореса у дон-Жуана.

Дон-Жуанъ принадлежалъ къ людямъ, которыхъ смутить не легко; но онъ замѣтно вздрогнулъ при вопросѣ Долоресы, однако не измѣнился въ лицѣ и не мигнулъ глазомъ. Онъ пристально смотрѣлъ ей въ лицо.

— Здѣсь не было никакой доньи—спокойно сказалъ онъ.

Долореса усомнилась въ томъ, что видѣла собственными глазами. Она до такой степени вѣрила любимому человѣку, что его слова, казалось ей, сразу уничтожили и прогнали то, что, вѣроятно, было дурнымъ сномъ или ужаснымъ самсобономъ. Ея лицо снова прояснилось и засіяло счастьемъ, когда она прошла мимо дон-Жуана и вошла въ отворенную дверь. Она очутилась въ сѣняхъ, гдѣ были двери направо и налѣво. Онъ повернулъ налѣво, направляясь въ комнату.

Это была его спальня. Она была построена въ мавританскомъ стилѣ; сводчатый потолокъ начинался на высотѣ человѣческаго роста и смѣлыми, граціозными изгибами поднимался на значительную высоту. Комната была квадратная, очень обширная. Стѣны подъ сводомъ были покрыты прелестными коврами, изображавшими битву при Павіи, плѣнь Франциска I²³ и нѣчто въ родѣ апофеоза императора Карла V, отца дон-Жуана. Два высокихъ окна были почти совершенно закрыты занавѣсями изъ темной парчи, на которой были вытканы разноцвѣтными шелками, на равныхъ разстояніяхъ, испанскій и имперскій гербы. Противъ оконъ, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояла обширная кровать за занавѣсью, съ рѣзными колонками вдвое выше человѣческаго роста; въ сводѣ этой стороны сдѣлана была выемка, чтобы ножки кровати можно было придвинуть къ стѣнѣ. По четыремъ угламъ намета были щиты съ гербами; а запавѣси сдѣланы были изъ темнозеленой шелковой матеріи, густо расшитой золотомъ, съ красивыми завитками и арабесками во вкусѣ

Возрожденія. Рѣзной, темный, полированный столъ стоялъ между кроватью и простѣнкомъ, у котораго возвышался великолѣпный напой, съ красными бархатными покрывами, а надъ нимъ висѣло Распятіе. Полдюжины тяжелыхъ стульевъ были разставлены вдоль стѣны по обѣ стороны комнаты, а два удобныхъ складныхъ табурета, съ подушками изъ тисненой кожи стояли, возлѣ стола.

Противъ двери, въ которую вошла Долореса, была другая дверь въ сосѣдную комнату. Обѣ двери были украшены рѣзбой и выпуклыми узорами изъ бронзы, но безъ занавѣсей. Три или четыре восточныхъ ковра покрывали большую часть полированного мраморнаго пола, въ которомъ мѣстами отражался свѣтъ высокихъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ, въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, на столѣ и на низкихъ подставкахъ по обѣ стороны кровати. Сводчатый потолокъ, поднимавшійся надъ стѣнами, былъ выкрашенъ въ темносиній цвѣтъ и усѣянъ выпуклыми золотыми звѣздами.

Комната эта показалась Долоресѣ мрачной, почти погребальной. Кровать похожа была на помостъ, свѣчи — на погребальные факелы; и отъ всего помѣщенія вѣяло великолѣпнымъ неудобствомъ царственности, такъ что комната казалась совсѣмъ нежилой. Долореса едва взглянула на все это. Дон-Жуанъ заперъ первую дверь и ввелъ дѣвушку въ слѣдующую комнату. Онъ зналъ, что въ его распоряженіи всего нѣсколько минутъ, и торопился спрятать ее до возвращенія своихъ слугъ. Она послѣдовала за нимъ.

Въ противоположность спальнѣ, маленькій кабинетъ былъ убранъ скудно и небогато. Здѣсь стоялъ только письменный столъ, два простыхъ стула, кожаный диванъ съ прямой спинкой, да большой сундукъ изъ чернаго дуба, окованный стальными украшеніями. Окно было завѣшено темной матеріей; двѣ восковыя свѣчи спокойно горѣли на столѣ письменныхъ принадлежностей.

— Вотъ комната, о которой я говорилъ!—сказалъ дон-Жуанъ.

То были первыя слова, произнесенныя имъ съ тѣхъ поръ, какъ они вошли въ его помѣщеніе.

Долореса откинула голову, и стала разстегивать плащъ у горла, ничего не отвѣчая. Онъ помогъ ей и положилъ плащъ на диванъ. Потомъ онъ обернулся и, увидѣвъ ее при полномъ свѣтѣ свѣчей, невольно вскрикнулъ.

— Что такое?—какъ бы разсѣянно спросила она.

— Ты чудно хороша!—отвѣтилъ онъ тихимъ голосомъ. — Ты самая прекрасная женщина, какую я когда-либо видѣлъ.

Самая наивная дѣвушка пойметъ выраженіе голоса мужчины, когда онъ невольно, въ немногихъ словахъ, высказываетъ свое восхищеніе; а Долорестъ была взрослая женщина. Слабый румянецъ выступилъ на ея щекахъ; на губахъ появилась улыбка. Но глаза продолжали смотрѣть серьезно и тревожно: у нея снова явилось сомнѣніе, котораго она не могла преодолѣть.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ она ясно видѣла донью въ плащѣ и покрывалѣ, и хотя, слѣдя за проходившими мужчинами, не замѣтила, вышла-ли эта женщина изъ комнатъ дон-Жуана, а увидѣла ее внезапно въ ту минуту, когда она проскользнула мимо, все же не было сомнѣнія, что она вышла именно изъ этого помѣщенія, а не изъ другого. Между дверью и корридоромъ не было углубленія, гдѣ донья могла бы спрятаться; нельзя было также предполагать, что она, ради какой-нибудь таинственной цѣли, поджидала на террасѣ и не убѣжала, слышавъ шаги выходившихъ офицеровъ: вѣдь, очевидно, она не желала быть замѣченной. Съ другой стороны, дон-Жуанъ спокойно утверждалъ, что у него не было никакой женщины; а это, во всякомъ случаѣ, доказывало, что онъ никого не видѣлъ. Ничего другого нельзя было и подумать.

Долореста не была, по природѣ, ни безумно ревнива, ни подозрительна, а дон-Жуанъ былъ для нея идеаломъ вѣрности и чести. Она стояла, опираясь рукой на столъ, и смотрѣла на него; а онъ медленно подходилъ къ ней, какъ бы бессознательно привлекаемый ея чудной красотой, какъ растеніе—свѣтомъ утренняго солнца. Онъ былъ уже совсѣмъ возлѣ нея и протянулъ руки, какъ бы желая привлечь ее къ себѣ. Она улыбнулась, глядя на него, она на минуту забыла свои тревоги и готова была его поцѣловать. Но вдругъ его лицо стало мрачно. Онъ стиснулъ зубы и, вмѣсто того, чтобы обнять ее, только поднесъ ея руку къ своимъ губамъ такъ почтительно, точно это была рука жены его брата, молодой королевы.

— Что это значить?—спросила она съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Ты здѣсь подѣ моимъ покровительствомъ—отвѣчалъ онъ.— Предоставь мнѣ дѣйствовать.

— Да, понимаю. Какъ ты добръ ко мнѣ!

Она замолчала, сѣла на одинъ изъ стульевъ у стола и снова заговорила:

— Теперь ты долженъ уйти, запереть двери и взять съ собой ключъ. Тогда я буду увѣрена, что я въ безопасности. Между тѣмъ ты долженъ рѣшить, какимъ образомъ устроить мое бѣгство: вѣдь, это—не легкое дѣло.

Она снова помолчала немного.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, что это за женщина была тутъ?— воскликнула она, наконецъ.

— Здѣсь не было женщины — спокойно и увѣренно, какъ и прежде, отвѣтилъ дон-Жуанъ.

Онъ оперся обоими локтями на столъ съ противоположной стороны, любуясь ея чудными волосами, въ то время, какъ она наклонила голову.

— Скажи, что ты не видалъ ея—продолжала она.—Но она была здѣсь. Она прошла мимо меня, когда удалились всѣ мужчины, тихонько крадучись, чтобы не напугать. А когда она вошла въ корридоръ, то побѣжала: она молода и быстра на ноги. Лица ея я не видала.

— Долореса, вѣришь-ли ты мнѣ?—спросилъ дон-Жуанъ, наклонясь слегка надъ столомъ. Въ голосъ его слышалась тревога.

Она тотчасъ повернулась къ нему. Глаза ея были широко открыты и блестяли.

— Если бы не вѣрила тебѣ, развѣ я была бы здѣсь?—спросила она почти рѣзко.—Неужели ты думаешь, смѣешь думать, что я переступила бы порогъ твоей комнаты, если бы предполагала, что другая женщина была здѣсь раньше меня, и ты не выслалъ ея. Если бы я могла это предположить, я разсталась бы съ тобой тутъ-же, у твоихъ дверей, и разсталась бы навсегда. Я вернулась бы къ отцу. Я отправилась бы въ Лас-Гуэльгасъ, и не въ качествѣ плѣнницы, а съ тѣмъ, чтобы жить и умереть тамъ, какъ причествуетъ женщинѣ съ разбитымъ сердцемъ. О нѣтъ, ты не осмѣлился бы и подумать что-нибудь подобное, хотя ты дерзнешь сдѣ-

латъ все, что угодно! Если бы ты такъ думалъ обо мнѣ, то не любилъ бы меня, какъ я люблю тебя,—я, которая вѣрю тебѣ вполне, доверяю всецѣло, готова прозакладывать жизнь и душу за твою честь и правдивость!

Глаза ея горѣли благороднымъ негодованіемъ, вспыхнувшимъ не противъ него, но при мысли о томъ, какое значеніе могъ бы имѣть его вопросъ. Но когда она встрѣтилась съ его благороднымъ и счастливымъ взглядомъ, гнѣвъ ея прошелъ: въ ней осталось только чувство любви къ нему и вѣры въ него.

— Можно пожелать умереть за тебя, и не разъ, а дважды—сказалъ онъ, выпрямляясь, точно освободившись отъ гнетущей тяжести.

Она взглянула на блѣдную, но могучую фигуру молодого борца, заслужившаго такую высокую славу прежде, чѣмъ пушокъ успѣлъ пробиться на его губѣ. А онъ читалъ въ ея лицѣ нѣчто выше обыкновенной человѣческой природы, нѣчто ангельское, но и мужественное, что дѣлало ее способной бороться противъ жизненныхъ невзгодъ. Онъ былъ ея солнцемъ, ея идеаломъ всякихъ совершенствъ, чистымъ источникомъ вѣры. Сомнѣваться въ немъ—значило бы для нея умереть. Подобно тому, какъ онъ готовъ былъ погибнуть за нее, она готова была ради него претерпѣть самую мучительную смерть, не колебаясь.

Она наклонила голову и вдругъ разсмѣялась немножко задорно. Она сказала, указывая пальцемъ на перья и бумагу:

— Она оставила кое-что за собой: Она съумѣла пробраться сюда и снова уйти незамѣченной.

Дон-Жуанъ посмотрѣлъ, куда она указывала, и замѣтилъ писемцо, которымъ были обворочены стебельки двухъ бѣлыхъ гвоздикъ, связанныхъ кускомъ крученаго шелка. Оно лежало между бумагой и бронзовымъ подсвѣчникомъ и наполовину было прикрыто широкимъ бѣлымъ гусинымъ перомъ, которое, казалось, было небрежно брошено на цвѣты. Оно лежало здѣсь, словно оставленное самимъ писавшимъ, чтобы не привлекать на себя слишкомъ большого вниманія.

— О!—воскликнулъ онъ страннымъ голосомъ, замѣтивъ письмо, въ свою очередь. Щеки его покрылись дѣтскимъ румянцемъ.

ПОЖАЛУЙСТА

не перегибайте книг при чтеніи.

Онъ взялъ письмо и очень осторожно вынулъ оба цвѣтка. Долореса слѣдила за нимъ. Онъ повидимому колебался, не зная, что предпринять. Румянецъ быстро сошелъ съ его щекъ и замѣнился выраженіемъ досады. Гвоздики были совсѣмъ свѣжи: очевидно и часа не прошло съ тѣхъ поръ, какъ ихъ сорвали. Онъ съ минуту смотрѣлъ на нихъ, потомъ положилъ ихъ снова на столъ и взялъ письмо. Снаружи ничего не было написано. Не раскрывая его, онъ поднесъ его къ пламени свѣчи; но Долореса схатила его за руку.

— Почему-же ты не прочтешь его?—быстро спросила она.

— Дорогая, я не знаю, кто писалъ его, и не желаю знать ничего, что не было бы извѣстно тебѣ.

— Неужели ты не подозрѣваешь, кто эта женщина?—спросила изумленная Долореса.

— Ни капельки—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Но мнѣ такъ хотѣлось бы знать!—воскликнула она.—Прочти и Расскажи мнѣ. Я тутъ ровно ничего не понимаю.

— Этого я не могу сдѣлать!—Онъ покачалъ головой.—Это значило бы нарушить тайну женщины. Я не знаю, кто она: и ты не должна знать. Иначе было бы безчестно.

— Ты правъ—сказала она, немного помолчавъ.—Ты всегда правъ. Сожги письмо.

Онъ проткнулъ письмо кончикомъ перочиннаго ножа и подержалъ его надъ пламенемъ свѣчи. Оно воспламенилось и сгорѣло, въ одно мгновеніе; бѣлая зола разлетѣлась по столу.

— Какъ ты думаешь, что было въ этомъ письмѣ?—наивно спросила Долореса, въ то время какъ дон-Жуанъ сметалъ со стола золу.

— Дорогая моя! Это просто смѣшно. Мнѣ стыдно... Я не знаю, какъ объяснить тебѣ.

Онъ снова покраснѣлъ и продолжалъ:

— Странно говорить объ этомъ: я никогда не рассказывалъ этого даже моей матери... Сначала я распечатывалъ подобныя письма, но теперь имѣю обыкновеніе жечь ихъ.

— Имѣешь обыкновеніе? Что ты хочешь сказать этимъ? Не то-ли, что ты часто находишь письма съ цвѣтами на своемъ столѣ?

— Я ихъ нахожу всюду—отвѣчалъ дон-Жуанъ, совершенно

просто.—Я находилъ ихъ въ моихъ перчаткахъ, привязанными къ рукояткѣ меча; нерѣдко ихъ приносятъ мнѣ, какъ обыкновенныя письма, посланцы, которые ждутъ отвѣта. Однажды я нашелъ письмо у себя на подушкѣ.

— Но...—Долореса замаялась.—Но развѣ они всѣ, всѣ отъ одной и той же особы?—робко спросила она.

Дон-Жуанъ засмѣялся и покачалъ головой.

— Это была бы слишкомъ настойчивая и предпримчивая особа!—отвѣтилъ онъ.—Развѣ ты не понимаешь?

— Нѣтъ! Что это за женщины, которыя преслѣдуютъ тебя своими письмами? И зачѣмъ онѣ пишутъ тебѣ? Ждутъ-ли онѣ помощи отъ тебя?

— Ну, не совсѣмъ такъ—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.—Мнѣ не слѣдовало бы смѣяться надъ этимъ. Это случается съ придворными дамами, а иногда и съ другими... Я полагаю, что имъ хочется... Не знаю, какъ сказать это... Ну, начать со мной переписку, добиться и отъ меня подобныхъ писемъ.

— Какихъ же это писемъ?

— Какихъ! Любовныхъ—отвѣчалъ дон-Жуанъ, принужденный поневолѣ высказаться, несмотря на все свое нежеланіе.

— Любовныхъ писемъ!—вскричала Долореса, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.—Неужели есть женщины, незнакомыя съ тобой, которыя говорятъ тебѣ о своей любви даже раньше, чѣмъ ты заговорилъ съ ними? Неужели придворная дама, которую ты, можетъ быть, и не видалъ никогда, написала и то письмо, которое ты сжегъ, и привязала его къ цѣптамъ? Неужели она пошла на все, чтобы принести его сюда, надѣясь, что ты обратишь вниманіе на нее? Это ужасно! Это низко! Это—безстыдство, съ которымъ ничто не можетъ сравниться!

— Ты говоришь, что это—дама? Ты видѣла ее? Я не видалъ. Но кто бы она ни была, она поступила именно такъ.

— И подобныя женщины могутъ быть, да еще тутъ, въ этомъ дворцѣ! Какъ многого я не знала!

— И чѣмъ меньше ты будешь знать о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, тѣмъ лучше—кратко отвѣтилъ ей молодой воинъ.

— Но ты никогда не отвѣчалъ на эти письма, не правда-ли?—

спросила Долореса съ негодованіемъ, доказывавшимъ, что она была увѣрена въ его отвѣтъ.

— Нѣтъ!—Онъ задумался.—Разъ только я собирался отвѣчать на одно письмо. Я хотѣлъ сказать написавшей его, что она—безумная; но потомъ я раздумалъ. Это было давно, прежде чѣмъ я познакомился съ тобой: мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ.

— Какъ! Но, вѣдь, ты былъ еще мальчикомъ.

Выраженіе изумленія еще не совсѣмъ исчезло съ ея лица; но она начинала понимать яснѣе, хотя еще далеко не отдавала себѣ полного отчета. Ей и въ голову не приходило, чтобы подобныя вещи могли соблазнять молодого, блестящаго героя, которымъ восхищались всѣ женщины, которому льстили всѣ мужчины, и котораго охраняла только преданная любовь къ ней отъ неблаговидныхъ приключеній съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ взрослымъ. Если бы она понимала это, то ея любовь была бы еще сильнѣе.

Все это было, дѣйствительно, постыдно и гадко, какъ она сказала. Она воображала, будто извѣдала много зла на свѣтѣ: такъ она и сказала ему въ тотъ-же вечеръ. Но то, что она слышала теперь, превосходило все, о чемъ только могла думать ея невинная головка: она невольно почуяла, что есть глубочайшія пропасти, до которыхъ можетъ пасть женщина,—пропасти, всего ужаса, всей низости которыхъ она и не подозрѣвала.

— Сжечь и цвѣты?—спросилъ дон-Жуанъ, хватая ихъ.

— Цвѣты? Нѣтъ! Они невинны и свѣжи. Какое отношеніе имѣютъ они къ ней? Дай ихъ мнѣ.

Онъ поднесъ ихъ къ губамъ, глядя на нее, потомъ протянулъ ихъ ей. Она взяла ихъ, поцѣловала; и оба, счастливые, улыбнулись. Потомъ она прикрѣпила ихъ къ волосамъ.

— Сегодня вечеромъ меня никто не увидитъ, кромѣ тебя—сказала она. — Я могу носить цвѣты на головѣ, какъ крестьянка!

— Какъ они усиливаютъ блескъ золота твоихъ волосъ!—воскликнулъ онъ.—Однако пора уже моимъ людямъ вернуться—прибавилъ онъ печально.—Когда отправлюсь ко двору, отпущу ихъ; а послѣ королевскаго ужина постараюсь снова придти повидаться съ тобой. Тѣмъ временемъ все устроится: я почти все обдумалъ. Мать

моя снабдить тебя всѣмъ необходимымъ. Завтра вечеромъ я смогу отправиться повидаться съ нею, какъ я это всегда дѣлалъ.

Онъ всегда говорилъ о донѣ Магдаленѣ Кихадѣ, какъ о своей матери: своей родной матери онъ никогда не зналъ.

Долореса встала со стула, такъ какъ онъ собирался уходить.

— Я вѣрю тебѣ во всемъ—просто сказала она.—Я не желаю знать, какъ ты устроишь все: довольно съ меня знать, что ты устроишь. Скажи обо всемъ Инезѣ; и если сможешь, защити ее отъ гнѣва отца.

Онъ протянулъ ей руку. Она собиралась дать ему свою, какъ раньше; но этого было мало. Безсознательно обхватила она его шею руками и осыпала его поцѣлуями, нашептывая отрывистыя слова и возгласы любви. Потомъ она вдругъ отшатнулась отъ него.

— Я не могла удержаться—сказала она.—А теперь запри меня. Нѣтъ, не прощайся, хотя бы и на два часа!

— Я вернусь повозможности скорѣй—сказалъ онъ и, бросивъ на нее еще одинъ долгій взглядъ, вышелъ, притворилъ двери и замкнулъ ихъ, оставляя ее одну.

Она стояла нѣсколько времени и смотрѣла на двери, точно взглядъ ея могъ проникнуть насквозь, видѣть его по ту сторону запоровъ; а сама старалась удержать въ памяти его послѣдній взглядъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ она услышала звуки голосовъ и шаговъ въ его спальнѣ. Дон-Жуанъ повелительнымъ, хотя и ласковымъ, голосомъ говорилъ отрывисто и кратко со своими слугами.

Странно было чувствовать себя такъ близко отъ него и его домашней жизни: она думала о томъ, наступитъ-ли время, когда она всегда будетъ возлѣ него, даже еще ближе, чѣмъ теперь. Сколько произошло перемѣнъ! Сколько они оба должны были передать другъ другу, а между тѣмъ ничего не успѣли сказать о томъ, что послѣдуетъ за ея бѣгствомъ въ Вильягарцію. Ей надо будетъ отправиться въ домъ дон-Кихады еще до наступленія утра; но если отецъ узнаетъ, гдѣ она скрывается, и она не будетъ еще обвиняна, то ни самъ Кихада, ни его жена не смогутъ защитить ее противъ отца. Съ другой стороны, послѣ вѣнца, ни старикъ Мендоза, ни даже самъ король не будутъ имѣть права стѣснять свободу супруги дон-

Жуана Австрійскаго. Вся Испанія возстанетъ на защиту ея: на это можно было навѣрняка разсчитывать.

Но они не условились насчетъ брака, а потеряли столько времени по поводу этого гадкаго письма неизвѣстной имъ женщины. Обсуждая этотъ вопросъ про себя, Долореса убѣждалась, что, по всей вѣроятности, бракосочетаніе совершится тотчасъ послѣ пріѣзда дон-Жуана въ Вильягарцію. Онъ настолько могущественъ, что сумѣетъ вытребовать нужное разрѣшеніе отъ архіепископа и привезетъ его съ собою. Впрочемъ, даже если бы и не было подобнаго разрѣшенія, все же ни одинъ священникъ не откажется обвинять ихъ, если онъ этого пожелаетъ. При той власти, которою онъ обладалъ, при любви народа къ нему, онъ можетъ добиться подобнаго повиновенія во всемъ.

Въ эту минуту она ясно слышала его голосъ, хотя и не-прислушивалась. Онъ приказалъ слугѣ принести бѣлые башмаки. Это обратило ея вниманіе: она никогда еще не видала на немъ другихъ башмаковъ, кромѣ черныхъ или желтыхъ. Она улыбнулась и подумала, какъ было бы хорошо, если-бъ она могла сама принести ему бѣлые башмаки, надѣтъ ему на шею орденъ Золотого Руна ²⁴, и, подышавши на лезвіе его меча, слегка потереть его мягкой кожей. Она видѣла еще ребенкомъ, какъ Эвдальдо чистилъ оружіе отца такимъ образомъ.

Все приняло такой неожиданный оборотъ! Облокотившись о столъ, прикрывая рукой глаза отъ свѣта, Долореса старалась представить себѣ, чтѣ произошло бы, и неизбежно, если-бъ смѣшокъ неизвѣстнаго придворнаго не вызвалъ гнѣва ея отца, а затѣмъ—и всего, чтѣ послѣдовало? Вѣдь, дон-Жуанъ пришелъ бы къ нимъ: Эвдальдо впустилъ бы его, такъ какъ никто не могъ отказать ему ни въ чемъ, какъ брату короля. Онъ провелъ бы съ ней полчаса въ маленькой гостиной. И свиданіе ихъ было бы полно стѣсненія: Инеза была бы близко отъ нихъ, хотя бы она и оставила ихъ наединѣ. Потомъ, приблизительно въ это время, она пошла бы къ герцогинѣ Альварезъ и, съ другими фрейлинами, сопровождала бы королеву при ея входѣ въ тронный залъ съ королемъ и съ дон-Жуаномъ. Ей не удалось бы обмѣняться съ милымъ ни единымъ словомъ въ теченіе одного или даже двухъ дней. А теперь она почти навѣрно

станетъ его женой въ теченіе слѣдующей недѣли: онъ былъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Не убирай меча!— говорилъ онъ.—Пусть онъ остается здѣсь на столѣ.

Само собой разумѣется, на что ему мечъ при придворномъ парадѣ? Но если бы дон-Жуанъ встрѣтился съ ея отцомъ въ корридорѣ, отправляясь къ ней послѣ ужина, то, вѣдь, онъ былъ бы безоруженъ. А отецъ, напротивъ, былъ бы при мечѣ, какъ подобаетъ его чину и какъ носятъ всѣ гвардейскіе офицеры. Вѣдь, и король носитъ рапиру, какъ принадлежность своего государственнаго облаченія.

Ее поражала отчетливость, съ которой она слышала все, что говорилось въ сосѣдней комнатѣ. Это, вѣроятно, происходило отъ устройства свода, какъ она догадывалась. Правда, дон-Жуанъ говорилъ очень ясно; но она слышала и сдержанные отвѣты слугъ почти такъ же хорошо. Ей показалось, что онъ одѣлся очень скоро.

— Ключъ отъ кабинета при мнѣ—сказалъ онъ.—Тамъ мои бумаги. Вы свободны до полуночи. Подай мнѣ шляпу и перчатки. Позовите кто-нибудь мою свиту; пусть она ждетъ меня въ корридорѣ. Она почти слышала, какъ онъ натягивалъ перчатки. Одинъ изъ слугъ вышелъ.

— Фадрикъ!—сказалъ дон-Жуанъ.—Достань мой походный плащъ. Мнѣ, можетъ быть, захочется погулять по террасѣ при лунномъ свѣтѣ; а на дворѣ холодно. Приготовь мое питье къ полуночи и жди меня. Пусть Жиль ложится спать: онъ не спалъ прошлую ночь.

Ей доставляло своеобразное удовольствіе слушать его домашнія распоряженія и мелкія приказанія и убѣждаться въ его внимательности къ своимъ слугамъ. Она слышала, что онъ никогда не желалъ, чтобы его окружали лакеи и придворные, и жилъ насколько возможно просто; но совсѣмъ другое дѣло—соприкасаться такъ близко съ его жизнью. Въ его обращеніи была удивительная мягкость, которая составляла рѣзкую противоположность съ деспотической манерой и рѣзкимъ тономъ ея отца, когда онъ давалъ приказанія. Мендоза считалъ себя типомъ и образцомъ солдата и дворянина; онъ утверждалъ, что безъ строгой дисциплины немислимы порядокъ

и благополучіе, какъ въ арміи, такъ и дома. Но между нимъ и дон-Жуаномъ лежала та пропасть, которая обыкновенно отдѣляетъ природнаго предводителя отъ обыкновеннаго служаки.

Долореса прислушивалась. Дон-Жуанъ очевидно усылаетъ Фадрика съ тѣмъ, чтобъ еще разъ повидаться съ нею до отправленія въ тронную залу: она почти навѣрно рассчитывала на это свиданіе.

Вмѣсто того, кто-то зашелъ. Она слышала, какъ Фадрикъ докладывалъ:

— Капитанъ дон-Жуанъ де-Эскобедо, ваше высочество; пришелъ также и Адонисъ ²⁵.

— Адонисъ!

Донъ-Жуанъ засмѣялся: имя было ему знакомо, а также и личность, которой принадлежало оно. Это былъ карликъ, шутъ ²⁶ короля, Мигэль де-Антонa, извѣстный больше, подъ пресловутымъ прозваніемъ: «Сюда Адониса! Это—мой старый другъ!»

Дверь снова отворилась, и Долореса услышала хорошо знакомый ей голосъ горбуна, высокій, какъ голосъ женщины, злобный, прерываемый нехорошимъ смѣхомъ,—голосъ, который можно было всегда услышать въ толпѣ, но не всегда узнать. Молодецъ вошелъ съ шумомъ.

— Ave Caesar!—кричалъ онъ еще у порога.—Да здравствуетъ побѣдитель! Всякаго благополучія тебѣ, любимецъ боговъ, мужчинъ и... женщинъ!

— И женщинъ? — засмѣялся дон-Жуанъ, котораго вѣроятно забавляли древнія выраженія карлика. — Кто же сказалъ тебѣ это?

— Поваръ, сударь. Когда вы вѣзжали въ ворота, васъ увидала судомойка изъ окна погреба. И съ той минуты она безумствуетъ, воспѣваетъ луну, солнце, вѣчную любовь: словомъ, кухня стала походить на домъ умалишенныхъ еще лучше, чѣмъ это случилось бы съ этимъ домомъ, если бы наступилъ день Страшнаго Суда передъ постомъ или послѣ.

— А ты постишься, Адонисъ?

— Я? Строго пощусь три раза въ день, великій мой властитель и повелитель! Нѣтъ, шесть разъ въ день! Я, вѣдь, ничего не ѣмъ ни передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, ни послѣ нихъ. Ни

одинъ монахъ не постится строже: въ эти времена дня я совсѣмъ ничего не ѣмъ.

— Если молишься такъ же часто, какъ постишься, то ты на пути къ спасенію—замѣтилъ дон-Жуанъ.

— Такъ точно. Я произношу короткую благодарственную молитву до и послѣ ѣды... Но зачѣмъ вы пріѣхали въ Мадридъ, ваше высочество? Развѣ вамъ неизвѣстно, что Мадридъ—самое скверное, самое грѣховное, грязное, низкое... проклятое мѣсто, созданное на погибель человѣчества? А въ особенности въ ноябрѣ. Развѣ у вашего высочества есть разумная причина для такого безумія—являться сюда, гдѣ улицы покрыты грязью, а сердца людей словно сумки у сѣдла, полны грѣховъ, накопившихся съ Пасхи до Рождества Христова? Даже ваши старые друзья возмущены тѣмъ, что имъ приходится видѣть такого молодца и праведнаго принца въ такомъ мѣстѣ!

— Мои старые друзья? Кто-же это?

— Я видѣлъ, какъ св. Жуанъ Побѣдитель милостиво привѣтствовалъ рукой весьма почтеннаго стараго дворянина, сегодня послѣ полудня; дворянинъ былъ такъ возмущенъ, что не въ состояніи былъ двинуть рукой для отвѣтнаго привѣта. Но ноги его что-то такое сдѣлали, такъ что казалось, будто онъ хочетъ приподнять собственную лошадь изъ-подъ себя на воздухъ. Его негодованіе было, должно быть, велико. А я громко засмѣялся, что разсердило обоихъ — и старика дворянина, и дона Юлія Цезаря Австрійскаго. Стань передо мной, дон-Фадрикъ! Я боюсь бича мавровъ,—и нисколько этого не стыжусь! Тутъ, вѣдь, бѣдный карликъ—противъ человѣка, который разбиваетъ въ прахъ цѣлыя арміи и доводитъ до падучей судомоекъ! Что значить бѣдный калѣка-шутъ, въ сравненіи съ здоровой судомойкой или съ арміей мавровъ? Дай мнѣ этотъ мечъ, Фадрикъ, или я—погибшій человѣкъ!

Дон-Жуанъ добродушно улыбался.

— Такъ это ты смѣялся, Адонисъ? Какъ-же я не узналъ твоего голоса?

— Никто не знаетъ моего голоса, сударь: это—не голосъ, а грамматическій капризъ. Онъ рода мужескаго, женскаго и средняго, числа единственнаго по природѣ, а падежа обыкновенно вини-

тельнаго, наклоненія же желательнаго; и онъ полонъ острыхъ удареній. Если вы отыщете подобный голосъ въ цѣломъ мірозданіи, то я согласенъ отказаться отъ своего голоса въ совѣтъ короля.

Адонись засмѣялся—и Долореса вспомнила тотъ звукъ, который ей пришлось услышать изъ своего окна.

— А его величество ~~совѣтуется съ~~ ~~сп. ст.~~ тобой въ вопросахъ государственныхъ? — спросилъ дон-Жуанъ. — Отвѣчай скорѣй, мнѣ пора идти!

— Нужно какъ разъ вдвое больше времени, чтобы рассказать исторію двумъ человѣкамъ, чѣмъ одному, если вамъ приходится рассказывать имъ различныя исторіи.

— Иди, Фадрикъ!—сказалъ дон-Жуанъ слугѣ.—Да затвори двери.

Карликъ, по уходѣ слуги, попросилъ дон-Жуана отойти на другой конецъ комнаты.

— Тайна не велика, такъ какъ это—только тайна короля—сказалъ онъ.—Его величество велѣло сказать вашему высочеству, что желаетъ говорить съ вами наединѣ, и что оно изволить придти сюда вскорѣ послѣ ужина. И просить васъ быть одному.

— Я буду здѣсь... одинъ.

— Отлично, ваше высочество! Теперь у меня есть еще другая тайна, совершенно противоположная той, которую я вамъ сообщилъ, ибо это ужъ—тайна отъ короля. Одна донья положила письмо и двѣ бѣлыя гвоздики на вашъ письменный столъ. Ежели есть отвѣтъ, я его возьму съ собой.

— Отвѣта нѣтъ—строго сказалъ дон-Жуанъ.—Скажи этой доньѣ, что я сжегъ ея письмо, не читая. Ступай, Адонись; и въ слѣдующій разъ, когда придешь опять, не приноси порученій отъ дамъ. Фадрикъ!

— Ваше высочество сожгли письмо, не читая?

— Да. Фадрикъ!

— Я сожалью объ этомъ—тихо сказалъ карликъ.

Они не обмѣнялись больше ни словомъ. Спустя нѣсколько минутъ, настала полная тишина, такъ какъ всѣ вышли. Долореса осталась одна, запертая въ своей комнатѣ.

ГЛАВА VI.

Пріемъ въ тронной залѣ.

Большая тронная зала, а также смежныя комнаты и переходы были переполнены придворными, задолго до того, какъ должны были появиться король, королева и дон-Жуанъ Австрійскій. Хотя ноябрскій воздухъ былъ холоденъ, но въ парадныхъ комнатахъ стояла жара, какъ лѣтомъ, благодаря тысячамъ восковыхъ свѣчей, заправленныхъ въ подсвѣчники и въ высокіе канделябры, которые стояли въ каждомъ углу. Всюду распространялся нѣжный желтоватый свѣтъ, между тѣмъ, какъ въ воздухѣ слышался слабый запахъ воска. Отсюда такое впечатлѣніе, какъ-будто въ обширномъ соборѣ собралась куча народа для торжественнаго богослуженія, а не совершалась торжественная встрѣча побѣдителя въ тронной залѣ.

Громадные дорогіе ковры, тускнѣвшіе въ густомъ воздухѣ, покрывали простѣлки между высокими мавританскими окнами. А надъ ними возвышался заостренный сводъ, разукрашенный причудливой мавританской лѣпкой. Тутъ были словно гребни волнъ, сбитые вѣтромъ изъ сливокъ; они тамъ возвышались, здѣсь разсыпались стремительными брызгами, а дальше распадались опять, легко и красиво, на тысячу ладовъ. Сводъ поглощалъ блескъ свѣчей и отражалъ его внизъ, по всѣмъ угламъ, озаряя всѣ лица мягкимъ, золотистымъ блескомъ ²⁷.

Въ верхнемъ концѣ залы, между двумя большими дверьми, похожими на ворота восточныхъ городовъ, стоялъ пустой тронъ на помостѣ, къ которому вели три широкихъ ступени, покрытыя краснымъ сукномъ. Здѣсь стояли великолѣпные офицеры гвардіи, въ золоченныхъ кольчугахъ, въ стальныхъ шлемахъ съ перьями, всѣ въ золотѣ и пурпурѣ; они держали сабли наголо. Мендозы еще не было: онъ обязанъ былъ войти съ личной гвардіей короля, впереди мажордома ²⁸. Надъ трономъ былъ наметъ изъ желтаго и краснаго бархата, унизанный королевскими гербами.

Направо и налѣво, на ступеняхъ, тянулись ряды рѣзныхъ стульевъ съ шелковыми подушками: стоявшіе направо предназна-

лись для главныхъ правителей и саповниковъ королевства, налѣво— для вельможныхъ придворныхъ дамъ. Всѣ эти лица придутъ въ свѣтъ короля и послѣ него займутъ свои мѣста. Для остальныхъ придворныхъ, толпившихся въ залѣ и въ проходахъ, стульевъ не полагалось: только самыя высшія, по рожденію и по занимаемой должности, лица, имѣли право сидѣть въ присутствіи короля ²⁹.

Нѣкоторые, стоявшіе у оконъ, примостились кое-какъ на высокихъ выступахъ колонокъ. Они осторожно отодвинули занавѣсы, такъ что издали казалось, будто они стоятъ, тогда какъ въ дѣйствительности они усѣлись очень уютно: это вызывало завистливыя усмѣшки и шутки среди остальныхъ, менѣе счастливыхъ придворныхъ. Толпа была не настолько велика, чтобы нельзя было двигаться въ серединѣ залы: почти всѣ присутствующіе отъ времени до времени мѣнялись мѣстами. Нѣкоторые старались придвинуться къ трону; другіе разыскивали друзей среди кучи знакомыхъ, чтобы съ ними какъ-нибудь убить скучное время ожиданія.

Если смотрѣть на тронную залу съ высокой галлерей, надъ входомъ главнаго входа, то она походила на золотой котелъ, полный богатыхъ оттѣнковъ, переплетавшихся струйками. Внутри нея виднѣлся какъ бы тихій водоворотъ тѣпей, которыя вдругъ покрывались мелкими волнами свѣта. Такъ брошенные въ красивый чанъ краски тихо вскипаютъ и смѣшиваются въ ручейки темно-синихъ и малиновыхъ цвѣтовъ; а яркій пурпуръ то вдаётся мѣстами въ черное, то вдругъ загорается брызгами золота и опала. Тамъ и сямъ, на болѣе темныхъ мѣстахъ, скользилъ серебристый блескъ, словно жемчужина въ винѣ: нѣкоторыя изъ придворныхъ дамъ были одѣты въ бѣлыя платья, расшитыя серебромъ, жемчугомъ и брилльянтами, издававшими свой собственный свѣтъ ³⁰.

Карликъ Адонисъ стоялъ на галлерей за рѣшеткой, оставшейся еще со временъ мавровъ. Онъ былъ совершенно одинъ, и никто не подозрѣвалъ его присутствія. Ему удобно было прислушиваться къ равномерному, не лишенному музыкальности звуку говорящихъ членовъ общества, голоса которыхъ были не слишкомъ громки, не слишкомъ рѣзки, выраженія изысканны, безъ громкихъ возгласовъ, смѣхъ, скорѣй вызванный желаніемъ понравиться, чѣмъ веселостью. А когда появятся король и королева, то и этотъ смѣхъ прекра-

тятся: онъ уступить мѣсто тихому и льстивому ропоту. И эта перемѣна произойдетъ быстро, какъ у музыкантовъ, когда полные звуки органа внезапно умолкаютъ и замѣняются тихой, нѣжной гармоніей.

Шутъ стоялъ и смотрѣлъ жадными, глубокими глазами; а его искривленное лицо выражало страданіе и грусть. Но его оживляла острая, глубокая сообразительность. Тонкія, подвижныя губы невольно складывались въ коварную улыбку, которая легко могла перейти въ злобную или въ добродушную насмѣшку, смотря по тому, будетъ-ли затронута его впечатлительная душа враждебно или дружелюбно. Ростомъ онъ былъ не выше десяти-лѣтняго мальчика; но длинныя руки висѣли ниже колѣнъ. А голова, величиной съ голову взрослого мужчины, съ продолговатымъ, умнымъ лицомъ, выдавалась впередъ на его нескладномъ тѣлѣ: разговаривая съ особой обыкновеннаго роста, онъ смотрѣлъ изъ-подлобья и нѣсколько сбоку. Гладкіе рыжіе волосы покрывали его голову, съ выдающимся чепцомъ; тщательно подстриженная, острая бородка украшала его подбородокъ. Свободный кафтанъ изъ малиноваго бархата скрывалъ своими складками его горбатую спину и выдающіяся грудныя кости; остальные части одежды были изъ такой же дорогой матеріи, и всѣ краснаго цвѣта. Онъ, кромѣ того, очень заботился о своей внѣшности. Ни одинъ придворный не обладалъ такими нѣжными, бѣлыми руками; ни одинъ не проводилъ столько времени передъ зеркаломъ, завязывая банты на своихъ плечахъ, прикрѣпляя бѣлый, вышитый, крѣпко накрахмаленный воротникъ вокругъ своей шеи.

Отправляясь къ доя-Жуану съ порученіемъ отъ короля, карликъ прошелъ по галлерей, окруженной рѣшеткой, въ которую вела чуть замѣтная дверца, извѣстная только дворцовой прислугѣ и прорѣзанная въ одномъ изъ углубленій верхняго корридора. Во времена владычества мавровъ, женщины гарема ³¹ проходили незамѣтно этимъ путемъ, чтобы любоваться пріемомъ посланниковъ и тому подобными обрядностями, за которыхъ имъ не дозволялось присутствовать, хотя бы подъ покрываломъ.

Адонисъ недолго стоялъ на избранномъ мѣстѣ и, хотя и смотрѣлъ жадными глазами, но скорѣй по привычкѣ, чѣмъ изъ желанія найти кого-нибудь въ толпѣ. Ему доставляло удовольствіе при-

существовать отъ времени до времени на придворныхъ собраніяхъ, какъ на зрѣлищѣ: такъ утомленный актеръ охотно бываетъ зрителемъ пьесы, въ которой онъ не участвуетъ. Онъ самъ составлялъ неизбѣжную часть двора, — этотъ человѣкъ, отъ котораго часто ожидалось многое тогда, когда ему нечего было сказать, — человѣкъ, которому почти не разрешалось говорить обыкновеннымъ языкомъ, но который обладалъ почти неограниченной свободой говорить со всѣми за-панибрата. Это былъ даже не человѣкъ, а преданіе, вещь, которая должна была находиться тамъ, гдѣ она находилась, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Гдѣ пожилъ дворъ, тамъ ужъ лежалъ въ землѣ шутъ, а подчасъ и два-три шута: они рѣдко достигали обыкновеннаго долготѣія.

Адонисъ иногда думалъ объ этомъ, и когда ему случалось быть наединѣ, и когда онъ смотрѣлъ на толпу раздушенныхъ, богато разодѣтыхъ придворныхъ, этихъ мужчинъ или женщинъ, изъ которыхъ каждый носилъ древнюю фамилію и которыхъ онъ навѣрно разсмѣшитъ какой-нибудь выходкой раньше, чѣмъ минуетъ ночь. Въ ихъ глазахъ шутъ былъ слугой, необходимой принадлежностью двора: вѣдь, всегда существовали придворные шуты! Онъ былъ такъ же необходимъ, какъ старшій ключникъ, какъ главный поваръ, какъ придворный кучеръ; онъ только былъ гораздо занимательнѣе. Но онъ не былъ человѣкомъ: у него не было имени, не было мѣста среди людей. Предполагалось, что у него нѣтъ ни матери, ни супруги, ни домашняго очага, — ничего, чтò составляетъ принадлежность человѣчества. У него была хорошая квартира, — та самая, въ которой умеръ послѣдній шутъ. Онъ былъ богато одѣтъ — точно такъ, какъ одѣвался прежній шутъ. Его кормили изысканными блюдами, поили тонкими французскими винами: крѣпкій напитокъ могъ отуманить его мозгъ, и онъ не сѣумѣлъ бы разсмѣшить дворъ.

Но Адонису было хорошо извѣстно, что гдѣ-то тамъ, въ Толедо³² или Вальядолидѣ, воспитывается новый придворный шутъ, его преемникъ: того учатъ хорошимъ манерамъ, остроумію; и онъ займетъ его мѣсто, тотчасъ послѣ его смерти. Вотъ почему онъ любилъ иногда смотрѣть на подобныя сборища съ своей галлерей и размышлять о томъ, что всѣ эти изящные доны и эти нѣжныя красавицы Испаніи

тоже умрутъ; и среди нихъ врядъ-ли найдется хоть одинъ или одна, смерть которыхъ не ожидалась бы кѣмъ-нибудь, и подчасъ съ дьявольскимъ нетерпѣніемъ и досадою. Слова нѣтъ, блестящи были эти красотки, разодѣтыя въ парчу, осыпанныя брильянтами, эти смуглыя молодыя принцессы и герцогини въ бархатѣ и жемчугѣ. Намъ шутъ грезилъ о нихъ ~~иногда, изображая~~ ~~и себя~~ однимъ изъ тѣхъ джиновъ ³³ южныхъ горъ, о которыхъ мавры рассказывали такія кровавыя исторіи. И въ своихъ грезахъ онъ спускался съ галлерей, на широкихъ, черныхъ крыльяхъ, и уносилъ самую молодую, самую красивую дѣвушку въ свой волшебный замокъ, за тридцать морей.

Никто не подозрѣвалъ, что Адонисъ иногда забирался сюда. А въ этотъ вечеръ онъ недолго оставался: ему еще надо было передать отвѣтъ на данное порученіе, а слѣдовательно представиться королю, прежде чѣмъ тотъ отправится, со своей свитой, въ тронную залу.

Послѣ того какъ онъ удалился, придворнымъ еще долго пришлось ожидать. Число ихъ все увеличивалось вновь приходящими. Отъ времени до времени толпа разступалась, чтобы дать дорогу какому-нибудь сановнику, съ орденомъ Золотого Руна на шеѣ или съ какимъ-нибудь другимъ важнымъ орденомъ: этому господину нужно было подвести свою супругу поближе къ трону, на что онъ имѣлъ полное право; и онъ двигался размѣренными шагами и важно раскланивался влѣво и направо, проходя мимо ряда своихъ пэровъ. А какъ разъ позади нихъ тѣснились, перешептываясь и посмѣиваясь, собиравшіяся по три, по четыре, молодыя дѣвушки, которыя должны были представлены королю и королевѣ въ этотъ вечеръ; онѣ располагались неправильными рядами позади матерей и другихъ старшихъ дамъ, которыя должны были подводить ихъ къ королевской четѣ и произносить ихъ имена.

Тамъ, гдѣ онѣ скупивались, было свѣтлѣе; тѣни были слабѣе и мягче, цвѣта нѣжнѣе розъ въ саду, при заходѣ солнца. И отсюда раздавались звуки ясныхъ, серебристыхъ молодыхъ голосовъ. Здѣсь должна была быть и Инеза, если бы она не была слѣпой. Но Инеза никогда не чувствовала даже желанія быть здѣсь, хотя она не разъ пробиралась на ту галлерею, на которой только-что стоялъ карликъ, прислушивалась къ звукамъ, вдыхала запахъ воско-

выхъ свѣчей и ароматы, которые поднимались вверхъ вмѣстѣ съ горячимъ воздухомъ.

Прошло еще не мало времени, пока, наконецъ, растворились двери по правую руку отъ намета. Но царедворцы привыкли ждать съ самыхъ раннихъ лѣтъ; а главнѣйшее занятіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть и себя показывать. Тамъ, которымъ это занятіе доставляетъ удовольствіе и которые могутъ ему предаваться, рѣдко бываютъ нетерпѣливы. Кромѣ того, многіе находятъ удобный случай обмѣняться словами, условиться насчетъ взаимныхъ встрѣчъ: при обычномъ ходѣ жизни, было затруднительно обмѣниваться письмами или устраивать свиданія. Другіе, напротивъ, давно ожидали случая сказать кому-нибудь колкость, отлично придуманную, чтобъ нанести оскорбленіе: эти господа разыскивали своихъ враговъ въ толпѣ съ той любезной улыбкой на устахъ, которую расточаютъ женщины, нанося самыя смѣлые свои удары.

Были здѣсь и люди, у которыхъ имѣлись на очереди важныя интересы и которые нуждались въ поддержкѣ лицъ, близкихъ къ королю: они льстили всякому, отъ кого могли ожидать услуги, и не примѣчали тѣхъ, кому было дѣло до нихъ, хотя бы то былъ ближайшій ихъ родственникъ. Были здѣсь офицеры изъ арміи дон-Жуана, съ блестящими глазами, загорѣлые отъ походовъ: эти молодцы готовы были обмѣнять, до послѣдняго листка, свои лавры на розы съ любой придворной доньей, лишь бы обмѣнъ былъ выгоденъ. Ихъ было немало; и для нихъ время летѣло слишкомъ быстро. Мелькали здѣсь и духовныя особы, хотя ихъ было немного. Одѣтые въ степенныя рясы чернаго и фіолетоваго цвѣта, онѣ образовывали отдѣльныя кучки, прятались по угламъ и говорили на собственномъ, латино-испанскомъ нарѣчій, непонятномъ для придворныхъ.

Таковы-то были собравшіеся тутъ вельможи и мелкія сошки двора, — эти владыки и каноники ³⁴, эти дебелыя, затынутыя до задушенія, близкія къ апоплексическому удару принцессы, отчаянно махающія вѣерами въ горячемъ воздухѣ, и ихъ тоненькія, черноглазые, холодно улыбающіяся дочки. И все это стеклось сюда встрѣчать, привѣтствовать самаго молодого и славнаго героя Испаніи, дон-Жуана Австрійскаго, отвоевавшаго Гранаду у мавровъ ³⁵.

Но вотъ, наконецъ, распахнулись двери, — и въ залу ворвался

далекій отзвукъ серебряныхъ трубъ. Хоръ разговаривающихъ началъ смолкать, пока не замеръ на нѣсколько мгновений, когда появился, во главѣ своего двора, одинъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ той поры, одно изъ необычайнѣйшихъ явленій всѣхъ временъ. Великій церемоніймейстеръ вошелъ первый, въ своемъ мундирѣ, съ длиннымъ бѣлымъ жезломъ въ рукахъ. При полномъ безмолвіи, голосъ его раздался съ одного конца залы до другого:

— Его величество король! Ея величество королева!

За нимъ вошелъ отрядъ гвардейскихъ алебардщиковъ, отборныхъ рослыхъ молодцовъ, выступавшихъ мощными шагами, подъ предводительствомъ стараго Мендозы, шагавшаго въ латахъ и шлемѣ, съ мечомъ въ рукѣ. Онъ разставилъ гвардейцевъ въ рядъ, на одну сторону, такъ, что ему самому пришлось стоять возлѣ самыхъ дверей.

За гвардіей шествовалъ Филиппъ II,—высокая, мрачная фигура. Съ нимъ вошла, по лѣвую его руку, молодая королева, — маленькая, тоненькая, вся въ бѣломъ, съ печальными глазками съ трогательнымъ выраженіемъ лица. Быть можетъ, она думала о томъ, скоро-ли ей придется послѣдовать за другими королевами, которыя нѣкогда шли, рядомъ съ тѣмъ же королемъ, въ ту же залу и всѣ безвременно скончались—за Маріей португальской, Маріей англійской, Изабеллой Валуа³⁶.

Король принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые носятъ на себѣ роковую печать, скорѣе благодаря судьбѣ, чѣмъ собственной природѣ. Это—личности мрачныя, съ почти отталкивающими манерами, рожденныя внушать непостижимый страхъ съ перваго же взгляда и предопредѣленные или къ изумительнымъ несчастіямъ, или къ неслыханнымъ удачамъ. Филиппъ былъ однимъ изъ тѣхъ созданій, отъ которыхъ всякій невольно отшатывается, въ присутствіи которыхъ всякій теряетъ и краснорѣчіе, и самоувѣренность.

Его чудовищно неподвижные глаза неопредѣленнаго цвѣта страшно пристально глядѣли на человѣчій муравейникъ; они странно были вставлены на его широкомъ, совершенно безкровномъ лицѣ, похожемъ на черезчуръ навощенную маску. Блѣдныя губы не сходились: нижняя далеко выдавалась впередъ, благодаря необычайной челюсти—этому родовому признаку, сохранившемуся доселѣ въ Австрійскомъ домѣ. Жидкая бородка, такая свѣтлая, что казалось, будто она вылиняла,

обрисовывала, но не покрывала его подбородокъ; а волосы на головѣ, такого же неопредѣленнаго цвѣта, не рѣдкіе и не густые, не длинные и не короткіе, но расчесанные очень заботливо, спускались на довольно большія, но красивыя уши. Брови были густыя и широкія, лобъ высокій; но все лицо было слишкомъ широкое, даже для такого высокаго роста, и несоразмѣрное. Филиппъ немного вытягивалъ шею, когда сидѣлъ спокойно; когда же оглядывался, то дѣлалъ головой тихія, одинакія движенія, какъ кукла. Время отъ времени онъ задерживалъ эти движенія, устремляя куда-нибудь окаменѣлый взоръ, а затѣмъ опять поворачивалъ голову, пока не удовлетворялъ своему любопытству; наконецъ, принималъ прежнее положеніе, которое и сохранялъ, безразлично, говорилъ-ли онъ, или молчалъ.

Высокая, сухая, съ впалой грудью, фигура эта была облачена въ шелковую одежду кофейнаго цвѣта, затканную серебромъ, на которой выдѣлялся орденъ Золотого Руна,—единственный, который носилъ король. Походка Филиппа была медленна и некрасива, словно тонкія ноги съ трудомъ поддерживали небольшую тяжесть его тѣла: иногда онъ спотыкался. На ходу онъ держалъ руку на рукояткѣ меча; и даже сквозь бѣлыя перчатки легко было замѣтить чрезмѣрную длину его пальцевъ, особенно большаго.

Никому не могло придти въ голову, чтобы подъ такой внѣшностью скрывались упругость и сила; а между тѣмъ, правда рѣдко и въ болѣе молодые годы, король Филиппъ выказывалъ столько силы, рвенія и быстроты, что съ нимъ врядъ-ли справился бы обыкновенный человѣкъ. Гнѣвъ его разгорался медленно, обдуманно; онъ былъ настолько же опасенъ, насколько всѣ его замыслы были обширны и дальновидны.

Крайне осторожно, едва сверкнувъ глазами на собравшихся палаточниковъ, приблизился король къ трону, на который сѣлъ, облокотившись обѣими руками на золоченныя ручки большаго кресла. Королева заняла мѣсто возлѣ него. Не успѣлъ онъ усѣсться, какъ въ залѣ раздался сдержанный ропотъ восторга. Головы поворачивались; глаза женщинъ засіяли; а мужчины замѣтно передвигали плечами, стараясь заглянуть поверхъ плечъ стоявшихъ впереди. Восковое лицо короля омрачилось, хотя выраженіе его не измѣнилось и глаза

оставались недвижимыми. Казалось, однако, будто между его глазами и свѣтомъ встало что-то, что бросало на нихъ тѣнь.

Онъ не обернулся, чтобы взглянуть: онъ зналъ и безъ того, что братъ вошелъ въ залу и что взоры всѣхъ устремлены на него.

Дон-Жуанъ былъ весь въ бѣломъ—бѣлый бархатъ, бѣлый сатинъ, бѣлый шелкъ, бѣлые кружева, бѣлые башмаки: и ни меча, ни какихъ бы то ни было украшеній. Онъ представлялъ изъ себя безукоризненный образецъ молодого, мужественнаго, изящества, грѣзу женскихъ мечтаній.

Мѣсто дон-Жуана было по правую руку короля. Онъ прошелъ по помосту до трона свободными, смѣлыми шагами. На губахъ у него играла почти дѣтская улыбка удовольствія, вызванная знаками сочувствія и всѣмъ тѣмъ волненіемъ, которое скорѣе чувствовалось въ воздухѣ, чѣмъ давало себя знать открыто. Поднявшись по ступенямъ, онъ сталъ на одно колѣно передъ братомъ, который протянулъ ему для поцѣлуя свою обнаженную руку. Затѣмъ онъ точно также сталъ на колѣно передъ королевой, которая, въ свою очередь, протянула ему ручку. Наконецъ, проходя мимо короля, онъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ, спустился на одну ступень и сѣлъ на стулъ, приготовленный для него на мѣстѣ, назначенномъ для принцевъ крови.

Здѣсь онъ сидѣлъ одинъ: Филиппъ былъ бездѣтенъ, несмотря на свой четвертый бракъ; лишь гораздо позже у него родился сынъ, который и наслѣдовалъ ему. Не было и принцессы королевской крови въ Мадридѣ. При дворѣ дон-Жуанъ былъ единственнымъ кровнымъ родственникомъ короля. И такъ какъ онъ былъ усыновленъ, то имѣлъ полное право занять это мѣсто, даже еслибы и не былъ побѣдителемъ мавровъ и не вернулъ бы испанцамъ Гранаду.

За нимъ вошли главные министры и посланники, сопровождаемые большой свитой. Ихъ вѣлъ Антонио Перезъ ³⁷, новый любимецъ короля, человѣкъ глубокаго, дьявольскаго ума. Филиппъ лѣтъ десять полагался на него, а потомъ пыталъ его чуть не до смерти за преступленія. Но Перезу удалось бѣжать отъ него, пережить его и умереть въ Парижѣ естественной смертью, почти восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Въ то же время явились придворныя дамы—гардеробмейстерина королевы и фрейлины. Тутъ была и донья Анна,

де-ля-Церда, принцесса Эболи и Мелито, герцогиня Пастрана, супруга министра, старого дон-Рюй Гомеза де-Сильва ³⁸. Рассказывали, что она управляла и мужем, и Антономъ Перезомъ, и самимъ королемъ—и обманывала всѣхъ троихъ.

Ей было тогда не болѣе тридцати лѣтъ, а съ боку она казалась еще моложе. Но кто смотрѣлъ на нее прямо, тотъ считалъ ее старше, благодаря чрезвычайной, почти мужеской энергіи ея лица и маленькой головы, сжатой, какъ у молодыхъ борцовъ, слишкомъ прямоугольной для женщины, съ выдающимися скулами, глубоко сидящими черными глазами и густыми, скосившимися бровями. Ея кровожадный красивый ротъ немножко искривлялся, когда она собиралась говорить; а когда разжимались губы, показывались прекрасные зубки. Но когда она не гнѣвалась, не хотѣла уколоть, это была почти красавица. Ея смуглая кожа, подкрашенная горячимъ румянцемъ, была нѣжна, какъ чудесный персикъ; а глаза походили на черные опалы. И ни одна женщина въ Испаніи или Андалузій ³⁹ не могла соперничать съ нею въ изяществѣ всей фигуры и въ легкости походки.

Далѣе слѣдовала еще вереница гостей. Наконецъ, позади всѣхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ остальныхъ, вошелъ и шутъ, притворяясь удрученнымъ. Онъ съ минуту постоялъ на помостѣ, осмотрѣлся кругомъ, точно желая убѣдиться, что для него не было приготовлено стула, и печально покачалъ головой. Скорчившись, какъ комокъ пунцового бархата съ лицомъ человѣка, онъ усѣлся какъ разъ у ногъ дон-Жуана, повернувши слегка къ нему голову, словно желая слѣдить за его взоромъ. Но дон-Жуанъ не смотрѣлъ на него: онъ удивлялся, какъ это шутъ примостился именно здѣсь, послѣ строгаго выговора за то, что передалъ записку отъ женщины.

Какъ только всѣ усѣлись, началась обрядность: король сдѣлалъ знакъ дон-Антонію Перезу. Тотъ сейчасъ же поднялся и началъ читать бумагу, которую принесъ съ собой. Это было нѣчто вродѣ тронной рѣчи, составленной въ краткихъ и строго обдуманыхъ выраженіяхъ, и именно отчетъ о долгомъ походѣ противъ мавровъ, причемъ высказывались горячія похвалы всей арміи и прибавлялось нѣсколько словъ одобренія дон-Жуану.

Присутствующіе слушали внимательно; и всякій разъ, когда

произносилось имя полководца, сдержанный ропотъ восторга пробѣгалъ въ толпѣ, точно легкій вѣтерокъ, колеблющій листву въ лѣсу, въ лѣтній день; когда-же произносилось имя короля, наступала ненарушимая мертвая тишина. Дон-Жуанъ сидѣлъ неподвижно, слегка склонивъ голову; на щекахъ у него время отъ времени ясно проступалъ румянецъ. Въ рѣчи не было ни малѣйшаго намека на какія-либо награды или отличія, предназначавшіяся ему.

Послѣ прочтенія рѣчи, дон-Перезъ хранилъ нѣкоторое время молчаніе, опутивъ руку съ бумагой. Потомъ онъ громко воскликнулъ:

— Да здравствуетъ его величество, король дон-Филиппъ II! Многая лѣта королю!

Царедворцы подхватили здравницу, но въ умѣренномъ тонѣ, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, и безъ всякаго восторга трижды повторяли слова дон-Переза. Вдругъ раздался громкій, ясный женскій голосъ, заглушившій все остальное. Онъ воскликнулъ:

— Да здравствуетъ дон-Жуанъ Австрійскій! Многая лѣта дон-Жуану!

Вся толпа мужчинъ и женщинъ, точно увлеченная однимъ общимъ восторгомъ, разомъ всколыхнулась. Въ эту минуту царедворцы забыли все — короля, время, мѣсто, гдѣ они находились: и одинъ общій крикъ, громкій и долгій, потрясъ залу. Руки короля протянулись, и онъ наполовину привсталъ, какъ бы желая воспретить это выраженіе восторга; а дон-Жуанъ, весь блѣдный, тоже приподнялся немного и протянулъ правую руку къ толпѣ, съ жестомъ неодобренія.

Королева робко смотрѣла на него восторженными глазами, а смуглая принцесса Эболи опустила свои темныя вѣки, желая скрыть выраженіе своихъ глазъ: она тоже наблюдала за дон-Жуаномъ, но совсѣмъ съ другими мыслями. Черезъ нѣсколько секундъ, въ теченіе которыхъ восторженные клики слѣдовали одинъ за другимъ, наступила сравнительная тишина. Карликъ закачался у ногъ дон-Жуана, скрывая голову между колѣнъ.

— Да здравствуетъ путь! — закричалъ онъ нѣжнымъ голоскомъ, передразнивая клики.

И казалось, что Адонисъ весь трепещетъ, такъ какъ онъ сидѣлъ скорчившись и покачиваясь изъ стороны въ сторону. Но на

его слова никто не обратилъ вниманія: король поднялся, какъ только тишина возстановилась.

Онъ говорилъ глухо, такъ что трудно было понять его; но близко знающіе его видѣли, что онъ страшно гнѣвается. Красныя губы принцессы Эболи сердито сжались въ то время, какъ она слушала; и она незамѣтно обмѣнялась многозначительнымъ взглядомъ съ Антоніо Перезомъ.

То были союзники. Въ послѣднее время они частенько толковали между собой и тщательно сравнивали короля съ его братомъ. Ихъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы погубить короля и возвести на престолъ дон-Жуана Австрійскаго; только замыселъ женщины былъ еще глубже. Оба они рѣшили, чтобы дон-Жуанъ не женился помимо ихъ согласія; а если онъ все-таки женится, то они разстроятъ бракъ—конечно въ томъ случаѣ, если молодая супруга не заболѣетъ и не умретъ отъ какой-нибудь неизвѣстной врачамъ болѣзни.

Когда поднялся король, всѣ встали; и онъ обратился къ дон-Жуану, среди глубочайшей тишины:

— Братъ мой! Ваши друзья совершенно напрасно взяли на себя трудъ сказать вамъ слова, которыя были-бы высказаны нами; напрасно они выразили вамъ свой восторгъ по поводу вашихъ успѣховъ способомъ, непринятымъ при испанскомъ дворѣ. Нашъ одинокій голосъ, высказывая вамъ нашу благодарность за оказанныя вами услуги, врядъ-ли доставить вамъ большое удовольствіе, послѣ того, что вы слышали. Но я предполагаю, что похвалы другихъ все же не могутъ вполнѣ замѣнить вамъ похвалъ вашего монарха въ такую минуту: поэтому мы формально благодаримъ васъ за отличное исполненіе порученнаго вамъ дѣла, причемъ общаемъ, что вскорѣ ваши услуги вновь понадобятся намъ для предпріятія еще болѣе труднаго. Не въ нашей власти наградить васъ личными отличіями или болѣе высокой общественной должностію, чѣмъ та, которую вы занимаете: вы—нашъ братъ и генераль-адмиралъ Испаніи. Но мы надѣмся, что недалекъ тотъ день, когда бракъ, приличный вашему званію, возведетъ васъ на степень, равную съ королями.

Дон-Жуанъ сдѣлалъ шагъ впередъ и сталъ передъ королемъ, который, докончивъ свою краткую рѣчь, положилъ свои длинныя руки

на плечи брата и церемонно поцѣловаль его, приложивъ свою щеку къ его щекѣ и торжественно цѣлуя воздухъ,—пріемъ, которому дон-Жуанъ постарался подражать насколько сумѣлъ. Придворные, недовольные холодными словами короля, смотрѣли молча на этотъ обрядъ. Король отступилъ назадъ, а дон-Жуанъ вернулся на свое мѣсто.

www.libtool.com.cn

Когда онъ подошелъ къ нему, карликъ, низко поклонившись, вручилъ ему перчатку, которую онъ обронилъ, отправляясь къ королю. Взявъ ее изъ рукъ шута, онъ почувствовалъ, что въ ней было письмо: оно слегка зашуршало въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ надѣть перчатку. Раздосадованный настойчивостью карлика, дон-Жуанъ взглянулъ грозно на его искривленное лицо и чуть замѣтно покачалъ головой. Но Адонисъ, сохраняя на лицѣ такую же важность, какъ и онъ, слегка наклонилъ голову и сложилъ руки, словно моля о чемъ-то. Дон-Жуанъ подумалъ, что на этотъ разъ дѣло должно быть нешуточно: въ противномъ случаѣ, карликъ не дерзнулъ бы передать ему письмо, чуть-ли не на глазахъ у короля и у всѣхъ царедворцевъ.

Послѣ всего описаннаго, началось длинное, скучное прохожденіе всего двора мимо королевской четы, сидѣвшей въ то время, какъ всѣ остальные встали, въ томъ числѣ и дон-Жуанъ, которому церемоніймейстеръ представлялъ неизвѣстныхъ лицъ, каковыми была большая часть присутствующихъ. Мужчинамъ, старымъ или молодымъ, знатымъ или незначительнымъ, онъ дружески протягивалъ руку, женщинамъ вѣжливо кланялся. Цѣлый часъ потребовался на эту обрядность, а онъ все еще держалъ въ рукѣ перчатку съ письмомъ; карликъ же, стоя на нѣкоторомъ разстояніи, слѣдилъ, не выпадеть-ли оно.

Когда герцогиня Альварезъ и принцесса Эболи представляли мадридскихъ дамъ молодой королевѣ, послѣдняя не разъ бросала искоса взгляды на дон-Жуана и на шута. Впрочемъ она не сдѣлала ни одной ошибки въ правилахъ этикета, ⁴⁰ не перепутала ни одного имени, хотя мысли ея были заняты совѣмъ другимъ. Королева была робко привѣтлива со всѣми; но лицо Филиппа было мрачно. Его глаза, казалось, не замѣчали лицъ царедворцевъ, когда они проходили мимо него; ни разу онъ не обратился со словомъ къ комъ

бы то ни было, хотя, въ числѣ прочихъ, здѣсь были также старыя, преданные слуги отца его и его самого.

Въ его обращеніи, въ его молчаніи, во всей казенной обрядности виденъ былъ духъ испанскаго владычества. Это владычество отличалось мрачнымъ великолѣпіемъ и невозмутимой жестокостью; оно такъ же твердо хранило формы монархизма, какъ и внѣшнюю, обрядовую сторону религіи. Оно распространялось по всему свѣту: самыя отдаленныя страны посылали дань и выраженія покорности своему главѣ. А подъ покровомъ суроваго великолѣпія, окружавшаго мрачныхъ монарховъ, кипѣли страсти, ненависть, козни. Рядомъ съ дон-Жуаномъ Австрійскимъ стоялъ Антоніо Перезъ, а подъ однимъ кровомъ съ Долоресой де-Мендоза жила Анна де-ла Церда, принцесса Эболи. И среди нихъ всѣхъ прозябалъ Мигэль де-Антоня, шутъ короля.

ГЛАВА VII.

Вѣнчанный паукъ и юный герой.

По окончаніи обрядности, всѣ, находившіеся на помостѣ и на ступеняхъ престола, нѣсколько потѣснились, чтобы очистить дорогу для королевской семьи. Это произвело минутное замѣшательство, чѣмъ и воспользовался Адонись: онъ подкрался позади дон-Жуана и слегка дотронулся до его рукава, чтобы привлечь на себя его вниманіе. Дон-Жуанъ быстро обернулся и съ досадой увидѣлъ карлика. Онъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что донья Анна де-ла-Церда слѣдила за ними обоими, бросая на нихъ искоса взгляды, но не поворачивая головы.

— Это очень важно—шеннулъ шутъ.—Прочтите до ужина, если можно.

Дон-Жуанъ посмотрѣлъ на него съ минуту, потомъ отвернулся, не только не отвѣтивъ ему, но даже не давъ ему знать какимъ-нибудь знакомъ, что понималъ его.

Карликъ встрѣтился глазами съ доньей Анной и поблѣднѣлъ до того, что лицо его стало походить на желтую маску: онъ боялся ея.

Дверь по другую сторону трона открылась, и король съ королевой вышли. Дон-Жуанъ шелъ позади, а церемоніймейстеръ впереди нихъ. Шутъ, пользующійся особенными льготами, последовалъ за ними своей страшной, невѣрной походкой, неравномѣрно раскачивая длинными руками, точно это были не руки его, а какіе-то набитые мѣшки, свободно висѣвшіе на его плечахъ.

Какъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, ужинъ былъ приготовленъ, въ двухъ комнатахъ, на двухъ отдѣльныхъ столахъ,—одинъ для короля, другой для министровъ и вышнихъ царедворцевъ. Кромѣ того, въ комнатѣ съ другой стороны тронной залы былъ накрытъ большой столъ для тѣхъ вельможъ, которые считались лишь гостями при дворѣ, не занимая должностей и не пользуясь особыми преимуществами. Ужинъ, по обычаямъ того времени, долженъ былъ длиться часъ. Послѣ него всѣ возвращались въ тронную залу, гдѣ начинались тѣнцы. Только король съ королевой либо возвращались на короткое время въ тронную залу, гдѣ, стоя, вели разговоръ съ немногими грандами ⁴¹ и посланниками, либо удалялись въ свои покои.

Королевская семья ужинала въ мрачной овальной комнатѣ, казавшейся еще темнѣе отъ ковровъ, но разукрашенной золотомъ. Король и королева сидѣли рядомъ, дон-Жуанъ—на противоположномъ концѣ стола, соотвѣтствовавшаго, по формѣ, комнатѣ. Четверо или пятеро придворныхъ прислуживали королевской четѣ, принимая блюда и вина изъ рукъ главнаго буфетчика; послѣдній, съ двумя слугами въ придворныхъ ливреяхъ, прислуживалъ и дон-Жуану. Всякая мелочь точѣйшимъ образомъ согласовалась съ неизмѣнными правилами самаго стараго, на счетъ этикета, европейскаго двора, не исключая римскаго.

Филиппъ сидѣлъ, погруженный въ мрачное безмолвіе. Онъ ничего не ѣлъ и лишь изрѣдка прихлебывалъ Токайское ⁴², доставленное съ величайшими предосторожностями изъ Венгрии въ Мадридъ. Такъ какъ онъ молчалъ, то ни королева, ни дон-Жуанъ не имѣли права говорить: въ силу этикета, король первый долженъ былъ заговорить.

Но королева, женщина молодая и здоровая, несмотря на свою хрупкую вѣшность, начала пробовать поочередно блюда, стоявшія

передъ ней, робко поглядывая на своего супруга, который не обращалъ, или дѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Дон-Жуанъ, какъ истый солдатъ, умѣренно поѣлъ, что ему было сначала предложено, а затѣмъ сидѣлъ, молча наблюдая за королемъ и королевой. Онъ очень хорошо понималъ, что братъ хочетъ поговорить съ нимъ насчетъ и досадуетъ на королеву за то, что, по ея милости, ужинъ длится дольше, чѣмъ было желательно для него.

Шутъ тоже понималъ, въ чемъ дѣло, и улыбался, стоя въ углу, въ ожиданіи минуты, когда королю заблагоразсудится, чтобы онъ его позабавилъ, — минуты, которой врядъ-ли можно было дожидаться въ тотъ вечеръ. По временамъ карликъ блѣднѣлъ, и губы его судорожно сжимались, точно отъ какого-то остраго страданія: вѣдь, дон-Жуанъ еще не прочелъ письма, вложеннаго въ перчатку! Адонису казалось, будто во всѣхъ темныхъ углахъ комнаты онъ видитъ кроважидные глаза привессы Эболи, съ полуопущенными вѣками, будто онъ слышитъ ея низкій голосъ, говорящій почти всегда нѣжно. Этотъ голосъ все шепталъ ему, что если дон-Жуанъ не прочтетъ письма до свиданія съ королемъ, шутъ скоро перестанетъ быть шутомъ, перестанетъ даже быть чѣмъ бы то ни было, что «ѣсть, пить, спать и одѣвается», какъ сказалъ Дантъ.

А когда донья Анна общала сдѣлать что-нибудь, она исполняла: такъ было и тогда, и еще лѣтъ девять спустя. Впослѣдствіи ей пришлось расплатиться за все содѣянное, и даже съ лихвой. Но это не входитъ въ планъ нашего разсказа, который повѣствуетъ лишь о приключеніяхъ одной ночи въ древнемъ мадридскомъ Альказарѣ.

Король Филиппъ сидѣлъ, немного согнувшись, въ своемъ креслѣ, повидимому пристально устремивъ взоры въ пространство, не открывая рта, лишь изрѣдка прихлебывая вино. Но онъ наполнялъ своимъ присутствіемъ всю подслѣповатую комнату: изъ каждаго ея угла, казалось, видѣлось его широкое лицо; его окаменѣлые глаза вселили страхъ всему и всѣмъ, за исключеніемъ брата. Казалось, будто какое-то сверхъестественное, злое созданіе медленно околдовываетъ всѣхъ присутствующихъ;—будто чудовищный паукъ сидитъ неподвижно въ срединѣ паутины, притягивая къ себѣ все по сосѣдству необычайными чарами своихъ глазъ безъ вѣкъ;—будто услуж-

ливныя царедворцы—не больше, какъ безпомощныя мухи, кружащіяся все ближе и ближе вокругъ паука, чтобъ, наконецъ, попасться-таки въ разставленную сѣть;—будто королева—блестящая бабочка, а дон-Жуанъ — бѣлый мотылекъ, который уже схваченъ и скоро будетъ сожранъ.

Такія мысли приходили на умъ карлику, въ то время, какъ онъ стоялъ въ углу. И кровь застывала у него въ жилахъ, когда онъ вспоминалъ, что уже три королевы лежатъ въ своихъ могилахъ, въ трехъ угрюмыхъ соборахъ; а та, что теперь сидитъ за столомъ, была четвертая, которой приходилось ужинать съ королемъ-паукомъ въ его сѣтяхъ.

Адонисъ наблюдалъ короля: и всепроникающій, давно знакомый страхъ стлался по всему его существу, точно ознобъ, охватывающій человѣка передъ приступомъ болотной лихорадки. Бѣдняга припужденъ былъ изо всѣхъ силъ сжимать зубы, чтобы они не стучали слышно. При свѣтѣ восковыхъ свѣчей, ему казалось, будто лицо короля постепенно принимаетъ пепельно-сѣрый оттѣнокъ, а затѣмъ, еще медленнѣе, снова становится желтымъ: такъ, по его наблюденіямъ, гадкое тѣло паука мѣняетъ цвѣтъ при приближеніи мухи, а затѣмъ, когда муха попала въ сѣть, принимаетъ прежній оттѣнокъ.

Ему казалось, что и лица присутствующихъ мѣняются и принимаютъ выраженіе, свойственное только тѣмъ, которыхъ ожидаетъ скорая и вѣрная смерть. Такъ смотритъ человѣкъ, котораго ведутъ, со связанными руками, на разсвѣтѣ, въ сопровожденіи другихъ людей, которые увидятъ, при восходѣ солнца, его мертвое лицо. Вотъ какой страхъ то-и-дѣло нападалъ на карлика; и онъ все боялся, что, вотъ, сейчасъ король позоветъ и велитъ ему пѣть или забавлять его шутками. Но пока этого еще не случилось.

Были и другіе въ комнатѣ, которые тоже испытывали страхъ, но въ меньшей степени, чѣмъ шутъ: можетъ быть, они не такъ хорошо знали Филиппа, какъ Адонисъ, бывшій постоянно при немъ. Одинъ дон-Жуанъ спокойно сидѣлъ на мѣстѣ: онъ такъ же мало представлялъ себѣ опасность, какъ когда ему случалось нападать на мавровъ во главѣ своей козницы или идти въ рукопашную съ противникомъ, съ обнаженнымъ мечомъ.

Между тѣмъ становилось все страшнѣе: даже царедворцы и

слуги терялись. Вѣдь, еще не было случая, чтобы король, хотъ подконецъ ужина, не заговаривалъ: всѣ чувствовали, что опасность близка; каждый боялся за себя. Королева волновалась и перестала кушать. Она взглядывала то на Филиппа, то на дон-Жуана, не разъ, казалось, собиралась заговорить, но сдерживалась и не проронила слова. Рука ея дрожала; тонкія, молодыя поздри слегка трепетали. Вѣда чувствовалась въ воздухѣ: королева сознавала ея приближеніе, хотя не могла сказать, откуда она грозитъ. У всѣхъ нервы были напряжены.

Такъ бываетъ съ людьми въ южныхъ странахъ, когда задуетъ юговосточный вѣтеръ или, неожиданно, свѣжій морской вѣтерокъ вдругъ стихнетъ, — и наступитъ мертвая тишина, и разстелется мракъ, подобно туману въ прибрежныхъ горахъ, который тихо ложится у ихъ подножія и вздымается огромными клубами въ блѣдное небо; а воздухъ становится душнымъ, знойнымъ, пока, наконецъ, не разразится гроза, съ громомъ, молніей и проливнымъ дождемъ.

Но шутъ видѣлъ, среди скопляющейся бури, только паука въ своей сѣти, озареннаго неземнымъ пламенемъ своей собственной грозы, а подлѣ него — испуганную бабочку и краснѣаго серебристаго мотылька, которому опасность и не снилась. Онъ отступалъ къ занавѣсамъ до тѣхъ поръ, пока не ушибъ своего горба о скрытую ими каменную стѣну; ему хотѣлось закричать отъ страха, но еще болѣйшій страхъ лишалъ его голоса.

Онъ чувствовалъ, что король собирается заговорить съ нимъ, и что онъ, Адонисъ, не будетъ въ состояніи отвѣчать ему. Имъ овладѣла ужасная мысль: онъ вообразилъ, что король замѣтилъ, какъ онъ вложилъ письмо въ перчатку дон-Жуана, что онъ потребуетъ его и прочтетъ: а тогда наступитъ конецъ всему! Его терзали адскія муки: вѣдь, онъ зналъ, каково лежать привязаннымъ на кобылѣ, слышать, какъ палачъ кладетъ руку на колесо, готовый повернуть его при первомъ словѣ судьи. Онъ однажды присутствовалъ во время пытки и не могъ забыть лица казнимаго.

Шутъ былъ убѣжденъ, что король видѣлъ письмо; а это знаило — пытка и смерть. Вѣдь, король былъ еще разгнѣванъ тѣмъ, что дворъ привѣтствовалъ кликами дон-Жуана. Адонисъ зналъ, что

его поступокъ былъ государственной измѣной; но не позиноватьсѣ донѣхъ Аннѣ,—значило подвергать себя вѣрной смерти. Съ обѣихъ сторонъ ему грозила гибель; и избѣжать ея не было возможности.

Дон-Жуанъ не прочелъ еще письма. Если король потребуетъ онъ, вѣроятно, отдастъ его нераспечатаннымъ: вѣдь, онъ былъ слишкомъ простодушенъ, чтобы ~~www.obliboobraziti.ru~~ кто-нибудь вздумаетъ обвинять его въ измѣнѣ; онъ былъ слишкомъ дѣтски довѣрчивъ, чтобы подозрѣвать зависть короля; вдобавокъ, онъ былъ слишкомъ скромнъ, чтобы догадываться, что тысячи людей охотно пожертвовали бы жизнью, чтобы возвести его на испанскій престолъ. Да, онъ отдастъ королю письмо нераспечатаннымъ. Онъ не сдѣлаетъ этого лишь въ томъ случаѣ, если вообразить, что это—любовная записка отъ какой-нибудь безумной женщины: тогда онъ порветъ его, не читая. Несчастный шутъ зналъ, что въ обоихъ случаяхъ ему грозитъ лишеніе милости короля и смерть, а потому дрожалъ съ головы до ногъ.

Пламя свѣчей колебалось. Воздухъ становился все тяжелѣе. Король-паукъ принималъ гигантскіе размѣры, а неподвижные его глаза предсказывали бѣду. Онъ собирался обернуться къ Адонису. Шутъ чувствовалъ, какъ онъ поворачивается, зналъ, что онъ видитъ его въ его уголкѣ и собирается помаленьку извлечь его оттуда. Еще минута—и (карликъ чуялъ это) онъ упадетъ на полъ безъ сознанія, изъ одного страха.

Хорошо, если бы онъ могъ умереть; но у него не оставалось и этой надежды. Онъ ухватился руками за обѣ занавѣски, а самъ все отодвигался назадъ, прижимаясь горбомъ къ стѣнѣ. Навѣрно король поворачиваетъ голову. Да, да... короткіе волосы поднялись у бѣдняги дыбомъ, а въ ушахъ раздавались какіе-то неземные звуки. Ужасные глаза ужъ смотрѣли на него; а онъ не могъ двинуть ни ногой, ни рукой, точно его пригвоздили къ стѣнѣ на смерть.

Филиппъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ: Адонисъ не ошибся; король дѣйствительно пристально вглядывался въ него. Прошло не мало времени — и его выпяченная нижняя губа зашевелилась, точно онъ собирался говорить. Шутъ долженъ былъ выступить впередъ; при первомъ взглядѣ короля, чтобы отвѣчать на его вопросы. Въмѣсто того, его безцвѣтныя губы раскрылись, углы губъ опустились, зубы застучали; и онъ не былъ въ состояніи

закрыть рта. Королева и дон-Жуанъ слѣдили за взоромъ короля и тоже съ удивленіемъ смотрѣли на карлика: его страданія были слишкомъ очевидны.

— Похоже на то, будто у него лихорадка—сказалъ Филиппъ такимъ голосомъ, словно рѣчь шла о больной собакѣ.

Наконецъ-то онъ заговорилъ, — и страхъ, навѣянный его молчаніемъ, сталъ проходить. Въ комнатѣ раздался вздохъ облегченія.

— Бѣдняга! — воскликнула королева. — Боюсь, что онъ очень боленъ.

— Похоже скорѣй на то, будто... — началъ донъ-Жуанъ и вдругъ замолчалъ: онъ чуть-было не выразилъ предположенія, что припадокъ шута скорѣе походитъ на физическій страхъ, чѣмъ на болѣзнь. Дон-Жуану часто случалось видѣть людей, испуганныхъ близкой смертью; но онъ вспомнилъ о письмѣ въ его перчаткѣ и подумалъ, что его слова могутъ вызвать подозрѣніе у Филиппа.

— Что ваше высочество собирались сказать? — холодно спросилъ король, подчеркивая титулъ, который онъ самъ лично уполномочилъ дон-Жуана носить.

— Ваше величество справедливо изволили замѣтить: у него навѣрно лихорадка—отвѣчалъ дон-Жуанъ.

Но припадокъ уже прошелъ. Адонисъ не былъ трусомъ отъ природы; краткій разговоръ высочайшихъ особъ, если не прогналъ совсѣмъ страха, разбившаго его, то хоть нѣсколько успокоилъ его. Вѣдь, входя въ комнату, онъ былъ убѣжденъ, что, кромѣ принцессы, никто не видалъ, какъ онъ клалъ записку въ перчатку. Эта успокоительная увѣренность снова понемногу возвращалась къ нему, и челюсти его сомкнулись. Онъ выпустилъ изъ рукъ занавѣси и даже сдѣлалъ шагъ къ столу.

— Теперь ему повидимому лучше — сказалъ король, очевидно, изумленный.—Что это за болѣзнь, шутъ? Если не сможешь объяснить намъ, то тебя уложить въ постель; и врачи примутся за тебя и станутъ производить опыты надъ тобой. Они откроютъ, что у тебя болитъ,—на пользу науки.

— Они скорѣй подвинутъ меня впередъ, чѣмъ науку, ваше величество — сказалъ Адонисъ голосомъ, все еще дрожавшимъ отъ

только-что испытаннаго страха.—Вѣдь, они сразу отправятъ меня въ рай—и ничего не узнаютъ.

— Это очень возможно—задумчиво замѣтилъ дон-Жуанъ, который мало довѣрялъ медицинѣ вообще, а въ данномъ случаѣ и совѣмъ не вѣрилъ въ ея пользу.

— Дозвольте мнѣ замѣнить вашему величеству—сказалъ Адонисъ, нѣсколько прибодрившись.—На столѣ, вонъ, мускусныя дыни.

— Ну, такъ что-жъ?—спросилъ король.

— Видѣ дынь на столѣ вашего величества просто-на-просто убиваетъ меня—отвѣчалъ шутъ.

— Развѣ ты такой охотникъ до дынь, что не можешь ихъ видѣть равнодушно? Ты получишь ихъ цѣлую дюжину, и тебя заставятъ съѣсть ихъ всѣхъ. Это излечитъ тебя отъ твоей отвратительной жадности.

— Лишь бы у моего короля не было дынь, я согласенъ съѣсть все, что осталось, и умереть отъ пресыщенія, какъ умеръ прадѣдъ вашего величества, блаженной и славной памяти императоръ Максиміанъ ⁴³.

Филиппъ замѣтно поблѣднѣлъ: онъ боялся болѣзни и смерти, какъ рѣдко кто.

— Почему никто никогда еще не сказалъ мнѣ этого?—спросилъ онъ глухимъ, сердитымъ голосомъ, оглядываясь кругомъ, такъ что придворные и слуги слегка вздрогнули.

Отвѣта не послѣдовало: хотя самый случай и былъ достовѣренъ, но о немъ забыли давно; и никому не приходило въ голову, что король можетъ опасаться такой отдаленной опасности. Но карликъ зналъ его хорошо.

— Пусть больше не подаютъ дынь къ столу! — сказалъ Филиппъ, вдругъ вставъ, все еще блѣдный.

Дон-Жуанъ съ трудомъ удержался отъ улыбки. Но было не до того: онъ былъ застигнутъ врасплохъ. Торопясь встать, какъ слѣдовало по правиламъ этикета, онъ уронилъ свои перчатки, которыя лежали у него на колѣняхъ во время ужина; и прошло съ минуту, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ, что онѣ не въ рукахъ у него. Онъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, такъ какъ король, занятый молитвой на латинскомъ языкѣ, не трогался съ мѣста. Окончивъ молитву,

Филиппъ набожно перекрестился; минуту спустя, дон-Жуанъ нагнулся, чтобы поднять перчатки.

Филиппъ, конечно, замѣтилъ это движеніе; и тотчасъ въ немъ пробудилось подозрѣніе.

— Что вы нашли? — рѣзко спросилъ онъ, снова пристально глядя впередъ.

— Мои перчатки, государь: я оборонилъ ихъ.

— Развѣ перчатки — такая драгоценность, что дон-Жуанъ Австрійскій вынужденъ остановиться, чтобы поднять ихъ самому?

Адонисъ снова задрожалъ: всѣ его прежнія опасенія вернулись. Онъ едва удержался на ногахъ. Королева смотрѣла на всѣхъ съ удивленіемъ: она всего нѣсколько мѣсяцевъ была замужемъ за Филиппомъ. Дон-Жуанъ оставался совершенно спокойнымъ и сказалъ со смѣхомъ:

— Вышло такъ, что послѣ долгаго похода, это — единственная пара бѣлыхъ перчатокъ, которою обладаетъ дон-Жуанъ Австрійскій.

— Покажите-ка мнѣ ихъ — сказалъ король, протягивая руку и вдругъ улыбнувшись.

Подумавъ немного, дон-Жуанъ подаль одну перчатку брату, который взялъ ее и какъ-то недовѣрчиво сталъ разсматривать ее, а самъ не переставалъ улыбаться. Онъ поворачивалъ ее во всѣ стороны, а Адонисъ незамѣтно вытаращилъ глаза, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Другую! — спокойно сказалъ Филиппъ.

Адонисъ съ трудомъ подавилъ стоны; онъ не спускалъ глазъ съ лица дон-Жуана. Откажетъ онъ королю? Или попытается незамѣтно вынуть письмо изъ перчатки, на глазахъ у брата? Передастъ-ли онъ перчатку вмѣстѣ съ письмомъ?

Дон-Жуанъ не сдѣлалъ ничего подобнаго и нисколько не измѣнился въ лицѣ. Не дѣлая даже попытки скрыть что-нибудь, онъ спокойно вынулъ письмо изъ перчатки и подаль ее королю другой рукой. Король отступилъ: лицо его омрачилось отъ гнѣва.

— Что у васъ въ другой рукѣ? — спросилъ онъ голосомъ, неяснымъ отъ волненія.

— Письмо отъ дамы, государь — отвѣчалъ дон-Жуанъ совершенно спокойно.

— Сейчас-же дайте мнѣ его!

— Это, ваше величество, такого рода требованіе, въ которомъ я отказалъ бы каждому испанскому дворянину.

Онъ разстегнулъ пуговицу своего кафтана, вложилъ письмо и снова застегнулся, прежде чѣмъ король въ состояніи былъ произнести хоть слово. Сердце шута замерло отъ радости: онъ готовъ былъ пасть къ ногамъ дон-Жуана, цѣловать прахъ его башмаковъ. Королева нервно улыбалась, колеблясь между страхомъ передъ однимъ изъ мужчинъ и восторгомъ, вызваннымъ поступкомъ другого.

— Ваше свѣтлѣйшее высочество! — воскликнулъ Филиппъ, страшно вытаращивъ на него глаза. — Вы — первый испанскій дворянинъ, который отказалъ въ повиновеніи своему государю.

— Да буду я и послѣднимъ, ваше величество! — сказалъ дон-Жуанъ, съ изысканнымъ мановеніемъ руки, которое ясно показывало, что онъ твердо рѣшился не уступать.

Король холодно отвернулся отъ него и обратился къ Адонису, который успѣлъ опять придти въ себя.

— Ты передалъ мое порученіе его высочеству, шутъ? — спросилъ онъ, стараясь овладѣть голосомъ, который однако не вполне повиновался ему.

— Точно такъ, государь.

— Иди, скажи дон-Антоніо Перезу, чтобъ онъ тотчасъ же явился ко мнѣ въ мои собственные покои.

Карликъ поклонился такъ низко, что горбъ поднялся надъ его головой, и, пятась назадъ, вышелъ въ ту дверь, черезъ которую входили слуги. Когда онъ удалился, Филиппъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подаль руку королевѣ и повелъ ее со всей предписанной вѣжливостью, которая приличествовала ея сану. Слуги широко распахнули двери; двое придворныхъ стали по сторонамъ; главные дежурные пошли впередъ: — королевская чета двинулась. На нѣкоторомъ разстояніи отъ нея шель дон-Жуанъ беззаботно, слегка помахивая перчаткой въ правой рукѣ. Шествіе заключали четверо царедворцевъ. Въ сосѣдней залѣ ждалъ Мендоза со своими гвардейцами.

Нѣсколько времени послѣ того, какъ всѣ разошлись, Адонисъ вернулся, исполнивъ свое порученіе, и, переваливаясь на своихъ

пожкахъ, началъ искать другую перчатку, которую король уронилъ на полъ.

Онъ тотчасъ же нашелъ ее и спряталъ. Въ комнатѣ не было никого: слуги удалились при первой возможности. Карликъ быстро приблизился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ дон-Жуанъ, взялъ венеціанскій кубокъ ⁴⁴ съ виномъ, стоявшій тутъ же на столѣ, и осушилъ его однимъ духомъ. Потомъ онъ похлопалъ себя другой рукой, съ выраженіемъ наслажденія на лицѣ, и задумчиво посмотрѣлъ на ломти мускатной дыни, лежавшіе на золотомъ блюдѣ, окруженномъ другими блюдами съ позднимъ виноградомъ и съ грушами.

— Да почіетъ благословеніе Божіе на императорѣ Максимиліанѣ! — сказалъ онъ набожно. — Такъ какъ онъ не могъ жить вѣчно, то это была особенная милость Провидѣнія — послать ему смерть отъ дынь.

Затѣмъ онъ снова вышелъ и заперъ тихонько двери за собой, но предварительно осмотрѣвшись еще разъ, чтобы убѣдиться, что въ комнатѣ дѣйствительно никого не было. А можетъ быть, въ немъ заговорило то чувство, которое заставляетъ иногда людей бессознательно запечатлѣвать въ своей памяти всѣ мелочи того мѣста, гдѣ имъ удалось избѣжать большой бѣды: это—нѣчто вродѣ благодарности, словно неодушевленные предметы тоже подвергались опасности и тѣмъ заслужили прочную привязанность.

Такъ всякій, кому случалось быть на морѣ, знаетъ, что если его судно подвергалось бурѣ часами или даже днями почти на одномъ и томъ же мѣстѣ, то море становится ему близкимъ, какъ родныя картины природы для жителя суши. И когда буря стихнетъ, волны спадутъ до долгой зыби, а судно станетъ по вѣтру и снова можетъ пуститься дальше, человекъ смотритъ съ кормы на сѣрыя воды, съ которыми онъ такъ близко познакомился, и чувствуетъ, что онъ узналъ бы ихъ, если бы снова пришлось побывать тутъ; и разстается онъ съ ними съ сожалѣніемъ. Такъ и Адонисъ, придворный шутъ, вышелъ въ эту ночь изъ столовой короля, горячо благодаря Бога за то, что императоръ Максимиліанъ умеръ, обѣвшись дынями, болѣе чѣмъ сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Между тѣмъ король разстался съ королевой у дверей ея покоевъ и въ гнѣвномъ молчаніи отпустилъ дон-Жуана лишь mano-

ніемъ руки; а самъ отправился въ свой кабинетъ. Придя туда, онъ отпустилъ придворныхъ и велѣлъ, чтобы никто не беспокоилъ его и чтобы къ нему допустили только дон-Антоніо Переза, его новаго любимца. Ужинъ продолжался не болѣе получаса; а потому было еще рано, когда Филиппъ остался одинъ. У него было достаточно времени обдумать все происшедшее и поразмыслить о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ своего брата, героя и кумира Испаніи.

Онъ не могъ допустить мысли, чтобы дон-Жуанъ оставался жить спокойно, послѣ того какъ онъ осмѣлился послушаться его рѣшительнаго приказанія, — дон-Жуанъ, который навѣрно тайно замышляетъ овладѣть престоломъ. Это было совершенно невозможно. Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ слава дон-Жуана все росла, и не только среди народа, но и среди войска — дѣло посерьезнѣе! И, вмѣстѣ съ ней, росли также быстро, даже гораздо быстрѣй, зависть и ненависть короля: эти чувства Филиппа къ брату стали уже предметомъ всеобщихъ толковъ и шутокъ между солдатами, когда ихъ не слышали офицеры.

И хотя для этой ненависти не было настоящей причины, однако она имѣла кажущееся основаніе. Медленно, невѣрными шагами, не разъ спотыкаясь о подушку, лежавшую на полу передъ его большимъ кресломъ, Филиппъ прохаживался взадъ и впередъ по своей самой уединенной комнатѣ: и передъ его мысленнымъ взоромъ ясно рисовалась вся сила той власти, которую онъ самъ, хотя и неохотно, вручилъ брату. Времени оставалось немного, зато и средствъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, были сильны: они клонились къ гибели. Ужасны были бы ихъ послѣдствія, обратись они противъ того, кто прибѣгалъ къ нимъ!

Филиппъ былъ въ такомъ возрастѣ, что могъ бы быть отцомъ дон-Жуана. И вспомнилось ему, какъ равнодушно отнесся онъ къ изящному двѣнадцати-лѣтнему мальчику, котораго всѣ называли Жуаномъ Кихадой, когда привезли его въ старый дворецъ въ Вальядолидѣ и признали сыномъ императора Карла. Хотя мальчикъ былъ его братомъ, Филиппъ даже не дозволилъ ему жить во дворцѣ, — улыбался насмѣшливо при одной мысли, что къ нему станутъ обращаться, какъ къ «свѣтлѣйшему высочеству».

Еще мальчикомъ, Жуанъ стремился на бой. Филиппъ помнилъ, какъ

онъ все утрачивался мечомъ да вѣчно продѣлывалъ, на полудинныхъ коняхъ, дерзкія штуки, доказывавшія силу и ловкость, если только донья Магдалена Кихада не усаживала его за книги: то была единственная осязаемая вещь, которой онъ безусловно повиновался. Съ перваго раза всѣ полюбила мальчика: и съ той поры въ сердцѣ Филиппа зародилась зависть къ нему. Вѣдь, онъ, котораго не любилъ никто, а всѣ боялись, жаждалъ славы и общей привязанности: и душа его была переполнена горькимъ чувствомъ обиды противъ всего міра, который покорялся ему, но отказывалъ въ томъ, чего онъ больше всего желалъ.

Прошло не больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ привезенъ мальчикъ, а онъ не умеръ естественной смертію, не палъ на войнѣ: напротивъ, онъ сдѣлался зрѣлымъ юношей и сталъ величайшимъ человекомъ Испаніи. Съ нимъ обращались, какъ съ подчиненнымъ, а народъ создалъ изъ него божество. Его посылали въ походы, надѣясь, что онъ потерпитъ неудачу и покроетъ себя позоромъ; а онъ выказалъ болѣе мудрости, чѣмъ старцы, и вернулся покрытый славой. Наконецъ, его послали на окончательную борьбу Испаніи съ маврами: надѣялись, что онъ погибнетъ въ сраженіи, разъ оказалось невозможнымъ лишить его почестей; а онъ вернулся съ торжествомъ, окончательно покоривъ самыхъ храбрыхъ воиновъ Европы. Теперь онъ пожинаетъ созрѣвшіе плоды военной славы въ такомъ возрастѣ, когда другіе еще ходятъ на помочахъ въ ратномъ дѣлѣ. Его превозносилъ дворъ, какъ героя и своего любимца, — тотъ самый дворъ, который еле возвысилъ голосъ, чтобы привѣтствовать короля.

Въ десять лѣтъ все это свершилось: пройдутъ еще десять, даже пять лѣтъ — и свершится остальное. Этотъ мальчикъ долженъ быть честолюбивъ; а предметомъ его честолюбія можетъ быть только престолъ. И никто-то ни слова не вымолвилъ противъ него: его молчаливая слава была зачарована, какъ и жизнь его. Напрасно король приказалъ Антоніо Перезу и принцессѣ Эболи приложить всю свою ловкость, все свое остроуміе, чтобы добыть доказательства его притязаній на корону. Они отвѣчали, что онъ влюбленъ въ одну изъ придворныхъ дѣвушекъ, въ дочь Мендозы: помимо войны, которую онъ любитъ изъ-за нея самой, онъ не думаетъ ни о чемъ и ни о комъ, кромѣ Долоресы и своей пріемной матери.

Они говорили правду: они имѣли возможность убѣдиться въ этомъ, употребивъ всё усилія, чтобы узнать, возможно-ли вызвать ссору между дон-Жуаномъ и Филиппомъ,—ссору, которая разгорѣлась бы въ гражданскую войну. А исходъ послѣдней былъ ясенъ: вѣдь, вся Испанія возстала бы за дон-Жуана и провозгласила бы его королемъ. Эти господа старались запутать его вопросами, вовлекали въ разговоры, при которыхъ онъ, казалось бы, неизбежно долженъ былъ подать имъ нѣкоторую надежду. Но какъ они, такъ и ихъ орудія, приходили въ отчаяніе, встрѣчая непреодолимое препятствіе въ непоколебимости вѣрноподданническихъ чувствъ молодого принца.

Эта преданность выражалась просто, непритворно, безъ всякихъ преувеличеній. Дон-Жуанъ никогда не обнажалъ меча, не цѣловалъ клинка, не клялся именемъ Пресвятой Дѣвы въ томъ, что готовъ пролить послѣднюю каплю крови за государя и отечество. Никогда также не давалъ онъ торжественныхъ обѣтовъ исполнить невозможныя дѣянія. Но когда били тревогу, онъ надвигалъ глубже на голову свой стальной шлемъ, вскакивалъ на коня, не сказавъ слова, и отправлялся на смертный бой, какъ воплощенный дьяволъ. И ратники слѣдовали за нимъ, и невозможное совершалось: вотъ и все! Не то онъ недѣлями выжидалъ, наблюдалъ, передвигался, пока не удастся захватить врага: и такого терпѣнія не хватило бы у офицеровъ и солдатъ, когда-бъ они не видѣли его вѣчно готовымъ на бой, увѣреннымъ въ себѣ, вполне убѣжденнымъ, что если бы ему не удавалось что-нибудь и двадцать разъ, онъ, въ концѣ концовъ, добьется-таки своего. И такъ всегда и было.

Филиппъ прохаживался по комнатѣ, погруженный въ глубокія и гнѣвные мысли. Предложи ему кто-нибудь въ эту минуту освободить его отъ брата, награда была бы велика, достойна дѣла убійцы. Но король долго тѣшилъ себя мыслью женить дон-Жуана на королевѣ Маріи шотландской, бракъ которой съ Ботвелемъ легко было расторгнуть. Такимъ образомъ въ одно время можно было и удовлетворить предполагаемое честолюбіе молодого героя, и имѣть въ своемъ королевствѣ могучаго союзника Испаніи противъ Елизаветы англійской.

Вотъ почему Филиппъ давно рѣшилъ не допускать брака дон-Жуана съ дочерью Мендозы, Маріей Долоресой. Съ другой стороны дон-Жуанъ.

не переставайте книгъ при чтеніи!

роны, Перезъ и донья Анна де-ла-Церда опасались, что если дон-Жуанъ женится на своей страстно любимой дѣвушкѣ, онъ забудетъ для нея все на свѣтѣ, броситъ войну и опустится до ничтожества счастливѣйшаго человѣка. Съ своей точки зрѣнія, они знали свѣтъ хорошо: нерѣдко счастье, точно такъ-же, какъ горе, подкашиваетъ тѣхъ, кому оно выпадаетъ на долю, а страданія и опасности возбуждаютъ у мужчины силы духа и тѣла.

Но хотя у короля и его предательскаго любимца намѣренія были прямо противоположны, одна и та же мысль блеснула въ ихъ головахъ еще прежде, чѣмъ дон-Жуанъ, вернувшись изъ своего послѣдняго лагеря за стѣнами города, вступилъ въ ворота дворца. Оба пришли къ тому заключенію, что всякій, кто пожелаетъ имѣть вліяніе на такого прямодушнаго и безстрашнаго человѣка, долженъ овладѣть особой, ради которой тотъ готовъ принести величайшую жертву: и обоимъ было извѣстно, что эта особа—никто иная, какъ Долореса. Но когда Антоніо Перезъ вошелъ въ кабинетъ Филиппа, ни одинъ изъ нихъ не подозрѣвалъ мыслей другого.

ГЛАВА VIII.

Альказарская Мегера.

Царедворцы еще сидѣли за столомъ, когда Адонисъ пришелъ отъ имени короля позвать дон-Антоніо Переза. Секретарь—какъ его обыкновенно называли—долженъ былъ извиниться передъ гостями, объяснивъ свое неожиданное исчезновеніе требованіемъ короля. Онъ не имѣлъ даже возможности обмѣняться словомъ съ доньей Анной, которая сидѣла, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, за другимъ изъ трехъ длинныхъ столовъ, накрытыхъ для ужина. Она впрочемъ поняла, въ чемъ дѣло, и безпокойнымъ взглядомъ слѣдила за нимъ.

То обстоятельство, что онъ долженъ былъ удалиться, отнюдь не могло считаться знакомъ вставать и другимъ; но оно произвело нѣкоторое движеніе, нарушивши торжественную обрядность ужина. Посланникъ Священной Римской имперіи⁴⁵ увѣрялъ, что у него невыносимая головная боль; а принцесса Эболи, возлѣ которой онъ

сидѣлъ, просила его не стѣсняться, такъ какъ Перезъ ушелъ, и велѣтъ немедленно подавать экипажъ. Въ комнатѣ жарко, увѣряла донья: она съ радостью ушла бы сама.

Оба они встали; другіе послѣдовали ихъ примѣру; а тѣ немногіе, которые съ удовольствіемъ посидѣли бы еще, были принуждены подчиниться большинству. Когда Мендоза, освободившись наконецъ отъ возложенныхъ на него обязанностей, пошелъ въ столовую занять оставленное ему мѣсто, у одного изъ столовъ, онъ встрѣтился съ доньей Анной въ корридорѣ, гдѣ офицеры и придворныя дамы проходили въ свои покои. Онъ остановился, удивленный встрѣчей съ ней въ этомъ мѣстѣ.

— Ужинъ ужъ кончился—сказала она, останавливаясь тоже и испытующе вглядываясь въ лицо старика, при слабомъ свѣтѣ лампъ.— Могу-ли сказать вамъ два слова, генераль? Пойдемте вмѣстѣ въ ваши покои!

— Туда далеко, сударыня—замѣтилъ Мендоза, догадавшійся, что ей хотѣлось повидаться съ Долоресой.

— Мнѣ хотѣлось бы пройтись немного и подышать свѣжимъ воздухомъ: въ вашемъ корридорѣ, насколько мнѣ помнится, есть открытыя арки.

Она пошла; онъ долженъ былъ послѣдовать за ней.

— Да!—равнодушно продолжала она.—Сегодня погода была чрезвычайно измѣнчива. Утромъ точно шелъ снѣгъ, былъ дождь, затѣмъ подморозило, а теперь—совершенное лѣто. Надѣюсь, Долореса не простудилась? Не больна-ли она? Ея не было при дворѣ до ужина.

— Да, погода очень измѣнчива—отвѣчалъ генераль, который не зная, что сказать, а считалъ ниже своего достоинства лгать... конечно, если не прикажетъ король.

— Да, да! Вѣдь, я же только-что сказала это самое, не такъ-ли? Но что съ Долоресой? Не больна-ли она? Пожалуйста, отвѣчайте!

Голосъ принцессы выражалъ почти тревогу.

— Нѣтъ, сударыня, мои дочери здоровы, насколько мнѣ из-

въ такомъ случаѣ, дорогой генераль, странно, что вы
съ по поводу отсутствія Долоресы. Таково правило, вы

знаете. Позвольте узнать, на какомъ основаніи вы рѣшились нарушить его?

Голосъ ея становился все жестче.

— Это случилось совершенно неожиданно—сказалъ Мендоза, стараясь замаять дѣло.—Надѣюсь, ваша милость извинить мою дочь.

— Что случилось неожиданно?—спросила донья Анна холодно.— Вѣдь, вы только-что сказали, что она не больна.

— Ея, ея... Ну, то, что она не могла явиться.

Мендоза зацнулъ и въ смущеніи щипалъ свою сѣдую бороду.

— Она хотѣла непременно придти—прибавилъ онъ.

Донья Анна пошла медленнѣе, искоса поглядывая на него, хотя она могла видѣть его лицо развѣ тогда, когда они проходили мимо лампы: онъ былъ очень высокъ, она была мала ростомъ, хотя чрезвычайно правильно сложена.

— Не понимаю—сказала она яснымъ, металлическимъ голосомъ.—Я имѣю право требовать объясненія: нельзя же дозволить придворнымъ дамамъ, живущимъ во дворцѣ, являться или не являться къ королевѣ, какъ имъ вздумается. Будетъ особенное счастье, если дон-Антонио. Перезъ не доложитъ королю.

Мендоза молчалъ; но слова доньи Анны произвели на него весьма непріятное впечатлѣніе, такъ какъ въ нихъ была угроза.

— Видите-ли—продолжала принцесса, когда они дошли до лѣстницы, на которую имъ надо было подняться.—Всѣ отдають полную справедливость вашимъ услугамъ; всѣ признають, что васъ плохо наградили за нихъ. Но въ этомъ послѣднемъ вы отчасти виноваты сами: вы не искали друзей, когда можно было; а сами лично имѣете мало сношеній съ королемъ.

— Я знаю это—отвѣтилъ старый воинъ, съ нѣкоторой горечью въ голосъ.—Принцесса!—продолжалъ онъ, не давъ ей времени прибавить что-нибудь еще.—Это—семейное дѣло, касающееся только меня и моей дочери. Умоляю васъ, не обращайте вниманія на нарушение этикета и не предлагайте мнѣ больше вопросовъ на этотъ счетъ. Я готовъ служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу...

—Но вы ничѣмъ не можете услужить мнѣ—отвѣчала донья Анна рѣзко.—Я стараюсь помочь вамъ—прибавила она, внезапно мѣняя голосъ.—Видите-ли что, дорогой генералъ! Вы ужъ не молоды. Въ

ваши годы, обладая такимъ именемъ, оказавъ такія услуги, вы должны бы быть грандомъ, притомъ богатымъ человѣкомъ. Вы пренебрегли случаемъ сдѣлать карьеру; вы довольствовались должностію, хотя и очень почетною, но плохо оплачиваемою. Не такъ-ли? А есть молодые люди, которые добиваются этой должности честиради и которымъ были бы очень пріятны услуги друзей.

— Кто мой преемникъ?—спросилъ Мендоза, мужественно управляя своимъ голосомъ, хотя онъ чувствовалъ, что ему грозитъ гибель.

Хитрая, безсердечная женщина начала молча подыматься на лѣстницу, желая заставить его пострадать нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она отвѣтитъ. Достигнувъ послѣдней ступеньки, она заговорила нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ:

— Никто!.. И ничто не помѣшаетъ вамъ сохранить должность сколько вамъ угодно, даже если бы вы стали неспособнымъ къ труду, и пришлось бы дать вамъ помощника. Но если бы былъ поводъ неудовольствія противъ васъ, вродѣ непонятнаго поведенія вашей Долоресы... ну, тогда... пожалуй...

— Сударыня!—сказалъ Мендоза.—Дѣло, которое я утаиваю отъ васъ, не касается моей чести; и вы могли бы знать его до извѣстной степени. Но, умоляю васъ, не вынуждайте меня говорить!

Довѣя Анна тихонько взяла его подъ руку.

— Я не привыкла ходить такъ скоро—сказала она въ объясненіе.—Но, дорогой мой Мендоза—продолжала она, слегка прижимая его руку—вѣдь, вы не думаете, чтобъ я была въ состояніи передать кому-нибудь то, что вы мнѣ скажете? Какъ могу я помочь вамъ, если вы не довѣряете мнѣ? Вѣдь, мы же еще и родственники! Вы должны обращаться со мной, какъ я обращаюсь съ вами.

Мендоза очень желалъ, чтобы это было возможно.

— Сударыня!—сказалъ онъ почти грубо.—Я заперъ мою дочь въ ея комнатѣ и положилъ засовъ на двери; а завтра отправлю ее въ монастырь, гдѣ она останется, пока не уступитъ моему желанію: вѣдь, я-то не уступлю!

— О!—воскликнула донья Анна протяжно, точно стараясь дать себѣ отчетъ въ положеніи вещей.—Попимаю—прибавила она, много спусти.—Значить, вы и я одинаковаго мнѣнія, мой дорогой другъ. Обсудимъ же это дѣло.

Мендоза не имѣлъ никакой охоты говорить объ этомъ дѣлѣ, а потому молчалъ, пока они медленно подвигались впередъ. Они уже достигли той части корридора, которая оканчивалась у его дверей; и онъ еще больше замедлилъ шаги. Она должна была сообразоваться съ этимъ, такъ какъ шла съ нимъ подъ руку. Луна не свѣтила больше черезъ окна, и въ корридорѣ было сумрачно.

— И такъ, вы не желаете, чтобы Долореса вышла замужъ за дон-Жуана Австрійскаго—сказала принцесса почти шопотомъ.—Король на вашей сторонѣ, и я тоже. Но я бы хотѣла знать причины, по которымъ вы не желаете такой блестящей партіи?

— Очень просто, сударыня. Какъ только его величеству, изъ политическихъ видовъ, угодно будетъ, чтобы его братъ сочетался бракомъ съ особой королевской крови, ну, хоть съ королевой Маріей шотландской, первый бракъ будетъ признанъ незаконнымъ и будетъ расторгнутъ; а дочь моя будетъ обезчещена и годна только для монастыря.

— Вы называете это безчестьемъ?—задумчиво спросила принцесса.—Если бы это даже случилось, то вы знаете, что дон-Жуанъ не покинулъ бы Долоресу. Онъ оставилъ бы ее при себѣ; онъ обезпечилъ бы ее...

— Сударыня!—вскричалъ, въ благородномъ гнѣвѣ, молодецкій старый воинъ, вдругъ прерывая ея рѣчь. — Никто, ни мужчина, ни женщина, не долженъ говорить мнѣ, что моя дочь можетъ пасть такъ низко!

Она увидѣла, что сдѣлала ошибку, и тихонько прижала къ себѣ его руку.

— Не сердитесь на меня, дорогой другъ! Я думала о томъ, что скажетъ свѣтъ... Подождите, не прерывайте меня! Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе: слѣдуетъ не допускать, даже силой, чтобы Долореса видалась съ дон-Жуаномъ. Вѣдь, при первой возможности они безъ сомнѣнія обвѣнчаются. Но вы не можете прибѣгать къ насилію, понимаете? Выйдетъ соблазнъ. Вы не можете внезапно увезти дочь изъ дворца и запереть ее въ монастырѣ, не нанеся ей большого вреда. Развѣ это для васъ не ясно? Люди не поймутъ, что вы не желаете этого брака: я хочу сказать, что большинство этому не повѣритъ. Да, свѣтъ золъ, я знаю; но ничего не подѣ-

лаешь. Свѣтъ скажетъ... общайте мнѣ, что не разсердитесь, дорогой генераль... Да вы и сами можете догадаться, что скажетъ свѣтъ.

— Вижу, вижу!—воскликнулъ старикъ, котораго обуялъ страхъ за доброе имя дочери.—Какъ вы умны!

— Да!—отвѣчала донья Анна, останавливаясь въ десяти шагахъ отъ дверей.—Я умна, потому что принуждена быть умной. Видите-ли, если бы, вмѣсто того, чтобы запираить Долоресу въ ея комнатѣ два или три часа тому назадъ, вы пришли ко мнѣ, рассказали мнѣ все, поручили бы ее моему покровительству, ради общаго нашего блага, я бы устроила такъ, что ей невозможно было бы обмѣняться словомъ съ дон-Жуаномъ. Я бы такъ позаботилась о ней, что, вмѣсто билетенъ на ея счетъ, свѣтъ подумалъ бы, что она въ большой милости; и за ней стали бы ухаживать. Вы знаете, что все это въ моей власти.

— Какъ вы умны!—снова воскликнулъ Мендоза, еще съ болѣющимъ жаромъ.

— Очень хорошо. Ну, не разрѣшите-ли вы мнѣ взять ее теперь съ собой, мой дорогой другъ? Я ее немного утѣшу; вѣдь, навѣрно она плакала все время, одна, взаперти, бѣдняжка! Я могу оставить ее у себя до тѣхъ поръ, пока дон-Жуанъ не отправится въ Вильягарцію. А тамъ, посмотримъ!

Старикъ Мендоза былъ простодушный, довѣрчивый человекъ, какими часто бываютъ храбрые люди. Жизнь его, ничѣмъ не запятнанная, была посвящена преимущественно войнѣ и строгому исполненію правилъ, предписанныхъ религіей: онъ былъ незнакомъ со свѣтскими кознями. У него было мало друзей, да и тѣ были исключительно старые товарищи его лѣтъ, которые не жили во дворцѣ; а сплетни онъ ненавидѣлъ. Еслибъ онъ зналъ, что за женщина говорила съ нимъ, онъ скорѣе подвергъ бы жизнь Долоресы опасности, чѣмъ поручить ее заботамъ доньи Анны. Но для него она была только супругой стараго дон-Рюй Гомеза де-Сильвы, министра, и главой хозяйства королевы. Никто не рѣшился бы передать Мендозѣ исторію придворныхъ козней: всѣ боялись доньи Анны, могущество которой было безгранично; никто не пожелалъ бы быть уличеннымъ въ злословіи противъ нея. А потому ея предложеніе показалось ему и мудрымъ, и добрымъ.

— Очень благодаренъ! — сказалъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ.

Мендоза былъ увѣренъ, что она помогаетъ ему спасти свою честь и положеніе. Оно, пожалуй, такъ и было, хотя, будь его гибель полезна ей, она съ такой же вкрадчивой ловкостью помогала бы ему потерять все.

— Хотите идти со мной, принцесса? — спросилъ онъ, направляясь къ двери.

— Да. Отведите меня къ ней въ комнату и оставьте насъ вдвоемъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы видѣть ее сегодня вечеромъ — сказалъ Мендоза, чувствовавшій, что его гнѣвъ еще далеко не улегся. — Вы суждете говорить съ ней гораздо лучше меня.

— Надѣюсь! — отвѣчала донья Анна задумчиво. — Если вы зайдете къ ней вмѣстѣ со мной, то можетъ случиться, что обмѣняетесь съ ней гнѣвными словами; а это затруднило-бы мое дѣло. Если же вы оставите меня у ея дверей, а сами уйдете, общаю вамъ, что все устрою. Вы не жалѣете, что открылись мнѣ, мой дорогой другъ?

— Я бесконечно вамъ благодаренъ. Я готовъ сдѣлать все возможное, чтобы услужить вамъ, хотя вы и сказали, что не въ моей власти служить вамъ.

— Я была раздосадована — отвѣтила донья Анна мягко. — Я думала сказать совсѣмъ не то: простите меня!

Они подошли къ дверямъ. Когда она освободила свою руку изъ-подъ его руки, онъ взялъ ее и церемонно поцѣловалъ пальчики; а она милостиво улыбалась ему. Затѣмъ они трижды постучались, и тотчасъ слышалось шарканье ногъ Эвдальда: старый слуга поторопился отворить двери. Замѣтивъ принцессу, которая входила первая, онъ выпрямился по-военному: это былъ старый солдатъ, который сражался подъ начальствомъ Мендозы еще въ то время, когда они оба были молоды.

— Эвдальдо! — сказалъ генераль тѣмъ строгимъ голосомъ, которымъ онъ всегда давалъ приказанія. — Ея сіятельство принцесса Эболи желаетъ взять донью Долоресу къ себѣ на сегодняшній вечеръ. Скажи горничной, чтобы она собрала все нужное и послѣдо-

вала за моей дочерью; ты же проводи барыню и барышню и освѣти имъ.

Но противъ послѣдняго распоряженія донья Анна горячо возстала. Луна-де свѣтитъ, лампы горятъ, всюду освѣщено: ей не нуженъ проводникъ.

У Мендозы не было мужской прислуги, за исключеніемъ Эвдальда; а при надобности, онъ устраивалъ свое скромное хозяйство съ помощью своихъ аллебардчиковъ: онъ уступилъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ увѣщаній.

— Отопри двери комнаты моей дочери! — приказалъ онъ Эвдальду. — Сударыня! — продолжалъ онъ, поварачиваясь къ принцессѣ. — Честъ имѣю пожелать вамъ спокойной ночи. Покорнѣйшій слуга вашей милости! Я принужденъ вернуться къ исправленію моихъ обязанностей.

— Спокойной ночи, мой дорогой другъ! — отвѣчала донья Анна, привѣтливо кивая головой.

Мендоза удалился, низко поклонившись, а Эвдальдо заперъ за нимъ двери. Старый воинъ не былъ свободенъ, пока не уйдетъ домой послѣдній изъ грандовъ; а время, которое онъ посвятилъ принцессѣ, было то, которое назначалось ему для ужина.

Принцесса слегка вздохнула съ чувствомъ облегченія, услышавъ звонъ его шпоръ и длиннаго меча на каменномъ полу. Онъ ушелъ, оставивъ Долоресу въ ея власти: она рѣшила употребить всю силу этой власти.

Эвдальдо молча пошелъ къ другой двери, куда она послѣдовала за нимъ. Онъ снялъ засовъ.

— Подожди здѣсь! — спокойно сказала она ему. — Я желала бы повидаться наединѣ съ доньей Долоресой.

— Ихъ милость въ крайней комнатѣ, ваше сіятельство — доложилъ слуга, отвѣшивая низкій поклонъ и отступая назадъ.

Она вошла и заперла двери. Эвдальдо вернулся къ своему большому креслу, съ тѣмъ, чтобы вздремнуть еще немного, пока она выйдетъ изъ комнаты.

Принцесса не прошла и двухъ шаговъ въ полутемной комнатѣ, какъ какая-то тѣнь набѣжала между ней и лампой, которая погасла въ ту же минуту.

Она вскрикнула отъ удивленія и остановилась. Случись это гдѣ бы то ни было, кромѣ квартиры Мендозы, она убѣждала бы какъ можно скорѣй и попыталась бы отворить двери, опасаясь за свою жизнь: у нея было много враговъ, и ей приходилось быть постоянно на-сторожѣ. Но она предположила, что видѣнная ею тѣнь была Долореса. Она, не колеблясь, заговорила нѣжнымъ голосомъ:

— Долореса, вы здѣсь?

Минуту спустя, она почувствовала прикосновеніе маленькой руки къ ея плечу.

— Кто это?—спросила ее шопотомъ, который могъ принадлежать Долоресѣ, какъ и подумала донья Анна.

Она забыла о существованіи Инезы, которую рѣдко видѣла и никогда не замѣчала, хотя ей и было извѣстно, что у Мендозы есть слѣпая дочь.

— Это я, принцесса Эболи—отвѣтила она тѣмъ же ласковымъ голосомъ.

— Шш... говорите шопотомъ!

— Вашъ отецъ ушелъ на службу, моя дорогая... Вамъ нечего бояться!

— Да, но Эвдальдо у дверей; а онъ все слышитъ, когда не спитъ. Что случилось, принцесса? Зачѣмъ вы пришли?

— Я хочу поговорить съ вами немного—сказала донья Анна шопотомъ, въ угоду молодой дѣвушкѣ.—Нельзя-ли достать свѣчу? Зачѣмъ вы погасили лампу? Я думала, что вы въ другой комнатѣ.

— Я испугалась. Я не знала, кто это! Мы можемъ говорить и въ темнотѣ, если для васъ это безразлично. Я доведу васъ до кресла: я, вѣдь, знаю, гдѣ стоитъ любой предметъ въ этой комнатѣ.

Принцесса дозволила повести себя. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она почувствовала, что ее тихонько усаживаютъ на стулъ. Все это ее удивляло; но, подумавъ о томъ, какъ дѣвушка была напугана отцомъ, она рѣшилась подчиняться ея прихотямъ. До сихъ поръ Инеза не сказала ничего такого, что могло бы навести ея гостью на мысль, что съ ней не Долореса.

Сестры были такъ дружны, что Инеза знала столько же о принцессѣ, сколько было извѣстно Долоресѣ. Обѣ молодыя дѣвушки были

приблизительно одного роста. Разговоръ велся шопотомъ, и не было возможности распознать разницу голосовъ. Сообразительная слѣпая нашла весьма страннымъ, что донья Анна не видала Долоресы, которая должна была быть цѣлый вечеръ при дворѣ. Она опасалась, не случилось-ли бѣды; а въ такомъ случаѣ, ея первымъ побужденіемъ было помочь сестрѣ, если возможно. Но показавъ въ заключеніи, вмѣсто сестры, она ничего не могла предпринять: поэтому она рѣшила воспользоваться принцессой, чтобы бѣжать.

Донья Анна начала говорить быстро и краснорѣчиво, сидя въ темнотѣ. Она сказала, что ей извѣстно положеніе молодой дѣвушки и что она давно замѣтила, какъ нѣжно она любитъ дон-Жуана Австрійскаго и какъ сильно любима имъ. Она-де глубоко сочувствуетъ имъ обоимъ и готова сдѣлать все, что въ ея власти, чтобы помочь имъ. Потомъ она сказала о томъ, какъ въ этотъ вечеръ недоставало Долоресы при дворѣ.

Инеза невольно вздрогнула; дыханіе ея ускорилося. Но донья Анна показалось естественнымъ, что Долореса выказываетъ то неудовольствіе, которое она, вѣроятно, чувствовала, будучи заперта въ комнатѣ, какъ плѣнница, въ то время какъ весь дворъ собрался въ честь ея возлюбленнаго.

Между тѣмъ принцесса рассказала, какъ она встрѣтилась съ Мендозой, какъ шла съ нимъ, какъ ей удалось съ величайшимъ трудомъ узнать отъ него правду, и какъ она предложила ему взять Долоресу на свое попеченіе на нѣсколько дней. Она прибавила, что Мендоза согласился, не подозрѣвая-де, что она сочувствуетъ влюбленнымъ. Существуетъ, видите ли, государственная тайна; но Долореса, конечно, должна знать ее: король въ душѣ желаетъ этого брака. Онъ, вѣдь, завидуетъ брату: ему хотѣлось-бы, чтобъ у дон-Жуана пропала охота къ побѣдамъ и чтобъ онъ жилъ спокойно, какъ живутъ счастливые люди.

— Дон-Жуанъ скажетъ вамъ тоже самое, когда вы повидаетесь съ нимъ—продолжала она.—Я сегодня послала ему два письма. Первое онъ сжегъ, не распечатавъ, думая, что это—любовная записочка; но второе онъ, должно быть, прочелъ: ему вручили его еще до ужина.

— Что вы писали ему?—шопотомъ спросила Инеза.

— Онъ вамъ самъ скажетъ. Сущность письма такова. Пусть онъ будетъ остороженъ и выждетъ два дня, не дѣлая попытокъ повидаться съ вами наединѣ: вѣдь, вышелъ бы скандалъ и вредъ вамъ, если бы кто-нибудь провѣдалъ объ этомъ свиданіи. А король устроить все къ вашему благу, и вашъ отецъ дастъ свое согласіе. Вы не видались съ донъ-Жуаномъ послѣ его пріѣзда?—тревожно спросила она.

— О, нѣтъ!—отвѣтила слѣпая искреннимъ голосомъ.—Я не видала его. Я благодарила бы Бога, если бъ могла его увидѣть.

— Это меня радуетъ — прошептала принцесса.—Но если вы пойдете со мной въ мои покои и останетесь у меня, пока все уладится, тогда... Я ничего не общаю: это, пожалуй, будетъ опасно... Но—кто знаетъ? Можетъ быть, вамъ и удастся видѣть его на минутку.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы думаете, что это возможно?—спросила Инеза, печально улыбаясь.

— Можетъ быть! Онъ, напримѣръ, можетъ зайти повидаться со мной или съ моимъ супругомъ; и я могу оставить васъ на минуту вдвоемъ.

— Это было бы райское блаженство!

— И эти слова также были сказаны изъ глубины души.

— Ну, такъ пойдемъ, дорогая моя, а я ужъ постараюсь!—отвѣтила принцесса.

— Конечно я пойду! Только, если можно, подождите минутку, пока я переодѣнусь. На мнѣ мое старое платье: въ немъ неприлично выйти.

Это была правда, но тутъ былъ и расчетъ: Инеза разсудила, что въ томъ платьѣ, въ которомъ она была, ей не удалось бы пройти мимо Эвдалда такъ, чтобы онъ принялъ ее за Долоресу, даже съ капюшономъ на головѣ.

Платье, въ которомъ была Долореса до переодѣванья въ придворный нарядъ, было въ ея комнатѣ; тамъ же остался и ея капюшонъ. Не успѣла принцесса отвѣтить, какъ Инеза вышла, притворивъ за собой дверь отъ спальни. Донъ Аннѣ, снова захваченной врасплохъ, не очень-то правилось одной оставаться въ темнотѣ; но она боялась ушибиться о мебель. Потомъ ее поразила мысль,

что Долореса одѣвается впотьмахъ, такъ какъ не было видно свѣта въ ту минуту, какъ дѣвушка отворяла и затворяла двери. Вдругъ она вспомнила о слѣпой сестрѣ; и ей пришло на умъ, что, можетъ быть, живущіе со слѣпыми научаются отъ нихъ свободно двигаться въ темнотѣ, все дѣлать безъ свѣчи. Этотъ вопросъ мало занималъ ее; но пока она думала, двери снова отворились. Переодѣванье совершилось живо. Она почувствовала, что ее взяли за руку, и встала.

— Я готова, принцесса. Я отворю двери, если вамъ угодно идти со мной. Я закрыла голову и лицо—прибавила она равнодушно, хотя все еще шопотомъ.—Боюсь простудиться ночью, на воздухъ.

— А я хотѣла посовѣтовать вамъ сдѣлать это во всякомъ случаѣ, моя дорогая. Все же лучше, чтобы никто не узналъ насъ въ этомъ корридорѣ, такъ далеко отъ моихъ покоевъ.

Дверь отворилась; и имъ показалось, что ихъ озарилъ цѣлый потокъ свѣта. Принцесса шла впереди; а Эвдалдо торопился выпустить двухъ доннъ, и потому не смотрѣлъ на нихъ, пока онѣ шли по передней. Инеза слѣдовала за своей спутницей, прислушиваясь къ ея шагамъ. Старый слуга видѣлъ платье Долоресы и ея капюшонъ—и ничего не заподозрилъ: точно такъ же онъ не подозрѣвалъ ничего, когда уходила Долореса, которую онъ принималъ за Инезу.

Но задача, выпавшая на долю Инезы, была гораздо труднѣе той, которую пришлось рѣшить Долоресѣ. Долореса шла одна, никто не слѣдилъ за ней, и она обладала зрѣніемъ: ей легко было прикидываться слѣпой. Совсѣмъ другое дѣло быть слѣпой и прикидываться зрячей, да еще въ сообществѣ такой ловкой женщины, какъ принцесса, которая легко могла замѣтить малѣйшее колебаніе съ ея стороны. Мало того: хотя она вышла, разыгрывая роль, которую необходимость заставила ее взять на себя, было совершенно невозможно предвидѣть, что случится, если принцесса узнаетъ, что ее обманули; а такая бѣда могла стрястись раньше или позже, и каждую минуту. Принцесса шла быстро, безшумно скользя ножками; и трудно было слѣдовать за ней. Къ счастью, Инезѣ пришлось идти по лѣвую сторону своей спутницы, какъ особы старшей по чину и по лѣтамъ; а она привыкла ходить всегда слѣва, если ей

случалось пробираться одной во дворцѣ. Это облегчало положеніе; но она боялась, что наступить затрудненіе, когда имъ придется то подыматься, то спускаться по ступенямъ, чтобы достигнуть покоевъ принцессы. Тогда, тогда-то ужъ все откроется: и она не могла представить себѣ, что произойдетъ.

Она не для того шла на удачу, чтобы ее снова заперли. Она ушла, прибѣгнувъ къ обману, желая помочь сестрѣ, если удастся найти ее; а для того, чтобы быть свободной, ей необходимо было уйти отъ своей спутницы. Дойти до дверей ея покоевъ, значило погубить все дѣло; но у нея не было времени обдумывать свои поступки. Она напрягла всѣ силы своего изобрѣтательнаго ума,—и вдругъ блеснула мысль, что есть еще одна надежда. Имъ придется миновать одну колонну, за которой скрывалась дверь въ Мавританскую Галлерею надъ тронной залой. Весьма вѣроятно, что донья Анна не подозрѣвала этого: она никогда не бывала въ этой части дворца. Если Инезѣ удастся немного поотстать, прежде чѣмъ онѣ достигнуть этого мѣста, то она сможетъ тихонько шмыгнуть за колонну и скрыться. Она была увѣрена, что всегда можетъ отворить и затворить двери, не привлекая ничьего вниманія.

Принцесса заговаривала съ ней рѣдко, дѣлая отъ времени до времени легкія замѣчанія, которыя не требовали отвѣта; или же Инеза отвѣчала односложно, голосомъ, заглушеннымъ густымъ покрываломъ, которымъ она закрыла лицо подъ капюшономъ, подъ предлогомъ, что боится простуды. Она думала даже, что безопаснѣе говорить такимъ образомъ, чѣмъ возбуждать подозрѣніе своимъ молчаніемъ.

Инеза вѣрно соображала, гдѣ онѣ находятся: двигаясь, она прикасалась рукой къ угламъ, считала свои шаги отъ одного хорошо извѣстнаго ей мѣста до другого. Не подойдя къ тому мѣсту, гдѣ нужно было привести планъ бѣгства въ исполненіе, она нѣсколько отстала отъ принцессы. Слѣпая надѣялась, что, если будетъ идти безъ шума и разомъ остановится, прежде чѣмъ дойдутъ до колонны, то она выиграетъ шаговъ шесть, а принцессѣ придется сдѣлать три шага, прежде чѣмъ и она остановится. Инеза замѣтила, что если внезапно окликнуть быстро идущаго человѣка, то, по большей части, онъ сдѣлаетъ по крайней мѣрѣ еще три шага,

прежде чѣмъ остановится. Вѣроятно это необходимо для сохраненія равновѣсія тѣла, движеніе котораго вдругъ пріостанавливается. Она вообще замѣчала все, что можно было услышать.

Инеза становилась безпокойной. Ей казалось, что ея спутница замедляетъ шагъ, чтобы не дать ей отстать. Она опять ускорила свои шаги, боясь возбудить подозрѣніе. Вдругъ она услышала, что принцесса остановилась: ей ничего не оставалось, какъ тоже остановиться. Сердце ея болѣзненно забилося: она видѣла, какъ надежда ускользаетъ отъ нея. Она ожидала, что донья Анна заговорить и объявить ей, въ чемъ дѣло.

— Я заблудилась!—сказала принцесса съ досадой.—Не знаю, гдѣ я. Лучше повернуть обратно и обогнуть главную лѣстницу, хотя бы намъ пришлось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь. Видите, я никогда не бывала въ этой части дворца.

— Я думаю, что мы идемъ, какъ слѣдуетъ — сказала Инеза взволнованно.—Дайте я дойду до угла: тамъ есть свѣтъ, и я сейчасъ скажу вамъ.

Встревоженная, желая показать, будто она видитъ, слѣпая за-была заглушить свой голосъ покрываломъ.

Онѣ быстро пошли впередъ. Тутъ донья Анна сдѣлала то, что многіе дѣлаютъ, когда спутникъ предлагаетъ имъ свои услуги удостовѣриться въ правильности пути: она нерѣшительно остановилась на минуту, посмотрѣла на дѣвушку, затѣмъ медленно послѣдовала за ней, какъ дѣлаютъ люди, увѣренные въ томъ, что имъ придется возвращаться назадъ. Инеза легкими шагами направила къ углу, почти не прикасаясь къ стѣнѣ, завернула за уголъ—и мгновенно исчезла. Принцесса ускорила шаги: хотя она и была убѣждена, что Долореса довѣряетъ ей, все же было бы глупо дать ей возможность уйти. Она дошла до угла. Здѣсь горѣла лампа. Донья Анна увидала, что темный корридоръ былъ пустъ до самаго конца.

· ГЛАВА IX.

Коварство и любовь.

Даже въ ту минуту, когда Инеза ускользнула изъ ея глазъ, принцесса все еще была далека отъ мысли, что ее обманули на-

счетъ самой личности ея спутницы. Ей показалось бы смѣшнымъ предположеніе, чтобы какая бы то ни было слѣпая могла двигаться такъ смѣло, какъ Инеза, или могла бы перебѣжать корридоръ въ одно мгновеніе, какъ она думала, не имѣя понятія о существованіи углубленія позади колонны. Вдоль всего корридора были полуколонны, вдѣланныя въ стѣну для прочности высокаго свода надъ всей тронной залой; только одна колонна, посрединѣ свода, стояла отдѣльно, для того, чтобы обезпечить доступъ въ галерею. Съ какого бы конца корридора ни смотрѣть на эту колонну, ея нельзя было отличить отъ остальныхъ; даже проходя мимо нея, рѣдко кто обращалъ вниманіе на это различіе.

Донья Анна стала, всматриваясь по тому направленію, по которому, какъ она полагала, бѣжала дѣвушка. Румянецъ гнѣва покрывъ ея щеки. Она до крови кусала губы. Наконецъ, топнула ногой, такъ что по корридору раздалось эхо отъ ея туфельки. Нечего было и думать о преслѣдованіи дѣвушки, хотя бы принцесса бѣжала съ быстротой лани. Кто-нибудь могъ повстрѣчаться на любомъ поворотѣ; и чрезъ часъ всему дворцу стало бы извѣстно, что донью Анну видали бѣгущей со всѣхъ ногъ за какой-то неизвѣстной особой. Довольно плохо было бы ужъ и то, что кто-нибудь увидѣлъ бы ее одну, ночью, далеко отъ своихъ покоевъ. Принцесса такъ плотно натянула покрывало на лицо, что еле видѣла, куда идетъ. Она вернулась обратно къ главной лѣстницѣ, раздумывая о томъ, что, сказать Мендозѣ, когда онъ узнаетъ, что она допустила бѣгство его дочери.

Но такъ какъ донья Анна обладала почти мужскимъ умомъ и не легко терялась при неудачахъ, то не успѣла она отойти далеко, какъ мысль ея стала работать ясно. По ея мнѣнію, Долореса сдѣлаетъ одно изъ двухъ: или пойдетъ прямо къ дон-Жуану, въ его покои, будетъ ожидать его и расскажетъ ему все, надѣясь на его защиту; или же она отправится къ герцогинѣ Альварезъ и будетъ добиваться ея покровительства. Ни въ какомъ случаѣ она не пойдетъ въ тронную залу: вѣдь, ея появленіе тамъ, въ томъ нарядѣ, какой былъ на ней, вызоветъ всеобщее изумленіе и послужитъ ей во вредъ. Однако невозможно также предполагать, что бы она отправилась къ герцогинѣ: вѣдь, если она убѣжала отъ доньи Анны, то

конечно оттого, что ей была невыносима мысль не видаться съ дон-Жуаномъ въ теченіе двухъ дней; она навѣрно рѣшила попытаться увидѣть его тотчасъ. Герцогиня, по всей вѣроятности, у королевы, въ ея частныхъ покояхъ; и это извѣстно Долоресѣ. Да, Долореса, вѣрнѣе всего, поддалась внезапному движенью чувства: она прямо бросилась къ своему возлюбленному, — человѣку настолько могущественному, что онъ могъ не только защитить въ настоящую минуту отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, но даже противостоять гнѣву короля.

Но, вѣдь, все предпріятіе доньи Анны клонилось къ тому, чтобы залучить къ себѣ Долоресу и получить, въ ея лицѣ, могучее орудіе для вліянія на дон-Жуана; тогда можно бы поставить его въ двусмысленное положеніе, изъ котораго ему не выпутаться безъ крупной ссоры съ королемъ Филиппомъ. А это и было бы первымъ шагомъ къ исполненію замысла доньи Анны и Переза. Все, что вело къ открытой размолвкѣ между братьями, вызывало образованіе двухъ партій въ Испаніи, изъ которыхъ одна, и болѣе сильная, приняла бы сторону дон-Жуана. Его власть разомъ поднялась бы; и можно бы вызвать въ Испаніи стройное движеніе, съ цѣлью возвести его на престолъ. А любовь народа къ нему, какъ было съ Цезаремъ, еще увеличится, когда онъ откажется отъ короны, что непременно случится. Между тѣмъ именно въ эту минуту король Филиппъ можетъ скончаться скоропостижно — отъ лихорадки, отъ простуды, отъ несваренія желудка, какъ заговорщики признаютъ за лучшее. По его смерти, прямыхъ наслѣдниковъ престола не окажется, кромѣ дон-Жуана, узаконеннаго сына императора Карла; и онъ будетъ принужденъ сознаться, что, согласясь управлять страной, онъ принесетъ ей только пользу: вѣдь она желаетъ его, не хочетъ имѣть другого государя.

Вліять на короля Филиппа — дѣло трудное и опасное, а запрашивать дѣйствіями короля Жуана будетъ легко. Честный, довѣрчивый солдатъ будетъ податливъ, какъ ребенокъ, въ такихъ умѣлыхъ рукахъ. Донья Анна и Перезъ будутъ управлять Испаніей, какъ имъ заблагоразсудится. А затѣмъ, со временемъ, дон-Жуанъ можетъ быть избранъ императоромъ Священной Римской имперіи: тогда заговорщики будутъ управлять уже цѣлымъ міромъ, подобно Карлу V.

PUBLIC LIBRARY
135 N. 4th St.
PHILADELPHIA
FIRST PUBLISHED
1847

Ихъ честолюбіе было безгранично. И для удовлетворенія его они готовы были перешагнуть черезъ всякое преступленіе: награда-то была велика и достойна всякаго дерзновенія.

Принцесса медленно подвигалась впередъ, мысленно взвѣшивая выгоды и опасности. Она уже добралась до главной лѣстницы, а все еще не рѣшила, что предпринять. Столо четверти часа ходила взадъ и впередъ по корридору, погруженная въ глубокія размышленія. Вдругъ въ ея головѣ блеснулъ планъ дѣйствій; она пошла быстрыми шагами впередъ, рѣшивъ тотчасъ же приступить къ его исполненію.

Дон-Жуанъ въ это время читалъ письмо ея, переданное ему шутомъ. Когда король удалился въ свои покои, онъ неожиданно остался одинъ. Мендоза съ гвардейцами ушли въ переднюю, дежурные царедворцы воспользовались временной свободой и отправились въ смежную комнату, предоставленную въ ихъ распоряженіе. Часовые были разставлены у дверей короля, Мендоза развелъ своихъ аллебарщиковъ по квартирамъ, а слуги разошлись: герой дня остался совершенно одинъ. Онъ самъ улыбнулся при такой неожиданности, вспомнивъ, что ему слѣдовало распорядиться, чтобы свита ждала его послѣ ужина, а онъ распустилъ всѣхъ до полуночи.

Дон-Жуанъ повернулъ назадъ и отправился поискать спокойнаго мѣста, гдѣ бы можно было прочесть письмо, пріобрѣтшее внезапно такое значеніе. Онъ остановился возлѣ Мавританской Ниши ⁴⁶, въ которую Филиппъ велѣлъ вставить картину духовнаго содержанія: передъ ней висѣла серебряная, ярко горѣвшая лампада.

Листочекъ бумаги содержалъ лишь нѣсколько строкъ. Тутъ было съ полдюжины выраженій, написанныхъ четкимъ почеркомъ безъ всякой подписи,—словомъ то, что мы теперь называемъ анонимнымъ или безыменнымъ письмомъ ⁴⁷. Въ немъ не было ни угрозъ, ни слѣда злобы. Высказывалось только, въ ясныхъ словахъ, что если, какъ предполагаетъ пишущій, дон-Жуанъ желаетъ сочетаться бракомъ съ Долоресой де-Мендоза, то необходимо, какъ для ея личной безопасности, такъ и ради исполненія его желанія, чтобы онъ не пытался видѣться съ ней по крайней мѣрѣ два дня. Если онъ подчинится этому совѣту, то его поддержитъ каждый изъ грандовъ и министровъ двора, не исключая самой важной особы: и онъ можетъ

быть увѣренъ, что не встрѣтитъ на этомъ пути никакихъ дальнѣйшихъ преградъ. Прибавлялось, что сожженное имъ письмо содержало тѣ же самые совѣты; а оба цвѣтка должны были служить знакомъ, который теперь ужъ не нуженъ. Было бы достаточно, если бы онъ сказалъ подателю письма, что согласенъ слѣдовать даннымъ совѣтамъ. Его согласіе, выраженное такимъ путемъ, конечно было бы принято пишущимъ въ томъ смыслѣ, что онъ даетъ слово. Вотъ и все.

Послѣднія слова письма не понравились ему. Они ставили его въ неловкое положеніе, какъ благороднаго человѣка: вѣдь, онъ уже видался съ Долоресой; стало быть, нѣкимъ образомъ не могъ послѣдовать совѣту, уже нарушенному имъ. Онъ могъ сказать шуту одно—что отвѣта дать не можетъ, но будетъ дѣйствовать по возможности осторожно. Что касается остального, то письмо не содержало ничего коварнаго и было далеко не такого содержанія, какъ онъ ожидалъ. Оно, казалось, было написано дружественною особой. Да дон-Жуанъ и не думалъ, чтобы въ Испаніи былъ у него какой-нибудь врагъ, за исключеніемъ родного брата и Мендозы. И онъ не ошибался.

Однако, несмотря на свой смѣлый и открытый нравъ, онъ достаточно былъ знакомъ съ военными хитростями, чтобы слѣпо довѣрять виѣшности. Письмо было написано лицомъ близкимъ къ королю или же было составлено и написано самимъ королемъ пзмѣненнымъ почеркомъ: Филиппъ не считалъ ниже своего достоинства прибѣгать къ пріемамъ обыкновеннаго заговорщика. Ограниченіе времени, назначеннаго ему для соблюденія осторожности, тоже казалось страннымъ. Если бы онъ не видался съ Долоресой и согласился на предложенныя условія, то можно было подозрѣвать, что два дня Долоресу постараются держать вдали отъ него, а въ это время представится случай выслать ее куда-нибудь подальше отъ Мадрида или тайкомъ помѣстить ее въ монастырь, гдѣ невозможно будетъ ее розыскать.

Ему блеснула мысль, что Мендоза, заперевъ сегодня вечеромъ свою дочь и угрожая ей монастыремъ Ляс-Гузельгасъ, лишь исполнилъ тайный приказъ короля. Никто другой, кромѣ Филиппа, не могъ написать этого письма; и только страхъ передъ гнѣвомъ Филиппа могъ заставить шута такъ тревожно настаивать, чтобы онъ,

дон-Жуанъ, прочелъ бумажку. Было ясно, что король и Мендоза дѣйствовали заодно. Первое письмо было принесено женщиной, которая, вѣроятно, вышла черезъ окно кабинета, которое помѣщалось такъ низко, что легко было просто переступить черезъ него на террасу, даже не прыгая. Она ждала, пока офицеры и слуги ушли и путь очистился. Ничего не могло быть легче и проще.

Онъ сжегъ бы письмо на лампадѣ, висѣвшей передъ иконою, еслибы не опасался, что его могутъ застать; онъ снова сложилъ его и засунулъ обратно за кафтанъ. Лицо его было мрачно, когда онъ уходилъ: вѣдь, положеніе дѣлъ, какъ онъ понималъ его, было почти безвыходно. Онъ думалъ отправить Долоресу въ Вильягарцию; но было почти невозможно допустить мысль, что подобная вещь останется неизвѣстной въ такую минуту; а въ виду личнаго сопротивленія короля, это значило бы погубить Кихаду и его жену.

Правда, можно бы отправить Долоресу въ монастырь, подъ ложнымъ именемъ, а потомъ взять ее оттуда, прежде чѣмъ найдутъ ее, и сочетаться съ ней бракомъ. Но и это трудно: не было въ Испаніи учрежденій, которыя были бы до такой степени подъ прямымъ надзоромъ короля, какъ обители и монастыри. Однако нужно же было отправить ее куда-нибудь: вѣдь, невозможно было ей скрываться въ его кабинетѣ болѣе трехъ или четырехъ часовъ.

Вдругъ ему представилось, что даже въ настоящую минуту ей грозитъ опасность. Женщина, принесшая первое письмо, само собою разумѣется, оставила окна не закрытыми. Она сама, или король, или кто другой, можетъ зайти въ комнату этимъ-же самымъ способомъ; а Долореса совсѣмъ одна. Пожалуй, ужъ захватили ее.

Онъ поклиналъ себя за то, что не посмотрѣлъ, наложены ли засовы на окна. Этотъ человѣкъ, который выдерживалъ большія сраженія, чувствовалъ, какъ холодѣетъ въ немъ сердце; онъ почти бѣжалъ, не заботясь о томъ, встрѣтится ли онъ съ кѣмъ-нибудь, или нѣтъ. Къ счастью, не было болѣе уединеннаго мѣста, чѣмъ эта отдаленная часть королевскаго дворца, когда въ парадныхъ комнатахъ бывало большое собраніе.

Дон-Жуанъ не встрѣтился ни съ кѣмъ и благополучно достигъ своихъ дверей. Тогда не прошло и десяти минутъ съ тѣхъ поръ,

какъ король вышелъ изъ столовой; и приблизительно въ то же время донья Анна встрѣтилась съ Мендозой.

Долореса вскочила, какъ только слышала его шаги въ соседней комнатѣ и затѣмъ звукъ ключа, всовываемаго въ замокъ. Когда онъ вошелъ, она обняла его и устремила свои глаза на него. Онъ былъ очень блѣденъ: мысль, что ее украли, возростала въ немъ по мѣрѣ того, какъ онъ бѣжалъ, и обратилась, наконецъ, въ невыносимую увѣренность.

— Что съ тобой? Что случилось?—вскричала она тревожно.— Отчего ты такъ блѣденъ? Ты боленъ?

— Я былъ напуганъ—отвѣтилъ онъ просто.—Я боялся, что тебя нѣтъ здѣсь. Посмотри!

Онъ подвелъ ее къ окну и отдернулъ занавѣски. Свежій воздухъ ворвался въ комнату: засовы были сняты, и окно стояло настежь. Онъ закрылъ окно и наложилъ засовы. Теперь оба они вернулись на прежнее мѣсто.

— Женщина вышла этимъ путемъ—объяснилъ онъ ей.—Я все понималъ теперь. И кто-нибудь могъ возвратиться сюда.

Онъ спокойно рассказалъ ей о томъ, что произошло, и показалъ ей письмо. Она медленно прочла его до конца и возвратила ему.

— И такъ, первое письмо не было любовнымъ, въ концѣ концовъ?—сказала она съ легкимъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось успокоеніе, хотя она этого и не сознавала.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ серьезно.—Жалѣю, что не прочелъ его. Я бы по крайней мѣрѣ заперъ двери передъ уходомъ.

Мало думая о грозящихъ ей опасностяхъ, она сидѣла, вперивъ взоръ въ его встревоженное лицо и протянувъ къ нему руки, которыя онъ сжималъ, стоя возлѣ нея. Не было ни слѣда страха на ея лицѣ, ни какого-либо иного чувства, кромѣ безграничной любви и довѣрія. Подъ вліяніемъ взгляда ея темно-сѣрыхъ глазъ, его лицо также прояснилось: и на немъ можно было прочесть тѣ-же чувства, какія наполняли ея сердце. Трудно было бы опредѣлить, кто изъ нихъ больше довѣрялъ другому.

— Какое намъ дѣло до всего остального, когда мы вмѣстѣ?—сказала она.—Я съ тобой: такъ что же можетъ случиться со мной?

— Ничего, пока я живъ—отвѣтилъ онъ.

Вдругъ тревога на ея счетъ мгновенно вернулась и онъ сказалъ:

— Но ты не можешь оставаться здѣсь.

— Нѣтъ... Ты увезешь меня. Я готова...

— Я не то хотѣлъ сказать. Ты не можешь оставаться здѣсь въ этой комнатѣ, или вообще въ моихъ покояхъ. Черезъ нѣсколько минутъ сюда придетъ король. Я не знаю, что ему вздумается. Онъ можетъ настаивать на томъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли тутъ кого, кто могъ бы подслушать нашъ разговоръ: онъ очень подозрителенъ; и если придетъ сюда, то только потому, что не довѣряетъ своимъ собственнымъ покоямъ. Онъ можетъ пожелать отворить двери...

— Я запрусь изнутри. Ты можешь сказать, что двери замкнуты и что у тебя нѣтъ ключа отъ нихъ. Если онъ позоветъ людей, чтобы отворить двери, я выскочу въ окно и спрячусь въ старой караулнѣ. Вѣдь, онъ не станетъ разговаривать съ тобой до утра.

Она засмѣялась. Онъ увидѣлъ, что она права: вѣдь, не было другого мѣста, гдѣ она была бы болѣе безопасна. Онъ медленно качалъ головой, пока она говорила.

— Вотъ видишь!—сказала она, тихо смѣясь отъ счастья.— Ты вынужденъ волей-неволей держать меня у себя. Но ты въ самомъ дѣлѣ напуганъ, какъ мальчикъ! Ты-то! Какъ всякій удивился бы, увидѣвъ тебя испуганнымъ!

— Это правда—сказалъ онъ, слабо улыбаясь.

— Но я придамъ тебѣ мужества!—продолжала она.—Король не можетъ еще придти. Perezъ только-что пошелъ къ нему. Они будутъ разговаривать по крайней мѣрѣ полчаса. И весьма вѣроятно, что Perezъ убѣдитъ его вовсе не идти: вѣдь, онъ сердитъ на тебя. Можетъ быть, самъ Perezъ придетъ вмѣсто короля; а онъ будетъ мягокъ и лстивъ; онъ принесетъ съ собой добрыя предложенія и будетъ просить тебя помириться. Perezъ очень уменъ, но его лицо мнѣ не нравится. Онъ напоминаетъ мнѣ красивую черную лисицу. Если бы даже король пришелъ самъ, то все-же въ нашемъ распоряженіи болѣе получаса. Ты можешь побыть немного со мной, потомъ пойти въ другую комнату и читать, будто ожидаешь его. Ты можешь перечитывать мое письмо; а я буду сидѣть тутъ и повторять все, что написала, много, много разъ. Ты будешь знать, что

я это повторяю: и выйдетъ, будто я съ тобой, и говорю, сидя близко возлѣ тебя... вотъ такъ: я люблю тебя!

Говоря такъ, она нѣжно притягивала его руку къ себѣ, а послѣднія слова шепнула ему на ухо, сопровождая ихъ нѣжнымъ поцѣлуемъ, отъ котораго у него дрогнуло сердце.

— Ты не боишься больше, неправда-ли?—спросила она, выпустивъ его руку. А онъ выпрямился, какъ человѣкъ, которому хочется оттолкнуть отъ себя что-то такое, чего онъ боится и что любить.

Онъ нѣсколько разъ быстро открывалъ и складывалъ свои руки, какъ дѣлають иные нервные люди, точно стараясь избавиться отъ чаръ или отъ чьего-то вліянія. Потомъ онъ зашагалъ по комнатѣ, продолжая говорить съ ней.

— Не знаю, что и придумать—сказалъ онъ быстро и не глядя на нее.—Я не могу отправить тебя въ Вильяргарцію: есть вещи, на которыя ни ты, ни я не рѣшимся, даже другъ для друга,—вещи, которыхъ ты не захотѣла бы, чтобы я дѣлалъ ради тебя, Долореса. Твой пріѣздъ навлекъ бы гибель и лишеніе милости на мою пріемную мать и на Кихаду. А пожалуй, съ ними случится и что-нибудь хуже: вѣдь, король можетъ назвать государственной измѣной все, что ему заблагоразсудится. Невозможно отправить тебя туда такъ, чтобы никто не узналъ объ этомъ: не нести же мнѣ тебя на рукахъ! Грумы, кучера, слуги скажутъ все, что угодно, на слѣдствіи, подъ пыткой. Какъ-же я могу отправить тебя туда?

— Я не поѣду туда—спокойно отвѣтила Долореса.

— Я не могу послать тебя и въ монастырь—продолжалъ онъ, увѣренный въ ея отвѣтъ, какъ всегда бываетъ съ людьми, которые любятъ взаимно и вѣрятъ другъ другу.—Тебя нашли бы въ первый же день: королю все извѣстно! Есть только одно мѣсто, гдѣ я—хозяинъ...

Онъ остановился и снова сильно поблѣднѣлъ, устремивъ взоры на стѣну, точно онъ видѣлъ что-то далекое за ея предѣлами.

— Гдѣ?—спросила Долореса.—Отправь меня туда! О, отправь туда, гдѣ ты властелинъ, гдѣ нѣтъ другого короля, кромѣ тебя, гдѣ мы можемъ быть неразлучны всю жизнь, гдѣ никто не можетъ стать между нами!

Онъ стоялъ неподвижно, все еще устремляя взоры на стѣну, удивленно созерцая всю ширь охватившаго его искушенія. Долореса ничего не понимала; но она любила—и поступила, какъ каждая женщина на ея мѣстѣ, замѣтившая, что ея возлюбленный сокрушается о чемъ-нибудь. Она подошла къ нему, взяла его за руку и тихо пожала ее, ~~не промолвивъ слова~~. Бываютъ минуты, когда мужчинѣ достаточно такой ласки, чтобы поддержать его и придать ему мужества. Но не всякая женщина знаетъ это.

Онъ повернулся къ ней медленно, словно хотѣлъ избѣжать ея взгляда, но не могъ. Онъ освободилъ свою руку и тихо ласкалъ ея лицо, нѣжно отводя золотистые волосы со лба. Постепенно и ее охватывало чувство страха: вѣдь, въ его глазахъ свѣтилось выраженіе, котораго еще никогда не было въ нихъ ни въ сраженіяхъ, ни въ минуты любви. Руки его были совсѣмъ холодны. Лицо походило на прекрасное мраморное изваяніе; но въ немъ было что-то грѣховное, какъ въ обликѣ падшаго ангела, какъ будто сомнѣніе въ Богѣ, непреодолимое стремленіе ко злу, нето ужась, преодолѣть который не по силамъ человѣку.

— Ты достойна этого!—сказалъ онъ, наконецъ, такимъ необычнымъ голосомъ, что Долореса вздрогнула. Она готова была даже отшатнуться отъ него, еслибъ онъ не держалъ ее сильно дрожавшими руками.

— Что такое?—спросила она, все болѣе предаваясь страху: ей пришло на умъ, что онъ сошелъ съ ума.

— Ты достойна этого—повторилъ онъ.—Говорю тебѣ, ты достойна этого... и еще большаго... И міръ, весь міръ на моей сторонѣ, небо и земля. Ты не знаешь, какъ я люблю тебя... Ты не можешь и подозрѣвать этого...

Ея глаза снова нѣжно впились въ него. Она подняла руки и прижала ихъ къ его рукамъ, которыми онъ все еще ласкалъ ея лицо.

— Какъ я люблю тебя... мой дорогой—отвѣчала она, удивленная, но счастливая.

— Нѣтъ, не теперь! Я люблю тебя больше. Ты не можешь подозрѣвать... Но ты увидишь, что я сдѣлаю для тебя, и тогда поймешь.

Онъ дико вскрикнулъ. Его глаза сожигали ее, въ то время, какъ онъ схватилъ ее и такъ крѣпко сжалъ въ объятіяхъ, что она чуть не закричала.

Внезапно онъ покрылъ ее поцѣлуями, грубыми, почти жестокими, словно онъ желалъ причинить ей страданіе и зналъ, что можетъ это сдѣлать. Она билась въ его рукахъ; непонятный страхъ къ нему обуялъ ее; голова у нея закружилась.

Тутъ онъ внезапно выпустилъ ее изъ рукъ и быстро отвернулся отъ нея; а она, почти въ обморокъ, оперлась о стѣну и прижалась щеками къ толстымъ коврамъ. Она чувствовала, что рыданія подступаютъ ей къ горлу и глаза наполняются слезами. Онъ отошелъ отъ нея какъ можно дальше, и здѣсь, въ противоположномъ концѣ комнаты, стоялъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, упершись въ нее руками и закрывъ лицо руками. Онъ дышалъ тяжело и произносилъ какія-то отрывочныя слова, точно бесѣдуя самъ съ собой.

— Достойна этого! Боже мой! Да существуетъ ли что-нибудь, чего бы ты не была достойна?

Въ голосѣ его слышалось столько страданія, такая внутренняя борьба, что Долореса забыла о себѣ и встала, прислушиваясь, снова охваченная тревогой о немъ. Онъ навѣрно сходитъ съ ума. Ей хотѣлось подойти къ нему: страхъ, только-что охватившій ее, былъ забытъ. Женское чутье, желаніе помочь страждущему покорили всѣ остальные чувства. Но, ради его же блага, она не двигалась съ мѣста, опасаясь, чтобы ея прикосновеніе совсѣмъ не лишило его чувствъ.

— О, да, есть мѣсто, гдѣ я—господинъ и властелинъ!—сказалъ онъ.—Надо совершить одно дѣло... одно дѣло...

— Что это за дѣло?—нѣжно спросила она.—Почему ты такъ страдаешь? Гдѣ это мѣсто?

Онъ вдругъ обернулся къ ней, какъ обертывался на сѣдлѣ, когда раздавался трубный звукъ. Онъ стоялъ прямо, съ неподвижнымъ взоромъ, со сжатыми губами, и сказалъ:

— Это мѣсто—Гранада. Поняла ты теперь?

— Нѣтъ — отвѣтила она робко.— Не понимаю. Гранада? Почему туда? Это такъ далеко...

не перегибайте книгъ при чтеніи!

Онъ рѣзко засмѣялся.

— Не понимаешь? Да, Гранада далеко... такъ далеко, что можетъ составить другое королевство... такъ далеко, что дон-Жуанъ Австрійскій тамъ господинъ... такъ далеко, что, при помощи своей арміи, онъ можетъ стать не только хозяиномъ, но и королемъ Гранады! Понимаешь теперь? Видишь, что я хочу сдѣлать для тебя?

Онъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней. Она стояла, вся блѣдная.

— Я возьму тебя и отправлюсь туда обратно завтра. Ты полагаешь, что мавры — не люди, потому что я разбилъ ихъ? А я говорю тебѣ: разверни я мое знамя въ Гранадѣ, кликни имъ кличъ, — и они послѣдуютъ за мной, если я поведу ихъ къ воротамъ Мадрида. Да, и за мной послѣдуетъ большая часть испанской арміи, если я захочу. Но въ этомъ я не нуждаюсь: мнѣ не королевство нужно. На что оно мнѣ? Развѣ я не могъ его захватить и удержать въ своихъ рукахъ? Для тебя, моя любовь, только для тебя, я создамъ отдѣльный міръ, — королевство, гдѣ ты будешь царить! Пусть будетъ война: что за дѣло? Я воспламеню весь свѣтъ: пусть онъ сгоритъ въ собственномъ своемъเพลิงѣ! Но я не позволю отнимать тебя у меня, — ни теперь, ни когда бы то ни было, пока я живъ!

Онъ быстро направился къ ней. Долореса не могла отступать: за ней была стѣна. Но она протянула къ нему руки, будто желая его отстранить. Это движеніе заставило его остановиться какъ разъ въ ту минуту, когда онъ собирался обнять ее.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она страстно. — Ты не долженъ говорить подобныхъ вещей, ты не долженъ замышлять что-нибудь подобное! Ты виѣ себя; ты и меня сведешь съ ума!

— Но все это такъ легко... ты увидишь...

Она быстро оборвала его:

— Это не должно быть легкимъ; это невозможно, этого вовсе не должно быть! Неужели ты полагаешь, что, любя тебя, я допущу тебя до такихъ дѣлъ? О, нѣтъ! Это не была бы любовь: это была бы ненависть, это была бы измѣна тебѣ, хуже твоей измѣны брату!

Пламя страсти исчезло съ его лица. Онъ скрестилъ руки на груди и стоялъ неподвижно, слушая ее.

— Ты!— говорила она съ возрастающей силой.— Ты, храбрый солдатъ, мужъ съ незапятнанной честью! Ты, сама воплощенная честь! Ты, который только-что вернулся, одержавъ побѣду надъ врагами твоего короля! Ты, противъ котораго ни одно живое существо никогда не дерзало промолвить слово клеветы или презрѣнія! О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! ~~нѣтъ! И я не перенесу~~ мысли, что ты можешь измѣнить своей родинѣ и самому себѣ, что тебя назовутъ измѣнникомъ изъ-за меня. Ты не долженъ губить свою жизнь даже ради десяти жизней, подобныхъ моей. И не потому, что я любила бы тебя меньше, еслибъ ты совершилъ преступленіе. Да простить меня Богъ! Думаю, что я продолжала бы любить тебя, несмотря ни на какое преступленіе. Вѣдь, я—только женщина! Но допустить, чтобы моя любовь погубила тебя, сдѣлала изъ тебя измѣнника, чтобы ты погибъ для этого и для того свѣта? Нѣтъ, я готова скорѣй погубить свою душу, да, душу, жизнь, честь, все! Ты не сдѣлаешь этого! Ты думаешь, что любишь меня больше, чѣмъ я тебя? Нѣтъ! Чтобы спасти въ тебѣ того человѣка, какимъ ты былъ до сихъ поръ, я готова отдать тебя, отдать твоей чести, твоему королю, отдать той безсмертной, славной жизни, которою ты жилъ и будешь жить въ память моей любви!

Чудныя слова лились съ ея устъ подобно небеснымъ голосамъ; а глаза ея свѣтились божественнымъ блескомъ. Она смотрѣла не на него: она смотрѣла вверхъ, точно призывая Небо въ свидѣтели, что сдержать свое слово. Когда она безсознательно протянула руку, онъ нѣжно взялъ ее и почувствовалъ, какъ она тихо охватила пальцами его руку, точно желала снова поставить его на прежнюю высоту, озарить его свѣтомъ своихъ собственныхъ чувствъ. На минуту водворилось молчаніе.

— Ты умнѣе и лучше меня — сказалъ онъ.

Она почувствовала по звуку его голоса, что безуміе его прошло.

— Ты сознаешь, что я права? Ты понимаешь, что я должна разстаться съ тобой, чтобы спасти тебя отъ меня?

— Разстаться со мной... теперь?— воскликнулъ онъ.— Ты это сказала... Ты думала, что я пойму... Но ты не думаешь покидать меня теперь?

— Да, я это именно хотѣла сказать—проговорила она съ боль-

шимъ усиленіемъ. — Это — все, что я могу сдѣлать, чтобы доказать тебѣ мою любовь. Пока я буду играть роль въ твоей жизни, тебѣ будетъ грозить опасность, ты никогда не сможешь рассчитывать на самого себя: я убѣдилась въ этомъ теперь. Я стояла между тобой и всѣмъ, что тебѣ можетъ дать свѣтъ... Я не хочу стоять между тобой и честью!

www.libtool.com.cn

Силы покидали ее, какъ ни старалась она бороться со своимъ горемъ. Онъ не могъ сказать ничего: онъ не вѣрилъ, чтобы она говорила не въ шутку.

— Я должна! — вдругъ вскрикнула она. — Вотъ все, что я могу сдѣлать для тебя... Это — моя жизнь: возьми ее!

Слезы полились изъ ея глазъ, но она высоко держала голову: она не скрывала ихъ.

— Возьми ее! — повторила она. — Это — все, чѣмъ я могу пожертвовать тебѣ и твоей чести. Прощай, моя любовь! О, какъ сильно я тебя люблю! Еще разъ, прежде чѣмъ я уйду...

Она почти упала въ его объятія, обхватила руками его шею и спрятала лицо на его плечѣ. Онъ нѣжно цѣловалъ ея волосы; а она содрогалась всѣмъ тѣломъ отъ сдержанныхъ рыданій.

— Это убьетъ меня — сказала она прерывающимся голосомъ. — Я не могу... Я считала себя такой сильной! О, я — самая ничтожная женщина въ мірѣ!

Она вырвалась изъ его объятій и бросилась на стулъ. Уткнувшись лицомъ въ его подушку и прикрывая его руками, она старалась всѣми силами сдержать слезы, трепеща всѣмъ тѣломъ, съ головы до ногъ.

— Ты не должна уходить, не должна! — вскричалъ онъ, въ свою очередь, надая передъ нею на колѣни и стараясь схватить ея руку. — Долореса, посмотри на меня! Я все готовъ сдѣлать, все обѣщать: ты мнѣ повѣришь! Слушай, любовь моя: я даю тебѣ слово, клянусь Богомъ...

— Нѣтъ, не клянись! — проговорила она голосомъ, прерываемымъ рыданіями.

— Но я поклянусь — настаивалъ онъ, отымая ея руки отъ лица до тѣхъ поръ, пока она не опустила ихъ. — Клянусь честью, что никогда не подыму руки на короля, буду защищать его, сра-

жаться за него, буду вѣренъ ему, что бы онъ ни сдѣлалъ противъ меня. Клянусь, именно ради тебя, никогда не подымать меча въ бою, не сказать слова въ мирное время иначе, какъ по внушенію чести,—такъ, какъ сражался я и говорилъ до сихъ поръ!

Слушая эти слова, Долореса успокоилась и перестала плакать: глаза ея, еще полныя слезъ, снова засвѣтились жизнью. Она протянула его къ себѣ и поцѣловала въ лобъ.

— Я такъ рада, такъ счастлива!—тихо сказала она.—У меня, право, никогда не хватило бы силъ разстаться съ тобой.

ГЛАВА X.

Воркованіе голубковъ.

Дон-Жуанъ ласкалъ ея золотистые волосы.

Ни разу еще, съ той самой поры, какъ онъ полюбилъ ее, она не казалась ему такой прекрасной; и онъ старался запечатлѣть ея образъ въ своей памяти. Щеки ея покрылись румянцемъ; выраженіе счастья сгладило всѣ слѣды слезъ; ея сѣрые глаза казались темнѣе и нѣжнѣе, освѣненные длинными, еще влажными рѣсницами.

— Это былъ ужасный сонъ, мой дорогой?

Она говорила тихо, но голосъ ея звучалъ радостно: вѣдь, она снова обрѣла его.

Онъ тоже улыбался. Его глаза свѣтились спокойствіемъ и молодостью: буря миновала, почти забылась. Она бушевала лишь нѣсколько минутъ; но за это время оба такъ сильно любили, такъ много пережили, словно прошли годы; и любовь ихъ стала мужественнѣе и чище. Долореса знала, что его слово крѣпко, что онъ скорѣй умретъ, чѣмъ нарушить его. Но и она сама напрасно называла себя слабой женщиной и, казалось, готова была предаться отчаянію: она скорѣй рѣшилась бы разстаться съ возлюбленнымъ навѣки, чѣмъ подвергать его опасности.

Она не спрашивала себя, вытекало-ли ея рѣшеніе цѣликомъ изъ чувства тревоги за него, или же было вызвано опасеніемъ быть связанной съ судьбой измѣнника. Она знала, что оно твердо, и не

имѣла надобности допрашивать себя самое. Если бы этотъ человѣкъ совершилъ преступленія, она возненавидѣла бы ихъ, а не его, простила бы его, а не ихъ. Она все-таки отдала бы ему свою руку передъ цѣлымъ свѣтомъ, хотя бы это повлекло за собой стыдъ и позоръ: она любила его и всегда будетъ любить; и, ради своей безопасности, она никогда не разсталась бы съ нимъ, что бы ни случилось.

Да, для нея было бы постыдно продолжать любить его; но еслибъ ужъ такъ случилось, она гордилась бы своимъ позоромъ ради него: и ея любовь могла бы исторгнуть его изъ глубины порока; ради нея онъ снова сталъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ прежде въ глазахъ всего свѣта. Да, она сдѣлала бы это; и если бъ ей удалось спасти его, она считала бы свое доброе имя слишкомъ ничтожной жертвой за избавленіе его отъ него самого. Она пожертвовала бы своей любви еще болѣе: она добровольно отдала бы все ему или даже памяти о немъ, если бъ онъ умеръ и если бъ какимъ-нибудь чудомъ ея гибель, въ глазахъ свѣта, могла облечь его имя, очистить его славу. Нѣтъ, ничего на свѣтѣ, чего преданная, любящая женщина не сдѣлала бы для возлюбленнаго, которому она доверяетъ: она отдастъ, наконецъ, и свое главное сокровище, если только это можетъ спасти его отъ позора и гибели. Слава женщины — въ ея жертвахъ, какъ слава мужчины — въ его силѣ на полѣ брани, въ добротѣ въ мирныя времена и въ чести — всегда.

— Забудь все это — сказалъ дон-Жуанъ. — Забудь, дорогая, и прости меня за все!

— Я могу забыть это: вѣдь, это былъ только сонъ! — сказала она. — А прощать мнѣ нечего. Слушай! Будь это правда, даже предположи только я, что это былъ не сонъ, то что же было бы мнѣ прощать тебѣ? Ну, что?

— Самую мысль о томъ, что я могу измѣнить присягѣ, возстать противъ моего монарха, погубить мою родину — смѣло отвѣтилъ онъ. И краска стыда покрыла его юношескія щеки.

— Но вѣдь, это — ради меня — сказала Долореса.

Сердце подсказывало ей, что это объясняетъ все. Но онъ не удовлетворился этимъ и, какъ мужчина, настаивалъ:

— Даже ради тебя я не долженъ былъ помышлять объ этомъ. За это-то и прости меня, если нѣтъ ничего больше.

— Нѣтъ, дорогой, ты ошибаешься! Такъ какъ это было бы ради меня, то не мнѣ прощать тебя. Это — большая разница; но ты все еще не понимаешь... Я никогда не простила бы себѣ самой, пока живу, и не надѣялась бы на прощеніе въ будущей жизни. Если бъ допустила тебя совершить подобныя дѣла, если бъ дозволила моей любви стать между тобой и честью. Понимаешь?

— Понимаю, отвѣчалъ онъ. — Ты воинству мужественна, кротка, добра. Я не зналъ, что могутъ быть такія женщины.

— Изъ любви къ тебѣ женщина можетъ быть чѣмъ угодно, дерзать на что угодно, дѣлать что угодно, жертвовать чѣмъ угодно. Развѣ я не говорила тебѣ этого давно? Ты только отчасти вѣришь мнѣ тогда, дорогой мой... Можетъ быть, и теперь ты несовсѣмъ мнѣ вѣришь?..

— Вѣрю, дорогая, вѣрю всей душой! Вѣрю тебѣ такъ, какъ люблю тебя, какъ вѣрю въ твою любовь!..

— Да; повторяй мнѣ, что любишь меня, вѣришь мнѣ! Такъ сладко слушать это теперь, когда мы очнулись отъ тяжелаго сновидѣнія.

— Повторять тебѣ! — улыбнулся онъ, лаская ея руку. Но какъ же это сдѣлать? Вѣдь, словъ такъ мало, а надо сказать такъ много. Но вотъ что я скажу: ручаюсь честью за тебя. Но много ли этимъ сказано? Это ужъ тебѣ знать, — тебѣ, которая только-что такой цѣной хотѣла спасти мою честь. Я довѣряю тебѣ настолько, что готовъ прозакладывать свое слово, свою честь, свою христіанскую присягу, готовъ ручаться, передъ Богомъ и людьми въ твоей вѣрности, въ томъ, что ты всегда будешь любить меня такъ, какъ любишь теперь.

— Можешь клясться всѣмъ этимъ. Я всегда, всегда пожелаю пожертвовать тебѣ всѣмъ, кромѣ того, что принадлежитъ Богу; а если и этого мало, я готова отдать за тебя душу, если только это возможно, и пострадать вмѣсто тебя!

Она говорила спокойно; но въ ея голосѣ слышалось что-то такое важное, что всякое слово ея походило на торжественное обѣщаніе.

— Кромѣ того — прибавила она — ты видишь, какъ я довѣряю тебѣ.

Долореса улыбнулась, взглянувъ на него: она знала, что теперь

безопасна гораздо больше, чѣмъ въ ту минуту, когда впервые пришла къ нему. Внутренній голосъ говорилъ ей, что онъ овладѣлъ собой: ей не хотѣлось думать, что она его наставила на путь истины; съ нея было довольно знать, что она указала ему на этотъ путь, поддержала его. Дон-Жуанъ прижалъ ея руки къ своимъ щекамъ и задумался: онъ приискивалъ простыя слова, которыми можно бы было сказать много, не рѣшаясь говорить.

Мужчина, полюбивъ, высказывается первый; но онъ не находитъ словъ, когда любовь сильнѣе всего овладѣваетъ его существомъ. Женщина, въ такихъ случаяхъ, находитъ слова, нѣжныя и вѣрныя, исходящія изъ сердца сами собой. Но если любовь проходитъ по-немногу, если обоимъ она наскучила, мужчина лучше разыгрываетъ комедію: онъ обладаетъ большей силой воли; и нерѣдко въ его рѣчахъ слышатся прежніе звуки, такъ какъ онъ краснорѣчивъ. Женщина же, слушая его, улыбается, удивляясь, что у него чувство сохранилось дольше, чѣмъ у нея. Желая поддержать обольщеніе, она повторяетъ старыя слова; но въ нихъ уже нѣтъ жизни: какъ только прошла любовь, женщина думаетъ только о себѣ, между тѣмъ какъ она думала исключительно о немъ въ тѣ добрые дни, когда сердце ея билось при одномъ звукѣ его шаговъ, а свѣтъ мутился у нея въ глазахъ, когда онъ цѣловалъ ее.

Но любовь дон-Жуана и Долоресы не принадлежала къ чувствамъ преходящимъ. И такъ какъ онъ былъ слишкомъ молодъ и зналъ свѣтъ не дальше острія своего меча, то ему было стыдно отъ сознанія, что онъ не умѣетъ говорить о любви такъ же хорошо, какъ она.

— Придумывай слова для меня—сказалъ онъ—а я стану повторять ихъ: твои слова лучше моихъ.

— Скажи: *Я люблю тебя, милая!* Но скажи нѣжно и мягко, а не грубо, какъ это случается съ тобой иногда. Мнѣ хочется услышать эти слова съ нѣжностью, и больше ничего.

Она немного повернулась, склоняясь къ нему, приблизивъ свое лицо къ его лицу, смотря на него покойнымъ, теплымъ взглядомъ. Она схватила его руки и держала ихъ предъ собой, точно онъ былъ ея плѣнникомъ: ей дѣйствительно не хотѣлось, чтобы онъ внезапно схватилъ ее въ объятья, какъ часто случалось съ нимъ.

— Совѣмъ не то! — сказала она, смѣясь, какъ дѣвочка. — Повтори еще разъ, также мягко, по нѣжнѣ! Понимаешь, ты долженъ говорить серьезно, но отнюдь не страстно. — Она засмѣялась опять. — Это похоже на то, какъ будто я обучаю львенка — прибавила она. — Онъ можетъ растерзать меня каждую минуту, вмѣсто того, чтобы повиноваться. Скажи правда, что у тебя есть львенокъ, который есюду слѣдуетъ за тобой, какъ собака, когда ты въ лагерь? Ты мнѣ еще ничего не рассказывалъ о немъ. Какъ ты его учишь?

— Я не пробовалъ заставлять его говорить: *Я люблю тебя, дорогая!* — отвѣтилъ дон-Жуанъ, смѣясь.

Вдругъ они услышали отдаленные звуки, — и улыбка сбѣжала съ его лица. Хотя это былъ только звукъ экипажа, отбѣзжающаго съ главнаго двора, онъ все же заставилъ его опомниться.

— Мы играемъ въ жизнь и смерть — сказалъ онъ. Уже поздно. Король можетъ зайти сюда всякую минуту, а мы ничего не рѣшили. Онъ всталъ.

— Развѣ такъ поздно? — спросила Долореса, проводя рукой по глазамъ. — Я забыла... Мнѣ казалось, что прошло такъ мало времени. Дай мнѣ ключъ отъ дверей: вѣдь, мы такъ рѣшили, ты знаешь. Иди и сядь въ своей комнатѣ, какъ мы условились. Ты снова прочтешь мое письмо, милый? Еще остается съ полчаса до прихода короля. А когда онъ уйдетъ, въ нашемъ распоряженіи останется цѣлая ночь, чтобы рѣшиться на что-нибудь; и ночи теперь долгія. О, какъ мнѣ тяжело терять хотя бы одну минуту вдали отъ тебя! Что ты скажешь королю?

— Не знаю, что онъ скажетъ мнѣ — отвѣчалъ дон-Жуанъ. — Прислушивайся, — и ты все услышишь: мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты все слышала. Выйдетъ, какъ будто я говорю въ твоемъ присутствіи; и конечно я передамъ тебѣ все, что скажетъ король. Онъ будетъ говорить о тебѣ, я полагаю.

— Конечно, трудно было бы не слушать — сказала Долореса. — Чтобы не слышать, мнѣ пришлось бы заткнуть уши: вѣдь, каждое слово, сказанное въ сосѣдней комнатѣ, слышно здѣсь. Знаешь что? Я слышала, какъ ты потребовалъ бѣлые башмаки! Я боялась дышать, чтобы слуги не догадались, что я здѣсь.

— Тѣмъ лучше. Сядь на стулъ, возлѣ дверей! Но остерегайся, не шуми: король очень подозрителенъ.

— Знаю. Не бойся! Я буду сидѣть тихо, какъ мышь. Иди, моя любовь, иди... Пора! О, какъ мнѣ больно разставаться съ тобой! А ты будешь остороженъ? Не станешь гнѣваться на его рѣчи? Ты былъ бы благоразумнѣе, еслибъ зналъ, что я не слышу вашего разговора: ты захочешь защищать меня, если онъ произнесетъ хоть слово тебѣ не по вкусу; но пусть-себѣ говоритъ, что ему вздумается! Все рѣшительно лучше явной ссоры съ королемъ. Общай мнѣ, что ты будешь очень сдержанъ въ словахъ и очень терпѣливъ. Помни, что онъ, вѣдь, король!

— И мой братъ—съ горечью сказалъ дон-Жуанъ.—Не бойся! Ты вѣдь знаешь, что я общалъ тебѣ. Я какъ-нибудь перенесу все, что онъ скажетъ обо мнѣ; но если онъ скажетъ что-нибудь пренебрежительное на твой счетъ...

— Но онъ можетъ сказать: въ этомъ-то и опасность. Общай мнѣ не гнѣваться...

— Нѣтъ, я не подыму руки на него. Это я ужъ общалъ тебѣ. А что касается гнѣва, то постараюсь сдерживаться.

— Да, знаю, что ты постараешься. Ну, теперь тебѣ пора уходить. Прощай, моя любовь! Прощай на короткое время!

— Зачѣмъ прощаться на такое короткое время? Ненавижу это слово: оно напоминаетъ мнѣ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ разставался съ тобой!

— Но какъ мнѣ знать, что можетъ случиться съ тобой, когда ты не со мной?—спросила Долореса.—И что значитъ слово *прощай*, какъ не взаимное благословеніе? Въ этомъ все его значеніе. Это вовсе не значитъ, что мы расстаемся надолго, милый мой. Да я готова сказать это слово, если бы даже мы разставались всего на одинъ часъ! Прощай, дорогой мой, прощай!

Она потянулась къ нему за поцѣлуемъ. Лицо ея сіяло такимъ счастьемъ, такимъ довѣріемъ къ нему, что слово *прощай* теряло въ ея устахъ всю горечь, какую имѣло во всѣ времена, въ минуту разлуки: оно становилось тѣмъ, чѣмъ она его считала,—благословеніемъ. Но она произносила его очень нѣжно: ей было тяжело разставаться съ нимъ и на одинъ часъ. Онъ повторилъ это слово,

въ угоду ей; но оно вышло у него печальнымъ, точно въ его устахъ имѣло совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ ея. Звукъ его голоса встревожилъ ее: она пожалѣла, зачѣмъ просила его сказать это слово.

— Не такъ!—тревожно вскрикнула она.—Ты ничего не скрываешь отъ меня? Ты только идешь въ другую комнату повидаться съ королемъ? Ты увѣренъ въ этомъ?

— Конечно, только для этого! Видишь, это слово и тебя испугало. Мнѣ оно кажется такимъ печальнымъ, что я не хочу его больше повторять.

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее, какъ бы для того, чтобы успокоить, затѣмъ отворилъ двери, оставляя ключъ внутри комнаты. Уже за порогомъ, онъ постоялъ съ минуту у дверей. Уста ихъ слились еще разъ, не произнося ни слова; они въ послѣдній разъ улыбнулись другъ другу. Затѣмъ онъ захлопнулъ дверь и услышалъ, какъ она замыкаетъ ее.

Когда Долореса осталась одна, она повернулась, словно онъ ушелъ отъ нея совсѣмъ, а не былъ въ сосѣдней комнатѣ, такъ что она могла ощущать каждое его движеніе. Она слышала, какъ онъ придвинулъ стулъ ближе къ свѣту и разставлялъ подсвѣчники на столѣ, потомъ подошелъ къ другой двери и отворилъ ее, наконецъ отперъ дверь на террасу; и она знала, что онъ смотритъ, нѣтъ-ли кого тамъ. Теперь онъ вернулся и сѣлъ; она ясно слышала шуршаніе бумаги, когда онъ раскрывалъ письмо. Это было ея письмо: онъ собирался читать его, какъ они условились.

Она сѣла на такое мѣсто, откуда удобно было смотрѣть на двери. Она напрягала зрѣніе, точно хотѣла видѣть насквозь: пусть онъ чувствуетъ, что она не спускаетъ съ него глазъ, стоитъ возлѣ него, тихо читаетъ лежавшіе передъ нимъ слова, но не глядя на нихъ, такъ какъ знала ихъ наизусть. Однако это все-таки было совсѣмъ не то, какъ если-бы она видѣла его: было очень грустно быть отдѣленной отъ него непроницаемымъ кускомъ дерева, терять даромъ столько времени до прихода короля. Можетъ быть, пройдетъ еще цѣлый часъ. Неизвѣстно даже, придетъ-ли онъ, послѣ своего совѣщанія съ Антоніо Перезомъ.

Хитрый любимецъ отъ всего сердца желалъ ссоры между королемъ и дон-Жуаномъ, но онъ еще недостаточно подготовился къ

ней. Сначала ему необходимо было завладѣть Долоресой и скрыть ее. А когда разразится ссора, дон-Жуанъ долженъ будетъ думать, что ее укралъ и заперъ въ темницу король, что съ ней обращаются дурно. Ради любимой женщины, дон-Жуанъ готовъ будетъ разрушить стѣны Мадрида, если-бъ понадобилось. А найди онъ ее мертвой,—и то не бѣда, ~~думалъ Перезъ~~ дон-Жуанъ возненавидѣлъ-бы брата; а Испанія вся слилась-бы въ порывѣ сочувствія и ужаса.

Но Долореса не только не могла знать всего этого: она не могла и подозрѣвать ничего подобнаго. Она была увѣрена, что король и Перезъ совѣщаются о томъ, какъ-бы воспрепятствовать ея браку съ дон-Жуаномъ, и полагала, что Перезу удастся убѣдить короля отложить свиданіе съ братомъ до другого времени. Ей казалось почти невыносимымъ ждать, можетъ быть, цѣлныя часы, теряя даромъ драгоценныя минуты, за которыя она готова была пролить свою кровь. Право, оба были ужъ черезчуръ осторожны. Отчего-бы не оставить двери открытыми, чтобы можно было разговаривать? А при первомъ шорохѣ снаружи, она могла-бы замкнуть двери и съѣсть. Это было-бы достаточно безопасно.

Она встала и собиралась уже отворить двери, какъ вдругъ остановилась въ нерѣшительности. Вѣдь, возможно, что король подойдетъ къ дверямъ въ любую минуту: хотя она и могла слышать каждый звукъ изъ сосѣдней комнаты, но плотныя занавѣсы, закрывавшія окна, не пропускали ни единого звука. Зато ей пришло на умъ, что она могла-бы подойти къ окну и посмотрѣть. Но всякій лучъ свѣта можетъ открыть ея присутствіе въ комнатѣ челоуѣку, находящемуся по той сторонѣ окна; а если она отдернетъ занавѣсы, то на террасѣ будетъ виденъ свѣтъ въ ея комнатѣ.

Долореса прислушалась у дверей дон-Жуана: онъ поворачивалъ рукой листокъ письма. Сердце ея стремилось къ нему. Она безшумно стояла у косяка, цѣлуя его и повторяя про себя, что любить его такъ, что нельзя и выразить словами. Если-бы было возможно глянуть въ окно и убѣдиться, что еще никто не идетъ, она успѣла-бы пойти къ нему хоть на минуточку и снова повторить ему слова любви.

Долореса сѣла и подумала, какъ она безумна. Она была въ разлукѣ съ нимъ многіе длинныя, тяжелые мѣсяцы; а теперь, вѣдь,

только-что была съ нимъ и разговаривала два раза въ теченіе всего трехъ часовъ — и не можетъ перенести его отсутствія на пять минутъ, готова на все, лишь-бы снова увидѣть его. Она старалась смѣяться надъ собой, повторяя мысленно, что это безумно и что она сама презирала-бы всякую столь-же безумную женщину. Нѣсколько минутъ она сидѣла недвижимо, устремивъ взоръ въ стѣну.

Мысли о немъ наполняли ея умъ и сердце. Ей представилось, что ея жизнь началась лишь съ той минуты, когда онъ впервые заговорилъ съ нею. Она чувствовала, что съ послѣднимъ «прости» все кончится: умри онъ или разлюбилъ ее—и у нея ничего не останется въ жизни. Ея ранняя молодость казалась ей далекой-далекой и мрачной, скучной, безжизненной, словно она не принадлежала ей и не имѣла никакой связи съ настоящимъ. Она видѣла себя въ прошломъ, а въ настоящемъ не могла себя видѣть; и припоминаемый ребенокъ казался ей не ею самой, а кѣмъ-то чужимъ.

Вотъ свѣтлорусая дѣвочка. Живетъ она въ мрачномъ старомъ домѣ въ Вальядолидѣ, со своей слѣпой сестрой и старой дѣвой, родственницей отца, которая, какъ женщина съ нѣкоторыми познаніями, предложила ему воспитать и обучить ихъ. И эта дуэнья исполняла взятую на себя обязанность съ такой строгой добросовѣстностью, что обратила ихъ жизнь въ муки дисциплины. Но все это забыто теперь. И нужды нѣтъ, что дуэнья по сю пору жила въ Вальядолидѣ и вѣроятно мало измѣнилась въ тѣ немногіе годы, которые Долореса провела одна безъ нея: она составляла частицу прошлаго, остатки чего-то такого, что врядъ-ли даже существовало когда-либо въ дѣйствительности и чего, во всякомъ случаѣ, не стоило помнить.

Вся ея безпритязательная дѣвичья жизнь была озарена лишь однимъ лучемъ, который пролился вдругъ и еще не исчезъ до сихъ поръ. Ясенъ, незабвененъ былъ тотъ день, когда герцогиня Альварезъ представила ее ко двору, и она впервые встрѣтила дон-Жуана, а онъ увидѣлъ ее и заговорилъ съ ней, послѣ того, какъ побесѣдовалъ съ самой герцогиней. То было ея первое знакомство съ высшимъ свѣтомъ: и при первомъ-же взглядѣ она замѣтила, что во всей громадной залѣ не было мужчины, подобнаго ему. Ей стоило взглянуть на него, увидѣть его лицо и изящную фигуру, всю въ

бѣломъ, какъ и сегодняшней ночью, чтобы выгодно сравнить его съ другими. Она такъ быстро перебѣгала глазами съ одного на другого, что можно было подумать, что она ищетъ друга въ толпѣ. Но у нея не было друзей среди царедворцевъ: она только удостовѣрялась въ томъ, что останется у нея ужъ на всю жизнь, а именно, что человекъ, котораго она собиралась полюбить, стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ. А эти остальные были цвѣтомъ молодого испанскаго рыцарства.

Правда, насколько она понимаетъ теперь, она его не полюбила еще даже тогда, когда услышала его голосъ, обращавшійся къ ней въ первый разъ, хотя и была такъ счастлива, что едва уловила смыслъ его словъ. Но она ихъ запомнила. Онъ спрашивалъ ее, въ Мадридѣ-ли живетъ она? Она отвѣчала, что живетъ въ самомъ Альказарѣ, такъ какъ ея отецъ командуетъ гвардіей и имѣетъ квартиру во дворцѣ. Дон-Жуанъ пристально посмотрѣлъ на нее съ минуту и повидимому былъ доволенъ: онъ улыбнулся и выразилъ надежду, что будетъ часто видаться съ ней, прибавивъ, что, насколько зависитъ отъ него, онъ постарается услужить ея отцу, чѣмъ сможетъ.

Она была увѣрена, что тогда еще не любила его, хотя во снѣ ей грезились его привлекательный обликъ и его голосъ, а на другой день она только и думала, что о немъ. Затѣмъ ее охватило почти лихорадочное желаніе увидѣть его опять. Она забросала герцогиню Альварезъ вопросами на его счетъ. Герцогиня даже какъ-то странно улыбнулась и покачала своей хорошенькой, молодой головкой, замѣтивъ, что лучше всего не думать слишкомъ много о дон-Жуанѣ Австрійскомъ.

Да, она не полюбила его съ перваго взгляда. Но вечеромъ, на третій день, передъ заходомъ солнца, въ то время какъ она гуляла съ Инезой на уединенной террасѣ, по которой никто не ходилъ, кромѣ обѣихъ сестеръ, дон-Жуанъ неожиданно появился, съ однимъ изъ царедворцевъ, словно онъ просто прогуливался, не ожидая никакой встрѣчи. Онъ повидимому былъ очень удивленъ, увидѣвши ее, и низко поклонился. Вдругъ слѣпая Инеза, которая, три года тому назадъ, была еще почти ребенкомъ, повела царедворца въ конецъ террасы, туда, гдѣ росли розы, которыя она распознавала ощупью и по ихъ запаху: Долореса съ дон-Жуаномъ очутились на

старой каменной скамьѣ и завели серьезный разговоръ. Даже самой себѣ она признавалась, что полюбила его именно съ этого вечера. И всякій разъ, какъ она вспоминала объ этомъ, ей слышалось благоуханіе первыхъ розъ, представлялось его лицо, съ отблескомъ заходящаго солнца въ глазахъ, слышался его голосъ, говорящій, что онъ опять придетъ на террасу въ такой же часъ. И онъ сдержалъ свое слово, какъ всегда; и, какъ видно, это не стоило ему особаго усилія.

Такъ ей удалось узнать его такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ обрядностей той придворной жизни, ничтожную часть которой составляла она сама. Только разъ или два, когда онъ перекидывался съ ней нѣсколькими словами при другихъ доньяхъ, ей пришлось съ досадою величать его «вашимъ высочествомъ», а ему называть ее «доньей Долоресой» и любезно спрашивать о здоровьѣ отца. Но на террасѣ они разговаривали безъ всякихъ подобныхъ условностей и никакъ не называли другъ друга, пока однажды... Но объ этомъ она не хочетъ вспоминать теперь.

Если она дастъ волю своему воображенію, то не будетъ въ состояніи усидѣть на мѣстѣ, передъ этой запертой дверью: она не выдержитъ, отворитъ ее, чтобы убѣдиться, что онъ тамъ. Такой пріемъ былъ-бы конечно самымъ вѣрнымъ: тогда не могло-бы остаться никакихъ сомнѣній. Но прибѣгать къ нему въ настоящую минуту было-бы безумно, а пожалуй, и опасно. Прошое было такъ прекрасно и мирно. Она готова была воскрешать въ своемъ воображеніи его исторію много, много разъ—вплоть до того событія, думать о которомъ значило-бы вдругъ уткнуться въ то, что было слишкомъ памятно, но, увы! ужъ несомнѣнно миновало.

Все это такъ живо воскресло въ ея памяти, что она снова встала и направилась къ завшенному окну, какъ бы съ тѣмъ, чтобы уйти подальше отъ непреодолимаго искушенія. Остановившись тамъ, она обернулась назадъ и замѣтила ключъ въ дверномъ замкѣ. Это было безуміе, ребячество съ ея стороны въ такую минуту; но она чувствовала, что пока ключъ будетъ на виду, она будетъ чувствовать влеченіе повернуть его. Она быстро рѣшилась и, улыбаясь надъ своей слабостью, подошла къ дверямъ, прислушалась къ шагамъ и вдругъ вынула ключъ. Въ ту же минуту дон-Жуанъ очутился у двери съ другой стороны и тихонько позвалъ ее:

— Что случилось?—спросилъ онъ.—Ради Бога, не входи: мнѣ кажется, я слышу шаги.

— Нѣтъ—отвѣчала она въ замочную скважину.—Я боялась, что отомкну дверь, и вынула ключъ.

Она помолчала.

— Я люблю тебя!—сказала она такъ, чтобы онъ могъ слышать, и поцѣловала то мѣсто двери, противъ котораго, по ея мнѣнію, приходилось его лицо,—какъ разъ надъ ея лицомъ.

— Люблю тебя всѣмъ сердцемъ!—нѣжно отвѣчалъ онъ.—Но тише, милая: онъ идетъ!

Они походили на играющихъ дѣтей. Но они разыгрывали страшную трагедію: они играли въ жизнь со смертію у дверей; а ставкой была судьба цѣлаго великаго народа.

Минуту спустя, Долореса услышала, какъ дон-Жуанъ открылъ и потомъ закрылъ другія двери,—и послышались голоса. Она услышала имя отца, произнесенное рѣзкимъ и въ то же время глухимъ голосомъ короля,—голосомъ, котораго невозможно было не узнать. Ей слышно было каждое слово въ той комнатѣ, точно она сама была тамъ.

— Мендоза!—сказалъ Филиппъ.—У меня частное дѣло къ его высочеству. Я желаю, чтобы вы подождали у входа, на террасѣ, и никого не впускали: мы не хотимъ, чтобы намъ мѣшали.

Ея отецъ не произнесъ ни слова. Но она знала, какъ онъ отвѣситъ свой нѣсколько натянутый поклонъ и уйдетъ, пятась въ отворенную дверь. Дверь притворилась за нимъ: оба брата остались съ глазу на глазъ. Сердце Долоресы забилося сильнѣе. Лицо ея поблѣднѣло, въ то время какъ она сосредоточила свое вниманіе на томъ, чтобы не произвести шуму. Если бы они могли слышать ее, какъ она слышала ихъ, то даже легкій шелестъ ея шелковаго платья выдалъ бы ея присутствіе. И тогда прикажи король ея отцу взять ее съ собой—все погибло бы: вѣдь, дон-Жуанъ навѣрно не прибѣгъ бы къ насилію, чтобы охранить ее.

— Это ваша спальня?—спросилъ Филиппъ.

Очевидно онъ разсматривалъ комнату, какъ предвидѣлъ дон-Жуанъ: слышно было, что онъ прохаживался. Его тяжелые шаги невозможно было принять за шаги брата, который отличался легкой походкой.

— Никого нѣтъ за занавѣсами?—спросилъ король, который очевидно искалъ, не спрятался ли кто подслушивать. Онъ отнюдь не пренебрегалъ подобными предосторожностями.

— А это что за дверь?—спросилъ онъ.—Что тамъ такое?

Сердце Долоресы замерло. Она сдерживала дыханіе, прислушиваясь къ тяжелымъ шагамъ, которые приближались.

— Эта дверь заперта на ключъ—совершенно спокойно отвѣтилъ дон-Жуанъ.—У меня нѣтъ ключа. Не знаю, гдѣ онъ... Его здѣсь нѣтъ.

Такъ какъ Долореса вынула ключъ, то эти слова дон-Жуана были буквально вѣрны. Несмотря на тревогу, она улыбнулась, услышавъ его отвѣтъ. Но вслѣдъ затѣмъ она задрожала: король пробовалъ отворить дверь, и она сотрясалась такъ, что вотъ-вотъ разлетится.

— Она дѣйствительно заперта—сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.—А я не люблю замкнутыхъ дверей, если не знаю, что тамъ за ними.

Онъ снова прошелся по комнатѣ и кликнулъ Мендозу, который тотчасъ же отозвался.

— Мендоза, подите сюда! Вотъ дверь, отъ которой у его высочества нѣтъ ключа. Не можете-ли вы отворить ее?

— Попытаюсь, ваше величество — услышался низкій голосъ генерала.

Минуту спустя, дверь сильно подалась подъ тяжестью старика, который оказался сильнѣе, чѣмъ можно было бы предполагать: съ виду онъ былъ скорѣй хѣдощавъ и гибокъ, чѣмъ мускулистъ. Долореса воспользовалась минутой, когда стукъ особенно усилился, и отбѣжала къ окну. Но звуки разомъ прекратились. Она остановилась.

— Не могу открыть двери, ваше величество—сказалъ Мендоза унылымъ голосомъ.

— Ну, такъ подите, принесите ключъ!—воскликнулъ король почти сердито.

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

КНИГА ВТОРАЯ.

Неожиданная развязка.

ГЛАВНОЕ ПОПУЛЯРНОЕ
PUBLIC LIBRARY
BOOKS & STATIONERY
81 ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

www.libtool.com.cn

PUBLIC LIBRARY

BOOKS ARE THE PROPERTY OF THE

www.libtool.com.cn

ГЛАВА I.

Муки слѣпой и стараго воина.

Прежде чѣмъ рѣшиться тихонько отворить двери галлерей надъ тронной залой, Инеза скрывалась тамъ около четверти часа, прислушиваясь, нѣтъ-ли какого движенія въ проходѣ. Здѣсь она могла оставаться въ совершенной безопасности сколько угодно: вѣдь, принцесса была увѣрена, что она бѣжала такъ далеко, что ея не догнать человѣку, считающему ниже своего достоинства бѣжать за ней. Припомнимъ, что въ ту минуту, когда она достигла галлерей, Мендоза спустился внизъ по дѣламъ службы; а затѣмъ онъ долженъ былъ сопровождать короля въ покои дон-Жуана, гдѣ его послали отыскать ключъ.

Слѣпая, само собою разумѣется, не имѣла понятія о томъ, гдѣ онъ находится, и полагала, что онъ либо въ тронной залѣ, либо гдѣ-нибудь по близости. Чутье подсказывало ей; что если Долореса не отправилась ко двору съ герцогиней Альварезъ, какъ намѣревалась, то она, должно быть, рѣшилась сдѣлать попытку повидаться съ дон-Жуаномъ наединѣ.

Будучи совершенно наивна, она считала подобную мысль довольно естественной: ей тотчасъ представилось, что Долореса и дон-Жуанъ устроятъ свиданіе на той самой террасѣ, гдѣ они провели столько счастливыхъ часовъ въ былыя времена. Туда-то она и направилась прежде всего, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ пробираясь по корридору, гдѣ была галлерей: мѣста эти были не особенно знакомы ей, хотя врядъ ли былъ въ верхнемъ этажѣ уголокъ, въ которомъ бы она не бывала. Дойдя до террасы, она вошла на нее и тихо позвала. Отвѣта не послѣдовало, да и вообще ничего не было слышно. Ночь не была холодна; но вѣтерокъ былъ на-

столько чувствителенъ, что она немного прозябла. Какъ разъ въ эту минуту раздался рѣзкій заунывный крикъ совы. Она невольно вздрогнула и вернулась въ корридоръ.

Она отправилась бы къ герцогинѣ Альварезъ, если бы не была убѣждена, что та внизу у королевы. Впрочемъ, и въ такомъ случаѣ, она охотно пріютилась бы у нея, посидѣла бы съ ея женщинами, и, можетъ быть, узнала бы что-нибудь насчетъ Долоресы. Но она вспомнила, что на ней платье сестры: по этому поводу ей могутъ предложить вопросы, на которые ей трудно будетъ отвѣчать. Ей снова стало ясно, что Долореса гдѣ-нибудь съ дон-Жуаномъ: они, быть можетъ, ждутъ въ какомъ-либо укромномъ уголку, пока все утихнетъ. Было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что ночью онъ увезетъ ее тайно изъ дворца и отправитъ къ своей пріемной матери въ Вильягарцію. Инеза не повѣрила ни одному слову изъ всего того, что говорила ей принцесса, но не забыла ничего и довольно вѣрно догадалась, съ какой цѣлью все это говорилось.

Наверху теперъ все было тихо. Инеза и Долореса еще за мѣсяцъ до пріѣзда дон-Жуана знали, гдѣ ему назначено помѣщеніе. Онѣ не разъ ходили туда, когда никого не было на террасѣ. Долореса заставляла ее ощупывать дверь и шесть оконъ, по три на каждой сторонѣ двери. Слѣпая легко можетъ отправиться туда, если конечно никто не задержитъ ее.

Нѣсколько времени она держалась вѣрнаго направленія, но затѣмъ стала колебаться. Вѣдь, если бы ее узнали, то опасность грозила бы больше Долоресѣ, чѣмъ ей самой; съ другой стороны, если Долореса была съ дон-Жуаномъ, то для нея не могло и быть болѣе безопаснаго мѣста. Къ тому же, если бы Инеза и нашла ее здѣсь, она не въ состояніи была бы оказать ей какую-либо помощь; а если ее нашелъ Мендоза и поручилъ третьему лицу, то и совсѣмъ трудно будетъ отыскать ее. Слѣпая представила себѣ, каково должно было быть изумленіе отца, если онъ встрѣтилъ Долоресу въ придворномъ нарядѣ, тотчасъ послѣ того, какъ Инеза, переодѣтая въ платье Долоресы, была поручена принцессѣ: и она чуть не захохотала. Но вслѣдъ затѣмъ ею овладѣло чувство полного одиночества и безпомощности. Она снова вернулась на террасу и сѣла на старую каменную скамью, прислушиваясь къ крикамъ совы и

къ трепетанью крыльевъ летучихъ мышей, которыя беззаботно влетали и вылетали, то привлекаемая свѣтомъ, то снова спугиваемая имъ: свѣтила полная луна.

Инеза еще никогда не ходила одна по дворцу ночью. Хотя для нея ночь и день было одно и то же, однако что-то непостижимое чувствовалось въ воздухѣ и пугало ее: она сознавала свою полную безпомощность, несмотря на почти сверхъестественную остроту слуха и чудесное осязаніе. Было очень тихо: днемъ не бываетъ никогда такого полного безмолвія. Ей казалось, точно она окружена людьми, слѣдящими за ней, сдерживающими дыханіе, чтобы она не услышала ихъ.

До сихъ поръ она никогда не чувствовала своей слѣпоты, не сознавала вполне различія между собой и другими.

Днемъ она могла ходить, куда ей вздумается, въ верхнемъ этажѣ. Тамъ все ей было знакомо, близко. Отъ времени до времени мимо нея проходилъ кто-нибудь; а знавшіе ее заговаривали съ ней ласково. Кромѣ того, сквозь окна проходилъ теплый солнечный свѣтъ, а въ корридорахъ чувствовалось прохладное дуновеніе вѣтерка. Звуки служили ей путеводителями, солнце грѣло ее, вѣтерокъ обвѣвалъ ее, голоса людей напоминали ей, что и она—человѣкъ. Но теперь это мѣсто напоминало пустую церковь, уставленную гробами и безмолвную, какъ тѣ мертвецы, чѣмъ покоятся въ ней. Она чувствовала себя ужасно одинокой, заходѣлой, несчастной; она готова была все отдать—все, лишь бы лежать въ постели у себя въ комнатѣ.

Но Эвдальдо не пойметъ причины ея возвращенія, послѣ того какъ ему объявили, что она останется у принцессы. Придется дать ему какое-нибудь объясненіе, а голосъ можетъ выдать ее—и поднимется страшная суматоха. Если бы она хоть оставила себѣ свой плащъ, которымъ можно было бы прикрыть платье Долоресы: тогда она могла бы вернуться; и это показалось бы слугѣ весьма естественнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ вѣроятно и ждетъ ея возвращенія приблизительно къ этому времени. Ужъ не лучше ли вернуться, во всякомъ случаѣ, и выдумать ему какую-нибудь исторію о томъ, какъ она, по ошибкѣ, надѣла платье сестры вмѣсто своего, да попросить его никому не рассказывать объ этомъ? Она легко сообразитъ

его съ толку, такъ что онъ ничего не разберетъ: и черезъ нѣсколько минутъ она будетъ у себя, въ своей комнатѣ, въ постели, въ полной безопасности, вдали отъ этого противнаго мѣста, гдѣ она скорчилась, дрожа отъ страха, прислушиваясь къ крикамъ совѣ.

Инеза встала и пошла по направленію къ квартирѣ отца. Вдругъ ей пришло на умъ, что съ ея стороны было бы трусостью вернуться, не исполнивши послѣдней части своего предпріятія, не разузнавъ даже, гдѣ находится Долореса и не грозитъ-ли ей опасность. Былъ только одинъ способъ убѣдиться въ этомъ—ислѣдовать мѣста, сосѣднія съ помѣщеніемъ дон-Жуана. Безъ всякихъ дальнѣйшихъ колебаній, она направилась туда. Она рѣшила, что, въ случаѣ, если бы ей пришлось встрѣтиться съ отцомъ или принцессой, она откинетъ голову и откроетъ лицо. Въ концѣ концовъ, это будетъ безопаснѣе всего.

Она безпрепятственно достигла оконъ помѣщенія дон-Жуана. Она ошупала всѣ углы, заходила даже въ пустую будку. Долго она прислушивалась, и нѣсколько разъ тихонько позвала Долоресу. Она прислушивалась у перваго, у втораго, у третьяго окна, у двери, затѣмъ дальше, пока не достигла послѣдняго окна. Здѣсь она услышала голоса: сердце ея на минуту сильно забилося.

Невозможно было разобрать словъ: окна были закрыты и тяжелыя занавѣсы спущены. Но самые звуки голосовъ убѣдили ее, что Долореса была тутъ съ дон-Жуаномъ. Этого было достаточно для нея: теперь она могла вернуться къ себѣ. Ей, вѣдь, казалось весьма естественнымъ, что сестра находится у человѣка, который ее любитъ, и внѣ власти отца: больше ничего и не требовалось. Ей остается вернуться къ себѣ сейчасъ же и объяснить, какъ придется, Эвдальду исторію съ ея платьемъ. Да и какое ему дѣло до того, гдѣ она была, какъ она одѣта, по какой причинѣ обмѣнялась съ Долоресой платьями, можетъ быть, даже въ комнатахъ самой принцессы? Можетъ быть, онъ даже не обратитъ никакого вниманія на ея платье.

Инеза собиралась идти домой сейчасъ-же, а между тѣмъ стояла неподвижно, положивъ руки на низкій косякъ окна, прижавшись лбомъ къ холоднымъ круглымъ стекламъ. Что то мучило ее: она

сама не знала что. Она старалась представить себѣ оба эти прекрасные существа тамъ, въ комнатѣ: она знала, что они прекрасны; Долореса описывала ей не разъ дон-Жуана въ видѣ юнаго божества. Звуки его голоса достигали ея слуха, точно отголоски далекой чудной музыки, слагающейся въ невѣдомую пѣсню въ воображеніи того, кто ихъ слышитъ неясно. Зато Долореса слышала каждое произносимое имъ слово: этого было довольно съ нею. Долореса не только слышала, но и видѣла: она слышала, видѣла и была любима человѣкомъ, который говорилъ съ ней, любима такъ же нѣжно, какъ и она любила его.

Чувство полного одиночества охватило молодую дѣвушку, когда она приложилась къ окну. Она не рассчитывала ни на что, не требовала ничего, даже въ тайникахъ своего сердца... Она обладала менѣе, чѣмъ ничѣмъ: вѣдь, никогда, ни здѣсь, на землѣ, ни тамъ, на небѣ, дон-Жуанъ не скажетъ ей слова любви. А между тѣмъ она чувствовала, будто у нея отняли что-то и отдали сестрѣ,—что-то болѣе дорогое, чѣмъ жизнь, чѣмъ мечты о зрѣніи. У нея взяли, въ сущности, то, чего и не было у нея—однѣ невинныя дѣвичьи мысли, которыя были только грезами и никого не могли обидѣть.

Онъ всегда нѣжно говорилъ съ ней и ласково касался ея руки, и сколько разъ, сидя одна на солнышкѣ, она мысленно перекладывала эти слова на музыку его голоса. А воспоминаніе о легкомъ прикосновеніи его пальцевъ вызывало въ ней странный трепетъ! Все это было лишь отраженіе отраженія среди окружающей ее тьмы, въ которой тѣнь отъ тѣни казалась ясной, какъ день. Это чувство было ея единственной связью съ существами, живущими, любящими, увидѣть которыхъ она не могла никогда. Иногда она бессознательно воображала, что можетъ быть счастливой счастьемъ Долоресы, точно по полномочію; и никогда она не называла своего чувства любовью точно такъ же, какъ никогда не посмѣла бы мечтать о взаимной любви. Однако это была любовь—любовь безнадёжная, мучительная, но настолько невинная, что слѣпая могла черпать изъ нея мечту о счастьѣ въ то время, какъ другая, на ея мѣстѣ, чувствовала бы лишь ревность и ненависть.

Но теперь, безъ причины, совершенно неожиданно, и этотъ проблескъ счастья былъ отнятъ у нея: и вмѣсто него что-то жгло ее.

Она не могла понять, что это: она знала только, что это что-то дурное, отъ чего самый мракъ становился мрачнѣе... Она все еще слышала ихъ голоса.

Они были счастливы вдвоемъ, а она была одна здѣсь, на дворѣ, прислонившись лбомъ къ стеклу, съ окоченѣвшими руками на камнѣ. И отнынѣ такъ ужъ будетъ всегда! Они уйдутъ и возьмутъ съ собой ея жизнь; а она останется одна, одна навсегда. И подобно тому, какъ пламя разгорается на вѣтрѣ, въ душѣ ея быстро распалалось мятежное чувство противъ своей судьбы. А затѣмъ, словно не находя, что жечь, это пламя потухло въ собственномъ пеплѣ: и бѣдняжка почувствовала себя еще болѣе одинокой, чѣмъ прежде.

Голоса вдругъ умолкли; или, можетъ быть, они говорили очень тихо, боясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ ихъ у окна. Еслибъ Инеза съ самаго начала слышала слова, она зажала бы уши или отошла въ сторону: молодая дѣвушка понимала, что значить тутъ честь; ей случалось поступать такъ.

Но до нея доходили только нечленораздѣльные звуки; и ей было пріятно слышать ихъ: оттого ей чего-то недоставало теперь. Можетъ быть, они сидятъ рядышкомъ, рука въ руку, и читаютъ въ глазахъ другъ у друга всю невысказанную сладость? Въ глазахъ, думалось ей, которые могутъ видѣть, есть какіе-то безмолвные звуки. Она мало обращала вниманія на время; но все же ей казалось, что они уже давно перестали говорить. Не ушли ли они въ другую комнату? Она подошла къ другому окну и стала прислушиваться; но и оттуда не слышно было ни одного звука.

Вдругъ Инеза услышала шаги, изъ которыхъ одни принадлежали ея отцу. Двое мужчинъ шли по корридору; она не успѣла скрыться въ будку. Протянувъ впередъ руки, она легкими шагами перебѣжала отъ окна къ другой сторонѣ широкой террасы и присѣла на корточки возлѣ перилъ, на которыя натолкнулась, не зная, находится-ли она въ тѣни или подъ луннымъ свѣтомъ.

Она проскользнула сюда, подобно привидѣнію, и успѣла присѣсть, прежде чѣмъ Мендоза и король вышли на террасу. По ихъ твердымъ шагамъ, остановившимся лишь у двери, она поняла, что они не замѣтили ея. Когда дверь заперлась за ними, слѣпая побѣжала опять къ окну и стала прислушиваться. Она была убѣждена,

что услышитъ громкіе, гнѣвные голоса: она не сомнѣвалась, что король и отецъ узнали, что Долореса здѣсь, и пришли за ней. Принцесса конечно сказала Мендозѣ, что Долореса бѣжала.

Но слышны были только мужскіе голоса, говорящіе обыкновеннымъ тономъ: она поняла, что Долореса спряталась. Почти тотчасъ же она съ ужасомъ услышала шаги отца въ прихожей; а ей нельзя было ни пройти мимо дверей, ни опять перебѣжать по террасѣ. Минуту спустя, король позвалъ ея отца. Она быстро проскользнула на другую сторону и снова начала прислушиваться. Они сотрясали какія-то двери: они сейчасъ найдутъ Долоресу. Сердце ея болѣзненно билось. Вдругъ шумъ прекратился, какъ будто они отказались отъ своей попытки; и снова раздались шаги отца. Полагая, что онъ останется въ прихожей, пока король не позоветъ его снова (слѣшая не могла знать, что случилось), она стояла неподвижно на мѣстѣ.

Дверь неожиданно отворилась—и Мендоза почти наткнулся на нее, прежде чѣмъ она успѣла опомниться. Не могло быть и рѣчи о колебаніи, хотя бы минутномъ: и во второй разъ въ эту ночь она бѣжала, бѣжала почти безумно къ корридору, который былъ не дальше, какъ въ десяти шагахъ разстоянія отъ того мѣста, гдѣ она стояла. Когда она вступила въ него, свѣтъ отъ висячей лампы палъ на нее: она и не подозрѣвала этого.

Несмотря на свою старость, Мендоза бросился за ней, какъ только увидѣлъ ея фигуру, бѣгущую въ полусвѣтѣ. Но когда она добѣжала до лампы, онъ остановился, сдѣлавъ два-три невѣрныхъ шага и оперся о стѣну: онъ узналъ платье и капюшонъ Долоресы и ни минуты не сомнѣвался, что это она. Онъ видалъ ее въ этомъ-же самомъ платьѣ сегодня днемъ; она была въ немъ, когда онъ заперъ ее въ гостиной: вѣроятно въ томъ же платьѣ она вышла съ принцессой. А теперь, вотъ, она бѣжитъ отъ него изъ помѣщенія дон-Жуана! Безъ сомнѣнія, она была въ другой комнатѣ, откуда бѣжала въ ту минуту, какъ онъ пытался отворить дверь.

Онъ провелъ рукой по глазамъ, тяжело дыша, опершись о стѣну. Ея появленіе здѣсь могло имѣть только одно значеніе—гибель дочери и позоръ его имени, копецъ всему! Въ его жизнь влилась

до сихъ поръ на чести; каждый его поступокъ былъ данью этой чести.

Мендоза былъ такъ пораженъ, что у него не возникло вопроса о томъ, какъ встрѣтились любовники, было-ли у нихъ условлено впередъ это свиданіе? Онъ пришелъ къ ужасному убѣжденію, что они видятся такъ не въ первый разъ, что давно, еще прежде, чѣмъ дон-Жуанъ отправился съ арміею въ Гранаду, Долореса входила черезъ эти самыя двери и проводила долгіе часы со своимъ возлюбленнымъ наединѣ. Иначе она не могла бы пойти къ нему, не стоворившись, не могла рѣшиться на такой поступокъ въ одну минуту, въ самую ночь его возвращенія.

Съ этой минуты несчастный пришелъ въ отчаяніе. Если-бъ не присутствіе короля у дон-Жуана, онъ вернулся бы тотчасъ же, убилъ бы своего врага сначала, а потомъ самого себя. Тутъ онъ вспомнилъ о данномъ ему порученіи. Безъ сомнѣнія, Долореса скрывалась именно въ этой комнатѣ, откуда бѣжала другимъ выходомъ, неизвѣстнымъ ему. Онъ слишкомъ былъ пораженъ, чтобы мыслить связно; но, во всякомъ случаѣ, порученіе короля нужно было исполнить немедленно.

Мендоза употребилъ всѣ усилія, чтобы вернуть себѣ мужество: преклонные годы вдругъ дали себя почувствовать ему, точно тяжелая ноша.

По мѣрѣ того, какъ къ нему снова возвращалась сила воли, онъ преисполнялся жаждой кровавой мести и сознаніемъ, что чѣмъ скорѣй онъ вернется съ ключомъ, тѣмъ скорѣй станетъ лицомъ къ лицу со своимъ врагомъ. Кровь прилиwała къ головѣ, стучала въ вискахъ, какъ у челоуѣка, изнывающаго въ борьбѣ со смертію; и первые шаги его были невѣрны, точно земля ускользала изъ-подъ его ногъ.

Пройдя около сорока ярдовъ, онъ пришелъ какъ бы въ безсознательное самообладаніе, какъ случается съ людьми, попавшими въ безвыходное положеніе, когда они чувствуютъ, что не должно останавливаться и разсуждать о томъ, что предстоитъ. Въ головѣ у него возникали скорѣе видѣнія, чѣмъ мысли, пока онъ двигался впередъ. Передъ его духовными очами вставало прошлое, вплоть до нынѣшняго дня, начиная съ той минуты, когда умерла его молодая жена, и онъ былъ еще челоуѣкомъ среднихъ лѣтъ. Одинъ за другимъ вос-

кресали годы въ его памяти; и главной фигурой въ каждомъ изъ нихъ была маленькая, свѣтлорусая дѣвочка, потомъ дѣвушка и сложившаяся женщина. И все ближе и ближе подступалъ конецъ, который онъ видѣлъ теперь—то-есть, позоръ и опала, а дальше... ничего.

Ему снова слышались звуки дѣтскаго лепета; онъ чувствовалъ крошечную ручку у себя на лѣвѣ, видѣлъ задумчивые сѣрые глазенки, въ упоръ смотрящіе въ его глаза. А, вотъ,—дѣвочка, серьезная, милая; и этотъ далекій смѣхъ, который почти никогда не радовался въ его присутствіи. Затѣмъ — стыдливая нѣжность взрослой дѣвушки, которою наливались черты лица одна за другой. И въ ней воскресалъ обликъ той, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. А въ голосѣ дѣвушки слышались давно забытые тоны, которые сжимали ему сердце и увлажняли его глаза. И старый воинъ становился суровъ и мраченъ, борясь съ нѣжными чувствами, которыхъ онъ и жаждалъ, и страшился. Все это онъ снова видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ. А рядомъ — сознаніе, что каждая картина прошлаго кончится однимъ и тѣмъ же, — зрѣлищемъ позора, виновной женщиной, что крадется ночью, отъ дверей любовника! Но это еще не все. Вѣдь, онъ былъ убѣжденъ, что она обманывала его много лѣтъ. И въ то время, когда онъ такъ жестоко боролся, чтобы спасти ее отъ недѣйствительнаго брака, она уже была потеряна для него, она уже погибла. И не оставалось никакой надежды на спасеніе чести!

Нѣтъ, то были не мысли, а картины, возникавшія изъ смѣси истины съ заблужденіемъ. Онѣ подымались, вспыхивали на минуту и снова погружались во мракъ его души, оставляя за собой лишь послѣднее, самое ужасное зрѣлище. Оно останется въ его глазахъ точно выжженное огнемъ; оно сохранится въ нихъ до тѣхъ поръ, пока смерть не закроетъ ихъ и не пригласитъ его успокоиться—если только возможенъ покой и на небѣ съ такимъ воспоминаніемъ.

Это было ужъ слишкомъ! Хотя Мендоза шелъ впередъ, держась прямо, устремивъ взоры впередъ, онъ не соображалъ куда идти: онъ направлялся къ своимъ дверямъ, вмѣсто того, чтобы идти исполнять порученіе короля. Онъ уже поднялъ руку, чтобы постучать, какъ вдругъ опомнился, и когда увидѣлъ, гдѣ онъ, рука его безпомощно опустилась. Затѣмъ онъ разомъ повернулся, какъ на парадѣ, собравъ съ силами и пошелъ мѣрными шагами. За всѣ блага

міра онъ не согласился бы зайти теперь къ себѣ домой: онъ чувствовалъ, что его дочь вернулась раньше него; а если онъ увидитъ ея лицо, ему не удержать своей руки. Онъ ужъ никогда не увидитъ ея въ этомъ мірѣ: иначе онъ лишитъ ее жизни за содѣянное ею.

Мендоза началъ лучше примѣчать, что происходило вокругъ него, хотя все еще ему приходилось заставлять себя дѣлать то, что слѣдовало, точно онъ давалъ приказанія одному изъ своихъ солдатъ. Онъ отправился къ главному привратнику и потребовалъ ключъ отъ имени короля. Но ключа нельзя было найти. Это еще болѣе подтвердило подозрѣніе старика, что дон-Жуанъ спряталъ ключъ. Однако онъ строго настаивалъ, повторяя, что король ожидаетъ ключа. Призвали слугъ, грозили имъ, допрашивали. Но тѣ изъ нихъ, которымъ было извѣстно, о какомъ ключѣ идетъ рѣчь, единогласно утверждали, что онъ остался въ двери; тѣ же, которые ничего не знали, поддерживали своихъ товарищей. Мендоза убѣдился, наконецъ, что сдѣлалъ достаточно, и ушелъ съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ.

Теперь онъ пошелъ быстро впередъ, зная, что идетъ навстрѣчу своему врагу. Онъ старался не думать о томъ, какъ онъ поступитъ, когда увидитъ предъ собой дон-Жуана на разстояніи меча, но охраняемого присутствіемъ короля отъ всякаго насилія. Онъ зналъ, что въ глубинѣ души рѣшилъ отчаянно сказать всю правду своему государю, а затѣмъ насладиться кровавымъ возмездіемъ и покончить съ самимъ собой. Тѣмъ не менѣе, почти обезумѣвъ отъ отчаянія, онъ не хотѣлъ, чтобы мысли эти обратились въ рѣшеніе. Онъ былъ солдатъ: для него высшимъ долгомъ, который властвовалъ надъ его строгими понятіями о добрѣ и злѣ, надъ всѣми движеніями его сердца, было его почтеніе къ монарху, преданность ему во всемъ, въ хорошемъ и дурномъ. Эта преданность заставляла его забывать о себѣ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ его службѣ королю.

ГЛАВА II.

Б р а т о у б і й ц а .

Когда Мендоза ушелъ, король началъ ходить по комнатѣ, между тѣмъ какъ дон-Жуанъ стоялъ у стола, слѣдя за нимъ и ожидая, когда онъ заговоритъ. Онъ очевидно все еще гнѣвался: его гнѣвъ,

хотя подчасъ и вспыхивалъ внезапно, но очень медленно достигалъ точки кипѣнія и такъ же медленно охлаждался. А когда онъ проходилъ, то обыкновенно оставлялъ за собой упорную ненависть, которая могла удовлетвориться лишь окончательной гибелью того, кто возбудилъ его. Эта упорная ненависть была, пожалуй, опаснѣе внезапной вспышки; но и въ минуты обшенства страсти Филиппъ былъ, безъ сомнѣнія, опасенъ.

Онъ очевидно не желалъ начинать разговора, пока не убѣдится, что въ сосѣдней комнатѣ нѣтъ никого, кто могъ бы подслушивать. Но когда онъ отъ времени до времени взглядывалъ на дон-Жуана, въ его неподвижныхъ глазахъ зажигался какой-то желтый огонекъ, и нижняя губа судорожно трепетала. Онъ, можетъ быть, и зналъ, что Мендозъ сразу не найдетъ человѣка, у котораго, какъ предполагалось, хранился ключъ отъ двери; тѣмъ не менѣе онъ постепенно терялъ терпѣніе. Наконецъ, гнѣвъ возросъ до такой степени, что подавилъ его осторожность.

Дон-Жуанъ невольно выпрямился, какъ человѣкъ, ожидающій нападенія. Онъ стоялъ у самаго стола почти неподвижно во все продолженіе начавшагося спора; а Филиппъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь отъ времени до времени передъ братомъ и затѣмъ продолжая шагать. Его голосъ, всегда глухой и жесткій, иногда становился совсѣмъ неяснымъ отъ бѣшенства и гнѣва; и ему приходилось отхаркиваться, да такъ рѣзко, точно онъ гнѣвался и на горло. Сначала онъ соблюдалъ внѣшнюю вѣжливость въ словахъ, если не въ тонѣ; но затѣмъ, гораздо раньше, чѣмъ гнѣвъ его достигъ высшей степени, онъ забылъ всякую сдержанность.

— Я надѣялся поговорить съ вами по душѣ о дѣлахъ первой важности. Но вашему высочеству заблагоразсудилось сдѣлать это невозможнымъ, благодаря вашему странному поведенію.

Дон-Жуанъ нѣсколько недовѣрчиво поднялъ брови, потомъ отвѣчалъ совершенно спокойно:

— Я не помню, чтобы совершилъ что-нибудь такое, что могло бы показаться страннымъ вашему величеству.

— Вы противорѣчите мнѣ—сказалъ Филиппъ.—Мнѣ кажется, уже это, само по себѣ, странно. Полагаю, что подданные не имѣютъ

обыкновенія противорѣчить королю. Что скажете вы въ свое оправданіе?

— Ничего. Обстоятельства говорятъ сами за себя.

— Мы не въ лагерѣ—возразилъ Филиппъ.—Ваше высочество—не командиръ здѣсь, а я—не подчиненный. Прошу васъ помнить, съ кѣмъ вы говорите: въдь, ваши слова не забудутся.

— Я еще никогда не говорилъ ничего такого, что было бы желательно предать забвенію—отвѣтилъ гордо дон-Жуанъ.

— Въ такомъ случаѣ, остерегайтесь!—угрюмо сказалъ король, отвернувшись.

Онъ не былъ быстръ на слова, пока имъ не овладѣвало сильное возбужденіе.

Дон-Жуанъ не отвѣтилъ ничего: онъ не желалъ раздражать короля. Къ тому же въ ту минуту его гораздо болѣе занималъ вопросъ о безопасности Долоресы, чѣмъ всякія другія соображенія.

Пока Филиппъ не сказалъ еще ничего такого, чего не могъ бы выслушать каждый, не роняя своего достоинства: и дон-Жуанъ надѣялся, что онъ сохранить тотъ-же тонъ до прихода Мендозы. А что произойдетъ тогда, невозможно было предвидѣть. По всей вѣроятности, Долореса убѣжитъ черезъ окно и попытается скрыться въ пустой будкѣ, пока будетъ длиться свиданіе съ королемъ. Затѣмъ онъ безъ всякой опасности сможетъ привести ее обратно въ свою комнату.

Но свиданіе повидимому продлится долго и будетъ бурно; а въ это время она ежеминутно будетъ подвергаться опасности быть открытой. Грозило еще нѣчто худшее: въ своемъ теперешнемъ настроеніи, Филиппъ могъ окончательно потерять самообладаніе и посадить дон-Жуана подъ арестъ. Онъ былъ всемогущъ; онъ ненавидѣлъ брата и пылалъ гнѣвомъ. Въ его послѣднихъ словахъ слышалась угроза или что-то вродѣ того; когда вернется Мендоза, ему стоитъ прибавить еще слово—и угроза приведется въ исполненіе.

Дон-Жуанъ размышлялъ (если только подобныя мысли можно назвать размышленіемъ) о томъ, что произойдетъ въ такомъ случаѣ, и о судьбѣ его возлюбленной. Онъ думалъ о томъ, все ли она еще въ той комнатѣ, или услышавъ, что собираются отворить

дверь, предпочла уйти сейчас же, пока на террасѣ не было отца, отправившагося по своему порученію. Если она не ушла, то навѣрно уйдетъ черезъ окно, какъ только услышитъ, что онъ возвращается. Было ясно, что слѣдуетъ употребить всѣ успія, чтобъ не раздражать короля.

Антоніо Перезъ пришелъ раньше къ тому же заключенію, хотя совсѣмъ по другимъ соображеніямъ: онъ цѣлыхъ три четверти часа льстилъ своему господину съ ловкостью, присущею лишь ему одному. Онъ воображалъ, что ему удалось убѣдить короля, который, отпуская его, заявилъ, что не увидится съ дон-Жуаномъ до утра. Черезъ пять минутъ послѣ его ухода, Филиппъ уже былъ въ корридорѣ, укутанный въ длинный черный плащъ, со своимъ вѣрнымъ Мендосой, слѣдовавшимъ за нимъ по пятамъ. Это ужъ не въ первый разъ онъ обманывалъ своихъ обманщиковъ.

Послѣ своихъ послѣднихъ словъ Филиппъ молча прошелся по комнатѣ. А дон-Жуанъ, понявъ, что его свободѣ грозитъ опасность, увидѣлъ, что ему слѣдуетъ высказать все, что, не противорѣча чести и правдѣ, могло бы спасти его отъ ареста, такъ какъ это было единственнымъ способомъ спасти Долоресу.

— Очень сожалѣю, что прогнѣвилъ ваше величество—сказалъ онъ со спокойнымъ достоинствомъ.—Непредвидѣнные обстоятельства поставили меня въ затруднительное положеніе. Если бъ у меня было время поразмыслить, я, можетъ быть, поступилъ бы иначе.

— *Можетъ быть, поступили бы иначе!*—рѣзко сказалъ Филиппъ.—Мнѣ не нравятся эти слова. Вы могли бы поступить иначе, а не вызывать вашего монарха въ присутствіи королевы! Полагаю, вы дѣйствительно могли бы поступить иначе.

Онъ снова замолчалъ. Его нижняя выпяченная губа судорожно подергивалась, точно онъ вкусилъ чего-нибудь противнаго. Дон-Жуанъ видѣлъ, что его полуоправданіе было принято не очень-то милостиво; но онъ не находилъ другого средства, какъ настаивать на его искренности.

— Да, въ послѣднее время я долго жилъ въ лагеряхъ—отвѣчалъ онъ.—А лагерь—вовсе не школа приличій точно такъ же, какъ привычка командовать не приучаетъ къ придворной покорности.

— Именно. Вы начали забывать, что въ Испаніи, или вообще

гдѣ-нибудь въ цѣломъ свѣтѣ, есть лицо, которому вы должны подчиняться. Вы уже прибѣгаете къ приемамъ и рѣчамъ монарха: скоро вы потребуете и самаго званія короля, въ этомъ я не сомнѣваюсь. И чѣмъ скорѣе мы добудемъ вамъ королевство, тѣмъ лучше: иначе ваше высочество станетъ источникомъ смуты въ нашемъ государствѣ.

— Скорѣй, чѣмъ быть такимъ источникомъ, я согласенъ вести отшельническую жизнь навсегда—отвѣчалъ дон-Жуанъ.

— Кто знаетъ? Быть можетъ, это и потребуетъ отъ вашего высочества—сказалъ Филиппъ, останавливаясь и устремивъ взоры на брата.—Можетъ быть, наша безопасность потребуетъ, чтобы вы прожили нѣкоторое время въ полномъ уединеніи... въ полнѣйшемъ!

Онъ усмѣхнулся.

— Я предпочелъ бы это возможности произвести смуту въ государствѣ вашего величества.

Ничто не могло выразить болѣе глубокой покорности, чѣмъ этотъ тонъ дон-Жуана; но король повидимому рѣшился вызвать его гнѣвъ.

— Ваши дѣянія противорѣчатъ вашимъ словамъ—сказалъ онъ, продолжая ходить взадъ и впередъ.—Слишкомъ много преданности въ вашихъ словахъ; слишкомъ много мятежнаго въ вашихъ поступкахъ. Слово у васъ не сходится съ дѣломъ. Вы смѣтаетесь надо мной!

— Боже избави!—воскликнулъ дон-Жуанъ.—Я не жду похвалы за содѣянное мною; но каковы бы ни были мои дѣла, они повлекли за собой миръ и общее повиновеніе власти вашего величества, а не мятежъ!

— А! Такъ это потому, что вы разбили толпу плохо вооруженныхъ морисковъ въ краткій двухлѣтній срокъ, за вами толпами слѣдуетъ народъ, оглушая воздухъ радостными кликами, распѣвая вамъ похвалы, обращаясь къ вамъ съ сотнями прошеній, точно вы—король.. что я говорю, король!.. нѣчто высшее короля,—побогъ, передъ которымъ всѣ должны преклоняться? Неужели я такъ простоватъ, чтобы повѣрить, что вашихъ дѣяній въ такое досужее время достаточно, чтобы вся Испанія возстала, чтобы весь дворъ разразился восторженными криками и рукоплесканіями при вашемъ появленіи? Если вы всенародно вызываете меня, отказываете въ повиновеніи, то неужели я не понимаю, что вы считаете себя достойнымъ всего этого, что вы равняете свою власть съ моей?

И какъ все это могло бы быть, если бы у васъ не было партіи, тайныхъ дѣльцовъ всюду, въ низшихъ и высшихъ слояхъ общества? Эти-то господа вездѣ восхваляютъ васъ, нашептываютъ всѣмъ, мужчинамъ и женщинамъ, о вашемъ милосердіи, о вашемъ великодушіи, о вашихъ побѣдахъ, прибавляя, что очень жаль-де, что такой добрый и храбрый принцъ не больше, какъ полководецъ, ведущій рати короля на бой. Они указываютъ при этомъ, какая разница между вами и королемъ,—жестокимъ, жаднымъ, злокозненнымъ королемъ, этимъ вмѣстилищемъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которыхъ нѣтъ у дон-Жуана Австрійскаго, этого народнаго кумира! Такъ это-то—миръ и покорность? Не есть-ли это, скорѣй, начало мятежа, революціи, гражданской войны, развязка которой—восшествіе дон-Жуана Австрійскаго на испанскій престолъ, послѣ того какъ короля Филиппа отправятъ на тотъ свѣтъ, какъ только все будетъ готово?

Дон-Жуанъ слушалъ, пораженный изумленіемъ. Ему никогда не приходило въ голову, чтобы кто-нибудь могъ заподозрить его хотя бы въ одномъ изъ дѣйствій, приписываемыхъ ему Филиппомъ. Несмотря на свое намѣреніе сдерживаться, онъ чувствовалъ, что и въ немъ закипаетъ гнѣвъ. Но вдругъ его точно облили холодной водой: онъ вспомнилъ, что не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ Долоресу и клялся сдѣлать именно то, въ чемъ его сейчасъ обвиняли. Онъ вспомнилъ, что только ея слова удержали его отъ исполненія своего намѣренія. Теперь все это казалось ему чудовищнымъ. Да, она была права: то былъ ужасный сонъ, отъ котораго онъ пришелъ въ себя. Но все же мысль о мятежѣ не только приходила ему въ голову: она на минуту овладѣла-было всѣмъ его существомъ; она чуть не направила на зло все хорошее, заложенное въ немъ природой. Онъ былъ виновенъ въ собственныхъ своихъ глазахъ—и сразу не отвѣчалъ ничего.

— Вы ничего не можете возразить!—гнѣвно вскричалъ Филиппъ.—Не имѣю-ли я основанія предать васъ суду за государственную измѣну?

Дон-Жуанъ вздрогнулъ, но гнѣвъ его уже прошелъ: онъ думалъ только о безопасности Долоресы да о ближайшемъ будущемъ.

— Ваше величество слишкомъ справедливы, чтобы обвинять

невиннаго челоѣка, который служилъ вамъ вѣрой и правдой—сказалъ онъ.

Филиппъ остановился и глянулъ на него съ любопытствомъ, стараясь найти какой-нибудь слѣдъ безпокойства, если не страха. Онъ имѣлъ обыкновеніе пытаться челоѣка словами, прежде чѣмъ прибѣгать къ другимъ средствамъ; да онъ и самъ не вѣрилъ своимъ словамъ. Все сказанное имъ было только опытомъ, и онъ не удался. Гнѣвъ его вытекалъ только изъ зависти и ненависти къ брату, обладавшему всей той привлекательностью, которой не доставало ему.

— Я, можетъ быть, болѣе милостивъ, чѣмъ справедливъ—сказалъ онъ, слегка принимая снисходительный тонъ.—Я готовъ допустить, что не имѣю доказательствъ противъ васъ; но обстоятельства—не въ вашу пользу. Берегитесь, за вами слѣдятъ. Вы слишкомъ на виду, слишкомъ значительная личность, чтобы за вами не наблюдали.

— Мои поступки не страшатся наблюденій. Прошу только ваше величество принимать во вниманіе мои поступки, а не толкованія, какимъ ихъ могутъ подвергать другіе.

— *Другіе* только и дѣлаютъ, что расхваливаютъ васъ!—грубо отвѣтилъ король.—На ихъ мнѣніе не стоитъ обращать вниманія. Мнѣ кажется я достаточно объяснилъ вамъ все. Вы—кумиръ народа. Этого мало: вы—баловень двора, не говоря уже про то, что вы—любимецъ женщинъ. Это слишкомъ много для одного челоѣка. Остерегайтесь, повторяю, остерегайтесь!.. Заботьтесь побольше о моемъ благорасположеніи и поменьше о любви народной.

— Что касается этого—гордо отвѣтилъ дон-Жуанъ—то полагаю, что если люди и прославляютъ меня, то лишь за то, что я, по мѣрѣ силъ и умѣнья, служилъ успѣшно моему королю. Если ваше величество не довольны моими дѣяніями, дайте мнѣ еще больше дѣла: я готовъ предпринять все, даже невозможное!

— Это понравилось бы дамамъ—сказалъ Филиппъ, насмѣшливо улыбаясь.—Васъ завалятъ письмами: они не помѣстятся въ вашихъ перчаткахъ.

Дон-Жуанъ не возражалъ: ему казалось разумнѣе предоставить королю говорить на эту тему, чѣмъ возвращаться къ прежней.

— Въ мирное время, у васъ будетъ множество пріятныхъ раз-

влеченій. Но лучше всего поскорѣй женить васъ, пока вы не запутаетесь въ сѣтяхъ мадридскихъ барынь настолько, что бракъ станетъ невозможенъ для васъ.

— За исключеніемъ послѣдняго вывода, вполне раздѣляю мнѣніе вашего величества — серьезно сказалъ дон-Жуанъ. — Но я не опасуюсь сѣтей.

www.libtool.com.cn

— Нѣтъ? Вы ихъ не опасаетесь? О, да! Вы живете среди нихъ, какъ въ родномъ гнѣздѣ.

— Этого никто не можетъ сказать — возразилъ дон-Жуанъ.

— Вы опять противорѣчите, мнѣ! Скажите, пожалуйста, если вы не попали въ сѣти, то какимъ образомъ записка отъ женщины попала въ вашу перчатку?

— Я не могу сказать, мужчина или женщина писала это письмо.

— Вы его не прочли?

— Прочелъ.

— Но вы отказались показать его мнѣ, ссылаясь на то, что это — письмо отъ женщины.

— Я тогда еще не читалъ его. Подписи нѣтъ; а оно могло быть написано и мужчиной.

Дон-Жуанъ наблюдалъ за выраженіемъ лица короля. Весьма вѣроятно, думалъ онъ, что король или внушилъ содержаніе письма, или самъ его писалъ, а теперь предполагаетъ, что дон-Жуанъ прочелъ письмо, и желаетъ поскорѣй получить его обратно. Филиппъ повидимому колебался, не зная, на что рѣшиться, — продолжать ли перекрестный допросъ, или пѣтъ. Онъ посматривалъ на дверь, удивляясь, отчего Мендоза такъ медлитъ. Потомъ король снова заговорилъ; но, несмотря на свое раздраженіе, онъ не хотѣлъ подвергнуться второму отказу въ отдачѣ письма. Слишкомъ пострадало бы его чувство собственного достоинства.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — сказалъ онъ, точно мысленно приводя въ порядокъ все происшедшее. — Я желаю сочетать васъ бракомъ съ овдовѣвшей королевой шотландской. Вы дѣлаете все возможное, чтобы не подчиниться моей волѣ: вы рѣшили жениться на безприданной дочери бѣднаго солдата. Я же твердо рѣшилъ не допускать васъ унизиться до такого брака.

— Унизиться!—громко воскликнул дон-Жуанъ, не давая королю договорить и дѣлая полшага впередъ. — Вы мужественнѣе, чѣмъ я полагалъ, если осмѣливаетесь произносить это слово въ моемъ присутствіи!

Филиппъ сдѣлалъ шагъ назадъ, смертельно поблѣднѣвъ и схватившись рукой за раниру. Дон-Жуанъ былъ безоруженъ; но его мечъ лежалъ на столѣ, поблизости отъ него. Замѣтивъ, что король испугался, онъ отступилъ.

— Нѣтъ!—гнѣвно сказалъ онъ.—Я ошибся: вы—трусъ!

Онъ со смѣхомъ взглянулъ на руку Филиппа, все еще лежавшую на рукояткѣ оружія и готовую вынуть его во всякую минуту.

А въ сосѣдней комнатѣ испуганная Долореса еле дышала, такъ какъ голоса обоихъ сразу измѣнились. Но все же ея сердце радостно забилося, когда она услышала гнѣвный возгласъ дон-Жуана, вызванный оскорбительнымъ для нея выраженіемъ короля. Дон-Жуанъ былъ правъ: король былъ трусъ. Хотя онъ рѣшилъ про себя, что, тотчасъ по приходѣ Мендозы, велитъ арестовать дон-Жуана, чувство самосохраненія подсказало ему не раздражать больше брата. Ему дѣйствительно грозила опасность: колеблясь между страхомъ и гнѣвомъ, онъ могъ каждую минуту сказать обидное слово, тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ вѣчно находиться подъ охраной своей стражи. А тогда легко могло случиться, что братъ схватитъ его за горло: Филиппъ обладалъ вѣрнымъ чутьемъ трусовъ распознавать безстрашныхъ людей.

— Вы страннымъ образомъ забываетесь!—сказалъ онъ съ притворнымъ достоинствомъ.—Вы бросаетесь впередъ, точно желаете сдѣлаться со мной, и удивляетесь, что я готовъ защищаться.

— Я не сдѣлалъ и полного шага впередъ — отвѣтилъ дон-Жуанъ съ глубокимъ презрѣніемъ.—И я безоруженъ. Вотъ мой мечъ, на столѣ. Но вы—король и мой братъ: я всепокорнѣйше прошу прощенія въ томъ, что напугалъ васъ.

Долореса поняла, что произошло, какъ и думалъ дон-Жуанъ. Она сознавала также, что ея положеніе становилось съ минуты на минуту все отчаяннѣе и невыносимѣе; но порицать своего возлюбленного за его слова она не могла. Даже если бы дѣло шло объ ея спасеніи, она не пожелала бы, чтобы онъ пресмыкался предъ

королемъ и просилъ у него прощенія за свои торопливыя слова и движенія. Тѣмъ болѣе она не могла бы перевести мысли, что онъ промолчить на оскорбленіе ея, хотя бы и легкое.

— Я не желаю настаивать на нашемъ родствѣ — холодно замѣтилъ Филиппъ.— Если мнѣ угодно было признать его, когда вы были ребенкомъ, то я сдѣлалъ это единственно изъ уваженія къ памяти императора. И я вовсе не рассчитывалъ, что меня будетъ называть братомъ сынъ нѣмецкой мѣщанки.

Дон-Жуанъ не протестовалъ: вѣдь, слова Филиппа, будучи буквально вѣрны, не могли считаться оскорбленіемъ, хотя они и были сказаны именно съ такой цѣлью и кольнули его, какъ всегда случалось, когда затрагивали его родную мать.

— Да!—сказалъ онъ все еще гнѣвно.— Я—сынъ нѣмецкой мѣщанки,—ни болѣе, ни менѣе. Но все-же я—братъ вашъ. И хотя при другихъ я не долженъ забывать, что вы—король, а я—подданный вашъ, однако здѣсь, съ глазу на глазъ, вы и я—братъ и братъ: здѣсь нѣтъ короля и принца. Но я не причиню вамъ зла: не бойтесь ничего. Я слишкомъ мало уважаю брата и слишкомъ много—монарха!

Въ глазахъ Филиппа зажегся злой огонекъ. Вмѣсто того, чтобы ходить, какъ до сихъ поръ, отъ дон-Жуана въ конецъ комнаты и назадъ, онъ началъ шагать поперекъ, все мимо него, отъ кровати подъ пологомъ до занавѣсъ окна, и почти не сводя глазъ съ лица брата.

— Я предупреждалъ васъ, что ваши слова не забудутся и ваши поступки тоже — сказалъ онъ.—Есть надежныя мѣста даже въ Мадридѣ, гдѣ вы сможете жить въ полной безопасности и наслаждаться уединеніемъ, о которомъ такъ мечтаете... даже полнымъ одиночествомъ.

— Если вашему величеству благоугодно заключить въ тюрьму дон-Жуана Австрійскаго, то, вѣдь, въ вашихъ рукахъ власть. Что касается меня, я не стану противиться.

— А кто-же станетъ противиться?—гнѣвно спросилъ король.— Не рассчитываете-ли вы на всеобщее возстаніе народа, съ цѣлью освободить васъ, или на то, что разразится дворцовая революція, вызванная вашей партіей, которая заставитъ меня освободить васъ

въ силу государственныхъ соображеній? Но мы не въ Парижѣ, чтобы вы могли рассчитывать на первое, и не въ Константинополѣ, гдѣ было бы возможно второе. Мы въ Испаніи; а здѣсь я — господинъ; и воля моя исполняется; и никто не осмѣлится возвысить голосъ противъ меня. Я слишкомъ мягокъ съ вами, слишкомъ добръ! Если бы вы сказали, поговину того, что наговорили мнѣ, королевѣ Елизаветѣ англійской⁴⁸, то завтра же лишились бы жизни; а я... Я согласенъ предоставить вамъ жребій, какъ плодъ сомнѣнія, которое все еще сидитъ во мнѣ на вашъ счетъ: не слѣдуетъ нарушать правосудіе и обращать его въ орудіе мести. Да, я добръ и милосердъ. Посмотримъ, удастся-ли вамъ спастись? Я дамъ вамъ случай.

— Какой это случай?—спросилъ дон-Жуанъ, успокаиваясь совершенно: теперь онъ снова видѣлъ приближеніе настоящей опасности.

— Вамъ дадутъ возможность доказать, что подданный имѣетъ право оскорблять своего монарха, а король не смѣетъ высказать своего мнѣнія подданному. Можете вы доказать это?

— Нѣтъ, не могу!

— А въ такомъ случаѣ, васъ могутъ привлечь къ суду за государственную измѣну — сказалъ Филиппъ, судорожно подергивая губами.—Существуютъ различные способы допроса обвиняемыхъ—продолжалъ онъ.—Полагаю, вы слыхали о нихъ?

— Вы думаете напугать меня напоминаніемъ о пыткѣ?—спросилъ дон-Жуанъ, улыбаясь при мысли о подобномъ предположеніи.

— Свидѣтелей тоже допрашиваютъ — продолжалъ король, и голосъ его сталъ опять глуше отъ предвкушенія того дѣйствія, какое слова его произведутъ на этого человѣка, не трепещущаго передъ нимъ.—Къ свидѣтелямъ примѣняются подчасъ еще болѣе строгіе допросы. Свидѣтели могутъ быть и мужчины, и женщины: вы, вѣдь, знаете, мой дорогой братецъ!—Онъ насмѣшливо произнесъ это слово.—А въ числѣ вашихъ многочисленныхъ знакомыхъ барынь...

— Ихъ очень мало!

— Ну, въ такомъ случаѣ, еще легче будетъ найти двухъ или трехъ, даже, быть можетъ, достаточно будетъ и одной, которую и

будутъ допрашивать... весьма вѣроятно, въ вашемъ присутствіи и подъ пыткой.

— Я правъ былъ, когда называлъ васъ трусомъ!—воскликнулъ дон-Жуанъ, лицо котораго поблѣднѣло до того, что стало бѣло, какъ бѣлый шелкъ и сатинъ его кафтана.

— Не дадите-ли мнѣ письма, которое вы читали, когда я вошелъ?

— Нѣтъ!

— Даже если это спасетъ васъ отъ рукъ палача?

— Нѣтъ!

— Даже въ томъ случаѣ, если отъ этого зависитъ спасеніе...— Филиппъ замолчалъ и бросилъ на брата взглядъ, полный ненависти.—Дадите ли вы мнѣ это письмо, чтобы Долореса де-Мендоза не была растерзана по кускамъ?

— Трусъ!

На этотъ разъ рука дон-Жуана невольно протянулась къ рукояткѣ меча въ ножнахъ, а самъ онъ, испустивъ бѣшенный крикъ, бросился впередъ. Даже въ эту минуту онъ вспомнилъ бы о данномъ словѣ и не нанесъ бы удара королю. Но Филиппъ, при первомъ его движеніи, обнажилъ рапиру въ одно мгновеніе, опасаясь за свою жизнь. Не дожидаясь нападенія, онъ нанесъ страшный ударъ брату. Рука дон-Жуана протянулась впередъ, съ мечомъ въ ножнахъ, дѣлая отчаянную попытку отбить ударъ; но мечъ запутался въ перевязи, висѣвшей на немъ; а нападеніе Филиппа было быстро и сильно, какъ молнія.

Съ гнѣвнымъ крикомъ дон-Жуанъ свалился на спину, точно поги его поскользнулись на мраморномъ полу. Онъ протянулъ руку, чтобы поддержать себя: мечъ отлетѣлъ высоко на воздухъ, все еще въ ножнахъ, и упалъ далеко отъ него. Онъ лежалъ, растянувшись во весь ростъ, съ откинутой рукой, которая съ минуту судорожно трепетала. Затѣмъ все стихло.

У ногъ его стоялъ Филиппъ, съ рапирой въ рукѣ, на остріѣ которой алѣла кровь. Глаза его, при блескѣ свѣчей, отдавали желтизной; нижняя челюсть отвисла. Онъ слегка наклонился, пристально глядя на недвижимое бѣлое лицо.

Онъ мечталъ объ этомъ мгновеніи съ той минуты, когда передъ нимъ лежалъ дон-Жуанъ.

ступилъ черезъ порогъ этой комнаты, хотя и не сознавалъ, что желалъ смерти брата. Ни звука не раздавалось въ комнатѣ, въ то время какъ онъ смотрѣлъ на дѣло рукъ своихъ; а двѣ-три капли крови медленно падали, одна за другой, на мраморъ. На ослѣпительной бѣлизнѣ кафтана дон-Жуана обозначилось красное пятнышко. Филиппъ смотрѣлъ на него: и ему казалось, что оно расплывается все шире и дальше.

А тамъ, по ту сторону двери, Долореса упала на колѣни, прижимая руки къ вискамъ, въ судорогахъ, безъ мыслей, безъ словъ. Страхъ ея перешелъ въ ужасъ, когда она услышала послѣднія слова, которыми обмѣнялись братья; а угрозы короля оледенили ея кровь, хотя она была мужественна. Ей хотѣлось крикнуть дон-Жуану, чтобы онъ отдалъ королю ея письмо, или другое, какое онъ пожелаетъ. Она почти готова была возвысить голосъ, несмотря на страхъ, когда услышала гнѣвный возгласъ дон-Жуана и его быстрые шаги, услышала звукъ рапиры, извлекаемой изъ ноженъ, отчаянную борьбу, которая длилась всего пять минутъ, наконецъ, тяжелое паденіе, которое доказывало, что одинъ изъ нихъ пораженъ.

Упалъ, конечно, король. И это ужасно!.. Однако, если бы упалъ король, дон-Жуанъ тотчасъ же подошелъ бы къ двери. Все было тихо въ комнатѣ; но отъ ужаса у нея страшно шумѣло въ ушахъ. Если бы оба мужчины заговорили, она не услышала бы ихъ, не слыхала бы, если бы отворили дверь или раздался какой-нибудь другой обыкновенный шумъ.

Она молчала уже не отъ страха быть услышанной: въ горлѣ у нея было совсѣмъ сухо, языкъ не дѣйствовалъ. Она вдругъ вспомнила, что дон-Жуанъ былъ безоруженъ и что онъ указалъ Филиппу на мечъ свой, лежавшій на столѣ. Вѣдь, король обнажилъ мечъ: значитъ, онъ убилъ своего безоружнаго брата? Ей чудилось, будто что-то тяжелое стучить у нея въ головѣ, будто мысли воплощаются въ отрывочныя слова, будто огни прыгаютъ у нея передъ глазами. Она сжимала голову руками, стараясь вдавить обратно въ мозгъ и чувство, и разсудокъ, и успокоеніе. Но мозгъ не хотѣлъ успокоиться: въ ней все возрастала увѣренность, что дон-Жуанъ убитъ. И волна отчаянія поднималась все выше съ каждымъ вздохомъ.

Ее охватило ощущение, будто она умирает, сейчас, здесь, кончается отъ страданій, превышающихъ человѣческія силы, гораздо болѣе мучительныхъ, чѣмъ тѣ ужасы, которыми грозилъ Филиппъ. И благодѣтельна была эта мысль: иначе она не перенесла бы и часу такой предсмертной тоски; что-нибудь порвалось бы у нея внутри. Да, она умираетъ здѣсь, на колѣняхъ, передъ дверью, за которой лежитъ ея возлюбленный, скончавшійся внезапно. Умереть такъ легко! Еще минута — и она соединится съ нимъ навѣки: и настанетъ для нихъ успокоеніе. Люди найдутъ ее здѣсь бездыханной; и, можетъ быть, они будутъ такъ милосерды, что похоронятъ ее рядомъ съ нимъ. Впрочемъ, все равно: вѣдь, она будетъ съ нимъ всегда! Въ первомъ припадкѣ отчаянія, которое сразило, раздавило, оглушило ее, словно настоящіе удары, у нея не было слезъ: только въ горлѣ пылало какое-то удущье, да глаза горѣли, точно обожженные раскаленнымъ желѣзомъ.

Долореса не знала, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она пала на колѣни, ожидая смерти. Она умирала: для нея уже не существовало ни времени, ни вѣшняго міра, — ничего, кромѣ трупа ея возлюбленнаго на полу, въ сосѣдней комнатѣ, да души его, ожидающей ея душу, витающей подлѣ нея, чтобы принять ея послѣдній вздохъ и улетѣть вмѣстѣ. Она была такъ увѣрена въ своей смерти, что, въ полудремотѣ, удивлялась, почему эта смерть такъ долго не приходитъ, тогда какъ она такъ быстро унесла его. Возможно ли, чтобы одна стрѣла попала прямо въ цѣль, а другая промахнулась?..

Долореса вся вздрогнула: ее охватилъ новый страхъ... Она не умирала! Жизнь ея такъ крѣпко держалась въ измученномъ тѣлѣ; ея сердце было слишкомъ молодо и сильно, чтобы перестать биться въ груди отъ горя. Она останется жить, будетъ до гроба носить въ себѣ такую муку. Бѣдняжка тихо закачалась на колѣняхъ, опустивъ голову почти до самаго пола.

Долореса пришла въ себя, слышавъ голосъ отца. Слова, которыя онъ произносилъ, пронизывали новымъ ужасомъ ея невыразимое горе: онъ говорилъ, что дон-Жуанъ умеръ, и еще что-то такое, до того странное, что она не понимала ничего.

Филиппъ простоялъ всего нѣсколько минутъ, съ мечомъ въ рукѣ,

надъ трупомъ брата, пристально глядя ему въ лицо, какъ вдругъ дверь отворилась. На порогѣ стоялъ старикъ Мендоза, полуокаменѣлый отъ изумленія. Филиппъ услыхалъ его, выпрямился и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, при видѣ стараго воина. Онъ понималъ, что Мендоза, а можетъ быть, и еще кто-нибудь, зналъ правду, и что не въ его власти скрыть ее. Его гнѣвъ улегся; и что-то похожее на ужасъ, но не на раскаяніе, наполнило его душу при мысли о томъ, что онъ совершилъ. Этотъ ужасъ, должно быть, отпечатлѣлся у него на лицѣ: Мендоза понялъ его чувство. Онъ подошелъ быстрыми шагами, сталъ на колѣни возлѣ трупа и началъ прислушиваться къ біенію его сердца. Приложивъ свои лощенныя ножны къ его губамъ, онъ пробовалъ, нѣтъ-ли слѣдовъ дыханія, не потускнѣла ли ихъ поверхность.

Филиппъ молча слѣдилъ за нимъ. Мендоза, какъ многіе старые воины, имѣлъ нѣкоторое понятіе о медицинѣ. Но онъ увидѣлъ только широкое пятно на бѣломъ кафтанѣ, неподвижное лицо; коченѣющія руки: не было замѣтно ни дыханія, ни біенія сердца. Надежды никакой! Онъ молча поднялся и медленно покачалъ головой. Продолжая смотрѣть внизъ, онъ замѣтилъ слѣды красныхъ капель на мрачномъ полу; взглянувъ на рапиру Филиппа, онъ увидѣлъ, что кончикъ ея потемнѣлъ. Съ жестомъ извиненія, онъ взялъ мечъ изъ рукъ короля и вытеръ его дочиста и досуха о свой носовой платокъ, потомъ вернулъ его королю, который вложилъ его въ ножны. Ни тотъ, ни другой не сказали ни слова.

Вмѣстѣ они смотрѣли на мертвое тѣло съ минуту или двѣ, обдумывая, что предпринять теперь. Наконецъ, Мендоза поднялъ голову. Въ его старыхъ глазахъ было что-то странное; какое-то, словно предсмертное, величіе осязало его заматерѣлое въ бояхъ лицо. Въ эту-то минуту Долореса услыхала слова, которыя такъ поразили ее:

— Предаю себя въ руки вашего величества! Я убилъ дон-Жуана Австрійскаго во время частной ссоры; и онъ былъ безоруженъ!

Филиппъ понималъ: слабая улыбка удовольствія промелькнула на его мрачномъ лицѣ. Не было и вопроса о томъ, чтобы въ свѣтѣ узнали, кто убилъ его брата; а Филиппъ зналъ человѣка, который предлагалъ ему пожертвовать собой, взять на себя позоръ убійства.

Мендоза умереть, если нужно, на эшафотѣ; и для него будетъ достаточно знать, что онъ своей смертью спасъ короля.

Ни единымъ словомъ онъ не обмолвится: преданность этого человѣка выдержать любое испытаніе. Онъ могъ ужасаться поступку Филиппа, но имя короля должно быть спасено какою угодно цѣной, божественное право монарха должно быть поддержано передъ лицомъ свѣта.

Мендоза ни минуты не колебался съ той минуты, какъ ясно созналъ, что нужно дѣлать. Обвинить какого-нибудь неизвѣстнаго убійцу, который бы скрылся, было бы больше, чѣмъ бесполезно: весь дворъ и пол-Испаніи знали о ненависти и зависти короля къ брату; всѣ замѣтили, какъ Филиппъ разнѣвался, когда придворные привѣтствовали дон-Жуана кликами. Кромѣ того, исторія съ перчаткой уже передавалась изъ устъ въ уста въ тронной залѣ, гдѣ вельможи собрались послѣ ужина. Какъ только станеть извѣстно, что дон-Жуанъ умеръ, всѣ подумаютъ, что либо король собственноручно его убилъ, либо онъ убить по его распоряженію.

Но если Мендоза возьметъ вину на себя, дворъ повѣритъ: многимъ была извѣстна любовь Долоресы къ дон-Жуану, а также и то, что старый воинъ противъ этого брака, на томъ основаніи, что этотъ бракъ вовсе не будетъ бракомъ, а поведетъ лишь къ гибели его дочери. Не было никого во дворцѣ, кто могъ бы взять на себя вину за убійство дон-Жуана или совершить это преступленіе по приказу короля: Мендоза зналъ это, когда предложилъ Филиппу свою жизнь для спасенія его чести. Филиппъ тоже зналъ это; и, удивляясь безхитростной преданности старика, онъ согласился безъ возраженій: его безпредѣльное себялюбіе приняло бы гибель всего человѣчества, лишь бы получить желаемое удовлетвореніе.

Король бросилъ еще одинъ взглядъ на неподвижное тѣло у его ногъ, затѣмъ—на преданнаго старика. Послѣ этого онъ снисходительно наклонилъ голову, словно выражалъ свое согласіе принять незначительный даръ, изъ милости къ дарящему.

— Быть по сему!—медленно проговорилъ онъ.

Мендоза склонилъ голову какъ бы для того, чтобы поблагодарить. Затѣмъ онъ накинулъ Филиппу на плечи длинный темный плащъ, который тотъ сбросилъ, когда вошелъ въ комнату, и напра-

вился къ дверямъ. Оба вышли на террасу, оставивъ настежь открытыми обѣ двери. Идя медленно по корридору, они обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Необходимо, чтобы ваше величество вернулись немедленно въ тронную залу, какъ будто ничего не случилось — сказалъ Мендоза. — Ваше величество соизволите бесѣдовать беззаботно съ какимъ-нибудь министромъ, когда извѣстіе о смерти его высочества будетъ принесено.

— А кто же сообщить объ этомъ? — спокойно спросилъ Филиппъ, словно онъ говорилъ съ посторонней особой, непричастной къ дѣлу.

— Я самъ, государь — отвѣчалъ Мендоза твердо.

— Они растерзаютъ васъ на куски, прежде чѣмъ я успѣю спасти васъ — задумчиво проговорилъ Филиппъ.

— Тѣмъ лучше. Я умру за моего короля, а ваше величество будете избавлены отъ необходимости простить дѣяніе, непростительное въ глазахъ цѣлаго міра.

— Это такъ — задумчиво сказалъ король. — Но я не желаю, чтобы вы умерли, Мендоза — прибавилъ онъ, погодя немного. — Вы должны бѣжать во Францію или въ Англію.

— Мнѣ невозможно будетъ бѣжать безъ помощи вашего величества; а это скоро узнаютъ. И станутъ говорить, что дѣло это совершено мною по приказанію короля. Такъ не выйдетъ ничего хорошаго.

— Вы, пожалуй, правы. Вы — хорошій человѣкъ, Мендоза, лучший изъ всѣхъ, кого я знавалъ. Благодарю васъ. Если окажется возможность спасти васъ, я спасу.

— Это невозможно — отвѣтилъ старый солдатъ медленно, но твердымъ голосомъ. — Если вашему величеству угодно будетъ тотчасъ же вернуться въ тронную залу, то все окончится скоро. Кромѣ того, становится поздно; а дѣло должно совершиться на глазахъ у всего двора.

Они были уже въ корридорѣ. Король пошелъ немного впередъ, закрывъ голову капюшономъ своего плаща, на случай встрѣчи съ кѣмъ-нибудь, и постепенно ускоряя шаги такъ, что старикъ отсталъ отъ него. Спустившись по потайной лѣстницѣ, Филиппъ вернулся

въ свои личные покон черезъ дверцу, которая вела непосредственно въ его кабинетъ, такъ что ему не нужно было проходить черезъ переднюю: черезъ эту дверцу онъ часто уходилъ и выходилъ, никому не замѣчаемый.

Оставшись одинъ въ самой крайней изъ своихъ комнатъ, онъ снялъ кашубонъ и плащъ, подошелъ къ венеціанскому зеркалу, стоявшему на столѣ между окнами, и началъ внимательно всматриваться въ него. На отражающемся въ зеркалѣ лицѣ не видно было никакихъ признаковъ волненія; но волосы были нѣсколько растрепаны. Король заботливо пригладилъ ихъ на ухахъ. Изъ серебряной коробки на столѣ онъ взялъ душистую лепешечку и положилъ себѣ въ ротъ.

Ни одинъ разсудительный человѣкъ не заподозрилъ бы, увидѣвъ его въ настоящую минуту, что не болѣе четверти часа назадъ онъ, въ припадкѣ бѣшеннаго гнѣва, совершилъ убійство. Глаза его были покойны: ихъ желтый блескъ уступилъ мѣсто обыкновенному цвѣту. Довольный своей необычной силой воли, король улыбнулся и вышелъ изъ комнаты. Онъ наслаждался однимъ изъ рѣдкихъ мгновеній полного удовлетворенія: соперникъ, котораго онъ такъ долго ненавидѣлъ, а въ послѣднее время начиналъ опасаться, никогда ужъ не станетъ у него поперекъ дороги, не лишитъ его даже самомалѣйшаго изъ преимуществъ верховной власти.

ГЛАВА III.

Плачь покинутой и сокровищница состраданія.

Долореса не поняла словъ отца. Она знала лишь одно: дон-Жуанъ умеръ, и его убійцы ушли. Если бы ей лично грозила еще опасность, она не сознавала бы этого. Но въ ту минуту, когда она отомкнула дверь и вошла въ спальню, тамъ ужъ никого не было. Сначала замокъ не поддавался ея усиліямъ: Мендоза испортилъ его, когда такъ дико старался взломать дверь. Но пальцы Долоресы обвились вокругъ ключа, точно бѣлые шелковые шнурочки; гибкіе, но сильные, они съ безумнымъ отчаяніемъ вертѣли ключъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ не повернулся. Дверь открылась. Доло-

реса стояла неподвижно на порогѣ. Мендоза сказалъ, что дон-Жуанъ умеръ; но все же она несомнѣнно повѣрила ему.

Дон-Жуанъ лежалъ на спинѣ, какъ упалъ, ногами къ ней. Его изящные члены протягивались безпомощно; одна рука вытянулась у бока, другая былъ закинута за голову. Безцвѣтные пальцы были слегка согнуты, выказывая всю первую прелесть руки. Прекрасное молодое лицо было блѣло, какъ мраморъ; полуоткрытые глаза казались сомнѣнно черными подъ опущенными, какъ бы восковыми вѣками. На лѣвой сторонѣ груди виднѣлось пурпурное пятнышко, рѣзко выдѣлявшееся на блѣломъ атласѣ его кафтана.

Долореса видѣла все это при яркомъ блескѣ свѣчей; она не двигалась, не отрывала глазъ отъ этого зрѣлища. Ей казалось, что наступилъ конецъ ея жизни; она все стояла, стараясь понять то, что видѣла. Но какъ она ни напрягала свои мысли, казалось, исчезла самая способность думать: новыя мысли не зарождались; и не было силъ связать прошлое, помутившее ея разумъ, съ этимъ ужаснымъ настоящимъ, которое пристально глядѣло ей въ лицо. Въ эту минуту землетрясеніе могло бы разрушить міръ, образовать пропасть подъ ея ногами; поглотить Альказаръ, со всѣмъ живымъ въ немъ и съ мертвецомъ,—и Долореса погибла бы на мѣстѣ, не давая себѣ отчета въ своей судьбѣ, съ глазами, устремленными на дорогія черты дон-Жуана, уже сама полумертвая и готовая послѣдовать за нимъ. Казалось, она способна стоять тутъ до тѣхъ поръ, пока ужасъ не прекратитъ біенія ея сердца, если только что-нибудь особенное не выведетъ ее изъ этого оцѣпенѣнія.

Но постепенно черты лица ея стали измѣняться; вѣки опустились и затрепетали; голова приподнялась. Долореса ухватила за косякъ двери: иначе, она сейчасъ же зашаталась бы и повалилась. Чувствуя, что ей не устоять больше, она невольно сдѣлала послѣднее усиліе надъ собой: невидимая сила толкнула ее впередъ. Несчастная сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ, но вдругъ сила покинула ее: она распростерлась у тѣла своего возлюбленнаго, скрывая лицо на его тихой груди, хватаясь одной рукой за его руку, прижимая другую къ его холодному лбу.

Было невѣроятно, чтобы ее скоро могли найти здѣсь. Слугъ и свиту дон-Жуанъ отпустилъ: пока не станетъ извѣстнымъ, что онъ

умеръ, никто не придетъ. Впрочемъ, если бы она даже была въ состояніи разсуждать, то и тогда ей было бы безразлично, увидятъ ли ее распростертую здѣсь. Но мысль совсѣмъ отлетѣла: въ страдальцѣ не осталось ничего, кромѣ чутья первобытной женщины, что горюетъ о своемъ умершемъ другѣ, захлебывается долгими безнадежными рыданіями, разливается слѣпящими слезами.

И онѣ пришли, эти благодатные потоки, когда она полежала немного у него на груди и совсѣмъ почти потеряла сознаніе: природа взяла свое. Все тѣло ея сотрясалося; грудь подымалась высоко; ее кидало изъ стороны въ сторону: и нечеловѣческіе звуки вырвались изъ ея устъ. Вѣдь, когда отчаяніе женщины разрѣшается, наконецъ, слезами, это—точно предсмертныя судороги молодыхъ, полныхъ силъ людей. Тутъ члены изворачиваются въ своихъ суставахъ; свѣтъ преломляется въ закатывающихся глазахъ; грудь вздымается, словно стараясь поглотить весь міръ однимъ дыханіемъ; а голосъ издаетъ вопли ужаса, которые сильнѣй и страшнѣй всякихъ словъ.

Плачь ея былъ сначала дикимъ, безмірнымъ, раздражающимъ; онъ прерывался рѣзкими криками, терзавшими ея сердце, какъ зазубренными кинжалами. Потомъ онъ понемногу заглушался до подавленного молчанія: и казалось, будто безжалостное, убійственное сознаніе уже душило ее за горло. Но оно выталкивалось, съ страшными муками, молодою жизнью, которой не хотѣлось умирать, хотя жизнь походила на предсмертныя судороги, а смерть была бы спасительна, какъ воздухъ.

Потомъ ея бурное отчаяніе приняло болѣе тихій видъ: ея голосъ постепенно становился однозвучнымъ и жалобнымъ. Такъ бываетъ съ отливомъ на зыбучемъ пескѣ, передъ грозой. Вопли не слабѣли, но самоуглублялись; тихіе стоны вылетали правильно съ каждымъ дыханіемъ; а слезы лились неудержимо. Первый ураганъ пролетѣлъ: за нимъ послѣдовала долгая буря.

Такъ долго лежала Долореса, рыдая. Вдругъ она почувствовала, что ее охватили сильныя руки; безмолвно, безъ предупрежденія, онѣ подняли ее и стали оттаскивать. Она не понимала, что съ ней. Ей казалось, что ее охватили руки сверхъестественнаго существа чудовищной силы, которое отрывало ее отъ того, что осталось ей

отъ жизни и любви. Она безсознательно вырывалась, но не могла устоять: ее тащили черезъ отворенную дверь. Она старалась вздохнуть глубоко, какъ при удушливомъ снѣ; и чисто физическій страхъ сжималъ ея сердце, несмотря на непроницаемую броню такого горя, при которомъ страхъ смѣшонъ, а смертельная опасность представляется пустякомъ. Ей казалось, что прошло нѣсколько вѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ она упала на мертвое тѣло дон-Жуана; а прошло всего нѣсколько минутъ. Ей казалось, точно сильныя руки тащатъ ее по всему мрачному дворцу; а онѣ перенесли ее лишь изъ комнаты на террасу.

Когда, наконецъ, глазамъ ея вернулась способность видѣть, она сообразила, что находится на открытомъ воздухѣ, на каменной скамьѣ, облитой луннымъ свѣтомъ; прохладный ночной вѣтерокъ обвѣваетъ ее; нѣжная рука поддерживаетъ ея голову, — та самая рука, которая только-что была такъ искусна и сильна. Знакомое и вовсе не страшное, хотя и непохожее на другихъ, лицо находилось въ уровень съ ея лицомъ; а этотъ человѣкъ стоялъ возлѣ нея, тогда какъ она сидѣла. Лунный свѣтъ бросалъ мягкія тѣни на безобразныя черты карлика: его тонкія, сжатые губы выражали доброту, а въ глуболежащихъ глазахъ свѣтилось сочувствіе. Когда Адонисъ понялъ, что она узнала его и не теряетъ сознанія, онъ осторожно принялъ руку, и голова ея оперлась на каменную ограду.

Долореса все еще была ошеломена; слезы затуманивали ея глаза. Адонисъ стоялъ подлѣ, словно охраняя ее и готовый на случай, если бъ она шевельнулась и попыталась уйти отъ него. Онъ опустил свои длинныя руки, но онѣ не были совсѣмъ неподвижны: онъ могъ схватить ее тотчасъ же, если бъ она вздумала вскочить и бѣжать. Карликъ былъ предусмотрителенъ: онъ отлично предвидѣлъ, что она могла сдѣлать. Ея глаза вдругъ вспыхнули; она приподнялась, прежде чѣмъ онъ успѣлъ схватить ее.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскричала она отчаянно. — Я хочу идти къ нему. Пустите меня... пустите!

Но руки его опустились ей на плечи. Она очутилась точно въ тискахъ и принуждена была сѣсть.

— Какъ вы смѣете прикасаться ко мнѣ! — закричала она съ бѣшенствомъ женщины, лишившейся сознанія отъ горя. — Какъ вы

смѣете дотрогиваться до меня руками!—повторяла она все громче, тщетно борясь съ превосходной силой.

— Вы умерли бы, если-бъ я васъ оставилъ тамъ — отвѣчалъ шутъ. — Кромѣ того, скоро придутъ люди: они застали бы васъ распростертой на его тѣлѣ; и пострадало бы ваше доброе имя.

— Мое имя! Что значить имя да и все на свѣтѣ? О, пустите меня! Никто не долженъ дотрогиваться до него; ни одна рука, кромѣ любящей, не должна прикасаться къ нему!.. Пустите меня... Я хочу къ нему!

Она пыталась оттолкнуть карлика. Она ударила бы его, повалила, столкнула съ террасы, если-бъ могла. Она тоже была сильна; и отчаяніе придавало ей силы. Но его длинныя руки походили на желѣзныя полосы, приросшія къ безобразному тѣлу. Лицо его было угрюмо и дышало добротой; а глаза смотрѣли такъ нѣжно, какъ еще никогда не случалось имъ смотрѣть.

— Нѣтъ!—заговорилъ онъ мягко.—Вы не должны идти туда. Потому вы опять увидите его, но не теперь. Не пробуйте вырваться: я сильнѣе васъ и не пущу васъ въ ту комнату.

Она ослабѣла и повернулась къ оградѣ, скрывая лицо скрещенными руками. Слезы снова полились изъ ея глазъ. Шутъ обрадовался: ему было извѣстно, что слезы облегчаютъ первый безумный порывъ такого горя, которое можетъ испелить душу, выжать мозгъ у бѣшеннаго, если бы даже тѣло вынесло пытку. Онъ тихо стоялъ возлѣ нея, наблюдая за ней, охраняя ее; но онъ чувствовалъ, что самое худшее прошло и что вскорѣ ему удастся отвести ее въ болѣе безопасное мѣсто.

Онъ и отвелъ ее насколько возможно подальше отъ двери дон-Жуана,—въ то мѣсто на террасѣ, гдѣ она поворачивала на западъ и гдѣ врядъ-ли кто вздумалъ бы пройти въ эту пору. Карликъ поступилъ такъ по внезапному порыву: онъ самъ еще не оправился отъ потрясенія, испытаннаго имъ при видѣ мертваго дон-Жуана, распростертаго на полу. Онъ не зналъ, что произошло. Но прослѣдивъ, прижавшись въ углу, какъ король возвращался отъ брата къ себѣ, онъ былъ убѣжденъ, что дон-Жуанъ одинъ у себя. Шутъ отправился въ его покои, чтобы узнать, если можно, какъ обстоитъ дѣло, и грозить-ли ему самому какая опасность, или нѣтъ. Онъ

не перебивайте книг при чтеніи!

намѣревался бѣжать изъ дворца или лишить себя жизни скорѣй, чѣмъ подвергнуться пыткамъ, что было бы неизбѣжно, если-бъ король заподозрилъ его въ участіи въ заговорѣ.

Адонисъ не былъ простымъ трусомъ, но онъ боялся тѣлесныхъ страданій, какъ только могутъ бояться такіе чувствительные люди; а его преслѣдовала мысль, что въ орудіяхъ пытки съ той минуты, какъ онъ видѣлъ лицо Филиппа за ужиномъ.

Дон-Жуанъ добръ; онъ предупредить шута, если бы ему грозила опасность. И все еще можетъ устроиться къ лучшему: либо бѣгствомъ, либо смертью онъ сможетъ спастись отъ пытки, которая отрывала бы у него членъ за членомъ. Адонисъ смѣло вошелъ въ помещеніе дон-Жуана; а такъ какъ двери были открыты пастежъ, онъ пробрался и въ спальню.

Когда шутъ увидаль, что случилось, онъ немедленно бѣжалъ бы, ради собственной безопасности. И не только потому, что убійство дон-Жуана, конечно, вызвало бы страшное волненіе, а по болѣе прямой причинѣ. Вѣдь, если бы его застали возлѣ найденнаго трупa, онъ несомнѣнно былъ бы подвергнутъ и обыкновенному, и чрезвычайному допросу, какъ свидѣтель.

Но, повторяемъ, онъ не былъ простымъ трусомъ. Несмотря на столь естественный испугъ, онъ прежде всего подумалъ о невинной дѣвушкѣ, доброе имя которой погибло бы навѣки, если бы ее нашли здѣсь, лежащей на трупѣ убитаго возлюбленнаго. Насколько было можно, онъ спасъ ее, прежде чѣмъ подумалъ о собственномъ спасеніи, хотя съ большимъ трудомъ и противъ ея желанія.

Долореса лежала, опершись на ограду, полуразбитая своимъ необъятнымъ горемъ. Громкія, словно считанныя рыданія сотрясали все ея тѣло, съ головы до поясицы, едва давая ей дышать. Шутъ зналъ, что онъ безпомощенъ. Пока она казалась потерявшей сознаніе, онъ пытался помочь ей, поддерживая ея голову рукой такъ нѣжно, будто она была его родная дочь. Пока Долореса не сознaвала, что онъ дѣлаетъ, она была лишь несчастнымъ существомъ, женщиной; а на днѣ души шута шевелилось дивное сочувствіе ко всему страждущему; и оно было тѣмъ глубже, искреннѣе, что онъ самъ такъ много выстрадалъ. Но теперь, когда она узнала его и поняла, гдѣ находится, дѣло приняло иной оборотъ.

Долореса была уже не просто женщиной, а высокорожденной доньей, фрейлиной королевы, существомъ, стоящимъ неизмѣримо высоко надъ его кругомъ: онъ былъ недостойнъ коснуться ея руки. Онъ скорѣй осмѣлился бы быть за панибрата съ самимъ королемъ, чѣмъ съ этой дѣвушкой, которую судьба поручила его временной охранѣ. Онъ сторожилъ ~~ее и приплутыи сѣтъ~~ ^{ее и приплутыи сѣтъ}. И, при видѣ этой изящной фигуры, этой маленькой головки, этихъ гибкихъ скрещенныхъ рукъ, ему представилось, будто она спустилась съ алтаря, чтобы пріять муку въ этой жизни: было бы почти кошунствомъ положить руки на ея плечи, помѣшать ей исполнить свою волю. Шутъ едва понималъ, какъ это онъ могъ быть такимъ грубымъ, говорить съ ней такъ повелительно. Сердце его было мягко, хотя, по обязанностямъ своей службы, онъ долженъ былъ говорить рѣзкія слова. Душа этого калѣки-страдальца была цѣлой сокровищницей тонкихъ чувствъ и мыслей.

— Пойдемте!—сказалъ онъ мягко, когда, по прошествіи долгаго времени, ему показалось, что она нѣсколько успокоилась.—Вы должны позволить мнѣ увести васъ, донья Марія Долореса: мы не можемъ оставаться здѣсь.

— Ведите меня къ нему!—отвѣчала она.—Пустите меня къ нему!

— Нѣтъ, къ вашему отцу! А къ *тому* не могу пустить васъ... У отца вы будете въ безопасности.

Прежде чѣмъ карликъ успѣлъ предупредить ее, Долореса вскочила на ноги:

— Къ отцу? О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Никогда во всю мою жизнь не вернусь къ нему! Куда угодно, только не къ нему! Примите ваши руки... Не трогайте меня! Я не сильна; но я убью васъ, если вы попробуете отвести меня къ отцу.

Маленькими своими ручками она схватила карлика за грудь и отчаянно боролась съ нимъ, пытаясь оттолкнуть его и бѣжать отъ него. Но онъ твердо стоялъ на своихъ короткихъ, кривыхъ ножкахъ и всей мощью своихъ длинныхъ рукъ сопротивлялся ея дѣвичьей силѣ. Вдругъ ея руки ослабѣли съ отчаянія.

— Только не къ отцу!—молила она ^{ее} ~~его~~ ^{ею} ~~его~~ ^{ею} голосомъ.— О, прошу, ради Бога; не къ отцу моему!

Шутъ не понималъ ея, но уступилъ: онъ не могъ насильно унести ее въ покои Мендозы.

— Но куда же отвести васъ, гдѣ бы вы были въ безопасности?— сказалъ онъ, растерявшись.—Здѣсь вы оставаться не можете.

Въ это время изъ тѣнковой стороны выскользнула легкая фигура съ протянутыми руками. Тихій, дрожащій отъ ужаса и волненія голосъ произнесъ имя Долоресы.

Долореса вырвалась изъ рукъ карлика и бросилась въ объятія сестры.

— Такъ это правда?— застонала Инеза.— Это правда?.. Онъ умеръ?

И голосъ ея оборвался.

ГЛАВА IV.

Королевскій пиръ и смерть:

Царедворцы снова собрались въ обширной тронной залѣ, послѣ ужина, и начались величественные танцы, которыми славился испанскій дворъ ⁴⁹. Оркестръ расположился подъ большой аркой средняго окна, на низкомъ помостѣ, забранномъ парчами и бархатами, спускающимися съ перекладины такъ, что музыкантовъ не было видно, хотя снизу можно было примѣтить нѣкоторые инструменты и движеніе смычковъ.

Танцы съ масками—если это можно назвать танцами—были въ обычаѣ всюду, во времена императора Максимилиана, и до сихъ поръ не совсѣмъ вышли изъ моды при императорскомъ дворѣ въ Вѣнѣ. Но они уже давно вышли изъ употребленія въ Испаніи: ихъ замѣнилъ красивый «паванъ», неуклюжее извращеніе котораго сохранилось и въ наше время. Какъ и теперь, пожилыя придворныя дамы отступили къ стѣнамъ залы, уступая налощенный полъ танцующимъ; онѣ разсѣлись тамъ по чинамъ, отъ подножія трона до противоположнаго конца. Какъ и теперь, пожилые, важные мужчины собрались въ другихъ комнатахъ, гдѣ были поставлены игорные столы, вокругъ которыхъ вельможи проигрывали огромныя суммы въ давно забытыхъ играхъ.

Имъ дано было разрѣшеніе на это отъ благочестиваго Филиппа: онъ былъ убѣжденъ, что все, что можетъ поколебать состояніе грандовъ, служить на пользу его власти, лишая ихъ частицы того богатства, которое было одною изъ причинъ революцій. Филиппъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы вызвать раззореніе самыхъ могущественныхъ грандовъ, покровительствуя карточной игрой и всякимъ чудачествамъ. Онъ съ неудовольствіемъ и недовѣріемъ относился къ тѣмъ изъ болѣе благоразумныхъ, которые бережливо обращались со своимъ состояніемъ, по примѣру своихъ отцовъ.

Но такихъ было мало: у грандовъ считалось признакомъ благородства проигрывать огромныя суммы, не подавая виду неудовольствія или волненія.

Было объявлено, что король и королева не вернутся въ тронную залу послѣ ужина: и величественная важность этого двора, самаго церемоннаго въ мірѣ, тотчасъ нѣсколько ступивалась. Заглушаемые звуками музыки, разговоры придворныхъ сливались въ общій гулъ. Онъ прерывался отъ времени до времени взрывами свѣжаго юнаго смѣха, которому вторилъ ножное эхо высокихъ мавританскихъ сводовъ; они тотчасъ же замирали тамъ, едва успѣвъ подняться снизу.

Но танцы были государственнымъ дѣломъ: оттого они были довольно торжественны, впрочемъ очень изящны. Великолѣпныя молодые гравды, разодѣтые въ шитый шелкъ, атласъ и бархатъ пурпуроваго, блѣднозеленаго, палеваго, нѣжно-голубого цвѣтовъ, великихъ красивыхъ молодыхъ женщинъ впередъ, медленно скользя и строго соблюдая тактъ; затѣмъ, поворачиваясь, сплетаясь въ различныя фигуры, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей и факеловъ, они возвращались на свои мѣста; и на низкіе поклоны кавалеровъ дамы отвѣчали легкими присѣданіями.

Наряды дамъ были богаче мужскихъ и роскошнѣе убраны золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; но вообще они были болѣе темнаго цвѣта: такъ требовала мода. Юбки были прямыя и еле доходили до пола: въ тѣ времена танцы составляли часть придворной жизни: каждая женщина, достигавшая извѣстнаго возраста, должна была хорошо танцевать. Тогда не злоупотребляли

складками; и въ Испаніи еще не были введены безобразныя юбки съ обручами.

Описываемыя событія происходили въ началѣ царствованія Елизаветы англійской, еще до того времени, какъ королева Марія шотландская была заключена ею въ тюрьму. То было время, когда грубый Ботвель увезъ Марию и, по тогдашнему обычаю, сочетался съ ней бракомъ, безъ особеннаго соблюденія обрядностей: Филиппъ вовсе не принималъ въ расчетъ этого брака и рѣшительно предполагалъ женить дон-Жуана на королевѣ шотландской. Объ этомъ свободно толковали въ этотъ вечеръ придворныя дамы постарше, которыя занимались болтовней, наблюдая за танцами.

Испанскій дворъ былъ дѣйствительно настолько блестящъ, что съ нимъ нельзя было сравнивать ни прежнихъ, ни позднѣйшихъ дворовъ въ Европѣ. Онъ отличался отъ всѣхъ, какъ красотой, богатствомъ, великолѣпіемъ, такъ и чудесами блестящихъ обрядностей и безупречностью изящныхъ заученныхъ манеръ, а также холодной безпечностью вельможъ и ихъ супруговъ, которые проигрывали въ карты цѣлыя состоянія, словно кидая горсть монетъ уличному нищему.

Принцесса Эболи стояла нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ: она только-что вернулась на балъ, и искала глазами Долоресу въ толпѣ, хотя мало рассчитывала увидѣть ее здѣсь. Было почти невозможно, чтобы дѣвушка успѣла такъ скоро надѣть придворный нарядъ, хотя съ тѣхъ поръ, какъ отецъ разрѣшилъ ей выйти, она могла бы, если бы пожелала, вернуться къ себѣ и переодѣться.

Принцесса рѣдко терпѣла неудачи въ теченіе своей дьявольской жизни и рѣдко ошибалась въ расчетѣ, когда предпринимала что-нибудь: такъ было съ самаго того достопамятнаго случая, когда ея супругъ, вскорѣ послѣ свадьбы, насильственно заточилъ ее на нѣсколько мѣсяцевъ въ монастырь, лстя себя напрасной надеждой охладить ея неукротимый нравъ. Но сегодня она чувствовала себя разстроенной и неувѣренной въ себѣ. Не только Долореса ушла отъ нея, но и дон-Жуанъ исчезъ: принцесса не сомнѣвалась, что оба были гдѣ-нибудь вмѣстѣ, и, кто знаетъ, можетъ быть они уже покинули дворецъ. Антоніо Перезъ увѣдомилъ ее, что король далъ ему слово не видаться съ дон-Жуаномъ этой ночью; и она въ первый разъ въ жизни была такъ глупа, что повѣрила слову короля.

Въ то время, какъ она обдумывала, что дѣлать, Перезъ подошелъ къ ней. Она подѣлилась съ нимъ своими мыслями, весело смѣясь отъ времени до времени, словно рассказывала ему забавную исторію: ей не хотѣлось, чтобы наблюдавшіе за ними могли догадаться, что разговоръ былъ серьезенъ. Перезъ тоже смѣялся и размахивалъ руками, стараясь ввести въ обманъ придворныхъ; а самъ тихонько отвѣчалъ на ея вопросы.

— Король не послушался моего совѣта—сказалъ онъ.— Не успѣлъ я выйти отъ него, какъ онъ отправился къ дон-Жуану.

— Какъ же вы узнали это?—тревожно спросила принцесса.

— Оказалось, что двери крайней комнаты были закрыты на замокъ, и король послалъ Мендозу за ключомъ. Къ счастью для старика, ключъ не отыскался: иначе ему предстояла непріятная неожиданность.

— Почему?

— Потому что его дочь сидѣла въ замкнутой на ключъ комнатѣ—засмѣялся Перезъ.

— Когда? Какъ? Давно ли это случилось?

— Не болѣе полу-часа тому назадъ.

— Это невозможно! Полчаса тому назадъ Долореса де-Мендоза была со мной.

— Въ такомъ случаѣ, другая дама была въ комнатѣ—сказалъ Перезъ, продолжая смѣяться.— Лучше двѣ, чѣмъ одна—прибавилъ онъ.

— Вы ошибаетесь—сказала принцесса, и лицо ея омрачилось.— Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ дон-Жуанъ не удостоилъ ни одной женщины даже взглядомъ.

— Вамъ лучше знать—сказалъ секретарь, улыбаясь немного лукаво.

Всѣмъ было извѣстно при дворѣ, что, два-три года назадъ, во время ужасныхъ козней, окончившихся смертью дон-Карлоса, принцесса Эболи употребляла всѣ усилія, чтобы привлечь дон-Жуана Австрійскаго къ своимъ ногамъ, но потерпѣла пораженіе: онъ уже любилъ тогда Долоресу. Теперь она разозлилась: кровь прилила къ ея красивому смуглому лицу.

— Дон-Антоніо Перезъ!—сказала она.—Берегитесь: я создала васъ; я же могу уничтожить васъ.

Дон-Жуанъ.

На лицѣ Переза выразилось простодушное, невинное изумленіе, словно онъ не понималъ, что было для нея неприятнаго въ его словахъ, тѣмъ болѣе глубоко оскорбительнаго. Онъ полагалъ, что она искренно любила его и что онъ можетъ играть ею: по его мнѣнію, онъ гораздо выше ея стоялъ по уму. Въ первомъ своемъ предположеніи онъ не ошибался, но во второмъ былъ далекъ отъ истины.

— Не понимаю!—сказалъ онъ.—Но если я чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ, то прошу прощенія въ моемъ безсознательномъ поступкѣ. Прошу вѣрить, что моя преданность вамъ неизмѣнна, и я—вашъ вѣрный рабъ.

Его черные глаза были очень выразительны, когда онъ слегка поклонился съ красивымъ мановеніемъ руки. Принцесса засмѣялась, но въ глазахъ ея все еще оставалась искра неудовольствія.

— Почему дон-Жуанъ не приходитъ?—нетерпѣливо спросила она. Мы должны были танцевать съ нимъ. Навѣрно что-нибудь случилось. Не можете-ли вы разузнать, что именно?

И другіе предлагали тотъ же вопросъ съ удивленіемъ: всѣ надѣялись, что дон-Жуанъ вернется въ тронную залу тотчасъ послѣ ужина. Во всѣхъ концахъ залы произносилось его имя, при каждой бесѣдѣ, гдѣ только сходились двое или трое. Оно было въ воздухѣ, какъ и его слава всюду и во всемъ. Ожиданіе его появленія производило, какое-то напряженіе, которое ощущалось всѣми. Мужчины становились осторожнѣе; глаза молодыхъ женщинъ загорались, и они все бросали взгляды на дверь въ парадные покои, чрезъ которую дон-Жуанъ долженъ былъ пройти. И чѣмъ блестящѣе становились рѣчи мужчинъ, тѣмъ менѣе женщины слушали ихъ: каждая надѣялась, что дон-Жуанъ, можетъ быть, обратитъ на нее вниманіе; всѣ онѣ воображали себя немного влюбленными въ него. А среди мужчинъ врядъ-ли нашелся бы такой, который не обнажилъ бы своего меча за него и не дрался бы за него отъ всего сердца.

Многіе, не смѣя сказать этого, втайнѣ желали, чтобы кака-нибудь бѣда приключилась съ Филиппомъ и чтобы онъ, загубившій своего единственнаго сына и наслѣдника, умеръ бездѣтнымъ, а его мѣсто занялъ дон-Жуанъ. Принцесса Эболи и Перезъ отлично знали, что если только имъ удастся достигнуть своей цѣли, ихъ планъ будетъ пользоваться всеобщимъ сочувствіемъ.

Звуки оркестра усиливались, слабѣли, опять подымались тѣми могучими тонами, которые вызываютъ неудержимое тѣлесное стремленіе къ стройнымъ движеніямъ и неотразимо будятъ всевозможныя чувства, страстныя, нѣжныя, полныя надеждъ или щемящія душу. Посреди залы болѣе сотни танцующихъ двигались, изгибались, скользили въ ладъ съ музыкой, мѣнялись мѣстами, брались за руки въ тактъ, подавались впередъ, назадъ, въ сторону, встрѣчались и расходились безъ остановки. Разнообразные цвѣта ихъ нарядовъ сливались въ роскошныя небывалые оттѣнки, при мягкомъ блескѣ свѣчей: фигуры танцевъ то собирали многихъ въ одну кучу, то разсыпали ихъ на сотню частицъ. Драгоценныя камни въ волосахъ женщинъ, брилліантовыя запонки на шеяхъ, на плечахъ и груди,— все это двигалось, смѣшивалось, образовывало круги, которые скрещивались и перекрещивались въ цѣломъ цвѣтномъ морѣ шелка и вспыхивали разомъ, когда взрывъ музыки заставлялъ танцующихъ вдругъ останавливаться и поворачиваться въ тактъ.

Танцы того времени не походили на наши, прилизанные. Послѣдніе—или вовсе не танцы, а безпорядочное шлянье, или же они до того натянуты, рассчитаны и неуклюжи, что напоминаютъ обученіе рекрутъ на площади.

Въ тѣ времена не было ни одного движенія, которое было бы лишено изящества, свободы намѣренной красоты, или не было бы образомъ любви, которую, вѣдь, всегда олицетворяли и будутъ олицетворять всякіе танцы. Танцы и музыка, зрѣлище и звуки,— все сливалось тогда въ одно: всѣ движенія, то стремительныя, то медленныя, выражали истому, пылъ, сладкое сожалѣніе; все воспѣвало торжество любви, дышало страстью любви, стонало отчаяніемъ любви. А при всякой остановкѣ уста раскрывались, взоры искали взоровъ и сердца слышали въ звукахъ музыки рѣчи, отвѣчавшія на языкъ любви.

Мужчины и женщины смѣются надъ танцами—и любятъ ихъ. Никто не можетъ объяснить, въ чемъ ихъ прелесть; по рѣдко кто не чувствуетъ ея или не жаждетъ чувствовать. Начало танцевъ уходитъ за предѣлы научнаго изслѣдованія, ко временамъ первобытныхъ людей: только природное чутье можетъ объяснить все просто. Вѣдь, свѣтъ, изящество, нѣжная музыка, все это—красота, а кра-

сота вѣчна. Любовь же—источникъ будущаго и поясненіе прошлаго. А то, что совмѣщаетъ въ себѣ любовь и пѣсню, изящество и свѣтъ, непременно должно очаровывать мужчинъ и женщинъ.

Но въ эту ночь въ воздухѣ чувствовалось еще что-то: возвращеніе дон-Жуана служило опьяняющимъ ядомъ побѣды. Онъ разстился безумнымъ пламенемъ по жиламъ веселящихся, изъ которыхъ каждый, даже самый ничтожный, чувствовалъ себя воиномъ, завоевателемъ, участникомъ безсмертной славы. Дон-Жуанъ съ дѣтства былъ общимъ любимцемъ: видѣли, какъ онъ переросталъ всѣхъ въ красотѣ, ловкости и мужествѣ и полюбили его еще больше, когда онъ сталъ лучшимъ изъ людей. А теперь онъ совершалъ великое дѣло, не только оправдалъ, но превзошелъ самыя смѣлыя всеобщія надежды. Онъ вдругъ возвысился изъ народнаго любимца въ героя: его возвели на алтарь, ему поклонялись, какъ молодому, сердечному божеству націи.

Въ эту ночь каждый изъ мужчинъ готовъ былъ поклясться, что дон-Жуанъ храбрѣе Александра, мудрѣе Карла Великаго, важнѣе Цезаря; каждый готовъ былъ поднять мечъ противъ всякаго, кто вздумалъ бы спорить противъ этого; всякая мать молила Бога, чтобы ея сыновья походили на него хоть сколько-нибудь; каждая дѣвушка въ Испаніи грезила, будто слышитъ, какъ онъ своимъ мягкимъ голосомъ нашептываетъ ей въ уши. Рѣдко въ исторіи человечества встрѣтишь такого молодого человѣка, который совершилъ бы столь великія дѣла и готовъ былъ совершить еще болѣе великія, прежде чѣмъ прервется его недолгая жизнь. И быть можетъ, не было человѣка, который былъ бы такъ горячо любимъ, такъ глубоко уважаемъ своими соотечественниками, которому такъ довѣряли бы.

Всѣ говорили только о немъ, все болѣе и болѣе удивляясь, почему онъ такъ долго не является въ такую ночь. Но онъ наверно придетъ: вѣдь, какъ онъ воевалъ искуснѣе другихъ воиновъ, такъ и танцевалъ красивѣе всѣхъ. Всѣ страстно желали его видѣть, глянуть ему въ лицо, услышать его голосъ, дотронуться, быть можетъ, до его руки: онъ, вѣдь, былъ непритязателенъ и ласковъ со всѣми; когда придетъ онъ, обойдетъ всѣхъ, всѣхъ узнаетъ съ царскою памятью, для всякаго найдетъ ласковое слово. Всѣмъ не-

доставало его; всѣхъ охватило непреодолимое желаніе видѣть его опять и даже привѣтствовать криками, какъ простая толпа на улицѣ, какъ они сами сдѣлали, всего часъ тому назадъ, когда онъ выдѣлялся возлѣ трона.

Между тѣмъ танцоры не переставали танцовать, въ тактъ съ безконечной музыкой, разговаривая и смѣясь при каждой остановкѣ, и все повторяя его имя, такъ что оно раздавалось во всѣхъ концахъ залы: не было ни одного изъ присутствующихъ, молодыхъ или старыхъ, кто не произносилъ бы этого имени хоть разъ черезъ каждыя пять минутъ. Въ самыхъ звукахъ этого имени было что-то опьяняющее: чѣмъ чаще слышалось оно, тѣмъ больше хотѣлось слышать еще. И оно слеталось со всевозможными похвалами. Благословеніе переходило въ восторгъ, восторгъ—въ патріотическую страсть, для которой Испанія была весь міръ, а дон-Жуанъ—Испанія; все же остальное становилось какимъ-то пустымъ, безконечнымъ ничтожествомъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго значенія для народа.

Молодые люди, разгоряченные танцами, клялись, что какъ только дон-Жуана снова пошлютъ въ походъ, они отправятся съ нимъ и будутъ одерживать побѣды, будутъ раздѣлять его славу. Говорили о немъ, собравшись въ кучку и важные, сѣдые старики, украшенные Золотымъ Руномъ, участвовавшіе въ великихъ войнахъ временъ императора: они благодарили Бога, что Испанія обладаетъ еще однимъ героемъ изъ Австрійскаго дома, который нагонитъ страхъ на Францію и унизитъ, наконецъ, Англію; длинная рука испанца захватитъ тотъ кусочекъ міра, который еще не принадлежалъ ему.

Антоніо Персезъ и принцесса Эболи разошлись и смѣшались съ толпой, чтобы слышать все, что говорилось, разжигать пламя восторга и затѣмъ, встрѣтятся снова, обмѣняться довольными взглядами. Они были очень довольны направленіемъ, которое принимало дѣло. Разговоры становились свободнѣе съ каждой минутой; наконецъ—никто не зналъ и не спрашивалъ какъ—они перешли открыто на права наслѣдства, на видимо плохое здоровье Филиппа и на надежду скоро послужить его величеству дон-Жуану.

Музыка снова умолкла. Пары разсыпались по залѣ, снова собрались въ кучки. Наступилъ перерывъ въ разговорахъ, какъ часто случается при прекращеніи танца. Вдругъ открылись большія двери

подлѣ престола, и такъ шумно, что всѣ насторожились. Всѣмъ показалось, что возвращается дон-Жуанъ; всѣ глаза обратились къ дверямъ, стараясь поскорѣй увидѣть его; имя его произносилось радостно всѣми.

— Дон-Жуанъ идетъ! Это дон-Жуанъ Австрійскій! Дон-Жуанъ здѣсь!

Раздался общій привѣтственный кликъ. Минуту спустя, наступила мертвая тишина, когда громкій голосъ камергера возвѣстилъ о прибытіи короля, и Филиппъ поднялся на помость трона. Нѣсколько секундъ ни единый звукъ не прерывалъ тишины. Король медленно подвигался, въ сопровожденіи полдюжины придворныхъ, состоявшихъ непосредственно при немъ.

Хотя Филиппъ вѣроятно слыхалъ имя брата въ общемъ хорѣ голосовъ, когда открывались двери, онъ вовсе не казался недовольнымъ. Напротивъ, онъ улыбался почти привѣтливо; и глаза его казались менѣе неподвижны, когда онъ оглядывался, съ довольнымъ видомъ, вокругъ себя. Какъ только стало ясно, что онъ желаетъ спуститься съ помоста, главные царедворцы бросились впередъ, а именно: Рюй Гомезъ де-Сильва, принцъ Эболи, Альварезъ де-Толедо; ужасный герцогъ Альба⁵⁰, герцоги Медина Сидонія⁵¹ и Инфантадо⁵², дон-Антонио Перезъ, государственный секретарь, посланники Елизаветы англійской и французскаго короля и съ дюжину другихъ. Всѣ они отвѣсили такіе низкіе поклоны, что перья ихъ шляпъ буквально коснулись стола.

— Почему не танцуютъ?—съ улыбкой спросилъ Филиппъ, обращаясь къ Рюй Гомезу.

Министръ объяснилъ, что только-что окончился танецъ.

— Пусть танцуютъ еще! — отвѣтилъ король. — Пусть сегодня музыка и танцы не прекращаются всю ночь. Мы имѣемъ полное основаніе радоваться и веселиться сегодня: война окончилась, и дон-Жуанъ Австрійскій вернулся побѣдоносный.

Приказаніе короля было исполнено немедленно. Рюй Гомезъ подалъ знакъ капельмейстеру, который внимательно смотрѣлъ на него, ожидая приказанія. Король еще разъ улыбнулся, когда громкій аккордъ нарушилъ тишину, и разговоры снова раздались въ залѣ, хотя гораздо болѣе сдержанные, чѣмъ прежде.

Филиппъ обратился къ англійскому посланнику:

— Какъ жаль, что сестра наша, англійская королева, не можетъ быть здѣсь, у насъ, въ такую ночь! Подобныхъ зрѣлищъ мы не видали въ Лондонѣ, въ бытность нашу тамъ, милордъ.

— Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, государь—отвѣчалъ посланникъ.—Королева очень любитъ роскошь пышныхъ празднества, и не задумается танцовать сама: она права веселаго, жизнерадостнаго. Тѣмъ не менѣе, дворъ вашего величества самый блестящій въ цѣломъ свѣтѣ.

— Вы правы, милордъ!—воскликнулъ король.—Да, кромѣ того, съ красотой нашихъ дамъ ничто не сравнится.

Принцесса Эболи стояла совсѣмъ близко отъ короля, въ ожиданіи, что онъ заговорить съ ней. Его глаза устремились на ея лицо съ холоднымъ, змѣинымъ восхищеніемъ, къ которому она привыкла, но которое и теперь дѣйствовало на ея нервы. Посланникъ поспѣшилъ поддержать самохвальство: во времена Елизаветы, англичане отлично умѣли льстить.

— Ваши дамы по наслѣдству всемірныя побѣдительницы—сказалъ онъ, кланяясь и улыбаясь принцессѣ.—Даже подвиги дон-Жуана не могутъ сравниться съ ихъ побѣдами.

Принцесса беззаботно засмѣялась. Если бы Перезъ произнесъ подобныя слова, она поморщилась бы; но король слѣдилъ за ней глазами.

— Его высочество бѣжалъ съ поля битвы, не нанеся ни еди-наго удара—сказала она.—Мы не видали его сегодня вечеромъ.

Она отвѣтила на взоры короля вопросительнымъ взглядомъ.

— Дон-Жуанъ, безъ сомнѣнія, сейчасъ придетъ—сказалъ онъ, точно отвѣчая на вопросъ.—Развѣ онъ не заходилъ сюда послѣ ужина?

— Нѣтъ, ваше величество, хотя всѣ надѣялись, что онъ сейчасъ придетъ.

— Странно!—сказалъ Филиппъ, сохраняя полное самообладаніе.—Онъ охотно танцуетъ; и никто не танцуетъ лучше его. Случалось-ли вамъ, милордъ, когда-нибудь видѣть чловѣка, такъ богато одареннаго, какъ мой братъ?

— Прекрасный молодой принцъ—серьезно и безъ всякаго вос-

торга, отвѣчалъ посланникъ, опасавшійся, какъ бы король не заговорилъ о возможномъ бракѣ брата съ королевой Маріей шотландской.

— И очень любящая, нѣжная натура—задумчиво проговорилъ Филиппъ.—Я помню его еще мальчикомъ, котораго всѣ любили и хвалили; а между тѣмъ онъ не избаловался. Онъ не измѣнился нисколько. Онъ—братъ мой... Но какъ часто я желалъ имѣть подобнаго сына! Но онъ еще можетъ стать королемъ. Да и кто, кромѣ него, можетъ быть моимъ преемникомъ, когда меня не станетъ?

— Ваше величество, не предрекайте такого ужаснаго несчастія!—горячо воскликнула принцесса; а сама въ эту минуту мысленно взвѣшивала сравнительныя выгоды различныхъ смертельныхъ болѣзней, которыя могли бы ускорить его смерть.

— Жизнь—вещь очень сомнительная, принцесса—замѣтилъ король.—Милордъ!—обратился онъ къ англійскому посланнику.—У васъ, въ Англіи, дыни считаются удобоваримой пищей? Недавно мнѣ говорили многое противъ ихъ употребленія.

— Дыня—жалкая пища, водянистая, ваше величество—отвѣчалъ посланникъ.—Что за польза отъ плода, покрытаго зеленой корой и полнаго воды, которую онъ высасываетъ изъ болотъ? По правдѣ сказать, наши врачи плохо отзываются о немъ. Я-то самъ ничего положительно сказать не могу: во всю свою жизнь я не ѣлъ дынь; надѣюсь, съ Божьей помощью, и никогда не ѣсть ихъ.

— Почему же нѣтъ?—спросилъ король, повидимому очень занятый этимъ вопросомъ.—Вы, значитъ, боитесь ѣсть ихъ? А съ виду вы такой сильный, здоровый.

— Ваше величество! Мнѣ случалось выпивать глотокъ воды, стомахъ радъ; но ѣсть воду я не стану.

Король весело улыбнулся.

— Какъ умны англичане!—сказалъ онъ.—Мы можемъ еще многому научиться у нихъ.

Филиппъ отвернулся отъ посланника и молча смотрѣлъ на танцующихъ. Придворные расположились полукругомъ по лѣвую и правую сторону короля, который обернулся лицомъ къ залѣ, гдѣ танцующіе сновали взадъ и впередъ въ свободномъ пространствѣ. Онъ слѣдилъ за одной фигурой, не обращая вниманія на остальныхъ.

Въ ближайшемъ къ нему кругу красивая дѣвушка танцевала

съ однимъ изъ офицеровъ дон-Жуана. Красота ея принадлежала къ самому рѣдкому андалузскому типу: она была высока, гибка, но сильна; волосы ея были цвѣта воронаго крыла, великолѣпные глаза темны, молочныя щеки гладки, какъ бархатъ, а ротъ походилъ на маленькій созрѣвшій плодъ. При каждомъ движеніи ея станъ выгибался непринужденно, естественно, какъ у ребенка; каждую минуту выступала новая красивая линія отъ бѣлой шеи до маленькой выгнутой попки, которая бросалась въ глаза отъ времени до времени, когда она подавалась впередъ, чтобы мгновенно скрыться опять въ тѣни ея златотканной юбки. Когда она взглядывала на короля, ея темныя вѣки наполовину закрывали глаза; и длинныя черныя рѣсницы почти касались щекъ. Филиппъ не могъ отвести отъ нея глазъ.

Вдругъ въ толпѣ придворныхъ произошло движеніе; и какая-то тѣнь легла между королемъ и видѣніемъ, которое онъ наблюдалъ. Онъ слегка вздрогнулъ, раздосадованный этой помѣхой и тѣмъ, что передъ нимъ возстало напоминаніе о томъ, что произошло полчаса тому назадъ: тѣнь падала отъ Мендозы, высокаго, мрачнаго въ своемъ вооруженіи, съ лицомъ бѣлымъ, какъ его сѣдая борода, съ жесткимъ, неподвижнымъ взоромъ. Онъ стоялъ навытяжку, какъ солдатъ на парадѣ, и, въ силу привычки, ждалъ, чтобы король заговорилъ съ нимъ. Филиппъ нахмурилъ брови и почти безсознательно поднялъ руку, давая знакъ музыкѣ стихнуть. Она умолкла на полутактѣ, заставивъ танцующихъ остановиться: и все это волнующееся море свѣта, красокъ, сверкающихъ драгоценностей вдругъ замерло, а глаза всѣхъ обратились къ королю. Внезапный переходъ отъ звуковъ къ безмолвію, отъ движенія къ неподвижности былъ такъ рѣзокъ, что всѣ вздрогнули, словно случилось что-то страшное, словно землетрясеніе поколебало Альказаръ до основанія.

Среди всеобщей тишины раздался голосъ Мендозы; и слышенъ онъ былъ, изъ конца въ конецъ залы.

— Дон-Жуанъ Австрійскій умеръ! Я, Мендоза, убилъ его, безоружнаго!

Долгое время не раздавалось ни звука: ни одинъ мужчина, ни одна женщина не въ состояніи были вымолвить хотя бы слово. Голосъ Филиппа послышался первымъ:

— Этотъ человекъ сошелъ съ ума—проговорилъ онъ съ невозмутимой холодностью.—Позаботьтесь о немъ, Перезъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ Мендоза.—Я не сошелъ съ ума. Я убилъ дон-Жуана. Вы найдете его въ его комнатѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, съ раной въ груди!

Еще мгновеніе длилось молчаніе; а на каменномъ лицѣ Филиппа не замѣтно было ни малѣйшаго движенія. Вдругъ раздался долгій, пронзительный вопль женщины; а затѣмъ разомъ поднялся такой крикъ, какого еще никогда не слышалось въ старой залѣ. То былъ злобный крикъ: онъ требовалъ крови за пролитую кровь. Хотя этотъ крикъ не требовалъ крови Филиппа, король смертельно поблѣднѣлъ и подался на одну ступень. Мендоза стоялъ неподвижно, какъ скала, ожидая, чтобы его схватили.

Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе въ залѣ произошла безумная суматоха. Со всѣхъ сторонъ вдругъ понеслись вопли женщинъ, глубокія завыванія гнѣвныхъ мужчинъ, рѣзкіе крики ярости и ненависти. Мужчины бросились, отталкивая женщинъ. Нѣкоторые пробрались впередъ; но на нихъ напирала толпа сзади.

— Убейте его! Убейте у ногъ короля! Убейте на мѣстѣ!

Вдругъ въ воздухѣ, высоко надъ головами, замерцали синіе огоньки: кто-то обнажилъ рапиру, и она быстро вращалась гибкой кистью. Ее выхватилъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ Мендозы: и разомъ появилась цѣлая дюжина мечей, а затѣмъ—кучи кинжаловъ, острыхъ, короткихъ, крѣпкихъ. Вытянутыя руки бѣшено потрясали ими въ воздухѣ.

— Sangre! Sangre!

Кто-то въ толпѣ испустилъ этотъ дикій крикъ испанскихъ солдатъ: «Крови, крови!» Молодые люди подхватили его и съ бѣшеною яростью бросились впередъ. Кучка стоявшихъ тамъ людей съ трудомъ удерживала небольшое свободное пространство вокругъ короля и Мендозы.

Старикъ не дрогнулъ. Онъ не соблаговолилъ повернуть голову, хотя слышалъ и смертельныя крики позади себя, и быстрые, тихіе звуки кинжаловъ, выхватываемыхъ изъ кожаныхъ ноженъ, и напирающую на него толпу, которая черезъ мгновеніе растерзаетъ его на части своими ножами.

Старый высокій Рюй Гомезъ выступилъ впередъ, чтобы предотвратить убійство; возлѣ него сталъ англійскій посланникъ, спокойно рѣшившійся либо полюбоваться зрѣлищемъ, либо пострадать, предупреждая убійство.

— Назадъ!—загремѣлъ для всѣхъ слышнымъ голосомъ Рюй Гомезъ.—Назадъ, говорю вамъ! ~~Нто въ такомъ~~—испанскіе дворяне, или палачи, желающіе собственноручно пролить кровь этого человѣка? Назадъ!

— Sangre! Sangre!—раздалось въ отвѣтъ.

— Такъ берите сначала мою кровь!—вскричалъ мужественный старый принцъ, разстилая свой короткій плащъ позади себя и прикрывая Мендозу обѣими руками.

Толпа блестящихъ молодыхъ дворянъ то бросалась къ нему, то отступала, движимая искреннимъ уваженіемъ къ его возрасту и положенію, а потомъ опять надвигалась, съ кинжалами въ рукахъ, съ пылающими взорами.

— Sangre! Sangre! Sangre! — кричали она, обѣзумѣвъ отъ бѣшенства.

Вдругъ вошелъ отрядъ королевской гвардіи; осторожный Перезъ поспѣшилъ отворить настежь двери и позвать его. Съ обнаженными мечами, готовые къ отпору, солдаты окружили короля, Мендозу и Рюй Гомеза. При видѣ ихъ шлемовъ и латъ, ихъ аллебардъ съ кисточками, завыванье придворныхъ нѣсколько ослабѣло: оно переходило въ проклятья и клятвы отмстить. Тутъ высокій, острый, рѣжущій, какъ ножъ, голосъ заглушилъ басовый ревъ, хотя никто не зналъ, кому принадлежалъ онъ. Филиппъ чуть не завертѣлся, когда услышалъ слова:

— Вспомните дон-Карлоса! Дон-Жуанъ Австрійскій послѣдовалъ за дон-Карлосомъ и за королевой Изабеллой!

Снова надъ толпой простерлась мертвая тишина; а король оперся на руку Переза. Ненависть какой-нибудь женщины вдругъ открыла истину. А въ залѣ были сотни рукъ, готовыхъ лишить жизни его, а не Мендозу. Филиппъ зналъ это: онъ затрепеталъ.

ГЛАВА V.

Дочерняя жертва.

Тотъ предсмертный крикъ, что раздался первымъ въ тронной залѣ, сорвался съ устъ Инезы. Убѣжавши отъ отца, она укрылась снова въ своемъ убѣжищѣ на галлерей надъ залой. Она не хотѣла идти къ себѣ: вѣдь, нечего было и помышлять объ отдыхѣ, пока такая опасность грозитъ Долоресѣ; ни къ чему не повело бы также вернуться къ дверямъ покоевъ дон-Жуана, гдѣ ее могъ застигнуть отецъ, а пожалуй, и самъ король. И вотъ, она рѣшилась подождать еще часокъ, прежде чѣмъ предпринять что-нибудь. Она снова проскользнула въ галлерею и сѣла на деревянную скамеечку, поставленную тамъ издревле для мавританскихъ женщинъ.

Инеза прислушивалась къ музыкѣ и къ шагамъ танцующихъ тамъ, внизу; и въ гулѣ голосовъ до нея, не разъ доносилось имя дон-Жуана. Она слышала все—и привѣтственные клики, когда придворные вообразили, что онъ идетъ, и голосъ камергера, докладывавшаго о прибытіи короля, и, вслѣдъ затѣмъ, измѣнившійся тонъ голосовъ. Наконецъ, когда слѣпая явственно разобрала каждое слово, сказанное ея отцомъ, и уразумѣла смыслъ его рѣчи, она громко вскрикнула и бѣжала, чтобы, если можно, отыскать сестру и, по всей вѣроятности, наткнуться на тѣло дон-Жуана, распростертое на мраморномъ полу, съ смертельной раной въ груди. Разсуждать она не могла въ эту минуту: чутье подсказало ей, что отецъ, вѣроятно, нашелъ любовниковъ наединѣ и, охваченный внезапнымъ бѣшенствомъ, закололъ дон-Жуана, безоружнаго.

Слезы Долоресы послужили отвѣтомъ на вопросы сестры, когда обѣ дѣвушки лежали, наконецъ, въ объятіяхъ другъ друга. У обѣихъ не оставалось никакого сомнѣнія. Инеза заговорила первая. Она сказала, что скрывалась на галлерей.

— Нашъ отецъ вошелъ въ залу скорѣ послѣ прибытія короля—говорила она отрывисто, точно ее что душило. — Вдругъ музыка умолкла. Я слышала каждое слово. Онъ сказалъ, что совершилъ это... убилъ дон-Жуана... И тогда я бѣжала: я боялась, не убилъ ли онъ и тебя?

— О, если-бъ онъ убилъ меня! — воскликнула Долореса. — Если-бъ Богъ далъ мнѣ умереть рядомъ съ человѣкомъ, котораго я люблю!..

— И мнѣ то же! — простонала Инеза, и начала рыдать такъ же страстно, какъ рыдала Долореса на первыхъ порахъ.

А Долореса молчала, точно у нея вылились слезы всѣ до капли. Она держала сестру въ объятіяхъ и почти безсознательно укачивала ее, какъ ребенка. Но ея мысли быстро прояснились: она была крѣпка. Послѣ перваго припадка отчаянія, ближайшее будущее было ясно ей, какъ настоящее. Когда она заговорила, то уже владела голосомъ: онъ звучалъ ясно и тихо.

— Ты говоришь, что отецъ признался передъ всѣмъ дворомъ, что убилъ дон-Жуана? — спросила она. — Что же потомъ? Сказали что король? Отецъ схваченъ? Можешь ты припомнить?

— Я слыхала только громкіе крики — отвѣчала, всхлипывая, Инеза. — Я бѣжала къ тебѣ скоро, скоро. — Я испугалась.

— Мы ужъ никогда не увидимъ отца, развѣ только на зарѣ, въ день казни.

— Долореса! Они не убьютъ его? — Инеза перестала рыдать: она вдругъ была объята еще бѣльшимъ ужасомъ.

— Онъ умретъ на эшафотѣ — отвѣчала Долореса тѣмъ же яснымъ голосомъ, точно во снѣ, или будто она говорила о вещахъ, не касающихся ея. — Немыслимо, чтобы его простили. Онъ умретъ завтра или послѣ завтра.

Истина предстала въ ея умѣ во всей своей ужасной наготѣ. Кто бы ни совершилъ убійство, разъ Мендоза признался въ немъ, онъ будетъ казненъ: это было несомнѣнно для нея. Она не могла знать, что произошло въ дѣйствительности. Правда, звуки, которые она слышала черезъ дверь, давали поводъ предполагать, что Филиппъ собственноручно совершилъ это дѣло; но нельзя же было сомнѣваться въ словахъ Мендозы, сказанныхъ королемъ наединѣ, надъ трупомъ дон-Жуана, и повторенныхъ передъ большимъ собраніемъ въ тронной залѣ. Одно только объясненіе приходило ей на умъ: отецъ вошелъ въ спальню во время ссоры и, предполагая, что дон-Жуанъ собирается напасть на короля, обнажилъ мечъ и закололъ его, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Было ясно только одно: Мен-

доза пострадаетъ. И—странно!—онъ, казалось, желалъ пострадать за дѣло, совершенное имъ или не совершенное. Мрачный эшафотъ, какъ тѣнь, предсталъ глазамъ Долоресы.

Казалось, ужъ невозможно страдать болѣе того, сколько она выстрадала эту ночь, когда пала на трупъ дон-Жуана, чтобы выплакать сердце надъ своей погибшей любовью. Но теперь она увидѣла, что ей приходится перенести еще болѣе тяжелое горе, и смутно почувствовала, что ей слѣдуетъ предпринять что-то.

Прежде всего слѣдовало позаботиться объ Инезѣ, отвести ее въ безопасное мѣсто: вѣдь, бѣдняжка, была внѣ себя отъ горя. Нынче только, въ полдень, у окна ихъ комнаты, Долореса открыла тайну слѣпой, — тайну, которую врядъ ли подозрѣвала сама Инеза даже теперь, когда отчаяніе доводило ее почти до сѣумасшествія, когда сердце ея было разбито навѣки.

Долореса чувствовала себя почти безпомощной, но все же понимала, что теперь она съ сестрой остаются болѣе одиноки на весь остатокъ своей жизни, чѣмъ если бы онѣ осиротѣли съ дѣтства. Мысль о монастырѣ, которая казалась ей невыносимой лишь часъ тому назадъ, теперь была ея послѣдней надеждой на миръ и безопасность, лишь бы какимъ-нибудь чудомъ спасти отца отъ грозившей ему судьбы. Но спасти его было невозможно. Онъ предалъ себя, словно твердо рѣшилъ умереть. Онъ былъ внѣ себя, онъ со-всѣмъ сошелъ съ ума отъ страха, что дон-Жуанъ погубитъ его дочь. Вотъ почему онъ убилъ его: другой причины не могло быть. Онъ догадался, что она сидитъ запертой въ сосѣдней комнатѣ, и сразу произнесъ надъ ней свой судъ навѣки. До сихъ поръ эта мысль не приходила ей въ голову: теперь это была новая мука, и она падала подъ ея бременемъ, какъ подъ физическимъ ударомъ. Она крѣпко сжала руку сестры и тѣмъ привела въ себя дѣвушку, почти лишившуюся чувствъ.

Неудивительно, что Мендоза совершилъ такое дѣло, если онъ считалъ ее погибшей, потерявшей безвозвратно свою дѣвичью честь. Это поясняло все. Онъ догадался, что она долго была съ дон-Жуаномъ и что тотъ тотчасъ посѣлѣшилъ запереть ее въ комнатѣ, чтобы скрыть отъ глазъ короля. Будь король на мѣстѣ дон-Жуана, люби она Филиппа, какъ любила его брата, отецъ убилъ бы своего монарха,

не задумываясь ни на минуту, и подвергся бы самой мучительной смерти безъ всякаго колебанія. Она была убѣждена въ этомъ: въ ея природѣ было такъ много схожаго съ отцомъ, что ей не трудно было понять это.

Долореса была такъ же невинна, какъ слѣпая, лежащая въ ея объятіяхъ. Но вдругъ ей пришло на умъ, что никто этому не повѣритъ, разъ родной отецъ разувѣрился въ ней. Ея дѣвичья честь, ея доброе имя погибли навѣки, погибли вмѣстѣ съ умершимъ ея возлюбленнымъ: вѣдь, только онъ одинъ могъ доказать свѣту ея невинность! Она теперь мало заботилась о дворѣ; но мнѣніе отца стало ей въ десять разъ дороже. А она знала его, знала, до чего онъ былъ упоренъ въ своихъ убѣжденіяхъ, когда считалъ себя правымъ. Онъ доказалъ это своимъ поступкомъ. Понявъ все, она уже не сомнѣвалась, что именно онъ убилъ дон-Жуана, и вполне предумышленно,—убилъ, чтобы отомстить за ея поруганную честь, зная, что она все услышитъ, какъ это и было на дѣлѣ. Онъ принесъ царскую жизнь въ жертву ея чести. Но ему придется заплатить за нее собственною жизнью, позорно погибнуть изъ-за дочери на эшафотѣ, черезъ нѣсколько часовъ, самое большее — черезъ нѣсколько дней.

Тутъ Долореса вспомнила, что въ этотъ полдень видала слезы у него на глазахъ, слышала дрожаніе его голоса, когда онъ сказалъ ей, что она была всѣмъ для него съ самой смерти матери. И онъ доказалъ это. Пусть онъ убилъ человѣка, котораго она любила; но она ужасалась при мысли о томъ, сколько онъ выстрадалъ изъ-за ея безчестья. Вѣдь, другой причины его поступка не было. И во всей Испаніи не найдется мужчины, женщины, дѣвушки, которая повѣрила бы, что она невинна.

Свѣтъ повѣрилъ бы дон-Жуану, если бы онъ былъ живъ: свѣтъ любилъ его, довѣрялъ ему; онъ никогда не слышалъ лжи изъ его устъ. Ей же никто не повѣритъ, хоть умри она, хоть клянись самыми священными предметами, самою святой правдой. Свѣтъ отвернется отъ нея со смѣхомъ презрѣнія, оставитъ ее наединѣ съ своимъ безчестьемъ; онъ скажетъ, что она не годится даже въ подруги слѣпой сестрѣ, въ ея одинопочествѣ. Король отправить ее въ Ляс-Гуэльгасъ, или въ другой отдаленный монастырь со строгимъ

уставомъ, гдѣ она скоро покончить свою бесполезную жизнь въ скорби и безмолвіи, въ тяжелыхъ эпитиміяхъ. Она склонила голову: это было невыносимо.

Инеза нѣсколько успокоилась. Печально сидѣли сестры, погруженные въ молчаніе, опершись на перила. Онѣ забыли о карликѣ, который скрылся, ~~ожидал, чтобы~~ гдѣ-нибудь въ тѣни, не понадобятся-ли его услуги. Но если онѣ и былъ поблизости, онѣ не видали его. Наконецъ, Инеза заговорила почти шопотомъ, словно у мертвого тѣла.

— Ты здѣсь, дорогая?—спросила она.—Видѣла ли ты все это?

— Я была въ сосѣдней комнатѣ — отвѣчала Долореса.—Я не могла видѣть, но я слышала. Я слышала, какъ онѣ упалъ—прибавила она чуть слышно, задыхаясь.

Инеза вздрогнула и прижалась къ сестрѣ, опираясь на нее, но не зарыдала опять. Она размышляла.

— Не можемъ-ли мы помочь хоть отцу?—спросила она.—Развѣ намъ нечего сказать или сдѣлать? Мы, Долореса, должны бы помочь ему, если можно, хоть онѣ и совершилъ это.

— Богъ свидѣтель, что я отдала бы жизнь свою, чтобъ спасти его! Вѣдь, онѣ былъ внѣ себя, когда нанесъ ударъ. Онѣ сдѣлалъ это ради меня, вообразивъ, что дон-Жуанъ погубилъ мое доброе имя. А мы должны были обвиняться послѣ завтра! Боже мой! Смилуйся надо мной!

Снова ее охватило отчаяніе: оно дѣйствовало на нее, какъ физическая сила, сотрясая ее съ головы до ногъ; она судорожно изгибалась, ломая руки. Инеза, болѣе спокойная, дотрагивалась до нея руками, старалась приласкать ее, не произнося ни слова. Словъ не хватало: вѣдь, теперь все равно жизнь погибла, еле начавшись! Но, вотъ, мало-по-малу острый припадокъ горя прошелъ; Долореса выпрямилась. Инеза же продолжала размышлять: при всемъ своемъ горѣ и ужасѣ, она напрягала всю свою невинную находчивость, чтобы придумать что-нибудь.

— Неужели же нѣтъ средствъ спасти его?—спросила она болѣе про себя, чѣмъ обращаясь къ сестрѣ.—Не можемъ ли мы сказать, что мы были тамъ, что не отецъ его убилъ, а кто-то другой? Можетъ быть, намъ повѣрятъ? Если мы скажемъ судьямъ, что на-

вѣрно, навѣрно знаемъ, что не отецъ убилъ его, не думаешь-ли ты?.. Но тогда... — она умолкла на минуту — тогда сдѣлать это могъ только король!

— Только король—повторила Долореса полусознательно, какъ бы во снѣ.

— Это было бы ужасно — воскликнула Инеза. — Но, знаешь, мы можемъ сказать, что короля тамъ не было, что это сдѣлалъ кто-то другой, намъ незнакомый...

Долореса вдругъ поднялась и положила руку на перила такъ крѣпко, словно сверхъестественная сила внезапно сошла на нее. Инеза продолжала говорить, путаясь въ подробностяхъ, изъ которыхъ старалась составить планъ дѣйствія, и теряя нить всякій разъ, какъ пыталась придумать лживыя показанія: она была правдива, какъ ихъ отецъ. Но Долореса не слушала ея.

— Ничего ты не сдѣлаешь, дитя!—сказала она, наконецъ, твердымъ голосомъ. — Но я могу. Ты навела меня на мысль о томъ, что я могу сдѣлать кое-что... Да, это возможно... Пожалуй, это и послужить къ чему-нибудь. Дай мнѣ подумать.

Инеза молча ждала, а Долореса стояла неподвижно, какъ истуканъ, размышляя о томъ, есть-ли хоть какая-нибудь надежда, что шагъ, на который она рѣшилась, спасетъ ея отца. Мысль, пришедшая ей на умъ, была достойна ея; но жертва была велика. Она думала, что въ свѣтѣ не оставалось ровно ничего, съ чѣмъ бы ей жаль было разстаться, кромѣ *одного*... Это одно и могло быть отнято у нея; а изъ-за него-то отецъ убилъ дон-Жуана и самъ долженъ лишиться жизни. Она можетъ отдать *это*, прежде чѣмъ оно будетъ отнято у нея: и тѣмъ, пожалуй, искупится жизнь отца...

Она еще успѣетъ пожертвовать своимъ добрымъ именемъ, назвать себя тѣмъ, чѣмъ она не была. На словахъ она могла пожертвовать честью покойнику; онъ, вѣдь, не сможетъ встать, не сможетъ ни отрицать этого, ни отказаться отъ ея дара. Ей казалось, что, когда услышатъ ея признаніе, повѣрятъ ей: вѣдь, увидятъ, что это — ея позоръ, такой позоръ, котораго ни одна потерянная дѣвушка не согласилась бы принять на себя предъ людьми. Но это было такъ тяжело! Вѣдь, честь—последнее, что оставалось у нея, такъ какъ ее лишили всего.

не перегибайте сани при чтении!

То не была честь, принятая въ обществѣ, основанная на давно забытыхъ преданіяхъ, зависящая отъ свѣтскихъ условностей. То не была честь, въ силу которой мужчина можетъ безнаказанно погубить доброе имя честной женщины, а долженъ лишить себя жизни, если не въ состояніи заплатить карточный долгъ, сдѣланный другу на-слово. То не была честь, что дозволяетъ человѣку лгать, какъ мошеннику, но предписываетъ требовать и давать удовлетвореніе за воображаемое оскорбленіе, за необдуманное слово. То не была честь, которая такъ же мало походить на рыцарственность, какъ суевѣріе—на истинную вѣру христіанина, такъ же мало напоминаетъ истинное мужество, правдивость и честность, какъ обезьяна—человѣка.

Нѣтъ, это было совсѣмъ не то: и Долореса знала это, какъ знаетъ всякая дѣвушка. Вѣдь, честь женщины, это—вещь, на которой зиждется весь свѣтъ и будетъ зиждиться до скончанія вѣковъ, а такъ-называемая свѣтская честь — не болѣе, какъ выдумкамногихъ столѣтій. Правда, послѣдняя высокородна, она покоилась сначала на возвышенныхъ чувствахъ, въ союзѣ съ молодецкими подвигами. Правда, и теперь попадаютъ честные люди въ этой средѣ. Но эти люди обыкновенно не разглашаютъ о правилахъ чести. И ихъ убѣжденія обратились въ тайное, преслѣдуемое вѣроисповѣданіе, надъ которымъ обыкновенныя ихъ благородія считаютъ приличнымъ смѣяться, опасаясь, чтобы кому-нибудь не вздумалось примѣнить къ нимъ эту невыгодную мѣрку.

Долореса рѣшилась: она не колебалась больше. Но она не могла не бороться сама съ собой: и продолжительна, мучительна была эта борьба, хотя она ясно видѣла, къ чему придетъ, и была тверда. Инеза не понимала, а потому молчала все время.

Стоило сказать слово; но это слово будутъ бросать ей въ глаза всю жизнь. И разъ оно будетъ произнесено, его ужъ не заглушить потомъ никакими другими рѣчами и дѣлами: на ней останется вѣковѣчное клеймо. Но слово это она скажетъ. Она не понимала, что отецъ предпочелъ бы скорѣе умереть за содѣянное или несодѣянное имъ, чѣмъ допустить, чтобы его дочь была обезчещена въ глазахъ свѣта. Такія убѣжденія, можетъ быть, входятъ въ правила мужчинъ; но это не помѣшаетъ ей во что бы ни стало спасти или хоть попытаться спасти жизнь отца.

Противъ чего же она боролась такъ мучительно? Вотъ чего она никакъ не могла понять. Какое ей теперь дѣло до того, что свѣтъ станетъ судачить насчетъ ея выхода изъ міра дѣвственности? Вѣдь, свѣта уже не существуетъ для нея: онъ былъ ничто,—ничто даже въ помышленіи. Весь ея міръ заключался въ возлюбленномъ; а онъ лежалъ мертвымъ у www.lib.ru себя, въ холматѣ. На небесахъ онъ знаетъ, что она такъ же невинна, какъ онъ самъ: ему будетъ извѣстно, что она собирается обвинить себя, чтобы спасти отца. На небесахъ онъ проститъ своему убійцѣ: онъ все пойметъ. А что касается свѣта и его толковъ, то, вѣдь, она знала, что ей придется разстаться съ нимъ: она отправится въ монастырь, тотчасъ послѣ своего признанія. Тамъ она скоро умретъ; и ея незапятнанная душа полетитъ на соединеніе со своимъ возлюбленнымъ въ надзвѣздномъ небѣ.

Да, не было причинъ, почему бы ей тяготиться своимъ намѣреніемъ; а между тѣмъ это было тяжелѣе всего, что только могло пригрезиться ей. Она боролась съ самымъ сильнымъ, самымъ кореннымъ чутьемъ женской природы: и борьба была мучительна.

Долореса представляла себѣ все зрѣлище—дворъ, сѣдыхъ сановниковъ, красивыхъ благородныхъ дамъ, молодцоватыхъ юныхъ воиновъ, легкомысленныхъ царедворцевъ,—всю эту толпу, предъ которой ей придется говорить: она рѣшила признаться при всѣхъ, при всѣхъ покрыть себя позоромъ. Она была бѣла, какъ мраморъ; но когда думала о томъ, что ее ждетъ, кровь бросалась ей въ лицо, стучала въ вискахъ. Она чувствовала, какъ ея глаза опускаются и гордая ея голова клонится долу, подъ разразившейся надъ ней бурей униженія. Она словно уже слышала звуки, которые послѣдуютъ за ея признаніемъ,—рѣзкій, короткій смѣхъ ревности ненавидящихъ ее женщинъ, ропотъ изумленія среди мужчинъ. Потомъ ей представилось, что все это море головъ то опускается, то вздымается передъ ней, какъ волны; искры свѣчей прыгаютъ; щеки ея пылаютъ, какъ пожаръ; у нея кружится голова.

И конецъ всему. Послѣ того ей останется уйти—одной. Женщины вѣроятно отвернутся отъ нея; и ни у одного мужчины не хватитъ духу вывести ее ласково изъ залы. Но все это она готова перенести, ради одной надежды спасти отца. Самое же худшее,

самое мучительное будетъ внутри нея,— что-то, чего она не въ состояніи ни передать словами, ни понять, но что болѣе дѣйствительно, чѣмъ все, что она можетъ опредѣлить. Это нѣчто гнѣздилося въ самой глубинѣ ея сердца, въ тайникѣ ея души—нето отчаяніе стыда, нето безутѣшная тоска о чемъ-то навѣки утраченномъ.

www.libtool.com.cn

Она закрыла свои усталые глаза; рука ея легла тяжело на камни перилъ. То было послѣднее усиліе. Когда Долореса снова взглянула на Инезу, она уже знала, что выживетъ до конца судилища безъ колебаній.

— Иду въ тронную залу,—сказала она спокойно и ласково.— Тебѣ, дорогая, лучше пойти домой; тамъ и жди меня. Иду, попытаюсь спасти жизнь отца,— не спрашивай какъ. Мнѣ потребуется немного времени, чтобы сказать, что нужно,—и тогда я приду къ тебѣ.

Инеза поднялась и стала подлѣ нея, положивъ ей руку на плечо.

— Я пойду съ тобой—сказала она.—Я помогу тебѣ: знаю, что помогу.

— Нѣтъ—внушительно отвѣчала Долореса.—Ты помочь мнѣ не можешь, милая моя; а тебя это огорчить. Ты не должна идти со мной.

— Такъ я остаюсь здѣсь — печально сказала Инеза.—Я буду ближе къ нему—прибавила она чуть слышно.

— Хорошо, оставайся! Я вернусь къ тебѣ, и тогда... тогда мы вмѣстѣ пойдемъ къ нему и помолимся. Вѣдь, душа его услышитъ насъ... Пойдемъ и попросимся съ нимъ... вмѣстѣ.

Голосъ ея почти не дрожалъ, а смертельнаго выраженія ея бѣлаго лица Инеза не видала. Долореса обняла ее и горячо разцѣловала въ лобъ, въ слѣзные глаза. Она прижала ея головку къ своему плечу и тихо ласкала и приглаживала черные волосы дѣвушки.

— Я вернусь — сказала она.—И вотъ еще что, Инеза: тебѣ извѣстна истина, моя дорогая. Что бы дурнаго ни говорили обо мнѣ послѣ этой ночи, помни, что я сама оклеветала себя ради спасенія отца, и что это—неправда.

— Да кто же повѣрить этому?—воскликнула Инеза.—Никто не повѣритъ ничему дурному о тебѣ.

— Но тогда нашъ отецъ умереть.

Долореса поцѣловала сестру еще разъ, усадила ее, повернулась—и исчезла. Она быстро прошла по корридорамъ и спустилась со второй лѣстницы, чтобы войти въ тронную залу черезъ боковую дверь, предоставленную служащимъ при дворѣ и фрейлинамъ. Она шла быстро, высоко поднявъ голову, придерживая рукой складки плаща на груди; другая рука висѣла вдоль тѣла, сжимаясь, словно она собиралась нанести ударъ.

Когда Долореса достигла дверей, сердце ея на минуту перестало биться, глаза закрылись. Она слышала гулъ голосовъ и знала, что придворные еще не разошлись. Пусть-же весь свѣтъ слышитъ ее, даже король, если онъ еще тамъ: такъ-то лучше! Она толкнула дверь и вошла, сбросивъ на полъ, у порога, темный плащъ, скрывавшій ея придворный нарядъ. Съ полдюжины молодыхъ дворянъ, собравшихся кучками у входа, пропустили ее.

Когда они ее узнали, ихъ голоса оборвались: они были поражены ея появленіемъ въ такую пору. Ей навѣрно не было извѣстно, что произошло, подумали они. Что касается толпы въ залѣ, то никто не стѣснялся въ рѣчахъ: раздавались такія слова, которые считались бы государственной измѣной лишь полчаса раньше. Чувствовалось напряженіе, слышался шумъ, гудѣлъ неумолкаемый говоръ: въ воздухѣ такъ всегда бываетъ при великихъ дворцовыхъ переворотяхъ.

У подножія трона была особенная толкотня,—именно тамъ, гдѣ только-что стояли король и Мендоза: послѣ того, какъ они ушли, окруженные и охраняемые стражей, царедворцы проталкивались впередъ; а тѣ, которые были у дальнѣйшихъ дверей и въ сосѣднихъ покояхъ, протиснулись въ залу, такъ что не было свободного мѣста. Долоресѣ было трудно пройти впередъ. Нѣкоторые, съ тихими возгласами удивленія, пропускали ее; другіе же, не глядя на нее, невольно задерживали ея движенія.

— Будьте добры, пропустите меня! — сказала она наконецъ ласково.—Я—Долореса де-Мендоза.

При этомъ имени, тѣ, что застилали проходъ, вздрогнули и про-

пустили ее. Она направилась прямо къ принцу Эболи, стоявшему близъ ступеней престола. Англіійскій посланникъ, рѣшившій остаться до тѣхъ поръ, пока будетъ что наблюдать, все еще стоялъ возлѣ принца. Долореса, нисколько не колеблясь, обратилась къ Эболи.

— Дон-Рюй Гомезъ! — сказала она. — Прошу помочь мнѣ. Мой отецъ не виновенъ: я могу доказать это. Но дворъ долженъ выслушать меня: каждый долженъ узнать правду. Окажете-ли вы мнѣ помощь? Можете-ли вы заставить ихъ выслушать меня?

Рюй Гомезъ посмотрѣлъ на блѣдное, но рѣшительное лицо Долоресы съ вѣжливымъ изумленіемъ.

— Я къ вашимъ услугамъ — отвѣчалъ онъ. — Но что вы хотите сказать? Дворъ опасно настроенъ сегодня.

— Но я должна сказать имъ все — отвѣчала Долореса. — Я не боюсь. То, что я имѣю сказать, нельзя говорить два раза... даже если бы у меня хватило силъ на это. Я могу спасти отца...

— Зачѣмъ же вы не обратитесь прямо къ королю? — возразилъ принцъ, который боялся, чтобы не произошло смуты.

— Ради Бога, помогите мнѣ сдѣлать то, что я хочу! — Долореса ухватила за его руку; она говорила съ трудомъ. — Дайте мнѣ высказать имъ все, объяснить имъ, какъ я знаю, что не отецъ совершилъ убійство. А потомъ отведите меня къ королю, если угодно.

Она просила такъ серьезно, что онъ не противорѣчилъ ей больше. Онъ былъ хорошо знакомъ съ настроеніемъ придворныхъ и потому увѣренъ, что все, что послужить доказательствомъ невинности Мендозы, будетъ принято охотно именно теперь. Проникнутый вѣрно-подданныческими чувствами, принцъ былъ далекъ отъ желанія напавить подозрѣніе на короля; однако, будучи человѣкомъ справедливымъ, онъ былъ бы радъ, еслибъ оказалась возможность доказать невинность Мендозы.

— Идите за мной! — сказалъ онъ, взявъ Долоресу за руку, и возвелъ ее на первыя три ступеньки помоста, такъ что она могла смотрѣть поверхъ головъ присутствующихъ.

Не время было думать о придворныхъ обрядностяхъ или обычаяхъ: въ воздухѣ висѣла бѣда. Рюй Гомезъ вытянулся во весь

свой громадный ростъ и поднялъ руку, въ которой держалъ свои бѣлыя перчатки, чтобы привлечь вниманіе придворныхъ. Черезъ нѣсколько минутъ наступила тишина. Эти нѣсколько минутъ показались Долоресѣ цѣлымъ часомъ пытки. Рюй Гомезъ возвысилъ голосъ:

— Госнода гранды! Дочь дон Дьеса де-Мендозы, стоящая здѣсь возлѣ меня, хочетъ доказать вамъ, что онъ неповиненъ въ смерти д-н Жуана Австрійскаго!

Не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ раздался громкій крикъ, похожій на звонкое привѣтствіе. Но Рюй Гомезъ снова поднялъ руку.

— Выслушайте донью Марию Долоресу де-Мендоза! — вскричалъ онъ.

Затѣмъ принцъ немного отступилъ и глянулъ на нее. Она была смертельно блѣдна; губы ея дрожали; глаза походили на стекло. Одну руку она еще прижимала къ груди; другая висѣла безжизненно, а пальцы руки судорожно перебирали складки платья. Прошло нѣсколько секундъ, пока она въ состояніи была заговорить.

— Гранды Испаніи! начала она.

При первыхъ же словахъ, голосъ ея окрѣнъ, такъ что былъ слышенъ съ одного конца залы до другого, ясный и дрожащій. Наступила мертвая тишина, какъ только раздался этотъ голосъ.

— Мой отецъ признался въ ужасномъ преступленіи. Онъ не виновенъ. Онъ никогда не поднималъ бы руки на дон Жуана Австрійскаго, какъ не поднималъ бы ея на самого короля. Я не могу сказать, почему онъ пожелалъ пожертвовать своею жизнью, принявъ на себя чужую вину. Знаю одно: онъ не совершилъ убійства. Вы спросите, какимъ образомъ я узнала это, чѣмъ могу доказать? Я была тамъ. Я, Долореса де-Мендоза, его дочь, скрывалась тамъ, въ комнатѣ моего любовника, когда его убили. Пока онъ былъ живъ, я отдала ему все, мою любовь, сердце, душу, мою дѣвичью честь: сегодня ночью я была тамъ, была съ нимъ долго, долго. Но теперь онъ умеръ—и я плачу за жизнь отца моею честью. Онъ не долженъ умереть: онъ не виновенъ. Гранды Испаніи, люди чести, онъ не долженъ умереть! Вѣдь, онъ—одинъ изъ васъ; и это гнусное дѣло не имъ совершено!

Она умолкла. Вѣки ея опустились, глаза закрылись на-половину. Она немного зашаталась. Гомезъ быстро шагнулъ къ ней и поддержалъ ее, думая, что она теряетъ сознание. Но она прикусила губы, заставила себя открыть глаза и бросила еще одинъ взглядъ на толпу.

— Вотъ и все! ~~и прощай~~ ~~она~~ ~~стихи~~ ~~мъ~~, но отчетливымъ голосомъ.—Свершилось! Я—погибшая женщина! Помогите мнѣ уйти.

Старый принцъ нѣжно свелъ ее со ступенекъ. Молчаніе длилось долго послѣ того, какъ она высказалась. Затѣмъ толпа снова загалдѣла, но уже не такъ громко. Все произошло такъ, какъ она предвидѣла. Послышался презрительный женскій смѣхъ. Когда Долореса проходила мимо, она видѣла, какъ старыя доньи отстранялись отъ нея, а молодыя смотрѣли на нее съ упорнымъ любопытствомъ, словно она была дикое животное, къ которому опасно приближаться, но стоитъ присмотрѣться издали.

Но мужчины придвигались къ ней, когда она проходила; и она слышала, какъ они говорили другъ другу, что это—мужественная женщина, рѣшившаяся на такое средство для спасенія своего отца. Раздавались горячія похвалы. Одинъ сказалъ громко, что готовъ бы умереть за дѣвушку, обладающую такимъ преданнымъ сердцемъ; а другой прибавилъ, что если бы она могла забыть дон-Жуана, онъ женился бы на ней. Все это говорилось съ уваженіемъ, серьезно, отъ полноты восхищенія.

Наконецъ Долореса дошла до двери. Она приостановилась, чтобы сказать нѣсколько словъ до своего ухода.

— Спасла ли я ему жизнь?—спросила она, глядя въ ласковое лицо стараго принца.—Повѣрили ли они мнѣ?

— Они вѣрятъ вамъ,—отвѣчалъ онъ.—Но жизнь вашего отца въ рукахъ короля. Вамъ слѣдовало бы идти немедленно къ его величеству. Идти мнѣ съ вами? Думаю, онъ согласится допустить васъ къ себѣ, если я попрошу.

— Но что могу я сказать королю?—спросила Долореса.—Онъ былъ тамъ. Онъ видѣлъ все. Онъ знаетъ правду!

Врядъ ли она понимала, что говорила.

ГЛАВА VI.

Допросъ невиннаго убійцей.

Рюй Гомезъ былъ, въ своемъ родѣ, такой же вѣрноподданный, какъ и Мендоза. Но его вѣрность была совсѣмъ иная: она умѣрялась дипломатическимъ умомъ, и потому при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, могла оказать болѣе цѣнныя услуги. Предметомъ ея было скорѣе общее начало, чѣмъ личность. Мендоза не могъ представить себѣ монархію отвлеченно, безъ живого образа, который воплощался для него въ королѣ Филиппѣ; Рюй Гомезъ не могъ представить себѣ міръ безъ испанской монархіи, но онъ отлично видѣлъ слабости своего государя и возмущался его преступленіями. Онъ самъ легко поддавался обману, какъ случается часто съ добрыми людьми: онъ-то предоставилъ королю его новаго секретаря, Антонію Переза.

Но въ ту минуту, когда Мендоза объявилъ о смерти дон-Жуана, Рюй Гомезъ былъ убѣжденъ, что преступленіе было либо дѣломъ рукъ самого Филиппа, либо совершено по его приказанію, и что Мендоза молодецки пожертвовалъ собой для охраны своего государя. Слова Долоресы укрѣпили его въ этомъ мнѣніи, но крайней мѣрѣ относительно невинности ея отца. Что же касается ея личнаго признанія, то онъ вѣрилъ ему, но противъ воли не могъ не восхищаться мужествомъ дѣвушки-героини. Если бы даже Долореса была въ десять разъ хуже, чѣмъ выходило по ея собственному признанію, все же она осталась бы образцомъ всякихъ добродѣтелей, въ сравненіи съ его женой, хотя онъ не зналъ и половины похвальныхъ послѣдней, а объ ея отношеніяхъ къ королю и не подозрѣвалъ.

Принцъ нисколько не удивился, когда Долореса сказала ему у дверей, что Филиппу извѣстна истина предполагаемаго убійства; но онъ видѣлъ, насколько опасно было бы для нея сказать что-нибудь подобное въ присутствіи придворныхъ. Она хотѣла уйти одна, какъ пришла; но онъ настаивалъ на томъ, чтобы сопровождать ее.

— Вы должны повидаться съ его величествомъ—сказалъ онъ внушительно.—Я постараюсь устроить это сейчасъ-же. Но умоляю

васъ быть осторожной, моя дорогая, хотъ ради вашего отца, если не по другимъ причинамъ. Вы и безъ того сказали слишкомъ много. Съ вашей стороны это было не умно, хотя вы и выказали удивительное мужество. Вы—поистинѣ родная дочь вашего отца. Онъ—одинъ изъ лучшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ въ своей жизни.

— Легко быть мужественной, когда стоишь на краю могилы! — тихо проговорила Долореса.

— Мужайтесь, дорогая, мужайтесь!—отвѣчалъ старикъ отеческимъ тономъ, въ то время какъ они подвигались впередъ.—Вы не такъ мужественны, какъ полагаете, если говорите о смерти. Ваша жизнь еще впереди!

— Мнѣ мало осталось жить. Я бы желала умереть скорѣй.

Она еле говорила: послѣ такого потрясенія, наступило неизбежное и удручающее ослабленіе. Она опустила одну руку и схватилась другой за руку своего спутника. Онъ быстро провелъ ее въ маленькую прихожую короля, которая была открыта для него, въ силу особеннаго преимущества. Они вошли въ небольшую пріемную, гдѣ стояло нѣсколько стульевъ и мраморный столъ, на которомъ горѣли двѣ толстыя восковыя свѣчи. Долореса опустилась на стулъ и откинулась на его спинку, закрывъ глаза. Рюй Гомезъ пошелъ въ переднюю и перекинулся нѣсколькими словами съ дежурнымъ камергеромъ. Онъ почти тотчасъ же вернулся.

— Вашъ отецъ наединѣ съ королемъ—сказалъ онъ.—Намъ придется подождать.

Долореса еле слыхала его слова. Она не перемѣнила положенія, не открыла глазъ. Старикъ посмотрѣлъ на нее, вздохнулъ и сѣлъ возлѣ очага съ древесными углями. Онъ медленно грѣлъ свои прозрачныя руки надъ огнемъ, ворочая отъ времени до времени кольцо на пальцахъ, точно грѣя и ихъ. Въ передней дежурный камергеръ медленно ходилъ взадъ и впередъ мимо открытыхъ дверей, черезъ которыя поглядывалъ на лицо Долоресы. Эта передняя была ни больше, ни меньше, какъ короткій, широкій корридоръ, съ дверью въ кабинетъ короля. Впрочемъ тамъ были и другія двери, и черезъ нихъ-то личные покои короля сообщались съ залой параднаго отдѣленія.

Мендоза былъ дѣйствительно съ королемъ, какъ сообщили Рюй Гомезу, но не наединѣ. Старый офицеръ стоялъ на одной сторонѣ

комнаты; вытянувшись съ мрачнымъ видомъ, а король Филиппъ сидѣлъ напротивъ него въ высокомъ креслѣ, устремивъ свои неподвижные глаза на огонь, пылавшій въ обширномъ каминѣ, откуда по временамъ вырывались желтые снопы, прорѣзывавшіе спокойный свѣтъ десятковъ свѣчей, горѣвшихъ въ высокихъ подсвѣчникахъ.

Отдѣльно, у стола, сидѣлъ Антонио Перезъ, секретарь. Онъ былъ окруженъ письменными принадлежностями, и, повидимому, заносилъ на бумагу разговоръ Филиппа съ Мендозой. Отъ времени до времени Филиппъ предлагалъ вопросы, на которые Мендоза отвѣчалъ страннымъ, не своимъ голосомъ. Между вопросами были длинные промежутки.

— Вы говорите, что давно питали чувство злобы къ его высочеству?—спросилъ король.—Вы признаетесь въ этомъ?

— Прошу извиненія у вашего величества. Я не говорилъ: злобы. Я сказалъ, что давно замѣчалъ страсть его высочества къ моей дочери съ великимъ беспокойствомъ.

— Развѣ онъ такъ сказалъ, Перезъ?—спросилъ Филиппъ секретаря, не глядя на него.—Прочтите.

— Онъ сказалъ: «Я давно злобствовалъ на восхищеніе его высочества моей дочерью»—прочелъ Перезъ записанное.

— Вотъ видите!—сказалъ король.—Вы злобствовали: это и есть злоба. Это вѣрно. Будьте же осторожны, Мендоза: вѣдь, ваши слова завтра же будутъ свидѣтельствовать противъ васъ. Говорите точно то, что думаете, и ничего больше.

Мендоза наклонилъ голову какъ-то гордо: онъ ненавидѣлъ Антонио Переза; а король повидимому разыгрывалъ какую-то комедію ради своего секретаря. Это показалось ему недостойнымъ дивертисментомъ посреди торжественной трагедіи.

— Почему вы злобствовали на ухаживанье его высочества за вашей дочерью?—спросилъ Филиппъ, продолжая свой допросъ.

— Потому что я никогда не думалъ, чтобы оно могло окончиться дѣйствительнымъ бракомъ—смѣло отвѣтилъ Мендоза.—Я полагалъ, что мое дитя станетъ игрушкой и забавой дон-Жуана Австрійскаго; а если бы даже его высочество и женился на ней, этотъ бракъ скоро былъ бы признанъ недѣйствительнымъ, чтобы ему можно было жениться на болѣе значительной особѣ.

— Запишите эти слова—рѣзко сказалъ Филиппъ секретарю.— Запишите ихъ въ точности! Это важно.

Онъ ждалъ, пока не остановилось перо секретаря; затѣмъ вдругъ спросилъ:

— Какимъ же образомъ бракъ, освященный нашей святой церковью, можетъ быть объявленъ недействительнымъ?

— Весьма легко, если бы такова была воля вашего величества— неосторожно отвѣчалъ Мендоза, начинавшій понемногу горячиться.

— Запишите и этотъ отвѣтъ, Перезъ. Другими словами, Мендоза, вы полагаете, что я такъ мало уважаю таинство брака, что готовъ во всякое время объявить его недействительнымъ, въ угоду моимъ политическимъ соображеніямъ. Такъ вы думаете?

— Я этого не говорилъ, государь. Я только сказалъ, что если бы даже дон-Жуанъ женился на моей дочери...

— Я отлично знаю, что вы сказали — перебилъ его король мягкимъ голосомъ.—Перезъ все записалъ, каждое слово.

Злые, черные глаза секретаря оторвались отъ бумаги; онъ глянулъ на Мендозу и медленно кивнулъ головой. Онъ отлично понималъ положеніе дѣла; а старый воинъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы подозрѣвать истину.

— Я публично признался въ убійствѣ дон-Жуана, безоружнаго— сказалъ онъ рѣзко.—Развѣ этого недостаточно?

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ Филиппъ, слегка улыбаясь.—Этого недостаточно. Мы должны еще знать, почему вы совершили такое гнусное преступленіе? Вы, я вижу, не понимаете, что если я здѣсь, лично, дѣлаю вамъ допросъ, то лишь потому, что желаю избавить васъ отъ униженія подвергнуться допросу предъ судомъ и, по всей вѣроятности, подъ пыткой. Вы должны бы быть очень благодарны мнѣ, мой дорогой Мендоза.

— Благодарю, ваше величество—холодно сказалъ мужественный старый солдатъ.

— Ладно. И такъ намъ извѣстно, что вы давно питали ненависть къ его высочеству. И вы, вѣроятно, рѣшили нѣсколько времени тому назадъ убить его, когда онъ вернется.

Король помолчалъ немного, потомъ прибавилъ:

— Будете ли вы отрекаться отъ того, что еще сегодня въ

полдень поклялись, что убьете дон-Жуана на мѣстѣ, при первой попыткѣ его повидаться съ вашей дочерью?

Мендоза былъ захваченъ врасплохъ: онъ смотрѣлъ на Филиппа растерянными глазами.

— Вѣдь, вы сказали это, не такъ-ли? — спросилъ король, настаивая на этомъ предметѣ. — Обращаюсь къ вашей чести. Скажите, говорили вы это или нѣтъ?

— Да, я сказалъ это — отвѣтилъ, наконецъ, Мендоза. — Но какимъ образомъ ваше величество могли узнать, что я сказалъ эти слова?

Огромная нижняя губа короля выпятилась; двѣ отвратительныя морщинки удовольствія обозначались на его безцвѣтныхъ щекахъ. Его челюсти медленно задвигались, словно онъ смаковалъ что-то вкусное.

— Я все знаю! — медленно проговорилъ онъ. — Мнѣ служить хорошо въ моемъ собственномъ домѣ. Перезъ, будьте внимательны. Записывайте все. Мы также знаемъ, я такъ полагаю, что ваша дочь сегодня вечеромъ имѣла свиданіе съ его высочествомъ. Вы безъ сомнѣнія узнали объ этомъ, какъ узнали другіе. Дѣвочка неосторожна. Признаетесь ли, что вы знали объ ихъ вечернемъ свиданіи?

Мендоза сжалъ зубы, какъ подъ тѣлесной пыткой. Брови его нахмурились; а когда Перезъ поднялъ голову, онъ бросилъ на него взглядъ до того полный ненависти и гнѣва, что секретарь не могъ выдержать. Король, въ глазахъ Мендозы, была личность священная, полубожественная, а потому имѣлъ право предлагать какіе угодно вопросы, и, въ теоріи, онъ не былъ способенъ дѣлать зло; но дон-Діего де-Мендозѣ было невыносимо, что эта гладкая черная лисица имѣла право слушать, какъ онъ будетъ признаваться въ безчестьи своей дочери. Антоніо Перезъ не былъ проходивцемъ низкаго происхожденія, какъ многіе напрасно предполагали: его отецъ занималъ при дворѣ почетное мѣсто. Но онъ далеко не могъ считаться равней человѣку, хотя бѣдному и далеко не изъ первыхъ въ собственномъ родѣ, но все-таки обладавшему однимъ изъ почетнѣйшихъ въ Испаніи именъ.

— Пусть ваше величество велитъ уйти дон-Антоніо Перезу — смѣло сказалъ Мендоза. — Тогда скажу вашему величеству все, что знаю.

Перезъ улынулся, склоняясь надъ своими замѣтками: онъ зналъ, какого рода отвѣтъ послѣдуетъ на эту просьбу. Отвѣтъ былъ рѣзокъ.

— Выборъ слушателей не предоставляется человѣку, уличенному въ убійствѣ. Отвѣчайте на мои вопросы или молчите! Сознаетесь ли вы, что вамъ извѣстно было сегодняшнее свиданіе дочери вашей съ дон-Жуаномъ?

Губы Мендозы крѣпко сжались подъ его сѣдой бородой: онъ не произнесъ ни слова. Онъ понялъ буквально слова короля.

— Ну, что же вы скажете?

— Ничего, государь, разъ ваше величество разрѣшили мнѣ молчать.

— Это безразлично—равнодушно проговорилъ Филиппъ. — Запишите, что онъ отказывается отвѣчать, Перезъ. Запишите, что это молчаніе равняется признанію: вѣдь, въ противномъ случаѣ, онъ отрицалъ бы. Однако его молчаніе послужить поводомъ передать дѣло на разсмотрѣніе суда, въ обычномъ порядкѣ—повторилъ онъ, пристально взглядывая на Мендозу и подчеркивая эти слова.

— Разъ я не отрицаю совершеннаго мною дѣла, то умоляю ваше величество дозволить мнѣ поскорѣй понести казнь за него. Богу извѣстно, что я готовъ умереть. Пусть я умру завтра утромъ или сегодня ночью. Вашему величеству стоитъ для этого только подписать приговоръ, который безъ сомнѣнія уже приготовленъ дон-Антоніо Перезомъ.

— Нисколько, нисколько!—отвѣчалъ король съ ужасной холодностью.—Я желаю, чтобы вы воспользовались правымъ и гласнымъ судомъ, чтобы вамъ дана была полная возможность оправдаться. Здѣсь немыслима тайна. Такое ужасное преступленіе должно разбираться вполнѣ всевародно. Мнѣ очень тяжело вспоминать прошлое; но вы должны помнить, что послѣ того, какъ Богу, въ его безконечной справедливости, угодно было лишить меня моего несчастнаго сына, дон-Карлоса, наслѣдника престола, нашлось достаточно злоумышленныхъ и печестивыхъ людей, которые прямо утверждали, будто я сократилъ его жизнь разными безчеловѣчными жестокостями. Нѣтъ, нѣтъ, намъ необходима полная гласность! Подумайте, какая это была бы ужасная вещь, если бы кто-нибудь осмѣлился предпо-

ложить, что родной братъ мой былъ убитъ съ моего согласія! Вы слишкомъ любите свою родину, чтобы не опасаться подобнаго исхода. Хотя вы и убили хладнокровно моего брата, все же я слишкомъ справедливъ, чтобы забыть, что вы доказали свое отчизнолюбіе въ теченіе долгой и до сихъ поръ непорочной жизни. Я обязанъ слѣдить, чтобы причины ~~вашего ужаснаго преступленія~~ были совершенно ясны моимъ подданнымъ, — такъ, чтобы не оставалось ни малѣйшихъ сомнѣній даже въ умахъ самыхъ предубѣжденныхъ. Понимаете? Повторяю, если я соблаговолить допросить васъ лично, то лишь изъ благодарнаго желанія избавить стараго воина отъ мукъ и терзаній судебного допроса. Поняли?

— Я понимаю это и многое еще — отвѣтилъ Мендоза тихимъ, но свирѣлымъ голосомъ.

— Нѣтъ никакой надобности, чтобы вы понимали или воображали, что понимаете, болѣе того, что я сказалъ — холодно отвѣчалъ король. — Въ какое время вы отправились въ покои его высочества, сегодня вечеромъ?

— Ваше величество знаете.

— Ничего подобнаго я не знаю — сказалъ король совершенно спокойно. — Вы были дежурнымъ послѣ ужина. Затѣмъ вы соупутствовали мнѣ до моихъ покоевъ. Я уже послалъ за Перезомъ, который тотчасъ же явился, и мы съ нимъ занялись здѣсь дѣлами. Потомъ я вернулся въ тронную залу. Пять минутъ спустя, явились туда и вы и сознались въ убійствѣ. Не такъ ли, Перезъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, государь — отвѣтилъ секретарь серьезно. — Ваше величество работали со мной приблизительно съ часъ, прежде чѣмъ вернулись въ тронную залу.

— А ваше величество не ходили съ мной въ покои дон-Жуана Австрійскаго, по потайной лѣстницѣ? — спросилъ Мендоза, пораженный, какъ громомъ, этой чудовищной ложью.

— Съ вами? — вскричалъ король, великолѣпно притворяясь изумленнымъ. — Что это еще за безуміе? Не записывайте этого, Перезъ! Я увѣренъ, что этотъ человѣкъ сошелъ съ ума.

Мендоза громко застоналъ: онъ увидѣлъ, что былъ ужаснымъ образомъ обманутъ. Движимый своимъ великодушіемъ, онъ взялъ на себя вину за содѣянное преступленіе, готовый во всякое время уме-

реть, чтобы спасти имя короля, и разстаться съ своей жалкой жизнью. Но онъ разсчитывалъ на быструю, милостивую смерть, которая наступитъ черезъ нѣсколько часовъ. О, если-бъ онъ могъ подозревать, чему Филиппъ намѣревался подвергнуть его, — гласному суду за убійство, котораго онъ не совершилъ, преданію общему презрѣнію и общей ненависти въ теченіе нѣлькихъ дней, а можетъ быть, и недѣль, пока будетъ тянуться безконечное судьбище! Знай онъ это, ни его вѣрность, ни желаніе смерти не могли бы заставить его гордость принести такую жертву. А теперь онъ видѣлъ, что попалъ въ тиски, и что даже если бы онъ согласился прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, взять назадъ данное слово, его не спасетъ попытка обвинить короля.

У него не было свидѣтелей, кромѣ него самого. Дон-Жуанъ умеръ, а безбожный Перезъ готовъ поклясться, что Филиппъ не уходилъ изъ комнаты, въ которой они заперлись вдвоемъ. Не было ни единаго живого существа, которое могло бы доказать, что Мендоза вовсе не ходилъ одинъ къ дон-Жуану, съ предвзятымъ намѣреніемъ убить его.

Правда, онъ ходилъ къ главному привратнику за ключемъ и сказалъ, что король требуетъ этотъ ключъ. Но кто докажетъ, что онъ не воспользовался именемъ короля, чтобы добыть ключъ для себя, зная, что его дочь скрывается въ другой комнатѣ? Онъ, безумецъ, воображалъ, что король пошлетъ за нимъ; пожелаетъ повидаться съ нимъ наединѣ передъ его смертью; что его монархъ поблагодаритъ его за услугу, стоившую ему жизни, поцѣлуетъ его и пошлетъ на смерть ради блага Испаніи, ради божественнаго права власти. Какъ горько онъ обманулся!

— Вы говорите — немилосердно продолжалъ Филиппъ — что убили его высочество безоружнымъ. Правда это?

— Его высочество былъ безоруженъ — сказалъ Мендоза сквозь стиснутые зубы: онъ страдалъ невыносимо.

— Безоруженъ — повторилъ король, кивая головой Перезу, который быстро записалъ эти слова. — Вы могли бы предоставить ему хоть какую-нибудь надежду на жизнь. Это было бы приличіе для солдата. Говорили ли вы съ нимъ, прежде чѣмъ броситься на него? Не было ли у васъ какой ссоры?

— Никакой. Мы не говорили другъ съ другомъ.

Мендоза старался встрѣтиться взорами съ королемъ, но Филиппъ и не взглянулъ на него.

— Не было ссоры—сказалъ король, взглядывая на Переза.— Стало быть, убійство было намѣренно. Запишите это: это очень важно. Полагаю, вы врядъ ли могли заколотъ его сзади. Заслышавъ ваши шаги, онъ вѣроятно обернулся къ вамъ. Куда вы его ранили?

— Рана, отъ которой скончался его высочество, находится возлѣ сердца.

— Жестоко!—Филиппъ посмотрѣлъ на собственныя руки и очень печально покачалъ головой.—Жестоко, очень жестоко!—тихо повторилъ онъ.

— Признаюсь, это было очень жестокое дѣло — сказалъ Мендоза, пристально глядя на короля.—Тутъ ваше величество совершенно правы.

— Когда вы видались со своей дочерью? До убійства, или послѣ?—спокойно спросилъ король.

— Я не видалъ дочери послѣ убійства.

— Но вы видѣли ее до совершенія его? Будьте внимательны, Перезъ. Записывайте каждое слово. Вы сказали, что видѣли дочь свою до того, какъ совершили убійство?

— Этого я не говорилъ—твердо отвѣтилъ Мендоза.

— Ну, разница не велика—сказалъ король.—Если бы вы видѣли ее въ обществѣ его высочества, то убійство не было бы совершено такъ хладнокровно,—вотъ и все! Тогда можно было бы объяснить его естественнымъ вызовомъ.

Въ эту минуту у двери раздался шорохъ, какъ будто кто царапается. По принятому правилу, такъ спрашивалось разрѣшеніе войти въ кабинетъ короля, по неотложному дѣлу. Перезъ немедленно всталъ. Король сдѣлалъ ему знакъ головой, — и онъ направился къ дверямъ. Дверь пріотворилась: кто-то вручилъ ему сложенную бумагу на серебряномъ подносѣ. Онъ приблизился къ Филиппу, почтительно опустилсѣ на одно колѣно и подаль ему подносъ. Филиппъ взялъ записку и раскрылъ ее, а Перезъ вернулся къ своему столу.

Король осторожно раскрывалъ листочки. Въ комнатѣ было такъ тихо.

Дон-Жуанъ.

свѣтло, что онъ могъ свободно прочесть его, не вставая съ мѣста. Филиппъ сначала быстро пробѣжалъ письмо до конца, потомъ прочелъ его вторично съ большимъ вниманіемъ. Въ его лицѣ не замѣтно было ни малѣйшей переменъ, пока онъ снова складывалъ письмо, придавая ему совершенно прежній видъ. Послѣ этого онъ нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе. Перезъ сидѣлъ, готовый писать; онъ двигалъ перомъ безсознательно, точно писалъ на воздухъ, и пристально глядѣлъ на огонь, поглощенный своими мыслями, хотя слухъ его былъ насторожѣ.

— Вы отказываетесь сознаться, что дочь ваша была у дон-Жуана, гдѣ вы ее и застали?—спросилъ король.

— Я не заставлялъ ихъ вмѣстѣ — отвѣтилъ Мендоза.—Я уже сказалъ это.

Онъ выходилъ изъ себя отъ этого долгаго перекрестнаго допроса.

— Вы этого не говорили. У меня очень хорошая память; но если бы она мнѣ измѣнила, то, вѣдь, у насъ все записано. Помнится, вы просто отказались отвѣчать, когда я спросилъ васъ, было ли вамъ извѣстно ихъ свиданіе: значить, оно было извѣстно вамъ. Не такъ ли, Перезъ?

— Точно такъ, ваше валичество!

Секретарь отыскалъ это мѣсто въ своихъ замѣткахъ.

— Такъ вы упорно отказываетесь признаться, что до убійства имѣли положительныя доказательства о проступкѣ вашей дочери?

— Я не могу признаться въ этомъ, государь: это была бы ложь.

— Но дочь ваша потомъ сама созналась въ этомъ — сказалъ король, подымая сложенную записку и уставившись, наконецъ, глазами въ лицо своей жертвы.

Мендоза поблѣднѣлъ сильнѣе прежняго, если только это было возможно. Онъ замѣтно вздрогнулъ, услыхавъ слова короля.

— Этому я никогда не повѣрю!—вскричелъ онъ голосомъ, въ которомъ однако ясно слышался страхъ за свое дитя.

— Всего нѣсколько минутъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эта записка была написана—спокойно сказалъ Филиппъ. —Ваша дочь вошла въ тронную залу и обратилась ко двору, ставши на сту-

пеньки трона,—весьма неприличный поступокъ, котораго Рюй Гомезъ не долженъ былъ бы допустить. Ваша дочь Долореса... Такъ, кажется, ее зовутъ?.. Да, такъ ваша дочь Долореса созналась, при глубокомъ безмолвіи присутствующихъ... Это до того чудовищно, что я едва могу рѣшиться повторить... Созналась, что она сдалась на пристававанья его высочества, и сегодня вечеромъ пробыла долгое время у него въ комнатѣ: она именно была въ его спальнѣ въ ту минуту, когда его убили.

— Но это ложь!—страстно вскричалъ Мендоза.—Это—отвратительная ложь! Ея не было въ спальнѣ!

— Она сказала, что была—отвѣтилъ Филиппъ.—Полагаю, вы не станете подозрѣвать дѣвушку въ томъ, что она въ состояніи выдумать такую ужасную улику противъ себя, даже ради спасенія своего отца. Она прибавила, что не вы убили его высочество. Но это вздоръ! Очевидно она видѣла, какъ вы совершили это дѣло и, смѣло призналась, что была въ той же комнатѣ... вѣроятно скрытая гдѣ-нибудь, разъ вы рѣшительно отказываетесь сознаться, что видѣли ее тамъ. Ясно, что вы застигли ихъ обоихъ и убили его высочество на глазахъ у дочери. Почему вы не сознаетесь въ этомъ, Мендоза? Вѣдь, это доказываетъ, что вы дѣйствовали несовсѣмъ хладнокровно. Обида была велика...

— Ея не было тамъ!—вскричалъ Мендоза, прерывая рѣчь короля: онъ былъ внѣ себя.

— Она была тамъ, разъ сама признается въ этомъ. Я не потерплю, чтобы меня прерывали, когда я говорю. Она была тамъ; и ея свидѣтельство будетъ принято въ расчетъ. Даже если вы ея не видѣли, какъ можете вы увѣрять, что вашей дочери тамъ не было? Развѣ вы сдѣлали обыскъ въ комнатѣ? Смотрѣли вы за занавѣсами?

— Нѣтъ, не смотрѣлъ.

Суровый старикъ повидимому терялъ силы отъ униженія, которому его подвергали.

— Ладно. Въ такомъ случаѣ, вы не можете поклясться, что ея не было въ комнатѣ. Но вы не видѣли ея. Мнѣ очень жаль: исчезаютъ поводы къ снисхожденію. Стало быть, вы вошли въ комнату его высочества; вы даже не говорили съ нимъ, а просто обнажили

мечъ и убили его. Все это доказываетъ, что вы пришли, вполне рѣшившись заранѣе совершить преступленіе. Что же касается побужденій, то странное признаніе вашей дочери бросаетъ свѣтъ на нихъ. Она вела себя крайне легкомысленно относительно дон-Жуана; вамъ это было извѣстно: и вы самымъ звѣрскимъ образомъ отомстили ему. Эта ~~мечь должна привести~~ мечь должна привести лишь къ самымъ роковымъ послѣдствіямъ. Прежде всего, вы сами должны умереть позорной и мучительной смертью на эшафотѣ, оставляя за собой погибшую дочь, которой придется скрыться въ монастырѣ и никогда не видаться съ людьми, равными ей по положенію въ свѣтѣ. Кромѣ того, вы лишили своего короля любимаго брата, а Испанію—славнаго полководца. Можетъ-ли быть что-нибудь хуже этого?

— Да, бываютъ дѣла похуже, ваше величество, совершаются преступления болѣе ужасныя! Я былъ бы въ тысячу разъ гаже, если бы, совершивъ преступленіе, свалилъ позоръ его на человѣка настолько преданнаго мнѣ, что онъ согласился принять на себя мою вину. Я былъ бы въ сто тысячъ разъ гаже, если бы старался навлечь на этого человѣка всеобщее проклятіе и пыталъ бы его, искажая дѣйствительность, заваливая долю правды горами лжи. О, это было бы гораздо хуже всего, чѣмъ я сдѣлалъ. Богъ можетъ умилосердиться надъ убійцей, но для измѣнниковъ готовится одинъ только адъ, а для тѣхъ, кто предаётъ своихъ друзей,—адъ надъ адомъ!

— Боюсь, что онъ помѣшался—сказалъ король, обращаясь къ Перезу.—Это—признаки безумнаго!

— Да, и я боюсь, ваше величество—отвѣчалъ секретарь, качая головой съ важнымъ видомъ.—Онъ самъ не знаетъ, чѣмъ говорить.

— Я—не съумасшедшій, я знаю, чѣмъ говорю: вѣдь, надо мной рука смерти!

Глаза Мендозы дико устремились сначала на короля, потомъ на Переза; но ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ взглянуть на него.

— А въ признаніе моей дочери я не вѣрю—продолжалъ несчастный отецъ.—Но если она и говорила подобныя вещи, вы могли дать мнѣ умереть, не заставляя испытать еще эту горькую чашу: это было въ вашей власти! Богу извѣстно, что я много лѣтъ добро-

вольно жертвовалъ жизнью ради вашего величества и ради Испаніи и готовъ былъ бы опять пожертвовать ею, если бы мнѣ предоставлялось потерять ее, а не бросать. Богу извѣстно также, что, что бы я ни сдѣлалъ хорошаго или дурного, я готовъ перенести отъ вашего величества всякія упреки, которые заблагодарасудилось бы вамъ сказать мнѣ наединѣ. Но, клянусь словомъ умирающаго, никогда не прощу я этому писарю того, что онъ присутствовалъ при разрываніи въ клочки чести испанскаго дворянина, при крайнемъ униженіи стараго солдата. При послѣднемъ издыханіи, молю Бога, чтобы и его когда-нибудь пытали такъ, какъ пытаются меня, и еще больше, пока онъ не станетъ просить помилванія, — чего я не сдѣлаю!

Молитва жестоко обиженнаго человѣка была услышана, восемь лѣтъ спустя; но и теперь Перезъ блѣднѣлъ постепенно, слыша эти слова: они были сказаны со всею страстностью проклятія умирающаго. Только Филиппъ не былъ тронутъ. Онъ, пожалуй, пыталъ Мендозу не просто изъ удовольствія видѣть его муки, хотя страданія людей всегда доставляли ему какое-то болѣзненное наслажденіе. Ему больше всего хотѣлось подыскать разумную причину, которая могла бы заставить Мендозу совершить это преступленіе: вѣдь, за недостаткомъ здоровой очевидности, могли заподозрить его самого въ подстрекательствѣ къ убійству.

Филиппъ вовсе не имѣлъ намѣренія допустить, чтобы Мендозу подвергли пыткамъ во время предстоявшаго суда. Напротивъ, онъ намѣренъ былъ подготовить всѣ улики для судей такъ, чтобы Мендоза не могъ ничего сказать въ свое оправданіе. А для этого было необходимо, чтобы всѣ выпитанныя признанія, отъ первой причины до послѣдняго слѣдствія, отчетливо связывались между собой. И король достигъ цѣли, благодаря искусству, съ которымъ Антоніо Перезъ записывалъ лишь тѣ слова, которыя вели къ ней. Филиппъ выслушалъ всѣ проклятія Мендозы и нашелъ необходимымъ сдѣлать ему выговоръ за слишкомъ свободныя рѣчи.

— Вы забываетесь, сударь—холодно сказалъ онъ.—Дон-Антоніо Перезъ—мой личный секретарь и заслуживаетъ вашего почтенія. Когда вы еще принадлежали къ моему двору, онъ занималъ положеніе гораздо выше вашего. Теперь же вы обвиняетесь въ ужасномъ

убійствѣ, совершенномъ хладнокровно: не забывайте, что онъ—невинный человѣкъ, Мендоза! Я кончилъ, Мендоза! Вы больше не видите меня: васъ будутъ держать въ заключеніи во все время суда, который можетъ имѣть лишь одинъ исходъ. Подите сюда!

Онъ сидѣлъ, выпрямившись, на своемъ креслѣ и протянулъ руку. Мендоза подошелъ неувѣренными шагами и по тогдашнему обычаю, сталъ на колѣни.

— Я не злопамятенъ — сказалъ король. — Прощать обиды — прекрасная христіанская добродѣтель, которую намъ внушаютъ съ раннихъ лѣтъ. Вы убили моего дорогого брата, во цвѣтъ его лѣтъ; но я не хочу, чтобы вы умерли въ убѣжденіи, что я золъ на васъ. Насколько въ моей власти, я охотно прощаю вамъ вашъ поступокъ. Въ залогъ этого, протягиваю вамъ руку: пусть хоть это послужить вамъ утѣшеніемъ!

Съ невѣроятнымъ спокойствіемъ Филиппъ, говоря эти слова, взялъ руку Мендозы, подержалъ ее съ минуту, затѣмъ почти горячо пожалъ ее. Преданность старика къ своему монарху доходила до обожанія: несмотря на все, что онъ перенесъ при этомъ ужасномъ свиданіи, онъ забылъ почти все въ минуту, когда почувствовалъ прикосновеніе королевскихъ пальцевъ. Въ одно мгновеніе онъ убѣдился самого себя, что все происшедшее было лишь комедіей, необходимой для того, чтобы обмануть Переза и отвлечь подозрѣніе отъ короля, а, стало быть, почти невыносимая пытка, которую ему пришлось выстрадать, служила въ пользу его монарху. Онъ все забылъ на минуту.

Наклонивъ свою сѣдую голову, онъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ тонкую желтую руку. Взглянувъ на холодное лицо Филиппа, онъ почувствовалъ слезы на своихъ глазахъ, — слезы благодарности за то, что ему дозволялось разстаться съ ненавистной жизнью въ убѣжденіи, что его смерть послужитъ на пользу его вѣнчанному кумиру.

— Я буду вѣренъ вашему величеству до конца! — просто сказалъ онъ, вставая, когда король отнялъ свои пальцы.

Король медленно наклонилъ голову, и его каменный взоръ усталъ на Мендозу съ какимъ-то любопытствомъ: онъ не зналъ, что есть такіе люди.

— Позовите стражу, Перезъ!—сказаль онъ холодно.— Скажите офицерамъ, чтобы, на эту ночь, они отвели дон-Дьего-де-Мендозу въ западную башню и оказывали бы ему всякое почтеніе.

Перезъ повиновался. Отрядъ аллебардщиковъ, съ офицеромъ, дожидался въ короткомъ широкомъ корридорѣ, который служилъ входомъ въ комнату, гдѣ ждала Долореса. Перезъ передалъ лейтенанту приказаніе короля.

Мендоза отступилъ задомъ къ дверямъ, отвѣсивая три глубокихъ поклона королю. У порога онъ повернулся, не обращая вниманія на секретаря. Старый воинъ вышелъ, съ высоко поднятой головой, и самъ отдался въ руки солдатамъ.

ГЛАВА VII.

Прощаніе отца съ дочерью.

Солдаты окружили своего бывшего командира, но не тѣснили его. Трое шли впереди, трое позади, по обѣ стороны по одному солдату; а лейтенантъ шагаль впереди отряда. Солдаты слишкомъ привыкли видѣть, какъ царедворцы сегодня пользуются почетомъ и милостью, завтра подвергаются опалѣ короля: арестъ Мендозы не поразилъ ихъ. Они не особенно жалѣли о немъ. Онъ всегда слишкомъ строго держался правилъ, какъ имъ казалось: они желали бы имѣть болѣе молодого командира, который посвящаль бы больше времени своимъ удовольствіямъ и поменьше наблюдалъ бы за ихъ мундирами и за всякими мелкими погрѣшностями.

Но Мендоза былъ справедливъ и въ высшей степени обладалъ военной выправкой и боевымъ закаломъ, что всегда дѣйствуетъ внушительно на солдатъ.

А въ настоящую минуту гвардейцы были больше расположены къ состраданію, чѣмъ къ грубому обращенію: если они и не подозревали, что именно случилось, зато были увѣрены, что дон-Жуанъ Австрійскій, подобно дон-Карлосу, королевѣ Изабеллѣ и столькимъ другимъ несчастнымъ, былъ убитъ по приказанію короля. И если Филиппъ избралъ Мендозу орудіемъ этого дѣянія, то, какъ полагали солдаты, онъ его не казнить, а вскорѣ ему вернуть

его должность. Въ концѣ концовъ, имъ послужить въ пользу, если они теперь окажутъ нѣкоторое уваженіе къ его несчастью. Кромѣ того, они слышали, какъ Антоніо Перезъ сказалъ офицеру, чтобы Мендозѣ оказывалось всякое почтеніе.

Они пошли въ ногу, тяжело шагая, съ тѣмъ раскачиваніемъ въ походкѣ, которое такъ присуще солдатамъ, вооруженнымъ длинными аллебардами съ тяжелыми наконечниками. Мендоза, рослый не меньше каждаго изъ нихъ, шелъ съ ними въ ногу, высоко держа голову. Онъ былъ съ непокрытой головой, но все еще въ полной формѣ, которую надѣвалъ, когда дежурилъ на государственныхъ торжествахъ.

Корридоръ, казавшійся короткимъ по сравненію съ его шириной и съ обширностью дворцовыхъ залъ, былъ освѣщенъ множествомъ люстръ, спускавшихся съ расписного свода. Отрядъ дошелъ до порога пріемной и здѣсь на минутку остановился, пока одинъ изъ лакеевъ короля отворялъ двери настежь. Дон-Рюй Гомезъ и Долореса сидѣли въ пріемной. Слуга быстро прошелъ, спѣша отворить наружныя двери. Рюй Гомезъ всталъ, отодвигая свой стулъ въ сторону, удивленный появленіемъ солдатъ, которые рѣдко проходили этой дорогой.

При звукахъ шаговъ отряда, Долореса открыла глаза, но, при неясномъ освѣщеніи, сначала не замѣтила Мендозы, котораго наполовину скрывали окружавшіе солдаты. Она мало обращала вниманія на происходившее: для нея было привычнымъ зрѣлище аллебардщиковъ, проходящихъ по корридорахъ послѣ смѣны часовыхъ; а такъ какъ она ни разу не была въ покояхъ короля, то и не удивилась, какъ ея спутникъ, внезапному появленію солдатъ.

Вдругъ Рюй Гомезъ, вставшій, чтобъ пропустить солдатъ, снялъ шляпу, которой, какъ грандъ, онъ не снималъ даже въ присутствіи короля, и вѣжливо поклонился, когда Мендоза прошелъ мимо него. Онъ надѣялся, что Долореса не замѣтитъ отца; но почтеніе, оказанное имъ плѣннику, привлекло ея вниманіе. Она вскрикнула и вскочила. Мендоза обернулся и увидалъ ее, прежде чѣмъ она успѣла подбѣжать къ нему. Онъ остановился. Солдаты невольно также стали и разступились передъ нею: всѣ они знали, что это — дочь ихъ бывшаго командира.

— Батюшка!—крикнула Долореса, стараясь схватить его руку.

Оня оттолкнулъ ее и съ рѣшительнымъ видомъ отвернулся къ стоявшей предъ нимъ двери.

— Сомкнись! Впередъ! Маршъ!—скомандовалъ онъ строгимъ голосомъ.

Солдаты повиновались, осторожно отталкивая Долоресу въ сторону. Они уже сдѣлали два шага впередъ, когда Рюй Гомезъ остановилъ ихъ, ставъ передъ ними и поднявъ одну руку, а другую опустивъ на плечо молодого лейтенанта. Рюй Гомезъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ испанскихъ сановниковъ; онъ былъ мажордомомъ дворца и пользовался почти неограниченной властью. Но офицеръ получилъ приказанія непосредственно отъ короля и считалъ себя обязаннымъ буквально исполнить ихъ.

— Его величество повелѣлъ мнѣ немедленно отвести дон-Дьего де-Мендозу въ западную башню—сказалъ онъ.—Прошу ваше превосходительство пропустить насъ.

Рюй Гомезъ продолжалъ придерживать его слегка за плечо.

— Этого я не сдѣлаю; а если вы получите выговоръ за промедленіе въ исполненіи возложенной на васъ обязанности, то скажете, что васъ задержалъ дон-Рюй Гомезъ де-Сильва,—и не бойтесь ничего! Негодится, чтобы отецъ и дочь разставались такъ, какъ вотъ эти двое!

— Мнѣ нечего сказать дочери — рѣзко проговорилъ Мендоза.

Но видно было, что ему тяжело было произнести эти слова.

— Дон-Діего!—отвѣчалъ Рюй Гомезъ.—Преступленіе, въ которомъ вы сознались, гораздо тяжеле всякаго проступка, какое могла совершить ваша дочь, настолько же тяжеле, насколько ненависть хуже любви. По праву простой человѣчности, я беру на себя смѣлость сказать, что вы должны остаться на минуту наединѣ съ дочерью; и вы должны проститься другъ съ другомъ.

Затѣмъ онъ обратился къ офицеру:

— Удалите вашихъ людей, сударь! Подождите у дверей. Ручаюсь вамъ въ сохранности вашего плѣнника; а отвѣтственность за вашъ поступокъ беру на себя. Я позову васъ, когда нужно будетъ.

Онъ говорилъ тономъ, не допускавшимъ возраженій. Офицеръ

повиновался: онъ увелъ своихъ солдатъ и самъ вышелъ. Рюй Гомезъ заперъ двери, а самъ направился, по широкому корридору, на противоположную сторону. Онъ намѣренъ былъ ждать здѣсь. Приказанія его были такъ быстро исполнены, что Мендоза не успѣлъ опомниться, какъ остался съ глазу на глазъ съ Долоресой.

При томъ отчаянномъ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился, поступокъ Гомеза показался ему обиднымъ, какъ внимательство въ его семейныя дѣла. Нахмутивъ брови, скрестивъ руки на груди, онъ молча смотрѣлъ на Долоресу. Не прошло и четырехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ говорилъ съ нею у себя дома; а казалось, будто между той и настоящей минутой прошла цѣлая трагическая жизнь.

Долореса не произнесла ни слова съ той минуты, какъ онъ оттолкнулъ ее. Она стояла за стуломъ, положивъ руку на его спинку, смертельно блѣдная, съ синевой мученій подѣ глазами, съ почти безцвѣтными, но твердыми, крѣпко сжатыми губами. На ея молодомъ лицѣ лежали слѣды такого страданія, что, казалось, они никогда не изгладятся. Ей казалось, что въ душѣ ея бушевала свирѣпая буря, когда она смотрѣла на отца, ожидая его перваго слова. А онъ охотнѣе вернулся бы къ королю, снова подвергся бы мукамъ въ присутствіи Антоніо Переза, чѣмъ быть вынужденнымъ стоять здѣсь, видѣть ее, говорить съ нею.

Въ его глазахъ, при томъ свѣтѣ, который бросало на нее все имъ слышанное, она была погибшая, безстыжая женщина, которая болѣе двухъ лѣтъ обманывала его изо дня въ день. Въ ея же глазахъ, насколько она могла отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ, онъ былъ осужденный убійца того человѣка, котораго она любила такою преданной, чистой любовью. Но все же она сомнѣвалась; и ради одного этого сомнѣнія она бросила на вѣтеръ свое доброе имя, надѣясь спасти его жизнь. То ей вдругъ грезилось, будто она видитъ, какъ онъ подымаетъ руку на ея возлюбленнаго; то она чувствовала, что онъ не могъ нанести этого удара, и что во всемъ этомъ скрывается какая-то неразрѣшимая тайна. Никогда еще двое невинныхъ созданій не заблуждались такъ сильно по отношенію другъ къ другу.

— Батюшка!—заговорила наконецъ Долореса дрожащимъ голо-

сомъ.—Неужели же вы не желаете говорить со мной, когда я нахожусь въ себѣ силы слушать васъ?

— Что же мы можемъ сказать другъ другу? — угрюмо спросилъ онъ.—Зачѣмъ ты задержала меня? Я радъ умереть за убійство человѣка, который опозорилъ тебя. Да, я радъ! Что я могу сказать еще, и что скажешь ты мнѣ? Надѣюсь, конецъ скоро наступитъ и для тебя, и ты отойдешь въ вѣчность съ миромъ, насколько онъ возможенъ при твоёмъ позорѣ. Вотъ мое пожеланіе тебѣ! И это хорошее пожеланіе: вѣдь, благодаря тебѣ, смерть на эшафотѣ мнѣ покажется легкой: я жажду ея. Понимаешь?

— Приговоренъ къ смерти!—вскричала она почти безумно, прежде чѣмъ онъ окончилъ свою рѣчь.—Но они не могутъ приговаривать васъ къ смерти: вѣдь, я сказала имъ, что была тамъ, что не вы совершили убійство. Они должны же повѣрить мнѣ!.. О, Боже милосердый!

— Они и повѣрили тебѣ — сказалъ онъ довольно спокойно.— Они думаютъ, что я застигъ васъ вмѣстѣ и убилъ его. Меня предадутъ суду, но я уже осужденъ заранѣе и долженъ умереть... Твое безумное сознаніе въ присутствіи придворныхъ только еще больше изобличило меня. Оно указало на причину моего преступленія... а во мнѣ уничтожило послѣднее сомнѣніе. Если судъ затянется, ты предупредишь палача: онъ найдетъ меня уже мертвымъ, убитымъ твоей рукой. Ты могла бы пощадить меня... и себя. Ты все же сохранила бы хоть какое-нибудь доброе имя; а такъ какъ твой любовникъ умеръ, ты носила бы хоть лоскутокъ чести. Но ты предпочла опозориться, чтобы я позналъ всю глубину моего позора, прежде чѣмъ погибнуть позорной смертью. И ты все-таки желаешь говорить со мной? Ты надѣешься на мое благословеніе?

Долореса не въ состояніи была произнести слова. Она то прикладывала руку ко лбу, точно желая снять покрывало, то стояла полуокаменѣлой, дико уставившись въ него глазами. Но когда она увидѣла, что онъ отворачивается отъ нея и направляется къ дверямъ, что онъ хочетъ уйти, покинуть ее, силы ея вернулись, чары спали съ нея: она бросилась къ нему и схватила его за руки.

— Я также невинна теперь, какъ въ ту минуту, когда меня

родила мать! — вскрикнула она голосомъ правды. — Я оклеветала себя, чтобъ спасти васъ! Вѣрите ли вы мнѣ теперь?

Долго смотрѣлъ онъ на нее молча растерянными глазами.

— Какъ это можетъ быть? — сказалъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ. — Ты, вѣдь, была тамъ... Я видѣлъ, какъ ты ушла изъ его комнаты...

— Нѣтъ, этого вы не могли видѣть! — воскликнула она, отлично зная, что онъ не могъ ее видѣть: она не выходила изъ комнаты, гдѣ была заперта на ключъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не ушелъ.

— Я видѣлъ твое платье... не это, а то, которое было на тебѣ днемъ.

— Не это? Но я надѣла этотъ придворный нарядъ, прежде чѣмъ уйти изъ комнаты, гдѣ вы заперли меня. Инеза помогла мнѣ. Я набросила на себя ея плащъ, чтобы меня приняли за нее, и ускользнула, и ужъ не возвращалась. Вы не видали меня!

Мендоза провелъ рукой по глазамъ и отшатнулся отъ нея. Если она говорила правду, то не существовало главнаго звена цѣпи обстоятельствъ, которая навлекла на него столько горя и позора. Позабывъ о себѣ и объ ожидающей его участи, онъ взглянулъ на ея придворный нарядъ: достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться, что это было не то платье, которое онъ видѣлъ раньше.

— Но—сказалъ онъ, вдругъ смутившись — зачѣмъ тебѣ понадобилось надѣвать чужой плащъ? Я оставилъ у тебя принцессу Эболи, которой разрѣшилъ взять тебя съ собой. Тебѣ нечего было скрываться.

— Я не видалась съ ней. Она вѣрно застала Инезу въ гостиной. Я ушла гораздо раньше.

— Ушла... Куда?

Мендоза совсѣмъ терялъ нить всего этого. Растерявшись, путаясь въ мысляхъ, онъ уцѣпился за гвоздь своего горя, совсѣмъ забывая о себѣ самомъ.

— Но если ты невиновна!...—воскликнулъ онъ.—Молю Бога, чтобы это было такъ... Но какъ же это возможно?... О, нѣтъ! Не могу повѣрить этому, не могу!.. Ни одна женщина не въ состояніи была бы сдѣлать это... Ни одна невинная дѣвушка не согласилась

бы стоять передъ толпой мужчинъ и женщинъ и сказать имъ то, что ты сказала!

— Я надѣялась спасти вашу жизнь. У меня хватило силы... Я сдѣлала это.

Ея ясные сѣрые глаза прямо смотрѣли въ его глаза: и сомнѣнія начали уступать мѣсто правдѣ.

— Дай мнѣ повѣрить этому, Боже!—вскричалъ онъ, обрывающимся голосомъ.—Дай мнѣ повѣрить этому прежде, чѣмъ я умру!

— Это правда!—воскликнула она тихимъ, но твердымъ голосомъ, который внушалъ ему довѣріе, хотя кое-какія сомнѣнія все еще шевелились въ его душѣ.—Это правда! Вы должны вѣрить мнѣ! А если не повѣрите, то человѣкъ, котораго вы убили, человѣкъ, которому я довѣряла и отдала свое сердце, этотъ покойникъ, которому извѣстно все такъ же, какъ и мнѣ, возстанетъ изъ мертвыхъ, чтобы засвидѣтельствовать правду. Клянусь его душой, витающей на небѣ, клянусь и вашей, и моей душой, которымъ ужъ не долго оставаться на землѣ! И буду клясться въ часъ моей и вашей смерти, вѣдь, мы на краю могилы!

Онъ не въ силахъ былъ отвести взора отъ ея глазъ, приковывавшихъ его къ себѣ. Вдругъ ему показалось, что въ ихъ прозрачной глубинѣ отражается ея душа, безстрашно глядящая ему въ лицо. И понялъ онъ, что она говоритъ святую правду: и его измученное сердце затрепетало сладкой увѣренностью.

— Вѣрю тебѣ, дитя мое!—сказалъ онъ, наконецъ.

Его старческія вѣки наполовину закрыли глаза. Онъ наклонился къ ней и обнялъ ее рукой.

Но она вздрогнула отъ прикосновенія его десницы. Она знала, что онъ приговоренъ къ смерти, что ей, быть можетъ, ужъ никогда больше не увидѣться съ нимъ; и все-таки ей было невыносимо принять его прѣщальный поцѣлуй.

— О, батюшка! Зачѣмъ, зачѣмъ вы убили его?—спросила она, отворачивая голову и стараясь высвободиться изъ его объятій.

Мендоза не отвѣчалъ. Его рука безжизненно упала; лицо поблѣднѣло и окаменѣло. Она требовала отъ него выдачи тайны короля, ради которой онъ жертвовалъ жизнью. Онъ чувствовалъ, что сказать правду даже ей—значить стать измѣнникомъ. А развѣ она сохранить

тайну? Какая женщина могла бы сдѣлать это? Какая дочь пожелала бы? Тайна должна погибнуть вмѣстѣ съ нимъ: иначе ей не уцѣлѣть! Отецъ взглянулъ на дочь и замѣтилъ, какъ одинъ часъ страданій избородилъ ея лицо. Но если бы она и узнала, чья рука умертвила дон-Жуана, развѣ это облегчило бы ея горе? Для нея разница была бы не велика; но для него была бы большая разница, если бы она узнала, что онъ умираетъ безвинно.

Началась жестокая, мучительная борьба, которая выворачивала его душу, разрывала сердце на части хуже, чѣмъ предсмертныя судороги. Онъ былъ несправедливъ къ ней: все это было отвратительнымъ сновидѣніемъ; она была все тѣмъ же дитятей, которое составляло его единственное сокровище въ жизни. Все оказалось не такъ! Онъ уже не желалъ смерти для себя и не питалъ ненависти къ покойнику. Для его оскорбленнаго сердца уже не было сладостнаго утѣшенія въ сознаніи, что обидчикъ лежитъ, съ раной въ груди, тамъ въ отдаленномъ покоѣ, гдѣ они покинули его. У старика не оставалось жгучаго сожалѣнія о томъ, что не ему пришлось нанести роковой ударъ. Человѣкъ этотъ оказывался невиннымъ, какъ непорочная дѣва; а онъ самъ, такой же невинный, какъ они оба, долженъ былъ погибнуть, чтобы только прикрыть своей смертью преступленіе короля!

Пожертвовать жизнью только ради этого! Нѣтъ, теперь онъ пересталъ цѣнить ее ни во что, пересталъ желать смерти. Онъ служилъ лишь козломъ отпущенія! Ему приходилось страдать за преступленіе своего господина: вѣдь, это было преступленіе—и ничего больше! Разъ онъ соглашался понести наказаніе, разъ не было средствъ избѣжать его, то не имѣлъ-ли онъ хоть человѣческаго права заявить о своей невинности единственному существу, которое онъ любилъ воистину? Отказать ему въ этомъ было бы чудовищно.

Да, наконецъ, что же она можетъ сдѣлать, если и узнаетъ правду? Ничего. Никто не осмѣлится повѣрить ей, если она вздумаетъ обвинять короля. Ее заточили бы въ монастырь, какъ безумную. Но, вѣдь, во всякомъ случаѣ, она скроется въ монастырь на всю жизнь, тотчасъ послѣ смерти отца. Бѣдная дѣвочка! Она любила дон-Жуана всѣмъ сердцемъ... Что же значилъ бы для нея свѣтъ, если бы даже позорная смерть отца не отторгла ее навѣки отъ этого свѣта, что

неизбѣжно? Ей недолго жить, и эта жизнь протечетъ въ глубочайшемъ горѣ. Для нея было бы величайшимъ облегченіемъ знать, что рука ея отца не запятнана этимъ преступленіемъ.

Искушеніе высказаться одолѣвало его; а онъ зналъ, что время не терпитъ. Каждую минуту Рюй Гомезъ могъ отворить двери и велѣть ему разстаться съ ней. Онъ стоялъ въ нерѣшительности, склонивъ голову и скрестивъ руки на груди; а она наблюдала за нимъ, стараясь заставить себя коснуться его руки, вынести его поцѣлуй.

Вѣрность королю, доходившая почти до безумія, стояла между нимъ и словами, которыя онъ жаждалъ высказать. То была привычка его долгой солдатской жизни. Она была тверда, какъ его латы; она охватывала его душу, какъ сталь прилегала къ его тѣлу; она выдержала бы испытаніе всякой жестокостью, всякой опалой, всякой обидой. Лучше умереть позорной смертью измѣнника ради охраненія тайны короля, чѣмъ жить изъ-за собственной чести! Такъ онъ всегда думалъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда, еще мальчикомъ, учился воевать при великомъ императорѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что колеблется, какъ никогда не колебался въ самыхъ отчаянныхъ схваткахъ, гдѣ жизнь — словно стрѣла, пущенная въ не-пріятеля, которую еще найдешь-ли послѣ боя?

Теперь старый вояка не былъ оцѣненъ яростью боя; въ воздухѣ не было широкаго сіянія славы; и не предстояло награды за побѣду. Голое, отвратительное дѣло стояло лицомъ къ лицу съ нимъ: ему надо было умереть, какъ преступнику, отъ руки палача; а его монархъ, мило-стиво соблаговолившій принять отъ него эту жертву, цыталъ его съ полчаса самымъ немилосерднымъ образомъ, въ присутствіи подчиненнаго, чтобы только занести на бумагу нѣсколько обстоятельствъ, которыя пригодились бы ему одному, королю. Мало того: его родная дочь будетъ жить послѣ него, увѣренная, что онъ жестоко умертвилъ человека, котораго она любила такъ горячо. Это превышало силы ка-кого-угодно человека.

Его брови раздвинулись, руки рознялись, и онъ протянулъ ихъ Долоресѣ почти съ любезной улыбкой:

— Руки эти не обагрены кровью, моя дѣвочка! — сказалъ онъ нѣжно. — Я не совершилъ этого преступленія, дитя мое. Дай мнѣ

обнять тебя еще разъ и поцѣловать, прежде чѣмъ уйду. Мы оба невинны: мы можемъ благословить другъ друга передъ вѣчной разлукой.

Ясные сѣрые глаза широко открылись отъ изумленія. Долореса съ трудомъ вѣрила своимъ ушамъ. Она рванулась къ отцу, потомъ остановилась, скорчилась и снова сдѣлала шагъ впередъ. Ея губы шевелились. Какія-то странные слова долетали до слуха отца; но она говорила такъ тихо, что онъ еле понималъ ее, замѣчая только, что она предлагаетъ ему вопросъ.

— Не вы сдѣлали это?—шептала она.—Такъ вы не убивали его? Но кто же? За что?

Она все еще колебалась, хотя и подвигалась тихонько къ нему. Слабый свѣтъ согрѣвалъ ее запечаленное лицо.

— Постарайся догадаться, кто и за что—отвѣчалъ онъ такъ же тихо.—Я не долженъ сказать тебѣ это.

Но она уже стояла возлѣ него. Она нѣжно взяла его за руку и всматривалась въ его глаза.

— Какъ мнѣ понять—продолжала она—если вы ничего не говорите мнѣ? Что это за великая тайна, что ради нея вы должны умереть и ни за что не выдать ее? Батюшка, батюшка! Такъ ли это? Совсѣмъ ли вы увѣрены?

— Онъ былъ уже мертвъ, когда я вошелъ въ комнату—отвѣчалъ Мендоза.—Я даже не видѣлъ, какъ его убили.

— Но въ такомъ случаѣ... да, въ такомъ случаѣ...—голосъ ея перешелъ въ шопотъ.—Такъ это—король...

Онъ скорѣй отгадалъ это слово по движенію ея губъ, чѣмъ услышалъ его; она же по выраженію его лица убѣдилась, что она сказала правду. Она выпустила его руку и обвила его шею своими руками, прижимаясь грудью къ его латамъ. И вдругъ ея любовь къ нему воскресла: и поняла она, какъ горячо могла бы любить его всѣ минувшіе годы, если-бъ знала его.

— Не можетъ быть, чтобъ онъ допустилъ вашу смерть!—тихо воскликнула она.—Вы не умрете!—уже вскрикнула она съ внезапной силой; и ея легкая дрожь потрясала тѣло отца, словно дочь хотѣла исторгнуть его изъ рукъ неизбежной смерти.

— Моя дѣвочка!—отвѣтилъ онъ, прижимая ее къ себѣ нѣжно

и осторожно, чтобы латы не причинили ей боли.—Теперь я могу умереть спокойно: ты вся вернулась ко мнѣ!

— Но вы не умрете, вы не должны умереть!—воскликнула она.— Я не пущу васъ!.. Пусть берутъ меня съ вами!

— Никакая сила не спасетъ меня теперь, милочка!—отвѣчалъ онъ.—Но это не бѣда, разъ ты знаешь все. Теперь мнѣ легко будетъ умереть!

Но она могла только держать его своими ручками и повторять снова и снова, что не пуститъ его.

— Ахъ! Отчего ты не любила меня раньше, всѣ эти долгіе годы?—воскликнулъ онъ.—Но это была моя вина, вся моя вина.

— Я люблю васъ теперь всѣмъ сердцемъ—отвѣчала она.—Я спасу васъ, даже отъ короля... И всѣ мы, вы, я, Инеза, уѣдемъ далеко, далеко отсюда; и вы оба будете поддерживать меня своей любовью, пока я не отправлюсь къ нему.

Мендоза печально покачалъ головой, глядя черезъ ея плечо и сжимая ее въ своихъ объятіяхъ: онъ зналъ, что не оставалось никакой надежды. Знай онъ часъ или два тому назадъ, или хоть подозрѣвая истину, онъ ушелъ бы, не переступая порога комнаты дон-Жуана и оставилъ бы короля нести свой позоръ или вывертываться, какъ ему угодно.

— Слишкомъ поздно, Долореса! Да благословить тебя Богъ, дорогое дитя мое! Всеу этому будетъ скоро конецъ. Это продлится не болѣе двухъ дней: вѣдь, пародъ будетъ требовать кровавой расплаты за смерть дон-Жуана; и когда онъ увидитъ мою кровь, то будетъ удовлетворенъ. Слишкомъ поздно теперь! Прощай, моя дѣвочка, прощай! Да почиетъ благословеніе Божіе на твоей дорогой головкѣ!

Долореса прижалась къ нему, какъ никогда. Ей казалось, будто она нашла что-то, чего недоставало ей всю жизнь,—нашла въ ту самую минуту, когда міръ, со всѣмъ дорогимъ ей, ускользнулъ за предѣлы вѣчности.

— Я не разстанусь съ вами!—снова воскликнула она.—Пусть возьмутъ и меня къ вамъ въ темницу! Я хочу быть при васъ, заботиться о васъ, не разставаться съ вами никогда! Наконецъ, я спасу вамъ жизнь,—и тогда...

Дон-Жуанъ.

Дверь корридора отворилась. Долореса увидала Рюй Гомеза, стоящаго у входа, какъ бы въ ожиданіи. Лицо его было, по обыкновенію, серьезно и спокойно, но въ глазахъ свѣтилось глубокое состраданіе.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричала она ему.—Еще минутку!

Мендоза обернулся при ея словахъ, посмотрѣлъ черезъ плечо и также увидалъ принца.

— Я готовъ!—сказалъ онъ рѣзко, стараясь освободить свою шею отъ рукъ Долоресы.—Пора!—сказалъ онъ ей.—Мужайся, дорогая! Мы, наконецъ, нашли другъ друга. Скоро соединимся навѣки.

Онъ еще разъ нѣжно поцѣловалъ ее, освободился изъ ея объятій, сложилъ обѣ ея руки и поцѣловалъ и ихъ.

— Я не хочу прощаться!—сказала она.—Это—не прощаніе; это не должно быть прощаніемъ. Я скоро буду съ вами!

Его взоры еще съ минуту покоились на ней, потомъ онъ отошелъ отъ нея, сжимая зубы, чтобы не поддаться своему горю. Онъ отворилъ двери и вышелъ къ аллебардщикамъ. Долореса слышала, какъ онъ командовалъ своимъ обычнымъ голосомъ:

— Сомкнись! Впередъ! Маршъ!

Тотчасъ же раздались тяжелые, столь знакомые ей шаги. Они отдавались за вѣшными дверями, постепенно замирая, пока не перешли въ далекое, глухое эхо, и затѣмъ совсѣмъ исчезнувъ въ пространствѣ. Она все еще держалась рукой за открытую дверь. Рюй Гомезъ стоялъ возлѣ нея. Онъ тихонько отвелъ ее и заперъ двери.

Долореса дала подвести себя къ стулу и сѣла на то самое мѣсто, гдѣ сидѣла раньше. Но на этотъ разъ она не откинулась назадъ, истощенная, съ полузакрытыми глазами: она оперлась локтемъ о колѣно, положила подбородокъ на ладонь и старалась обдумать все связно до конца. Она припоминала всѣ, одну за другой, мелочи протекавшихъ часовъ и чувствовала, что рѣшеніе спасти отца придастъ ей силу жить.

— Дон-Рюй Гомезъ!—сказала она, наконецъ, взглянувъ на высокаго стараго гранда, который стоялъ у камина, снова грѣя свои руки.—Могу-ли я видѣть короля наединѣ?

— Вотъ ужъ этого обѣщать не могу!—отвѣчалъ принцъ.—Я просилъ объ аудіенціи для васъ, и скоро камергеръ принесетъ

отвѣтъ короля. Но если васъ допустить къ королю, то неизвѣстно, будетъ-ли дон-Перезъ присутствовать, или нѣтъ: обыкновенно онъ остается при аудіенціяхъ. Впрочемъ его, присутствіе не составитъ никакой разницы для васъ. Онъ отличный молодой человѣкъ, съ сердцемъ. Я очень довѣряю ему,—до того, что самъ посоветовалъ королю взять его въ секретари. Искренне, что онъ постарается быть вамъ полезнымъ.

Долореса взглянула на него недоувѣрчиво, нѣсколько удивляясь крайней простотѣ принца. Вѣдь, онъ ужъ десять лѣтъ былъ женатъ на ловкой женщинѣ, которая управляла и имъ, и Перезомъ, и королемъ Филиппомъ, и успѣла увѣрить cadaго изъ нихъ, что душой и тѣломъ предана только ему одному. Изъ числа этихъ трехъ, Перезъ одинъ догадывался объ истинномъ положеніи дѣлъ; но, какъ ни было это унижительно, онъ все же не желалъ, чтобы что-либо стояло ему на дорогѣ на его служебномъ поприщѣ. Въ концѣ концовъ, онъ избѣгъ гибели, покинувъ ее на жертву неумолимаго гнѣва короля. Долореса невольно покачала головой въ отвѣтъ на слова принца Эболи.

— Люди несправедливы къ Перезу—продолжалъ онъ.—Но король довѣряетъ ему. Если онъ тамъ, постарайтесь привлечь его на свою сторону: онъ пользуется большимъ вліяніемъ на короля.

Долореса не отвѣчала и снова приняла свое положеніе: она погрузилась въ свои печальныя думы и старалась разработать свой ближайшій планъ. Но она не могла ничего придумать. Она только упорно желала повидаться съ королемъ. Рюй Гомезъ не могъ больше ничего сдѣлать для нея; но то, что онъ сдѣлалъ, была не бездѣлица: вѣдь, только благодаря его теплому участію, она имѣла возможность поговорить съ отцомъ.

— А если Перезъ не окажется расположеннымъ помочь дон-Дьегъ—продолжалъ принцъ, послѣ долгой заминки, которая не мешала работать его добродушію—то я попрошу жену поговорить съ нимъ. Я часто замѣчалъ, что принцесса умѣетъ заставить Переза исполнять почти всѣ ея желанія. Женщины гораздо ловче мужчинъ, моя милая: онѣ прибѣгаютъ къ способамъ, намъ непонятнымъ. Да, я постараюсь затянуть жену въ это дѣло. Было бы очень печально, если бы вашъ отецъ...

Старикъ рѣзко прервалъ свою рѣчь; а Долореса съ смутнымъ удивленіемъ думала о томъ, что онъ хотѣлъ сказать. Рюй Гомезъ представлялъ странную смѣсь почти дѣтскаго и самаго благороднаго простодушія съ опытностью и мудростью въ дѣлахъ, которыя его лично не касались: таково вообще свойство благородныхъ и простыхъ душъ.

— Вы не вѣрите въ виновность моего отца?—спросила Долореса, смѣло выставляя свое предположеніе.

— Мое дорогое дитя!—отвѣчалъ Рюй Гомезъ, покручивая свои кольца на пальцахъ, которые все еще грѣлъ надъ огнемъ.—Я прожилъ пятьдесятъ лѣтъ при этомъ дворѣ. Я убѣдился, что, когда дѣло идетъ о крупныхъ событіяхъ, тѣ, которымъ неизвѣстна вся истина, нерѣдко впадаютъ въ жестокія ошибки, обманываясь кажу-щимся видомъ вещей. Мнѣ теперь ничего неизвѣстно; но я нисколько не удивлюсь, если до завтрашней ночи произойдетъ большая переменѣна. Человѣкъ, совершившій такое ужасное преступленіе, въ какомъ вашъ отецъ сознался передъ нами, рѣдко прибѣгаетъ къ подобному сознанію; а молодая дѣвушка, моя дорогая, поступившая дѣйствительно нѣсколько легкомысленно въ своей любви къ принципу крови, была бы слишкомъ осторожна, чтобы драматически признаваться въ своемъ проступкѣ передъ собраніемъ грандовъ Испаніи...

Онъ обернулся къ Долоресѣ и любезно улыбнулся. Но она, въ отвѣтъ, только серьезно покачала головой, хотя и удивилась: ей подумалось, что, пожалуй, и многіе изъ придворныхъ думаютъ то же, что онъ. Она молчала и потому, что ей больно было говорить: вѣдь, при каждомъ вздохѣ она невольно вспоминала, что тотъ, ради кого она жила, лежалъ мертвымъ, тамъ, въ мрачной комнатѣ, наверху...

Дверь открылась: вошелъ камергеръ.

— Его величество соблаговолилъ согласиться принять донью Долоресу де-Мендозу въ частной аудіенціи—заявилъ онъ.

Рюй Гомезъ всталъ и повелъ Долоресу по корридору.

ГЛАВА VIII.

Побѣда ангела надъ демономъ.

Долореса не подготовилась къ рѣчи королю, а свои чувства къ нему и совѣмъ не приняла въ расчетъ, когда вошла въ ту самую комнату, гдѣ Мендоза былъ подвергнутъ допросу, и услышала, какъ доносившій о ней камергеръ затворилъ дверь за ней. Нѣсколько времени она стояла молча, ослѣпленная яркимъ свѣтомъ, послѣ полумрака пріемной. Она еще никогда не бывала въ королевскомъ кабинетѣ и имѣла о немъ совѣмъ другое представленіе.

Она воображала, что это—холодная, мрачная комната, заваленная книгами и бумагами: ея глазамъ представился, напротивъ, обширный покой, вродѣ залы, ослѣпительно освѣщенный и согрѣваемый большимъ огнемъ камина. Великолѣпные яркоцвѣтные ковраы покрывали стѣны, а на одномъ изъ нихъ, сдѣланномъ съ варварской безвкусицей, висѣла единственная картина Тиціана, любимого художника Филиппа. Долореса покраснѣла, узнавъ въ изображенной на картинѣ Венерѣ черты лица принцессы Эболи. Сидя на своемъ привычномъ мѣстѣ, король могъ видѣть эту картину.

Повсюду въ кабинетѣ были разставлены предметы роскоши, поглощавшіе и отражавшіе свѣтъ,—вещи изъ золота, серебра, ляписъ-лазури и нефрита ⁵³, и въ такомъ изобиліи, что терялась красота каждой изъ нихъ. Долореса чувствовала себя вдругъ перенесенной изъ привычнаго воздуха въ другой, въ которомъ дышалось тяжело и жилось скверно. Ее что-то давило. И хотя она не теряла мужества, но въ воздухѣ было что-то, что угнетало ея мысли, лишало ее словъ.

Когда Долореса вошла въ кабинетъ, король сидѣлъ въ своемъ большомъ креслѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ огня, на который онъ устремилъ пристальный взглядъ; онъ виденъ былъ ей сбоку. Филиппъ сначала не обратилъ вниманія на нее. Антоніо Перезъ сидѣлъ у стола и прилежно писалъ; онъ бросилъ лишь искоса взглядъ на Долоресу, когда дверь затворилась за ней.

Она чуть не упала на полъ, дѣлая первое присѣданье, но затѣмъ подвинулась къ свѣту. Когда платье ея зашелестѣло второй разъ по

полу, Филиппъ медленно оглянулся и слѣдилъ за ней своимъ тупымъ взоромъ въ то время, какъ она прошла четверть большого круга и, ставъ какъ разъ противъ него, присѣла въ третій разъ.

Она была прекрасна, стоя въ ожиданіи, что онъ заговоритъ съ ней, и отвѣчая безбоязненно на его взгляды холоднымъ, презрительнымъ взоромъ, ~~какого еще никто никогда не осмѣливался бро-~~ сать на него. Лицо ея было блѣдно; въ глубокихъ сѣрыхъ глазахъ горѣло гнѣвное пламя. Если бъ не присутствіе секретаря, она заговорила бы первая, не обращая вниманія на правила этикета. Филиппъ смотрѣлъ на нее внимательно, сравнивая ее про себя съ смиренно-тупой личностью молодой королевы и съ немного грубой и почти поблекшей красотой принцессы Эболи. Принцесса сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Тиціанъ писалъ ея нѣсколько польщенный портретъ; и хотя ей было всего тридцать лѣтъ, но она была матерью многихъ дѣтей.

Филиппъ пристально смотрѣлъ на красивую дѣвушку, стоявшую передъ нимъ, и удивлялся, почему до сихъ поръ она не казалась ему такой милой. Въ томъ, что онъ смаковалъ, было полуболѣзненное, полу-горькое наслажденіе: вѣдь, онъ только-что приговорилъ къ смерти отца красотики; она, стало быть, должна была ненавидѣть его всѣмъ сердцемъ. Ему пріятно было думать объ этомъ. Она была прекрасна; и онъ долго смотрѣлъ на нее молча.

— Садитесь, донья Долореса—сказалъ онъ, наконецъ, своимъ глухимъ голосомъ, который однако на этотъ разъ не былъ рѣзокъ.—Я радъ, что вы пришли: у меня есть многое сказать вамъ.

Не подымая рукъ съ ручекъ кресла, на которыя онъ облачивался, король сдѣлалъ знакъ, указывая длиннымъ пальцемъ на низкій мягкій стулъ, стоявшій возлѣ него. Долореса неохотно придвинулась и сѣла. Перезъ задумчиво слѣдилъ за ними обоими и забылъ свое писанье. Онъ не помнилъ, чтобы кому-нибудь, кромѣ принцессы Эболи, дозволялось сидѣть въ кабинетѣ короля. Королева никогда не входила туда. Самого Переза особая работа конечно избавляла отъ надоедливыхъ обрядностей, которыми такъ дорожилъ Филиппъ.

Долореса присѣла на кончикъ стула, держась прямо, со сложенными на колѣняхъ руками.

— Донья Долореса блѣдна—замѣтилъ король.—Принесите чего-нибудь крѣпительнаго, Перезъ, или стаканъ портвейна ⁵⁴.

— Благодарю ваше величество—живо сказала молодая дѣвушка.—Мнѣ ничего не нужно.

— Я буду вашимъ врачомъ—довольно нѣжно отвѣтилъ Филиппъ.—Буду настаивать, чтобы вы приняли предписанное мною лекарство.

Онъ не сводилъ съ нея глазъ, въ то время какъ Перезъ принесъ стаканъ вина на золотомъ подносѣ и предложилъ его Долоресѣ. Отказываться было невозможно: она сдѣлала глотокъ.

— Благодарю ваше величество—снова сказала она.—Благодарю васъ, сударь—прибавила она серьезно Перезу, ставя стаканъ, но не взглянувъ на него: не лучше поблагодарила бы она лакея.

— Я имѣю многое сказать вамъ и желаю предложить вамъ нѣсколько вопросовъ—сказалъ король, произнося эти слова очень медленно, но чрезвычайно ласково.

Онъ замолчалъ и тихонько кашлянулъ. Долореса молчала. Тогда онъ снова устремилъ на нее глаза. Во все время разговора, онъ пристально разсматривалъ ее во всѣхъ подробностяхъ. Его пытливый взглядъ прошелся вездѣ—отъ головного убора до кончиковъ бархатныхъ туфелекъ. Наконецъ, онъ остановился на ея ртѣ, да такъ, что это разстраивало ее больше, чѣмъ самая рѣчь. Перезъ снова сѣлъ на свой стулъ.

— Въ моей жизни—началъ король, говоря о себѣ безъ всякихъ стѣсненій—я выстрадалъ больше, чѣмъ многіе; я лишился тѣхъ, которыхъ любилъ самымъ искреннимъ образомъ. Самый счастливый, удачливый монархъ въ мірѣ былъ и есть несчастнѣйшій человѣкъ въ своемъ королевствѣ. Всѣ, кого я любилъ, были отняты у меня одинъ за другимъ; и я остался почти одинокимъ въ моихъ, столь обширныхъ, владѣніяхъ. Полагаю, вы этого не можете понять, моя дорогая: мои несчастья начались раньше, чѣмъ вы родились. Но сегодня они достигли своей высшей точки, благодаря смерти моего дорогого брата.

Онъ замолчалъ, наблюдая за ея ртомъ. Онъ замѣтилъ, что она дѣлала нечеловѣческія усилія, чтобы сдержать себя, сжимая свои прелестныя губки, которыя противъ ея воли двигались мучительно и замѣтно блѣднѣли.

— Перезъ—сказалъ король, минуту спустя. — Можете пойти отдохнуть немного. Я пошлю за вами, когда понадобится.

Секретарь всталъ, низко поклонился и вышелъ изъ кабинета черезъ маленькую потайную дверь въ углу. Король ждалъ, пока не убѣдился, что дверь снова заперлась за нимъ. Тогда тонъ его нѣсколько измѣнился: онъ заговорилъ быстро, точно чувствовалъ себя стѣсненнымъ.

— Я чувствую, что мы связаны общимъ несчастьемъ, моя дорогая. Я намѣренъ взять васъ подъ свое особое покровительство съ этихъ же поръ. Да, я знаю!

Онъ поднялъ руку, чтобы не дать прервать себя: ему показалось, что Долореса собирается заговорить.

— Я знаю—продолжалъ онъ—зачѣмъ вы пришли: вы желаете просить за отца. Это весьма естественно. И вы хорошо сдѣлали, что обратились ко мнѣ лично: я скорѣй выслушаю васъ, чѣмъ кого бы то ни было, кто бы говорилъ за васъ. Я охотнѣе окажу милость, насколько это въ моей власти, непосредственно вамъ, чѣмъ чрезъ кого бы то ни было изъ придворныхъ, который хлопоталъ бы столько же ради собственного интереса, какъ и за васъ.

— Я ищу правосудія, государь, а не милости!—сказала Долореса твердымъ, тихимъ голосомъ. И глаза ея вспыхнули.

— И то, и другое будетъ оказано вашему отцу—отвѣтилъ Филиппъ.—То и другое связано тѣсно между собой.

— Онъ не нуждается въ милости—возразила молодая дѣвушка.—Вѣдь, онъ не совершилъ преступленія. Вашему величеству это извѣстно столько же, сколько и мнѣ.

— Если бы это было мнѣ извѣстно, милая моя, то отецъ вашъ не былъ бы арестованъ. Я не могу догадаться, что именно вы знаете, или не знаете...

— Я знаю правду!—Она произнесла эти слова такъ самоуверенно, что выраженіе лица короля нѣсколько измѣнилось.

— И мнѣ хотѣлось бы знать ее—отвѣтилъ онъ еще мягче, чѣмъ раньше.—Разскажите-ка мнѣ, что, какъ вы полагаете, извѣстно вамъ объ этомъ дѣлѣ. Вы, пожалуй, поможете мнѣ разобраться въ немъ: тогда мнѣ легче будетъ помочь вамъ, если только это возможно. Ну, что же вамъ извѣстно?

Долореса нагнулась къ нему и почти встала, когда голосъ ея понизился до шопота. Она заговорила, глядя ему прямо въ лицо:

— Я была позади тѣхъ дверей, которыя ваше величество желали отворить. Я слышала каждое слово. Я слышала, какъ вы вынули мечъ изъ ноженъ; я слышала, какъ упалъ дон-Жуанъ... Затѣмъ прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ я услышала голосъ моего отца, принявшаго вину на себя, чтобы никто не сказалъ, что король убилъ своего родного брата, въ его комнатѣ, безоружнаго. Правду я говорю, или нѣтъ?

Пока она говорила, лицо Филиппа покрывалось зеленоватымъ отбѣнкомъ и казалось мертвымъ при блескѣ свѣчей. Онъ сидѣлъ, выпрямившись въ креслѣ, положивъ руки на его ручки и отталкивая его, точно хотѣлъ отодвинуться назадъ, если можно. Онъ все предвидѣлъ, кромѣ того, что Долореса была въ сосѣдней комнатѣ: его шпіоны сообщили ему черезъ Переза, что отецъ заперъ ее въ ея комнатѣ на весь вечеръ, даже послѣ ужина.

— Когда вы оба удалились—продолжала Долореса, не спуская съ него своего грознаго взгляда—я вышла и увидѣла его мертвымъ, съ раной на лѣвой сторонѣ груди. Онъ былъ убитъ безоружнымъ: ему не дали никакой надежды на спасеніе жизни. На моемъ платьѣ кровь,—кровь человѣка, котораго я любила,—кровь, пролитая вами! О, онъ былъ правъ, когда называлъ васъ трусомъ! И онъ умеръ за меня, потому что вы произнесли слова обо мнѣ, которыхъ не снести ни одному любящему мужчинѣ. Онъ былъ правъ, назвавъ васъ трусомъ! Онъ хорошо сдѣлалъ, сказавъ это... И это было его послѣднее слово: я не забуду его! Онъ перенесъ все, чѣмъ пытали его,—ваши оскорбленія, ваши насмѣшки надъ его матерью. Но онъ не хотѣлъ дозволить бросать грязью въ мое имя. И еслибъ вы не убили его прямо изъ трусости, онъ далъ бы вамъ пощечину. Это былъ человѣкъ! И тогда-то отецъ мой взялъ на себя вину, чтобы спасти васъ отъ чудовищнаго обвиненія; чтобы повѣрили ему, онъ пошелъ на ложь, которая спасла бы васъ передъ лицомъ всѣхъ. Ну, такъ извѣстна ли мнѣ истина? Сказала ли я хоть одно слово, которое не было бы правдой?

Она теперь поднялась во весь ростъ и стояла передъ нимъ, точно ангель-обвинитель. А онъ, котораго рѣдко можно было захва-

тить врасплохъ, котораго трудно было задѣть за живое, закинулъ голову и мучился, тихо поворачивая голову справа нѣтъ на спинкѣ высокаго рѣзного кресла.

— Сознайтесь, что это правда!—вскричала она во весь голосъ.— Неужели и на это у васъ не хватаетъ мужества? Вы—не король теперь: вы—убійца брата своего, убійца человѣка, котораго я любила, женой котораго стала бы завтра. Посмотрите на меня и сознайтесь, что я сказала правду! Я—испанка: я не хочу, чтобы мое отечество было заклемено, въ глазахъ всего свѣта, вашими королевскими убійствами! Такъ сознайтесь и спасите моего отца,—и я сохраню вашу тайну отчизны-ради! А если вы не сдѣлаете этого, то или убейте меня тутъ же, на мѣстѣ, какъ убили его, или же, клянусь Богомъ, создавшимъ васъ и родившую васъ мать, я скажу всей Испаніи, кто вы такой. И люди, которые любили дон-Жуана, возстанутъ и прольютъ вашу кровь за его кровь, хотя это будетъ королевская кровь! И умрете вы такимъ, какимъ совершили убійство,—трусомъ!

Глаза короля закрылись. Большая блѣдная голова его продолжала медленно ворочаться съ боку на бокъ. Онъ мучился: та душевная пытка, которой онъ подвергъ Мендозу, была отомщена. Но онъ молчалъ.

— Вы не хотите говорить?—спросила молодая дѣвушка, глядя на него пылающими глазами.—Такъ отыщите какое-нибудь оружіе и убейте меня, прежде чѣмъ я уйду: я не стану ждать, пока вы придумаете свою длинную рѣчь!

Она замолчала и собралась уходить. Онъ не издавалъ ни единого звука. Она пошла къ дверямъ, остановилась, снова пошла и оставалась: она ожидала его отвѣта на каждомъ шагѣ. Онъ все слышалъ, но не могъ принудить себя сказать слово, которое она требовала отъ него. Она пошла скорѣе. Ея рука касалась уже дверей, когда онъ поднялся на ручкахъ кресла и закричалъ ей испуганнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Остановитесь... Вы не должны уходить... Какого вамъ нужно слова?

Она сдѣлала шагъ къ нему и опять остановилась. Она встрѣтилась съ его запуганными глазами, когда онъ обернулся къ ней.

— Проговорите: *Вы сказали правду!*—отвѣчала она, подсказывая ему точно она была государемъ, а онъ—виновный подданный.

Она подождала съ минуту, потомъ двинулась впередъ, словно собиравшся уходить.

— Стойте!.. Да... Это—правда... Это—мое дѣло... Ради Бога, не выдавайте меня! www.libtool.com.cn

Онъ почти провизжалъ ей эти слова, полуподнявшись, согнувшись, съ лицомъ, поблѣднѣвшимъ отъ смертельнаго страха. Она медленно вернулась къ нему, не сводя глазъ съ него, словно то былъ лютый звѣрь, котораго она укрощала однимъ своимъ взглядомъ.

— Но это не все! — воскликнула она.—Это — для меня: мнѣ хотѣлось слышать эти слова отъ васъ. Есть еще кое-что.

— Чего вамъ нужно еще отъ меня?—спросилъ Филиппъ хриплымъ голосомъ, откидываясь, въ изнеможеніи, на своемъ креслѣ.

— Свободы и безопасности отца! — отвѣчала Долореса. — Вы должны тотчасъ-же дать мнѣ приказъ объ его освобожденіи. Онъ врядъ ли успѣлъ дойти до тюрьмы. Велите, чтобы его привели сейчасъ-же сюда, какъ свободного человѣка.

— Это невозможно!—возразилъ Филиппъ.—Онъ при всемъ дворѣ сознался въ преступленіи: его невозможно безъ суда отпустить на волю. Вы забываете, о чемъ просите... Вы вообще слишкомъ забываетесь!

Онъ старался, по привычкѣ, вызвать въ себѣ чувство собственнаго достоинства, по мѣрѣ того, какъ страхъ проходилъ; но Долореса была духомъ сильнѣе его.

— Я ничего не прошу у вашего величества: я предписываю условія убійцѣ моего возлюбленнаго—гордо проговорила она.

— Это ужъ слишкомъ, дѣвушка!—прохрипѣлъ Филиппъ.—Вы съ ума сошли. Я позову слугъ и велю отвести васъ въ безопасное мѣсто. Тогда вы увидите, что вамъ дѣлать. Довольно вамъ насѣдать на меня съ вашими дерзостями!

Долореса подумала, что въ его власти привести въ исполненіе угрозу и велѣтъ увести ее черезъ ту потайную дверь, въ которую вышелъ Перезъ. Она мигомъ сообразила, какъ велика опасность. Вѣдь, она была единственной свидѣтельницей противъ него. Если ему удастся запрятать ее въ такое мѣсто, которое было бы никому

неизвѣстно, то онъ безнаказанно отправитъ отца ея на эшафотъ, какъ вѣроятно и думалъ. Съ другой стороны, всего нѣсколько минутъ назадъ, ей удалось покорить его страхомъ. Въ ту же минуту она, съ быстротой женскаго ума, вспомнила, какъ его страхъ возрасталъ, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ тѣмъ дверямъ, въ которыя вошла. Его единственная надежда устроить ея исчезновеніе заключалась въ томъ, чтобы спроводить ее тайнымъ ходомъ, избѣгая открытаго скандала.

Прежде, чѣмъ Долореса успѣла отвѣтить на его послѣднія гнѣвные слова, она уже почти дошла опять до главнаго входа.

— Зовите кого хотите!—проговорила она презрительно.— Вамъ уже не спасти себя. Рюй Гомезъ стоитъ за дверью; тамъ-же стоятъ камергеры и стража. Прежде, чѣмъ вы сможете наложить руки на меня, я скажу имъ всю правду. Если не напишете мнѣ приказа объ освобожденіи отца, я сейчасъ же выхожу. Черезъ десять минутъ вспыхнетъ дворцовая революція, а завтра вся Испанія возстанетъ, чтобы отомстить за смерть вашего брата! Испанія еще не забыла дон-Карлоса! Еще живы тѣ, которые видѣли, какъ вы, собственными руками, подали королевѣ Изабеллѣ напитокъ, отъ котораго она умерла. Неужели вы до того безумны, что полагаете, будто никто не знаетъ всего этого, будто ваши шпіоны не шпіонятъ надъ вами самими, будто вы одинъ изъ всѣхъ можете безнаказанно совершать любяя преступленія?

— Берегись, дѣвушка, берегись!

— Берегись дон-Филиппъ Австрійскій, король Испаніи и полусвѣта, чтобъ голосъ дѣвушки не заглушилъ твоихъ словъ, чтобъ рука дѣвушки не подкопалась подъ основаніе твоего престола, чтобъ все человечество не возстало завтра же и не потребовало твоей крови въ отплату за всю пролитую тобой кровь! Вотъ здѣсь, по ту сторону дверей, стоятъ люди, которые уже подозрѣваютъ истину, которые ненавидятъ тебя, какъ Сатану, которые любили твоего брата, какъ любило его всякое живое существо — за исключеніемъ тебя. Еще одну минуту дарю вамъ: прикажите освободить отца, или я отворю двери и скажу! Одна минута!.. Вы не согласны? Ужъ поздно!.. Вы погибли!

Ея рука протянулась къ двери, но Филиппъ уже вскочилъ. Бы-

стрыми, неуклюжими шагами направился онъ къ письменному столу, схватилъ перо Переза и началъ живо царапать нѣсколько словъ своимъ крупнымъ, кривымъ почеркомъ. Онъ засыпалъ написанное пескомъ, затѣмъ высыпалъ песчинки обратно въ серебряную песочницу, взглянулъ на бумагу и молча протянулъ ее Долоресъ. Другая его рука подкрадывалась къ столу къ серебряному колокольчику, которымъ онъ звалъ своихъ личныхъ слугъ. Но дѣвушка замѣтила его движеніе и чутьемъ догадалась объ его предательствѣ. Филиппъ предполагалъ, что она подойдетъ къ столу, видя, что онъ хочетъ позвонить, а онъ ее схватитъ и будетъ держать силой, пока не явятся ему на помощь люди. Всѣ ея способности были страшно напряжены — и она одержала верхъ надъ его тяжеловѣснымъ лукавствомъ.

— Если вы зазвоните, я отворю дверь!—воскликнула она повелительнымъ голосомъ.—Я должна получить бумагу здѣсь, гдѣ я нахожусь въ безопасности, и я сначала прочту ее.

— Вы—ужасная женщина!—воскликнулъ король, подходя къ ней и протягивая ей бумагу, съ улыбкой. Но эта улыбка не понравилась ей.

Она взяла бумагу у него изъ рукъ, но не сводила съ него глазъ: что-то внушало ей, что онъ попытается схватить ее и оттащить отъ двери. Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли другъ на друга; и по его рѣшительному виду она убѣдилась, что подозрѣніе ея вѣрно и что опасно опускать глаза. Она удивилась-было, отчего онъ не хватается ее; но вдругъ сообразила, что ея свободная рука лежала на ручкѣ дверей, и онъ зналъ это.

Она медленно повернула ручку и потянула дверь къ себѣ. Лицо его осунулось. Она подвинулась на сторону, такъ, чтобы могла выскочить изъ комнаты при малѣйшей его попыткѣ совершить насиліе, и тогда только рѣшилась взглянуть на бумагу. Все было въ порядкѣ, и приказъ будетъ исполненъ: она увидѣла сразу, что бумага повелѣвала тотчасъ и безусловно освободить дон-Діега де-Мендозу.

— Покорнѣйше благодарю ваше величество и раскланиваюсь—сказала она, широко отворяя двери и низко присѣдая.

Камергеръ, замѣтившій, что двери отворились, подошелъ, чтобы затворить ихъ: онѣ отворялись внутрь. Король поманилъ его и замкнулъ дверь; но онъ успѣлъ услышать голосъ Долоресы.

— Дон-Рюй Гомезъ!—восклидала она.—Вотъ приказъ о немедленномъ и безусловномъ освобожденіи моего отца. Я не знаю, кому его передать. Угодно вамъ взять его у меня и прочесть?

— Я самъ пойду въ западную башню—сказалъ онъ, идя рядомъ съ ней.—Такія добрыя вѣсти еще больше радуютъ, когда ихъ приносятъ другъ.

www.libtool.com.cn

— Благодарю. Скажите отцу отъ моего имени, что онъ въ безопасности: его величество сказалъ мнѣ, что ему извѣстна вся правда. Согласны? Вы были очень добры ко мнѣ сегодня ночью. Позвольте поблагодарить васъ отъ всей души теперь-же: мы, можетъ быть, ужъ не увидимся больше. Послѣ всего этого вы не увидите меня при дворѣ. Надѣюсь, отецъ отвезетъ насъ обратно въ Вальядолидъ, гдѣ мы будемъ жить съ нимъ.

— Это было бы самое умное—отвѣчалъ Рюй Гомезъ.—Что же касается какой бы то ни было услуги, которую я вамъ оказалъ, то это—пустяки; и оказалъ я ее охотно. Но я не хочу, чтобы отецъ вашъ долго ждалъ своего освобожденія. Спокойной ночи, донья Долореса!

ГЛАВА IX.

Воскресшій изъ мертвыхъ.

Все, что произошло съ той минуты, какъ дон-Жуанъ упалъ въ своей комнатѣ, до того, какъ Долореса оставила сестру на террасѣ, заняло немного больше получаса. Въ это-то время король прибылъ въ тронную залу, а Мендоза сознался въ убійствѣ дон-Жуана; и оба вышли подъ прикрытіемъ стражи.

Какъ только Долореса удалась настолько, что не могла слышать происходившаго на террасѣ, Инеза встала и прокралась къ дверямъ дон-Жуана. Въ переполохѣ послѣ объявленія о смерти его, никто не подумалъ зайти къ нему. Каждый былъ убѣжденъ, что кто-нибудь другой сдѣлалъ все необходимое для принца и что покои, переполнены врачами и слугами. Не впервые, въ исторіи, случалось, да и повторялось потомъ, что королевская особа покидается одна, мертвая или только умирающая, такъ какъ никто не считалъ себя непосредственно отвѣтственнымъ лицомъ.

Прокрадываясь вдоль террасы, Инеза нашла наружную дверь открытой, какъ ее оставилъ карликъ, когда уносилъ Долоресу. Она вспомнила, что голоса, слышанные ею раньше, раздавались въ комнатахъ по лѣвую сторону отъ дверей: она нащупала дорогу въ спальню, куда и зашла, не колеблясь. Нагибаясь такъ, что по временамъ руки касались пола, Инеза окрестилась впередъ, ища тѣла дон-Жуана. Вдругъ она вздрогнула и тотчасъ же выпрямилась. Ей послышался глубокий вздохъ въ комнатѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ она стояла.

Инеза напрягала слухъ; но даже ея уши не могли уловить никакого звука. Она немного испугалась. Впрочемъ, ее охватилъ не страхъ чего-нибудь сверхъ-естественнаго: слѣпые, всю жизнь погруженные во мракъ, вообще не подвержены подобному страху. Но ей пришло на умъ, что здѣсь есть постороннее лицо, возлѣ умершаго; а она не желала, чтобъ ее видѣли.

— Кто здѣсь?—спросила она торопливо.

Отвѣта не послѣдовало: мертвая тишина продолжала царить въ комнатѣ.

Она постояла еще нѣсколько секундъ на мѣстѣ, потомъ покраслась дальше, нагибаясь и ощупывая полъ. Минуту спустя, ея рука дотронулась до бархата: она поняла, что нашла того, кого искала. Съ тихимъ стономъ она опустилась на колѣни и нащупала холодную руку, вытянутую на мраморномъ полу, за толстымъ ковромъ. Рука ея скользнула по ней и добралась до плеча, а затѣмъ и до лица. Ея пальцы легко пробѣжали по его чертамъ, а сердце почти перестало биться.

Инеза не чувствовала ужаса передъ смертью, хотя ей не случилось еще быть близъ умершаго; а тѣ, которымъ она была дорога, позволяли ей ощупывать у себя лицо нѣжными ручками, и она распознавала красоту осязаніемъ. Хотя сердце ея разрывалось на части, она чувствовала, что узнала обликъ, который такъ долго любила въ мечтахъ.

Удовлетворивъ своему вожделѣнію, Инеза снова предалась горю. Она упала на полъ, рядомъ съ дон-Жуаномъ, положивъ руку на его грудь, а голову—на неподвижное плечо, и почти скрывая лицо въ бархатныхъ и шелковыхъ складкахъ его кафтана. Раза два она

судорожно всхлипнула, а потом снова затихла, стараясь всѣми силами умереть здѣсь, на его груди, прежде чѣмъ кто-нибудь помѣшаетъ ей. Ей казалось такъ просто—вдругъ перестать жить и слиться съ нимъ во-едино навѣки.

Снова послышался глубокой вздохъ. Но теперь этотъ звукъ раздался подлѣ нея; онъ шевельнулъ ея руку, вмѣстѣ съ его грудью. Мертвецъ сдѣлалъ движеніе, онъ вздохнулъ!

Инеза дико вскочила, съ громкимъ крикомъ, полуразбитая испугомъ, полубезумная отъ сладкой, но совсѣмъ несбыточной надежды. Но, вотъ, онъ снова вздохнулъ, и съ устъ его сорвался тихій стонъ. Такъ онъ не умеръ! Онъ еще можетъ заговорить съ ней; онъ, пожалуй, услышитъ ея голосъ, прежде чѣмъ взаправду умереть. Она никогда не рѣшилась бы поцѣловать его: даже теперь лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ при одной мысли объ этомъ. Но она наклонилась къ нему такъ низко, что щека ея почти коснулась его щеки, и заговорила тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Нѣтъ еще, нѣтъ!... Вернись хоть на минуту, хоть на одну минуточку! О, Боже, сотвори это чудо для меня!

Врядъ-ли она соображала, что говорить. Но чудо свершилось: она услышала, какъ вздохи повторялись еще и еще. Она вытаращила глаза среди своей вѣчной ночи; что-то вродѣ молніи вспыхивало въ ея головѣ; грудь ея трепетала; руки окоченѣли въ судорогахъ безумной радости.

— Вернись!—вскричала она.—Вернись!

Руки ея задрожали, когда она почувствовала, что его тѣло шевелится.

Снова раздался его голосъ,—еще не слова, но и не жалобный стонъ. Глаза его, до тѣхъ поръ полуоткрытые и недвижимые, закрылись спокойно; щеки тихо покрывались румянцемъ. Онъ ощутилъ ея дыханіе, и сила вернулась къ нему на мгновеніе: руки его сжались и крѣпко обняли ее.

— Долореса!—воскликнулъ онъ и въ одну минуту осыпалъ лицо ея поцѣлуями, хотя глаза его все еще были закрыты.

Затѣмъ, обезсиленный, онъ снова упалъ, а она подхватила его голову рукой, чтобы предохранить ее отъ ушиба о мраморный полъ. Она пыталась заговорить; но слова неясно, отрывисто выходили изъ ея устъ.

— Я не Долореса!—удалось ей, наконецъ сказать.—Я—Инеза...

Но онъ не слыхалъ ничего: онъ снова упалъ въ обморокъ; болѣзненная краска сбѣжала съ лица.

Инеза поняла, что онъ опять лишился сознанія. Она думала про себя о томъ, темно или свѣтло въ комнатѣ, и открывалъ-ли онъ глаза, когда цѣловалъ ее? Его голова тяжело легла на ея руку. Другой рукой она стащила капюшонъ съ головы, свернула его и подсунула вмѣсто подушки подъ голову раненаго, такъ что она могла лежать спокойно.

Дон-Жуанъ не узналъ ея: и она вообразила, что онъ умираетъ. Онъ поцѣловалъ ее, и во вѣки вѣковъ никто не сможетъ отнять у нея воспоминаніе объ этомъ! Въ томъ бурномъ состояніи, въ какомъ находились ея мысли, она почти радовалась, что онъ умираетъ именно теперь: вѣдь, она испытала ощущеніе, о которомъ не смѣла и мечтать въ самыхъ сладкихъ грезахъ. И оно было невымысленное: никто не могъ отнять его у нея. Никто никогда не узнаетъ о немъ... никто, даже Долореса...

Ревность закралась въ ея сердце. Въ вихрѣ ея мыслей, сливаясь съ остальными чувствами, она забушевала въ немъ внезапно, дико, мощно, словно дон-Жуанъ принадлежалъ ей при жизни, словно ея сестра, такъ горячо любимая сестра, хотѣла отнять его у нея. Во всякомъ случаѣ, онъ принадлежалъ ей мертвый и останется ея навсегда: и никто не узнаетъ этого. Нужды нѣтъ, что онъ принялъ ее за другую: вѣдь, поцѣлуи его принадлежали ей! Разъ только въ ея жизни губы мужчины, не считая отца, коснулись ея щекъ; и то были губы самаго прелестнаго, лучшаго, молодцоватаго изъ людей ея кумира, ея бога земного...

Пусть же умираетъ теперь! Она послѣдуетъ за нимъ; а тамъ, въ надзеѣдномъ мірѣ, Богъ, такъ или иначе, устроитъ все къ лучшему: и онъ, и она, и сестра ея сольются въ одну любящую душу на вѣки вѣчные. Во всемъ этомъ не было разсудка: то была лишь вспышка дикихъ помысловъ. Но она казалась ей достовѣрностью.

Но дон-Жуанъ Австрійскій не умеръ и не умиралъ. Мечъ брата прорѣзалъ лишь кафтанъ и проникъ въ наружные покровы тѣла, подъ лѣвой рукой, такъ какъ привѣץ стоялъ бокомъ къ нему, съ протянутой правой рукой. Рана была лишь царапиной, какъ говорятъ

солдаты; и хотя молодая кровь тотчасъ хлынула, теперь она перестала течь. Его оглушили ушибъ при паденіи, а не ударъ меча: коверъ выскользнулъ изъ-подъ его ногъ, и онъ упалъ во весь ростъ на спину, точно поскользнувшись на льду. Онъ до того сильно ударился затылкомъ о мраморный полъ, что съ часъ лежалъ въ обморокъ, пока не унесли Долоресъ, лежалъ какъ мертвый, безъ дыханія, безъ біенія сердца, безъ всякихъ признаковъ жизни. Но затѣмъ дыханіе вернулось, а съ нимъ пришло и сознаніе, хотя очень медленно: подлѣ него не было никого, кто помогъ бы ему, приподнялъ бы немного его голову, sprysнулъ бы лицо хоть капелькой холодной воды.

Наконецъ онъ тревожно зашевелился, задвигалъ руками и широко раскрылъ глаза. Инеза почувствовала его легкія движенія, услышала его правильное дыханіе: она поняла чутьемъ, что онъ пришелъ въ себя, уже не былъ въ полузабытіи, какъ въ ту минуту, когда цѣловалъ ее.

— Я—Инеза!—повторила она почти безсознательно и опасаясь, сама не зная почему, чтобы онъ не принялъ ее за сестру.— Я нашла здѣсь ваше высочество: всѣ считаютъ васъ умершимъ.

— Умершимъ?

Въ голосъ его слышно было изумленіе. Глаза его оглядывали ее. Потомъ онъ обвелъ ими всю комнату, хотя еще и не поднималъ головы съ капюшона, на которомъ она покоилась.

— Умершимъ? — повторилъ онъ все еще растеряннымъ голосомъ.— Нѣтъ, я вѣроятно упалъ... Голова болитъ.

Вдругъ онъ задвигался снова и издалъ рѣзкое восклицаніе, скорѣй съ досады, чѣмъ отъ страданія, какъ случается съ крѣпкими людьми, когда они чувствуютъ себя безпомощными или больными, или то и другое вмѣстѣ. Тутъ его взоръ упалъ на открытую дверь крайней комнаты: онъ сразу забылъ о своихъ страданіяхъ и приподнялся, опираясь на руку, съ испуганными глазами.

— Гдѣ Долореса?—вскричалъ онъ въ ужасной тревогѣ.—Куда ее увели? Или она сама выскочила въ окно?

— Она въ безопасности—отвѣтила Инеза, еле соображая, что говоритъ, такъ какъ онъ вдругъ опять поблѣднѣлъ и врядъ-ли слышалъ ее отвѣтъ: полуподнявшись, раненый снова рухнулъ, и почти на нее.

Она старалась поддержать его, насколько могла; но его положение было неестественно, а она не была сильна. Полубезуміе овладѣло ею. Она колебалась между страхомъ, что онъ умретъ сейчасъ, у нея на рукахъ, и чуткой увѣренностью, что ему суждено жить. Она всѣмъ сердцемъ желала теперь, чтобы кто-нибудь пришелъ ей на помощь или послалъ за врачомъ. Онъ, вѣдь, можетъ умереть отъ недостатка простой помощи, а она не знала, какъ подать ее. Но у него только закружилась голова отъ произвольнаго движенія: теперь онъ снова оперся на собственную руку.

— Слава Богу, Долореса въ безопасности!—пршепталь онъ.— Въ состояніи-ли вы помочь мнѣ дойти до какого-нибудь стула, мое дорогое дитя? Я, должно быть, сильно ушибся. Хотѣлось бы знать, какъ долго я пролежалъ здѣсь? Я помню...

Рѣчь его оборвалась; онъ провелъ рукой по глазамъ. Крѣпкіе люди, впавшіе въ безсознательное состояніе, придя въ себя, первымъ дѣломъ начинаютъ думать вслухъ, стараясь припомнить всѣ мелочи происшествія, лишившаго ихъ сознанія.

— Помнится, король былъ здѣсь... Мы съ нимъ разговаривали и поссорились... О!..

Это короткое восклицаніе прервало его рѣчь: къ нему вернулось полное сознаніе; и онъ понялъ, что эту тайну надо сохранить, ради брата. Онъ положилъ одну руку на плечо слабой дѣвушки, чтобы опереться, а при помощи другой постарался стать на одно колѣно.

— Голова кружится!—сказаль онъ.—Попробуйте отвести меня къ стулу, Инеза.

Она быстро поднялась на ноги, держа его за руку, а другую руку просунувъ ему подъ плечо. Онъ съ трудомъ поднялся на ноги, всей своей тяжестью оперся на нее и тяжело дышалъ. Усиліе причинило ему страданіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ была рана.

— Я вдобавокъ раненъ—сказаль онъ спокойно, замѣтивъ кровь на кафтанѣ.—Но это, полагаю, пустяки.

Съ чутъемъ война, раненаго въ грудь, онъ слегка потеръ губы кружевной оборкой своего рукава и посмотрѣлъ, нѣтъ-ли на ней большихъ красныхъ пятенъ, этихъ признаковъ смерти. Пятенъ не оказалось.

— Это только царапина!—сказаль онъ равнодушно.—Помогите мнѣ дойти до стула, дорогая,

— Гдѣ?—спросила она.—Я незнакома съ комнатою.

— Можно забыть, что вы слѣпы—отвѣчалъ онъ, улыбаясь и тяжело опираясь на нее. Своею тяжестью онъ направилъ ее къ стулу, на которомъ сидѣлъ и читалъ письмо Долоресы, когда, часъ тому назадъ, король вошелъ къ нему.

Онъ сѣлъ со вздохомъ облегченія и протянулъ сначала одну ногу, потомъ другую, откидываясь на спинку стула съ полузакрытыми глазами.

— Гдѣ Долореса? — спросилъ онъ, наконецъ.—Зачѣмъ она ушла?

— Ее увелъ шутъ, я думаю—отвѣчала Инеза.—Я ихъ нашла вмѣстѣ на террасѣ. Она пыталась вернуться къ вамъ, а онъ не пускалъ ее. Они считали васъ мертвымъ.

— Это было умно съ его стороны.

Онъ все еще говорилъ слабымъ голосомъ; а когда открылъ глаза, ему показалось, что вся комната колеблется, кружится вмѣстѣ съ нимъ.

— А потомъ?

— Потомъ я рассказала ей, что произошло при дворѣ: я была на галлерей и все слышала. И Долореса ушла одна. Я не поняла, что она собиралась сдѣлать, но знаю, что хочетъ попытаться спасти нашего отца.

— Вашего отца!

Дон-Жуанъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ, забывая о своей боли. Но словно кто-то опять хватилъ его по головѣ: онъ снова закрылъ глаза.

— Что случилось?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ.—Постарайтесь вспомнить и рассказать мнѣ. Я ничего не понимаю.

— Мой отецъ думалъ, что это онъ убилъ васъ—отвѣтила удивленная Инеза.—Онъ пришелъ въ большую залу, когда тамъ былъ король, и громко заявилъ, что убилъ васъ, безоружнаго.

— Вашъ отецъ?—Онъ почти совсѣмъ забылъ о своихъ страданіяхъ.—Вашего отца даже въ комнатѣ не было, когда... я упалъ! А король неужели промолчалъ? Скажите скорѣй!

— Поднялся громкій крикъ; а я побѣжала отыскать Долоресу. Не знаю, что потомъ было.

Дон-Жуанъ съ трудомъ повернулся на стулѣ, подымая руку къ затылку. Но сначала онъ не произнесъ ни слова: онъ начиналъ понимать, въ чемъ дѣло, и не желалъ выдать тайну даже Инезѣ.

— Я знала, что это—не его дѣло. Я подумала, что онъ сошелъ съ ума... да онъ и сошелъ съ ума! Но я думала также, что ваше высочество скончались.

— Дорогое дитя!—сказалъ дон-Жуанъ ласково.—Вы воскресили меня... Вашего отца здѣсь не было: кто-то другой ранилъ меня. Какъ вы думаете, сможете-ли вы найти Долоресу или послать кого-нибудь сказать ей.... сказать хоть кому угодно, что я живъ? Скажите, что я неловко упалъ и на время былъ ошеломленъ. Не упоминайте о моей царапинѣ... Это—пустяки... Не говорите никому объ этомъ. Если бы вы могли найти Адониса, пусть онъ придетъ.

Тутъ онъ застоналъ: разговоръ причинялъ ему почти невыносимыя страданія. Инеза протянула руку къ нему.

— Крѣпко болитъ?—спросила она съ какимъ-то торжественнымъ дѣтскимъ участіемъ.

— Да, голова болитъ; но со мной не сдѣляется дурно. Возлѣ кровати стоитъ питье... кажется, по эту сторону. Если бы вы могли найти его! Я еще не могу ходить... Голова кружится.

— Кто-то идетъ! — воскликнула Инеза, вмѣсто отвѣта. — Я слышу шаги на террасѣ! Слушайте!—Она прислушивалась, наклонивъ голову.—Это—Адонисъ! я узнаю его походку. Вотъ онъ!

Не успѣла она сказать послѣднихъ словъ, какъ карликъ появился на порогѣ. Онъ стоялъ неподвижно, окаменѣлый отъ изумленія.

— Боже милосердый! — воскликнулъ онъ благоговѣйно. — Его высочество ожилъ-таки!

— Да!—радостно отвѣчала Инеза.—Принца только ошеломило паденіе. Пойдите, скажите Долоресѣ... Скажите всѣмъ... Приведите сюда всѣхъ!..

— Нѣтъ!—вскричалъ дон-Жуанъ.—Сначала отыщите и приведите одну Долоресу. Остальные могутъ подождать.

— Но ваше высочество нуждается во врачѣ—уговаривалъ карликъ, еще не пришедшій въ себя отъ изумленія.—Ваше высочество ранены: необходимо поскорѣй пустить кровь: я позову доктора Гальдоса...

— Говорю же вамъ, это—пустяки!—перебилъ его дон-Жуанъ.— Дѣлайте, какъ я приказываю вамъ: приведите донью Долоресу!.. Нѣтъ, сначала дайте мнѣ вонъ тотъ напитокъ, что стоитъ на столикѣ. Черезъ четверть часа я буду чувствовать себя опять отлично. Мнѣ случилось однажды получить подобный ударъ, когда моя лошадь ушла со мной, перескакивая черезъ препятствіе.

Шутъ бросился къ столу своею безобразной косолапой походкой и принесъ стоявшій тамъ кубокъ. Дон-Жуанъ пилъ жадно: во рту у него пересохло отъ боли.

— Идите!—сказалъ онъ повелительно.—И живо возвращайтесь.

— Идти-то я пойду—отвѣчалъ Адонись.— Но врядъ ли вернусь скоро: донья Долореса, полагаю, въ настоящую минуту у его величества или съ отцомъ, а можетъ быть всѣ они трое вмѣстѣ. Такъ какъ вашему высочеству заблагоразсудилось воскреснуть, то не лучше-ли было вовсе не умирать? Вѣдь, преждевременная смерть вашего высочества надѣлала столько хлопотъ, что преждевременное воскресеніе вашего высочества врядъ-ли скоро уладитъ все.

— Чѣмъ скорѣе вы приведете донью Долоресу, тѣмъ скорѣе все уладится—сказалъ дон-Жуанъ.—Идите сейчасъ-же и живо все устройте!

Адонись выкатился вонъ, качая головой и почти касаясь пола своими длинными руками.

— И такъ Призывная Труба—не поповская выдумка!—бормоталъ онъ.—Я навѣрно встрѣчусь на террасѣ съ дон-Карлосомъ, а въ корридорѣ—съ императоромъ!.. Они могли бы дать человѣку время исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ... Вовсе ненужно, чтобы конецъ міра наступалъ такъ внезапно!

Послѣднія слова шутъ проговорилъ уже самому себѣ: онъ былъ за дверьми и вовсе не думалъ терять время, чтобы сообщить Долоресѣ добрыя вѣсти. Затрудненіе состояло въ томъ, какъ найти ее. Онъ съ балкона присутствовалъ во время ея признанія и догадывался, что затѣмъ она ушла изъ залы, съ Рюй Гомезомъ, къ отцу или королю. Не легко будетъ повидаться съ ней. Весьма возможно даже, что ему не дозволятъ этого, если только онъ не сообщитъ тотчасъ всѣмъ и каждому поразительной вѣсти о воскресеніи дон-Жуана изъ мертвыхъ.

Адонису сильно хотѣлось поступить именно такъ, не откладывая въ долгій ящикъ; и это казалось самой разумной мѣрой при тогдашнемъ возмущенномъ настроеніи царедворцевъ. Но на немъ лежала обязанность служить различнымъ властелинамъ и забавлять ихъ; служба его, а пожалуй, и жизнь, зависѣли отъ того, какъ онъ исполнитъ приказанія ~~каждаго изъ нихъ~~ и какую шутку придумаетъ для cadaго.

На первомъ мѣстѣ среди забавляемыхъ онъ ставилъ конечно короля. Прежде, чѣмъ продвинуться по корридору, онъ замедлилъ шаги, желая обдумать положеніе дѣлъ. Что-нибудь одно: либо король лично намѣревался убить дон-Жуана, либо приказалъ Мендозѣ сдѣлать это. Это было ясно для всякаго, кому была извѣстна тайна смерти несчастнаго дон-Карлоса; а шутъ былъ одинъ изъ послѣднихъ, кто говорилъ съ принцемъ передъ этою мрачною трагедіей. Въ нынѣшнюю же ночь шутъ видѣлъ все; ему были знакомы больше, чѣмъ кому-либо, помыслы cadaго изъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы; и онъ былъ убѣжденъ въ ея развязкѣ.

И такъ, если королю хотѣлось отдѣлаться отъ дон-Жуана, то ему будетъ крайне непріятно узнать, что тотъ все-таки не умеръ. Негодится быть вѣстникомъ такой новости. И болѣе, чѣмъ вѣроятно, что король отправитъ-таки Мендозу на эшафотъ за покушеніе. Вѣдь, много лѣтъ спустя, приговорилъ же онъ къ смерти и Антонио Переза за убійство Эскобедо, секретаря дон-Жуана, хотя самъ приказалъ ему совершить это дѣло. А раньше онъ допустилъ сжечь на кострѣ церковную особу, доктора Казаллу, ни въ чемъ не повиннаго, лишь бы угодить судьямъ, приговорившимъ его къ казни.

Карликъ зналъ, что не было такого ужаснаго преступленія, на которое Филиппъ не былъ бы способенъ, въ законной необходимости котораго онъ не могъ бы убѣдить самого себя, если захочетъ. Не было ничего опаснѣе, какъ стать между нимъ и замышленнымъ преступленіемъ, если только оно казалось ему нужнымъ съ политической точки зрѣнія: хуже было развѣ только одно—помѣшать ему въ его мрачныхъ, таинственныхъ наслажденіяхъ.

Адонисъ рѣшилъ, что, въ настоящемъ случаѣ, ему не слѣдъ служить орудіемъ раскрытія истины королю. Надо пойти къ кому-нибудь другому. Вторая особа, игравшая его жизнью и страшная

для него больше всѣхъ, послѣ самого Филиппа, была принцесса Эболи. Шуту была извѣстна и ея тайна. Зналъ онъ раньше и то, что она поддѣлала письма, слѣдствіемъ которыхъ была смерть дон-Карлоса и королевы Изабеллы. Принцесса управляла имъ посредствомъ страха и знала, что можетъ полагаться на него, пока онъ боится ея. Оттого-то карликъ понималъ, что она не только простила дон-Жуану его невниманіе къ ея красотѣ въ былые дни, но еще надѣялась, правдой или неправдой, возвести его на престолъ вмѣсто Филиппа; стало быть, вѣсть о смерти принца должна была нанести смертельный ударъ ея надеждамъ. Вотъ онъ и рѣшился сообщить ей первой, что дон-Жуанъ живъ, если только ему не удастся поговорить съ Долоресой наединѣ, что казалось невѣроятнымъ. Порѣшивъ такъ, онъ быстро продолжалъ свой путь.

Прежде, чѣмъ дойти до нижняго этажа дворца, Адонисъ постарался придать своему лицу выраженіе торжественное, если не похоронное: онъ вспомнилъ, что такъ какъ никому еще не была извѣстна истина, то ему не слѣдуетъ показываться съ веселымъ видомъ. Въ большой прихожей залы онъ засталъ толпу придворныхъ, разговаривавшихъ возбужденно, но тихо; между ними не было ни Рюй Гомеза, ни Долоресы. Онъ заковылялъ къ высокому гвардейскому офицеру, стоявшему поодаль и глазѣвшему на всѣхъ.

— Не можете-ли вы сообщить мнѣ, сударь—спросилъ онъ—что стало съ доньей Долоресой де-Мендоза, послѣ того, какъ она покинула залу съ принцемъ Эболи?

Офицеръ посмотрѣлъ внизъ на карлика, съ которымъ ему еще никогда не случалось говорить, но который былъ, въ своемъ родѣ, значительной особой въ глазахъ менѣе важныхъ лицъ королевскаго хозяйства. И въ самомъ дѣлѣ, Адонисъ нисколько не былъ расположенъ знакомиться зря со всякимъ, кто заискивалъ у него, рассчитывая, что онъ замолвитъ словечко, воспользовавшись минутой хорошаго расположенія короля.

— Право, не знаю, господинъ Адонисъ—отвѣчалъ блестящій лейтенантъ очень вѣжливо.—Но если вамъ угодно, наведу справки.

— Вы очень милы и любезны, сударь—отвѣтилъ карликъ съ важностью.—У меня есть порученіе къ доньѣ.

Офицеръ повернулся и направился къ покоямъ короля, оставивъ

шута въ углу. Адонисъ зналъ, что придется подождать, пока вернется офицеръ со справками, и скрылся въ тѣни, стараясь не привлекать къ себѣ ничьего вниманія. Это было довольно легко, пока толпа не уменьшалась и все двигалась; но вскорѣ онъ услышалъ чей-то голосъ въ залѣ, который, повидимому, обращался ко многимъ лицамъ разомъ; и находившіеся въ прихожей двинулись туда, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Хотя свѣтъ не падалъ прямо на него, карликъ, въ своей красной одеждѣ, сталъ замѣтенъ. Но онъ не рѣшался исчезнуть, боясь разойтись съ офицеромъ, когда тотъ вернется.

Его нежеланіе обратить на себя вниманіе имѣло основаніе: ему дѣйствительно хотѣлось передать порученіе дон-Жуана прежде, чѣмъ кто-нибудь узнаетъ правду. Нѣсколько минутъ спустя, онъ увидалъ принцессу Эболи, направляющуюся къ нему, объ руку съ герцогомъ Мединой Сидоніей. Она шла изъ залы, какъ бы прислушиваясь къ человѣку, еще говорившему у двери; и ея красивое лицо выражало глубокое разочарованіе и уныніе. Принцесса очевидно увидала карлика: она направилась прямо къ нему. На разстояніи полдюжины шаговъ, она остановилась и распрощалась со своимъ спутникомъ, который, низко поклонившись, поцѣловалъ кончики ея пальцевъ и удалился.

Адонисъ опустилъ углы губъ, еще ниже наклонилъ голову и старался придать себѣ самый несчастный видъ, подражая выраженію лица принцессы. Она все еще стояла передъ нимъ и, наконецъ, заговорила отрывистымъ, повелительнымъ тономъ:

— Что все это значить? Сейчасъ же скажите мнѣ правду! Для васъ же будетъ лучше.

— Мадамъ!—отвѣтилъ Адонисъ самымъ увѣреннымъ голосомъ. — Я думаю, что вашему превосходительству истина извѣстна больше, чѣмъ мнѣ.

Принцесса нахмурила черныя брови, а глаза ея загорѣлись гнѣвомъ. Тиціанъ не узналъ бы въ ея мрачномъ лицѣ улыбающихся чертъ своего портрета,—эту нахально красивую Венеру, изображенную имъ по повелѣнію короля Филиппа, когда принцесса была у него ерху милости.

— Другъ мой!—сказала она насмѣшливо.—Я ничего не знаю, и знаете все. Въ настоящую минуту ваше исчезновеніе изъ дворца

не привлечетъ ни малѣйшаго вниманія, въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло. Если вы не скажете мнѣ того, что вамъ извѣстно, я постараюсь, чтобы завтра же васъ не было здѣсь и чтобы васъ сожгли живымъ, какъ колдуна, не далѣе, какъ на будущей недѣлѣ. Поняли? А теперь скажите-ка, кто убилъ дон-Жуана Австрійскаго, и за что? Да поторопитесь! мнѣ некогда ждать!

Адонисъ быстро рѣшилъ, что для него лучше послушаться дон-Жуана, чѣмъ разгнѣванной женщины, которая говорила съ нимъ.

— Никто его не убивалъ!—отрѣзалъ онъ.

Принцесса была вспыльчиваго нрава, особенно съ подчиненными; а когда она гнѣвалась, то легко теряла собственное достоинство. Она схватила карлика за руку и стала его трясти.

— Безъ шутокъ!—вскричала она.—Не самъ же онъ убилъ себя!.. Кто это сдѣлалъ?

— Никто!—упорно отвѣчалъ Адонисъ, не чувствуя ни малѣйшаго страха: онъ зналъ, какъ она обрадуется, когда узнаетъ правду.—Его высочество вовсе не умеръ...

— Ахъ ты, щенокъ!—Принцесса бѣшено трясла его и грозила придуть его другой рукой.

Онъ только засмѣялся.

— Клянусь Небомъ, мадамъ, онъ живъ и здоровъ, сидитъ-себѣ въ креслѣ, у себя. Я только-что говорилъ съ нимъ. Не угодно-ли вамъ пойти со мной въ покои его высочества? Если его нѣтъ тамъ, если онъ не цѣлъ и невредимъ, то сожгите меня, какъ еретика, хотя завтра!

Принцесса опустила руки, въ крайнемъ изумленіи: она убѣдилась, что шутъ не шутитъ.

— Онъ получилъ только царапину въ схваткѣ—продолжалъ онъ.—Его убило только паденіе, и вскорѣ онъ воскресъ. Надѣюсь, его вознесеніе произойдетъ такъ скоро, какъ только пожелаетъ ваше превосходительство.

Онъ засмѣялся своей кощунственной шуткѣ. Принцесса тоже расхохоталась нѣсколько дико: она съ трудомъ сдерживала свою радость.

— Но кто же ранилъ его?—вдругъ спросила она.—Вы все знаете: и это должно быть извѣстно вамъ.

— Мадамъ!—сказалъ карликъ, пристально глядя ей въ глаза.— Намъ обоимъ извѣстно имя лица, ранившаго дон-Жуана,—отлично извѣстно. Сожалѣю, что въ настоящую минуту никакъ не могу припомнить его. Его высочество, я увѣренъ, тоже забылъ это имя.

Выраженіе лица принцессы не измѣнилось. Но она нѣсколько секундъ упорно отвѣчала неподвижнымъ взоромъ на его пристальный взглядъ, затѣмъ медленно кивнула головой, чтобы показать, что поняла его. Потомъ она отвернулась и съ минуту помолчала.

— Я жалѣю, что была рѣзка съ вами, Адонисъ—задумчиво проговорила она, наконецъ.—Трудно было сначала повѣрить вамъ; а если бы, какъ мы всѣ думали, принцъ умеръ, то шутка ваша была бы отвратительной. Вотъ!—она отстегнула брильянтовое запястье съ своего платья.—Возьмите это, Адонисъ: вы можете продать штучку.

Финансовыя затрудненія принцессы были извѣстны всѣмъ: врядъ ли у нея были когда-нибудь наличныя деньги.

— Я буду беречь это, какъ драгоценнѣйшую изъ моихъ вещей—тотчасъ отвѣчалъ карликъ.

— Нѣтъ!—быстро перебила она его.—Продайте! Король... я хочу сказать, кто-нибудь можетъ увидѣть вещьцу, если она останется у васъ.

— Въ такомъ случаѣ, я продамъ завтра же—отвѣчалъ шутъ, наклоня голову, чтобы скрыть улыбку: онъ отлично понималъ, что она подумала.

— Еще одно слово!—сказала она.—Имѣйте въ виду: дон-Жуана не посылалъ васъ сообщать эту новость двору, безъ всякихъ предувѣдомленій; онъ желалъ, чтобы я узнала объ этомъ раньше всѣхъ; и вы сказали мнѣ. А теперь идите—и никому ни слова!

Адонисъ съ минуту колебался. Ему хотѣлось исполнить желаніе дон-Жуана, если возможно; но онъ сознавалъ, какой опасности подвергался. Съ другой стороны, онъ былъ увѣренъ, что если, ради спасенія своей жизни, не исполнить порученія, то его простятъ.

Принцесса ожидала немедленнаго отвѣта; и ей не трудно было догадаться, въ чемъ дѣло.

— Его высочество послалъ васъ отыскать донью Долоресу?—сказала она.—Не такъ-ли?

— Точно такъ—отвѣчалъ Адонись.—Но—прибавилъ онъ, стараясь, изъ страха, предупредить ея желаніе.—Не легко найти донью Долоресу.

— Невозможно! Развѣ вы надѣялись, найти ее, стоя тутъ въ углу? Адонись, для васъ безопаснѣе служить мнѣ, чѣмъ дон-Жуану; притомъ, служа мнѣ, вы действуете и въ его выгодахъ. Это вамъ извѣстно. Слушайте... Донья Долореса должна считать его мертвымъ до завтрашняго утра. Ни въ какомъ случаѣ она не должна знать, что онъ живъ.

Въ эту минуту офицеръ, предложившій свои услуги карлику, вернулся. Найдя его въ обществѣ такой знатной особы, онъ ждалъ на нѣкоторомъ разстояніи.

— Если вы, мой дорогой господинъ, узнали, гдѣ теперь донья Долореса де-Мендоза—сказалъ Адонись—то будьте любезны, сообщите принцессѣ Эболи, которая очень желаетъ это знать.

Офицеръ поклонился и подошелъ ближе.

— Донья Долореса де-Мендоза находится въ кабинетѣ его величества!—отчеканилъ онъ.

ГЛАВА X.

Освобожденіе изъ тенетъ.

Долореса и дон-Рюй Гомезъ прошли по наружной прихожей и здѣсь разстались. Принцъ отправился на западный конецъ Альказара, отстоявшій на значительное разстояніе отъ покоевъ короля. Долореса шла по корридору, пока не достигла той ниши съ картиной, у которой дон-Жуанъ останавливался, чтобы прочесть письмо принцессы Эболи, послѣ ужина. Она на минуту остановилась, чувствуя, что силы ее покидаютъ: ей приходилось или отдохнуть, или совсѣмъ унестъ. Она грузно оперлась о перила съ затѣйливой рѣзбой, обрамлявшія нишу, и взглянула на картину, которая была однимъ изъ небольшихъ мастерскихъ твореній Рафаэля.

Картина изображала Святое Семейство; лица были написаны такъ нѣжно, тонко, что въ эту минуту они показались ей неправдоподобными, даже невозможными. Правда, рисункъ и краски достигали совершенства; но эти безупречныя милыя фигуры, съ ихъ счаст-

ливыми лицами, казались совѣмъ неумѣстными въ этомъ мірѣ страданій, гдѣ ей суждено было жить. Она подумала даже нѣсколько непочтительно и злобно, что и на небѣ онѣ показались бы неумѣстными; вѣдь, небо приходится завоевывать такими страданіями! Ей было тяжело видѣть эти счастливыя улыбки: она съ неудовольствіемъ отвернулась отъ картины и пошла.

Долореса возвращалась къ сестрѣ, на террасу: ей хотѣлось еще разъ преклонить колѣни возлѣ дорогого покойника, котораго она такъ любила, прочесть надъ нимъ послѣднюю молитву, прежде чѣмъ лицо его будетъ закрыто навѣки. При этой мысли, она почувствовала, что не нуждается въ отдыхѣ: видѣніе влекло ее къ печальной дѣйствительности съ такой силой, что она уже не могла остановиться, даже если бы желала. Ступай, ступай впередъ, къ лѣстницѣ, поднимись по длинному ряду ступеней, пройди по пустыннымъ корридорамъ,—и появишься, наконецъ, на залитой луннымъ свѣтомъ террасѣ, гдѣ ждетъ тебя сестра! И она шла безостановочно, точно во снѣ.

Теперь, когда она освободила отца, Долореса имѣла право возвратиться къ своему горю. Но пока несчастная шла такъ, легкими, торопливыми шагами, она сама себѣ не вѣрила, какъ могла найти силы исполнить все то, чтѣ ей пришлось исполнить въ эту ночь. Юность гибка: она сама не сознаетъ своей силы. Долореса достигла послѣдняго корридора, ведшаго на террасу, какъ вдругъ услышала за собой поспѣшные шаги: женщина, укутанная въ плащъ, скользнула подлѣ нея легко и тихо. Это была принцесса Эболи. Отпустивъ карлика съ запретомъ разыскивать Долоресу, она торопилась въ помѣщеніе дон-Жуана: ей хотѣлось убѣдиться самолично, что шутъ не обманулъ ее или самъ не впалъ въ ошибку какимъ-нибудь непонятнымъ ей образомъ.

Долореса уронила свой плащъ въ тронной залѣ и шла съ открытой головой, въ своемъ придворномъ нарядѣ. Принцесса узнала ее въ полумракѣ и остановила:

— Я васъ искала всюду—сказала она.—Почему вы убѣжали отъ меня тогда?

— Съ вами была моя слѣпая сестра—отвѣчала Долореса, узнавъ тотчасъ ея голосъ и догадавшись обо всемъ изъ словъ отца.—А

вы куда идете теперь?—спросила она, не давая принцессѣ времени предложить еще одинъ вопросъ.

— Я искала васъ: я хотѣла пригласить васъ переночевать у меня.

— Я останусь съ отцомъ. Очень благодарна вамъ за вашу любезность, но я ни въ какомъ случаѣ не хотѣла бы оставить его одного теперь!

— Но вашъ отецъ въ тюрьмѣ, въ западной башнѣ: его только-что отправили туда. Какъ можете вы быть при немъ?

— Вы хорошо освѣдомлены—спокойно отвѣтила Долореса.— Но вашъ супругъ только-что отправился освободить его. Я передала дон-Рюй Гомезу приказъ, врученный мнѣ самимъ его величествомъ. Принцъ былъ настолько любезенъ, что взялся лично отнести его въ западную башню. Мой отецъ освобожденъ безусловно.

Принцесса пристально смотрѣла на Долоресу, пока она говорила; но въ корридорѣ было довольно темно и лампа мерцала, притухая отъ ночного вѣтерка. Единственное объясненіе освобожденія Мендозы могло заключаться въ томъ, что королю уже извѣстно, что дон-Жуанъ живъ и внѣ опасности. Стало быть, и это извѣстно. Въ этомъ она не видѣла большой бѣды, хотя ей и хотѣлось, чтобы дѣвушка день или два не слыхала этой новости. Будь посвѣтлѣе, печальное лицо Долоресы могло бы убѣдить ее, что она ошибалась; но было слишкомъ темно, чтобы распознать румянецъ или выраженіе лица.

— И такъ, вашъ отецъ освобожденъ—сказала она.—Конечно, это можно было предвидѣть; но я рада, что поторопились освободить его.

— Не думаю, чтобы это можно было именно предвидѣть—отвѣчала Долореса, нѣсколько удивленная и подумавъ, что, можетъ быть, было болѣе простое средство достичь того, для чего ей пришлось прибѣгнуть къ такимъ необычайнымъ мѣрамъ.

— Его могли поддержать подъ арестомъ до утра, я полагаю—спокойно продолжала принцесса.—Но конечно король поторопился уничтожить непріятное впечатлѣніе, произведенное этой нелѣпой исторіей.

— Нелѣпой!—Гнѣвъ Долоресы былъ такъ силенъ, что невольно вырвался наружу при этихъ словахъ.—Какъ вы осмѣливаетесь сказать мнѣ такое слово, въ такую ночь!

— Моя дорогая Долореса, что вы такъ выходите изъ себя изъ-

за такихъ пустяковъ?—спросила принцесса успокоительнымъ голосомъ.—Конечно, если бы все окончилось, какъ мы предполагали, я никогда не употребила бы такого выраженія... Если бы дон-Жуанъ умеръ.

— Что вы говорите?—Долореса схватила ее за руку. Въ голосѣ ея слышалось безумное возбужденіе.

— Что я говорю? ~~Какой!~~ Принцесса оборвала свою рѣчь, сообразивъ, что Долореса повидимому не знаетъ ничего.—Что я говорю?—спросила она, желая выиграть время.—Зачѣмъ вы держите меня за руку?

— Вы сказали, что убійство дон-Жуана—нелѣпость. Затѣмъ вы прибавили: «если бы дон-Жуанъ умеръ»... Да развѣ онъ не лежитъ мертвымъ въ своей комнатѣ, въ двадцати шагахъ отъ этого самаго мѣста, гдѣ мы стоимъ? Вы сошли съ ума? Или разыгрываете со мной безчеловѣчную комедію? Что все это значитъ?

Принцесса обладала свѣтской опытностью: она сразу поняла, что слѣдуетъ сказать Долоресѣ всю правду. Если она этого не сдѣлаетъ, то все равно дѣвушка узнаетъ отъ кого-нибудь другого; если же она скажетъ ей правду, то Долореса всегда будетъ помнить, что именно она первая сообщила радостную вѣсть.

— Моя дорогая!—сказала она ей совсѣмъ нѣжно.—Оставьте мою руку и позвольте взять васъ подъ руку. Мы не понимаемъ другъ друга: иначе вы бы не сердились. Случилось нѣчто, чтѣ вамъ еще неизвѣстно.

— О, нѣтъ! Я знаю всю правду!—Долореса прервала ея рѣчь и упиралась, не давая вести себя медленными шагами.—Пустите меня къ нему!—вскричала она.—Я хочу только увидѣть его еще разъ.

— Но, дорогое дитя мое, послушайте меня.... Если я не говорю вамъ все сразу, то только потому, что боюсь, какъ бы это не потрясло васъ. Есть надежда, что онъ, пожалуй, и не умеръ...

— Надежда? О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я видала его мертвымъ.

— Онъ былъ въ обморокѣ, дорогая! Онъ не умеръ...

— Не умеръ?—Голосъ Долоресы оборвался.—Скажите мнѣ... Скажите же скорѣй!—Она прижала къ себѣ ея руку.

— Да нѣтъ же! Онъ пришелъ въ себя послѣ того, какъ вы ушли... Онъ живъ. Нѣтъ... Слушайте, дорогая... Да, да, онъ живъ и даже неопасно раненъ. Это была только царщина, а онъ былъ

просто оглушень... Ему хорошо теперь... Завтра онъ будетъ совершенно здоровъ... Ахъ, милая моя, я, вѣдь, говорила...

Долореса перенесла въ эту ночь горе, стыдъ, всякія душевныя муки такъ мужественно для любой женщины; но радость, которую она испытала при вѣсти, что онъ живъ, была такъ сильна, что она чуть не поплатилась жизнью. Она упала на грудь принцессы, дико раскидывая руками, словно борясь съ удушьемъ. Вѣки ея страшно затрепетали, потомъ вдругъ затихли. У нея вырвался короткий, неестественный вопль, болѣе похожій на болѣзненный стонъ, чѣмъ на радостный кликъ.

Принцесса была довольно сильна: она удержала ее, опираясь о стѣну, думая, что все будетъ лучше, чѣмъ уронить ее, дать ей валяться, въ обморокѣ, на каменномъ полу. Но дѣвушка не потеряла сознанія; и минутой спустя, къ ней вернулись силы.

— Пустите меня! — дико вскричала она. — Пустите меня къ нему, или я умру.

— Иди, дитя, иди! — сказала принцесса съ такимъ оттѣнкомъ женственной доброты, который рѣдко слышался въ ея голосѣ. Но Долореса не слыхала ее: она уже успѣла бѣжать.

Войдя въ комнату дон-Жуана, Долореса ничего не видала, кромѣ глазъ возлюбленнаго, хотя Инеза все еще стояла возлѣ него. Она страстно бросилась въ его объятія и скрыла лицо у него на груди. Изъ ея устъ вырывались безсвязныя слова, прерываемыя струйками счастливыхъ слезъ. Руками она тихонько похлопывала его то по плечамъ, то по шеѣ, дотрагивалась до его щекъ и волосъ; а сама откидывала голову назадъ и все смотрѣла на него, чтобы убѣдиться, что онъ цѣлъ. Говорить она не могла: вѣдь, казалось, одно только чувство осязанія могло удостовѣрить, что человекъ воскресъ изъ мертвыхъ и опять будетъ жить, словно ничего особеннаго не случилось. Онъ вдругъ собралъ свои силы; онъ смотритъ на нее, осыпая поцѣлуями ея глаза, все еще покрытые темнымъ оттѣнкомъ гореванья объ его смерти.

Она не вѣрила своимъ глазамъ, ушамъ; но руки ея держали, трогали его: это былъ онъ, цѣлъ и невредимъ, если не считать царапины и ушиба. Ошеломленная счастьемъ, она ни о чемъ не спрашивала. Первые звуки, вырвавшіеся изъ ея устъ, были отрывочныя

слова любви, слова благодарности Богу за то, что Онъ сохранилъ его для нея. А руками она все еще оцупывала его лицо, нѣжно и быстро похлопывала его по плечамъ и рукамъ, словно боялась, чтобы онъ не преобразился въ безплотный свѣтъ, подъ ея пальцами, и не исчезъ въ воздухѣ, какъ это бываетъ во снѣ, когда счастье испаряется, а остается только страданіе.

Наконецъ, она закинула назадъ голову, выпустила его изъ рукъ и стерла послѣдніе слѣды слезъ со своихъ сѣрыхъ глазъ. Она взглянула ему въ лицо, улыбаясь полуоткрытыми губами, словно вдыхая въ себя его образъ, грудью, сердцемъ, глазами. Еще минута—и они поцѣловали другъ друга, какъ могутъ цѣловать только мужчина и женщина, которыхъ разлучала смерть, вдругъ исчезнувшая навсегда.

Постепенно, хотя и очень медленно, прерывисто возвращалась къ ней память. Ей казалось, будто они не разлучались вовсе, будто ему безъ словъ должно быть извѣстно все, что она дѣлала. Такъ мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она поцѣловала его въ послѣдній разъ, въ той комнаткѣ. Прошло лишь нѣсколько минутъ въ ожиданіи короля; потомъ ломились въ дверь; наконецъ—ссора, всего изъ десяти минуточекъ, и паденіе дон-Жуана... Затѣмъ съ полъ-часа онъ лежалъ безъ сознанія, одинъ, пока не пришла Инеза въ ту минуту, когда она только-что отправилась въ тронную залу. Наконецъ, короткая встрѣча съ отцомъ и ея свиданіе съ королемъ, которое тоже продолжалось недолго... И вотъ, она опять съ нимъ! Не прошло и двухъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ они разстались; но въ эти два часа прожита была цѣлая жизнь.

— Я не могу вѣрить этому!—воскликнула она и наконецъ-то засмѣялась.—Не могу, не могу! Это невозможно!

— Мы оба живы—отвѣтилъ онъ.—Мы, вѣдь, живыя созданія, изъ плоти и крови; мы дышемъ. У меня такое чувство, точно я былъ боленъ или погруженъ въ глубокой сонъ, и очень долго.

— А мнѣ кажется, будто я очнулась отъ ужаснаго сна.—Ея лицо омрачилось при воспоминаніи обо всемъ, что только-что миновало.—Ты долженъ все узнать... Но ты навѣрно ужъ все знаешь. О, да, конечно! Мнѣ нечего тебѣ рассказывать!

— Кое-что Инеза сообщила мнѣ — отвѣчалъ онъ. Кое-что я самъ подозреваю; но всего я не знаю. Ты должна попы-

таться рассказать мнѣ... Но ты не должна оставаться здѣсь: ужь поздно. Какъ только слуги мои узнаютъ, что я живъ, они вернутся, то же и мои офицеры и придворные. Они оставили бы меня здѣсь одного всю ночь, если бы я былъ въ самомъ дѣлѣ убитъ, боясь, что, если ихъ застанутъ возлѣ моего трупа, то предадутъ суду за убійство.—Онъ разсмѣялся.—Они, вѣдь, умны въ своемъ родѣ. Но тутъ тебѣ нельзя оставаться.

— Если бы и весь дворъ нашелъ меня здѣсь, то бѣда не велика!—отвѣчала Долореса.—Своей болтовней они не причинили бы моему имени больше вреда, чѣмъ я сама сдѣлала собственными словами.

— Я не понимаю—сказалъ онъ, вдругъ встревожившись.—Что ты сказала? Что ты сдѣлала?

Инеза подошла къ нимъ отъ окна, возлѣ котораго стояла. Она положила руку на плечо Долоресы.

— Я стою на стражѣ—сказала она.—Если услышу что-нибудь, предупрежу васъ—и ты можешь уйти опять въ ту комнатку.

Она ушла, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ нихъ успѣлъ поблагодарить ее. Они забыли—было объ ея присутствіи въ комнатѣ, такъ какъ привыкли къ тому, что она всегда съ ними; но она-то была не въ силахъ стоять дольше, слушать ихъ любовныя рѣчи и чувствовать себя, благодаря имъ, еще болѣе одинокой. А теперь, вѣдь, у нея были свои собственные воспоминанія, которыя она сохранила втайнѣ до конца жизни,—прекрасныя, счастливыя воспоминанія о той минутѣ, когда человѣкъ, котораго считали умершимъ, началъ дышать и обнялъ ее, принимая ее за другую, и цѣловалъ ее такъ, какъ цѣловалъ бы ту, которую любилъ.

Она теперь узнала, что значитъ поцѣлуй: и этого уже много. Но она узнала еще, что значитъ стоять на колѣняхъ возлѣ умершаго возлюбленнаго и чувствовать, какъ жизнь возвращается къ нему постепенно, вздохъ за вздохомъ, бѣненіе сердца за бѣненіемъ, пока онъ не воскресъ совсѣмъ. А многимъ ли женщинамъ удавалось чувствовать это, даже подозревать, что это за чувство? Для нея лучше было уйти во мракъ прислушиваться, какъ бы кто не помѣшалъ тѣмъ двумъ, чѣмъ допустить, чтобы воспоминанія о кратковременномъ счастьѣ помрачались словами, которыя назначаются не ей.

— Она нашла тебя?—спросила Долореса, когда слѣпая удалилась.

— Да, она нашла меня. Ты ушла, сказала она, попытаться спасти отца. Теперь онъ въ безопасности!—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Она нашла тебя ожившимъ?—Долореса запнулась на этихъ словахъ.—Я никогда не завидовала ей до сихъ поръ, мнѣ кажется; и не потому, что, если бы я оставалась здѣсь, то меньше бы страдала, дорогой мой.—Она снова положила ему руку на плечи.—Все не потому! Но считать тебя умершимъ и слѣдить за тѣмъ, какъ жизнь постепенно возвращается къ тебѣ, сторожить твое лицо, видѣть, какъ твои глаза пробуждаются, на щекахъ заигрываетъ румянецъ, а дорогія руки твои становятся теплыми... О, я бы отдала все за это счастье! Да и ты, вѣдь, предпочелъ бы, чтобы я была возлѣ тебя: не такъ-ли?

Она тихо засмѣялась и поцѣлуемъ сорвала отвѣтъ съ его губъ.

— Оставайся я съ тобой—продолжала она—твое воскресеніе пошло бы скорѣй, моя любовь! Ты бы чувствовалъ мое присутствіе даже во время твоего смертельнаго сна; ты протянулъ бы мнѣ руку, чтобы вернуться ко мнѣ! Скажи, что это такъ! Вѣдь, ты не далъ бы мнѣ лежать надъ тобой хотя бы нѣсколько лишнихъ минутъ, съ разбитымъ сердцемъ, желая умереть, чтобы насъ похоронили вмѣстѣ? О, мои поцѣлуи вернули бы тебя къ жизни!

— Мнѣ снилось, что ты своими поцѣлуями воскрешаешь меня, какъ мои поцѣлуи воскресили бы тебя.

— Сядь возлѣ меня!—вдругъ сказала она.—Тяжело рассказывать тебѣ все, и времени мало: вѣрно ужъ скоро придутъ. О, пусть же застанутъ меня здѣсь! Теперь бѣда была бы не велика: вѣдь, я всѣмъ имъ сказала, что долго пробыла у тебя въ комнатѣ, сегодня ночью.

— Сказала имъ все? Сказала кому? Королю? Что ты сказала? Лицо его снова омрачилось.

— Королю, двору, всему свѣту! Но тебѣ сказать труднѣе, чѣмъ имъ всѣмъ.—Она покраснѣла и отвернулась.—Тебя ранилъ король... Я слышала, какъ ты упалъ.

— Оцарапалъ меня. Я былъ только ненадолго оглушенъ паденіемъ.

— Онъ обнажилъ мечъ: я слышала. Ты, вѣдь, знаешь звукъ, который производитъ мечъ, когда его вытягиваютъ изъ кожаныхъ ноженъ? Конечно, вѣдь ты воинъ! Я часто видѣла, какъ отецъ обнажалъ мечъ: я помню этотъ тихій тягучій звукъ. Король вытянулъ

мечъ быстро; а я знала, что ты безоруженъ. Да, кромѣ того... ты, вѣдь, обѣщаль мнѣ не подымать на него руки.

— Я помню, что мой мечъ лежалъ на столѣ, въ ножнахъ. Я взялъ его въ руку, не обнажая, чтобы защититься. Но гдѣ онъ? Я и забылъ про него. Онъ, должно быть, гдѣ-нибудь на полу.

— Не безпокойся: слуги найдутъ его. Ты упалъ—и все погрузилось въ молчаніе. Вдругъ слышу голосъ отца: онъ сказалъ, что убилъ тебя безоружнаго. Они ушли. Я сама была полумертвая, когда упала возлѣ тебя на полъ. Вотъ тутъ: видишь? Ты лежалъ головой къ дверямъ, отбросивъ руку въ сторону. До самой смерти буду помнить тебя такимъ всякій разъ, когда вспомню обо всемъ этомъ. Что было потомъ—не помню. Вѣроятно, Адонисъ нашелъ меня здѣсь и унесъ; а Инеза нашла меня на террасѣ и сказала, что слышала, какъ отецъ сказалъ королю, что убилъ тебя... А, вѣдь, это сдѣлалъ король. Понимаешь?

— Да, все понимаю. Продолжай!—дон-Жуанъ слушалъ, сдерживая дыханіе, забывая о боли, которую чувствовалъ отъ времени до времени.

— Тогда я пошла внизъ и просила дон-Руй Гомеза постоять возлѣ меня на ступеняхъ. Весь дворъ былъ тамъ, гранды и великіе герцоги—Альба; Медина Сидонія, Медина Чели, Инфантадо, принцесса Эболи, посланники всѣ до одного, фрейлины, сотни людей. Цѣлый океанъ лицъ! И они знали меня, почти всѣ знали.

— Что же ты сказала имъ?—тревожно спросилъ дон-Жуанъ.— Что ты сказала имъ всѣмъ? Что была здѣсь?

— Да, и еще больше, гораздо больше. Сказала-то я имъ неправду; но я надѣялась, что они повѣрятъ мнѣ. Я сказала...— Краска бросилась ей въ лицо, у нея захватывало дыханіе.— О, какъ мнѣ сказать тебѣ это? Да развѣ ты не дсгадываешься?

— Что мы уже вступили въ тайный бракъ?—спросилъ онъ.— Это ты могла бы сказать.

— Нѣтъ, не это!.. Этому никто не повѣрилъ бы. Я имъ сказала... — Она замолчала, собираясь съ силами, но затѣмъ заговорила быстро, стыдясь, что ее слушаютъ.— Я сказала имъ, что знаю, что отецъ мой безучастенъ въ преступленіи, такъ какъ этой ночью я была здѣсь, въ этой комнатѣ, и именно въ ту минуту, когда тебя убили... А была я здѣсь потому, что отдала тебѣ все—жизнь, душу, честь, все...

— Великій Боже!— вскричалъ дон-Жуанъ, вздрогнувъ.— И ты это сдѣлала, чтобы спасти отца?

Она на минуту закрыла лицо руками. Потомъ вдругъ вскочила и, отвернувшись отъ него, стала ходить по комнатѣ.

— Да. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Для меня лучше было опозорить свое доброе имя и уйти въ монастырь, чѣмъ дать отцу умереть на эшафотѣ! Что бы случилось тогда съ Инезой?

— А что случилось бы съ тобой?— Дон-Жуанъ слѣдилъ за ней восторженнымъ взоромъ любви.

— Что за дѣло!.. Но я напрасно опозорила свое доброе имя. Они повѣрили мнѣ: я такъ думаю по крайней мѣрѣ. Но король, чтобы оградить себя, рѣшилъ, что отецъ мой долженъ умереть. Мы встрѣтились съ отцомъ, когда его отводили въ тюрьму. Тогда я пошла къ самому королю — и когда уходила отъ него, у меня въ рукахъ былъ приказъ объ освобожденіи отца. О, хотѣлось бы повторить то же самое! Хотѣлось бы, чтобы и ты былъ при этомъ: вѣдь, ты гордился бы мною. Я сказала ему, что онъ убилъ тебя, заставила его сознаться въ этомъ; я грозила ему рассказать о его преступленіи двору, свѣту, всей Испаніи, если онъ не освободитъ отца. Но то, другое... Можешь ли ты простить мнѣ это, милый мой?

Она стояла противъ него. Щеки ея поблекли: она, вѣдь, вѣрила ему отъ всего сердца. Она протянула ему руки.

— Простить тебя? Въ чемъ? Простить тебѣ самый мужественный поступокъ, когда-либо совершенный женщиной?

— Я думала, что тамъ, на небѣ, ты все узнаешь и поймешь— сказала она.— Но лучше, что ты узналъ это здѣсь, на землѣ, хотя... трудно было сознаться.

Онъ взялъ обѣ ея руки и прижалъ ихъ къ губамъ. Онъ не находилъ словъ выразить ей свои чувства. Онъ только все цѣловалъ, молча, ея твердые, бѣлые пальцы, сложенные въ его рукахъ.

— Это—дивный поступокъ!—сказалъ онъ наконецъ.— Но трудно, очень трудно будетъ поправить дѣло.

— Но что намъ за дѣло, разъ мы знаемъ, что это—неправда?—спросила она.— Пусть свѣтъ думаетъ, что хочетъ, говорить, что ему вздумается...

— Никогда свѣтъ не долженъ произнести ни единого слова по-

рицанія противъ тебя! — перебилъ онъ ее. — Неужели ты думаешь, что я позволю свѣту говорить открыто то, чего я не хотѣлъ выслушать отъ короля съ глазу на глазъ, въ четырехъ стѣнахъ? Не бойся, дорогая! Я готовъ скорѣй умереть.

— О, нѣтъ! — воскликнула она, объятая ужасомъ. — О, не говори о смерти опять этой ночью: я не перенесу этого!

— Такъ будемъ же говорить о жизни, о жизни вдвоемъ... о всей нашей жизни въ мирѣ и любви! Но прежде всего надо поправить это дѣло. Теперь ужъ поздно; но это должно быть сдѣлано теперь же, тотчасъ. Остается лишь одинъ путь, только одинъ способъ.

Онъ на минуту замолчалъ, бросая быстрые взгляды на двери и опять на Долоресу.

— Я не уйду! — вскричала она, припавъ къ нему. — Ты не прогонишь меня? Что за важность!

— Это очень важно, а впоследствии будетъ еще важнѣе.

Онъ всталъ на ноги: и вся его бодрость и изящная сила вернулись къ нему, словно онъ и не былъ раненъ.

— У насъ осталось мало времени; но то, что осталось, въ нашемъ распоряженіи — продолжалъ онъ, подходя къ дверямъ. — Инеза! Никого нѣтъ на террасѣ? Нѣтъ ли слуги или часового? Эй, кто тамъ? Подите сюда, покажитесь!.. Адонись?..

Инеза и карликъ показались въ дверяхъ. Долореса стояла позади дон-Жуана, выглядывая на террасу, но не понимая, что онъ хочетъ сдѣлать. Онъ торопливо положилъ руку на плечо карлику. Калѣка, полу-испуганный, уставился въ него глазами.

— Скорѣй! Иди! — вскричалъ дон-Жуанъ. — Добудь мнѣ священника, монаха, епископа, — кого-нибудь, лишь бы онъ носилъ рясу и говорилъ по-латыни. Тащи его сюда! Если хочешь, угрожай ему смертью отъ моего имени! Скажи ему, что дон-Жуанъ Австрійскій въ страшной бѣдѣ, что ему необходимъ священникъ. Скорѣй! Бѣги! Жизнь твоя и все твое счастье теперь у тебя въ ногахъ! Бѣги, бѣги скорѣй!

Адонись уже уходилъ, ковыляя во мракѣ, со своими размахистыми руками, напоминая скорѣй огромную летучую мышь, чѣмъ человѣческое существо, и съ быстротой, какой невозможно было ожидать отъ его маленькихъ кривыхъ ногъ. Дон-Жуанъ вернулся къ дверямъ.

— Стой здѣсь! — сказалъ онъ Долоресѣ, тихонько толкая ее обратно въ комнату. — Пока не придетъ священникъ, не впусти никого. А потомъ пусть заходятъ! Я радъ буду всѣмъ и двору, и королю, и самому дьяволу со всѣми его аггелами.

Онъ громко разсмѣялся въ страшномъ возбужденіи.

— Ты еще не сказалъ мнѣ! — заговорила Долореса. Глаза ея улыбались ему.

— Но ты знаешь и безъ словъ — отвѣчалъ онъ. — Когда совершится то, что сейчасъ можетъ совершить священникъ, и только онъ одинъ, тогда міръ и все, что въ немъ, будетъ принадлежать намъ, вопреки мужчинамъ, женщинамъ, королямъ!

— Онъ и такъ принадлежитъ намъ! — воскликнула она радостно. — Но благоразумно ли это будетъ, любовь моя? Не слишкомъ ли ты торопишься?..

— Какъ же я могу не торопиться, когда кидается жребій о твоёмъ добромъ имени, о моей чести? Развѣ мы не должны стараться выиграть какъ можно скорѣй эту игру съ судьбой? Намъ хватитъ времени, но только въ-обрѣзъ, не больше: вѣдь, когда узнаютъ, что я живъ, эта вѣсть распространится съ быстротой пожара. Удивляюсь, какъ еще до сихъ поръ никто не пришелъ!

И онъ, и Инеза, въ десять разъ болѣе чуткая, чѣмъ онъ, стали прислушиваться: ни единого звука! Понятно: вѣдь, кромѣ Долоресы и Инезы, только карликъ и принцесса Эболи знали, что дон-Жуанъ живъ. А принцесса велѣла шуту молчать, сама же не торопилась распространять эту новость, пока не рѣшитъ, кто первый долженъ узнать ее, и какъ ей наилучше воспользоваться этимъ случаемъ.

Итакъ, времени было довольно впереди; а Адонисъ бѣжалъ по мрачному корридору. Онъ поднялся по извѣстной ему винтовой лѣстницѣ и разбудилъ захудалого попика, жившаго отшельникомъ въ западной башнѣ. На немъ лежала обязанность служить каждое утро обѣдню для заключеннаго, если таковой находился въ башнѣ; если же никого не было, онъ служилъ обѣдню для себя самого въ часовенькѣ, которая отдѣлялась отъ тюрьмы только тяжелой чугунной рѣшеткой. Шутъ иногда посѣщалъ его въ одинокомъ убожищѣ. Онъ то возмущалъ, то забавлялъ его либо разказами объ испорченности двора, либо невинными шутками, которыя заставляли

захудалое лицо старца сморщиваться въ непривычныя улыбки. А попики лелѣялъ тайную надежду обратить бѣднаго шута на путь истины. Такъ они подружились.

Когда старый священникъ услышалъ, что дон-Жуанъ Австрійскій скоропостижно умираетъ одинъ въ своей комнатѣ, и некому исповѣдать его — такую сказку выдумалъ Адонисъ — онъ задрожалъ съ головы до ногъ, какъ разслабленный. Пуговицы его рясы, словно ртуть, выскальзывали у него изъ-подъ пальцевъ и попадали всюду, только не въ петли. Шутъ, страшно торопясь, вынужденъ былъ застегнуть ихъ за него; онъ отыскалъ также его шляпу и надѣлъ ему на голову. Наконецъ, своимъ шелковымъ платкомъ онъ вытеръ слезы, потекшія у отшельника по щекамъ отъ волненія. При всей быстротѣ все вышло отлично; а у попа было ласковое старческое лицо: то былъ добрый священникъ.

Когда Адонисъ почти принесъ его къ дверямъ дон-Жуана и толкнулъ въ комнату, и предсталъ мертвецъ на ногахъ, держащій за руку прелестную дѣвицу; попъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ: онъ понималъ, что его обманули, и заподозрилъ, что его призывали для чего-то такого, на что онъ не имѣетъ разрѣшенія. Но длинныя руки шута торчали позади него: ему не было возможности улизнуть.

— Вотъ священникъ изъ западной башни, ваше высочество! — сказалъ Адонисъ. — Это — добрый батюшка, но въ настоящую минуту онъ немного струхнулъ.

— Вамъ совѣтъ нечего бояться — ласково сказалъ дон-Жуанъ. — Я — донъ-Жуанъ Австрійскій; эта дѣвица — донья Долореса де-Мендоза. Обвинчайте насъ безъ замедленія: мы желаемъ сочетаться бракомъ.

— Но... — попики запнулся. — Церковное оглашеніе... Разрѣшеніе епископа...

— Я выше всякихъ оглашеній и разрѣшеній, дорогой мой господинъ! — отвѣчалъ дон-Жуанъ. — А если чего-нибудь и не достанетъ въ обрядностяхъ, я лично все устрою завтра же. Я беру васъ подъ свое покровительство: не бойтесь ничего! Поторопитесь: я не могу больше ждать. Начинайте же, сударь, не теряйте времени! Даю вамъ слово, что вы поступите законно.

— Свидѣтели...—пролетѣлъ старикъ, который хотя и создавалъ, что ему слѣдуетъ уступить, но еще колебался.

— Вотъ донья Инеза де-Мендоза! — сказалъ дон-Жуанъ. — А это—дон-Мигэль де-Антонa, придворный шутъ. Этихъ свидѣтелей достаточно.

Такъ, единственными свидѣтелями тайнаго бракосочетанія дон-Жуана Австрійскаго были слѣпая дѣвушка и шутъ короля.

Старый священникъ откашлялся и началъ произносить латинскія слова; а дон-Жуанъ съ Долоресой держались за руки, не зная, что имъ еще слѣдуетъ дѣлать. Они смотрѣли другъ другу въ глаза и видѣли въ нихъ цѣлый міръ, который одинъ только и имѣлъ значеніе для нихъ. А священникъ произносилъ полупонятныя для нихъ рѣчи; но эти рѣчи измѣняли ихъ положеніе въ свѣтѣ навсегда.

Скоро дѣло было сдѣлано. Священникъ поднималъ свои дрожащія руки и благословилъ ихъ, произнося слова ясно, безъ запинки, хотя и тихо: они были ему привычны и имѣли великое значеніе. Дойдя до нихъ, онъ уже не торопился. Карликъ стоялъ на колѣняхъ; его грубая, рыжая голова низко склонилась въ благоговѣніи. А съ другой стороны Инеза стояла колѣнопреклоненная со сложенными руками. Ея слѣпые глаза были подняты на сестру. Она молила Бога, чтобы Его благословеніе и всѣ радости жизни почилъ на тѣхъ, кого она любила такъ сильно, и чтобы они вѣчно и непрерывно пользовались тѣмъ счастьемъ, которое она испытала въ теченіе одной минуты въ эту ночь,—счастье, которое не ей назначалось, но память о которомъ была ей дороже всѣхъ воспоминаній, всѣхъ надеждъ.

Не успѣли послѣднія слова священника прозвучать въ тихой комнатѣ, какъ снаружи, на террасѣ, раздались звуки шаговъ и голосовъ многихъ людей, которые быстро приближались къ дверямъ. Священникъ оглянулся, объятый ужасомъ, не зная, что еще ожило его: старикъ всѣмъ сердцемъ сожалѣлъ, что онъ не у себя елейкѣ, въ башнѣ, въ полной безопасности. Но дон-Жуанъ ался, продолжая держать руку Долоресы; а карликъ вдругъ и отвелъ священника въ тотъ самый кабинетъ, гдѣ Долоресъ такъ долго скрывалась. Онъ затеръ за нимъ двери.

не пересгибайте книг при чтении!

Только-что онъ покончилъ съ этимъ, какъ наружныя двери отворились настежь и изъ-за нихъ послышался голосъ, возвѣщавшій торжественно и громко.

— Его величество король! — провозгласилъ камергеръ, шедшій впереди Филиппа.

Долореса выпустила руку дон-Жуана и стала возлѣ него, слегка поплѣднѣвъ; его же лицо сохраняло выраженіе ясности и возвышенности, когда онъ, съ улыбкой, спокойно пошелъ навстрѣчу брату. Король сдѣлалъ тоже нѣсколько шаговъ впередъ. Филиппъ какъ по обряду, обнялъ брата, желая показать, какъ онъ радуется такому неожиданному выздоровленію.

За нимъ слѣдовали факелоносцы, гвардейцы и много придворныхъ, присоединившихся къ свитѣ; а впереди возвышался надъ всѣми Мендоза, пасмурный и вытянутый, но ужъ не блѣдный. Рядомъ съ нимъ шли Рюй Гомезъ, принцесса Эболи и всѣ главные гранды Испаніи. Они наполнили обширную спальню цѣлымъ потокомъ яркихъ нарядовъ, среди которыхъ сіяли тамъ и сямъ радуги драгоцѣнностей.

Изъ почтенія къ особѣ короля никто не заговаривалъ; но въ комнатѣ слышался легкій радостный гулъ; самое дыханіе присутствующихъ походило на ропотъ полного удовольствія. Тутъ король заговорилъ, и разомъ настала глубокая тишина.

— Я желалъ первымъ привѣтствовать моего дорогого брата съ возвращеніемъ къ жизни—сказалъ онъ.—Въ теченіе двухъ часовъ дворъ былъ погруженъ въ печаль изъ-за васъ—обратился онъ къ дон-Жуану.—И никто не былъ болѣе глубоко огорченъ, чѣмъ я. Намъ всѣмъ хотѣлось бы знать причину всего приключившагося съ вашимъ высочествомъ, а также смыслъ страннаго самообвиненія нашего друга Мендозы и много другого, что непонятно намъ безъ вашего разясненія.

Кресло, въ которомъ сидѣлъ дон-Жуанъ, когда читалъ письмо Долоресы, было выдвинуто впередъ. Король сѣлъ, а главные придворные окружили его; дон-Жуанъ продолжалъ стоять, глядя на всѣхъ; Долореса отступила немного въ тѣнь, но недалеко отъ него. Неподвижные глаза короля устремились на брата пристально, даже тревожно.

— Исторія моего приключенія коротка, государь. Если она будетъ невольнѣ ясна, то я попрошу ваше величество простить мнѣ: я позволю себѣ умолчать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся моей частной жизни. Сегодня вечеромъ я былъ одинъ у себя, въ этой самой комнатѣ, послѣ ужина вашего величества, и читалъ. Ко мнѣ зашелъ коронный знакомый, которому я издавна довѣрялъ. Мы были одни. Между нами передъ этимъ произошли недоразумѣнія; а сегодня ночью мы обмѣнялись рѣзкими словами. Попрошу у вашего величества разрѣшенія не произносить имени этого челоуѣка: мнѣ не хотѣлось бы причинить ему вредъ, хотя онъ чуть не лишилъ меня жизни.

Его глаза были устремлены на короля, который медленно кивнулъ головой въ знакъ согласія. Онъ зналъ, что можетъ довѣриться брату, что тотъ не выдастъ его, и ждалъ, что будетъ дальше. Дон-Жуанъ слегка улыбнулся и продолжалъ:

— Мы обмѣнялись рѣзкими словами, и, какъ водится между мужчинами, мечи вскорѣ обнажились. Я получилъ царапину вотъ сюда,—сущій пустякъ! Но я случайно поскользнулся и упалъ на спину; это такъ ошеломило меня, что я лежалъ замертво. Затѣмъ, какъ мнѣ сообщили, зашелъ другъ мой Мендоза, либо во время нашей драки, либо позже, не знаю. И вотъ—такъ я предполагаю по крайней мѣрѣ—онъ подпалъ великодушному страху за мое доброе имя: вѣдь, могли бы сказать, что я былъ убитъ во время пустой ссоры или изъ-за женщины... Движимый безумнымъ великодушiемъ, а также мыслью, что моя любовь къ его красавицѣ-дочкѣ могла придать толкамъ извѣстный оттънокъ, онъ принялъ всю вину на себя, сознался въ убiйствѣ, теряя здравый смыслъ и чуть-что не самую свою голову. Такъ я объясняю себѣ дѣло, государь!

Онъ замолчалъ на минуту; а король вторично наклонилъ голову, но па этотъ разъ съ улыбкой: казалось, онъ остался очень доволенъ.

— Что касается остального—продолжалъ дон-Жуанъ—то все легко объясняется. Эта мужественная и благородная дѣвица, которую вы видите здѣсь, всѣмъ вамъ извѣстна. Я люблю ее съ давнихъ поръ, люблю вѣрно и всѣмъ сердцемъ. Кто знаетъ меня,

тому извѣстно также, что слово мое крѣпко. Здѣсь, въ присутствіи вашего величества, передъ лицомъ всѣхъ этихъ мужей и Бога, я торжественно клянусь, даю самое честное слово, что на ней нѣтъ пятна, ни благодаря мнѣ, ни благодаря кому-либо другому. Однако, надѣясь спасти жизнь отца, то вѣря, то не вѣря, что онъ убилъ меня, она отправилась къ вамъ и рассказала всѣмъ извѣстную исторію. Прошу ваше величество подтвердить вѣрность моихъ словъ и клятвы подкрѣпить сказанное мной, властью вашего величества. А если есть здѣсь, или вообще въ Испаніи, въ числѣ подданныхъ вашего величества, человѣкъ, сомнѣвающийся въ истинѣ моихъ словъ, велите ему высказаться. Вѣдь, это—дѣло важное! Я желаю, чтобы мнѣ повѣрили, прежде чѣмъ я скажу еще хоть слово.

Въ третій разъ король наклонилъ голову, и уже милостиво: все, вѣдь, устроилось такъ удобно для него!

— Что касается меня—сказалъ онъ—я скорѣе повѣрю вашему слову, чѣмъ клятвѣ всякаго другого. И, надѣюсь, здѣсь не найдется никого, кто осмѣлился бы сомнѣваться въ томъ, въ чемъ мы оба убѣждены.

— Благодарю, ваше величество! А затѣмъ прошу вашего позволенія представить вашему величеству...

Онъ взялъ Долоресу за руку и вывелъ ее впередъ, хотя она слегка упиралась и была блѣдна, а ея темно-сѣрые глаза пристально устремились на короля.

— Моя законная жена!—воскликнулъ дон-Жуанъ.

— Ваша жена!—воскликнулъ крайне изумленный король.— Развѣ вы уже сочетались бракомъ?

— Мы—обвѣнчанные мужъ и жена, государь!—отвѣчалъ дон-Жуанъ такъ громко, что всѣ его услышали.

— А что скажетъ Мендоза на это?—спросилъ Филиппъ, оглядываясь на стараго воина.

— Что его высочество оказалъ моему дому большую честь, ваше величество. И я прошу, чтобы меня не разлучали съ моей дочерью безъ нужды.

Онъ почти робко взглянулъ на торжествующее лицо Долоресы; и взглядъ его продолжалъ покоиться на ея лицѣ съ такимъ выраженіемъ, какого она никогда до того времени не видала у него,

но потомъ видѣла всегда. Въ это самое время суровый старикъ привлекъ къ себѣ Инезу, которая нашла его между офицерами и стала возлѣ него, опираясь на его руку, съ новымъ чувствомъ довѣрія.

Король всталъ. Въ комнатѣ раздался веселый гулъ голосовъ. Всѣ заговорили разомъ; каждый поздравлялъ себя съ благополучнымъ исходомъ дьявольскаго приключенія. Всѣ говорили, что дон-Жуанъ Австрійскій—самый молодцоватый, самый красивый, самый благородный принцъ въ свѣтѣ, а Марія Долореса де-Мендоза не имѣетъ себѣ равной между женщинами по красотѣ, по высокому женскому мужеству, по совершенству преданности.

Но было нѣсколько и недовольныхъ. Антоніо Перезъ молчалъ и разбѣянно гладилъ себѣ черные волосы своей бѣло-снѣжной рукой. Молчала и принцесса Эболи: ей казалось, что бракъ дон-Жуана и примиреніе его съ братомъ дѣлали исполненіе ея плана невозможнымъ.

Она была права: начало ея ненависти къ дон-Жуану коренилось именно въ томъ, что ему удалось, вопреки всѣмъ, вступить въ бракъ съ Долоресой; а эта ненависть была первымъ звеномъ въ той цѣпи, которая привела ее къ ея собственной ужасной участи. Хотя она долго еще держала въ своихъ рукахъ карты, и ставки ея были крупны, какъ и раньше, но счастье, наконецъ, измѣнило ей, и она погибла безвозвратно.

Быть можетъ, и блистательная судьба дон-Жуана была измѣрена въ эту ночь и преждевременно прервана, хотя самые смѣлые его подвиги и побѣды были еще впереди. Разсказать больше—значило бы разсказать слишкомъ много, и такого, что хорошо разсказано другими.

Мы добавимъ только, что дон-Жуанъ Австрійскій любилъ Долоресу всѣмъ сердцемъ. Бракъ его остался придворной тайной. Она родила ему красавицу-дочку—и умерла. Ребенокъ выросъ уже въ другое царствованіе. И сталъ онъ святой монахиней, а потомъ настоятельницей монастыря Ляс-Гуэльгасъ,—того самаго, куда Долореса должна была отправиться на другой день послѣ этой знаменательной ночи.

www.libtool.com.cn

ПРИМѢЧАНІЯ.

а) Къ введенію.

1) Страница V.—*Гверилья* (guerrilla; испанцы произносятъ „герилья“) — „маленькая война“ или партизанская борьба добровольцевъ во время междоусобій или вражескихъ нашествій. Гверильясы, какъ и наши партизаны въ 1812 году, особенно прославились при нападеніи французовъ на Испанію, въ 1805—1814 годахъ. Имъ помогали и горы, и прочная постройка испанскихъ избъ.

2) Стр. V.—*Сидъ* (по-арабски—господинъ), такъ же какъ и Кампеадоръ (Боецъ)—прозвища Родрига Діаза, „славнѣйшаго кастильца“, героя сказокъ и пѣсенъ. Исторія также знаетъ этого богатыря, умершаго въ покоренной имъ Валенціи около 1100 года. Она не отнимаетъ у него героизма, но устраняетъ сказочныя чудеса и рисуетъ его жестокимъ, вѣроломнымъ представителемъ звѣрскихъ нравовъ своего времени. Сидъ былъ разбойникъ изъ кастильской знати, обманомъ захватившій Валенцію: онъ служилъ и своимъ, и маврамъ, разрушалъ какъ мечети, такъ и церкви, плѣнницъ продавалъ въ рабство, а мужчинъ бросалъ на растерзаніе псамъ.

3) Стр. VI.—*Каталонія*—самая важная и своеобразная часть Испаніи. Благодаря морю, хорошимъ гаванямъ, здоровому климату и бойкому, способному населенію, она изстари стала средоточіемъ испанской промышленности и особенно торговли. Отсюда ея быстрое развитіе и горделивость, поддержанныя еще вліяніемъ сосѣдней Франціи: каталонцы всегда шли впереди остальныхъ испанцевъ; они и теперь говорятъ особымъ нарѣчіемъ, изъ презрѣнія къ кастильцамъ. Какъ часть Арагоніи, Каталонія присоединилась къ Кастиліи лишь при Фердинандѣ Католикѣ (1469); да и тогда за нею остались старинныя права, утвержденныя хартіями вольностей. Они утратили ихъ лишь въ началѣ 18-го вѣка. Во времена

испанскаго могущества только Каталонія была достойна его. Тогда, съ паденіемъ Венеціи, она владѣла множествомъ отличныхъ судовъ, которыя нанимались даже французскими купцами. Она торговала, а отчасти и разбойничала по всему Средиземному морю. Тутъ у нея всюду были свои конторы и склады; на Кипрѣ ей принадлежалъ цѣлый городъ. Ея Барселона была однимъ изъ первыхъ торговыхъ портовъ въ мірѣ: она щеголяла своими консульствами, биржей, верфью, банкомъ, роскошнымъ арсеналомъ; ея морской уставъ былъ принятъ даже итальянцами.

4) Стр. VI.—*Габсбурги* (Habsburg т. е. Ястребиный Замокъ, въ Швейцаріи)—старинный графскій родъ, владѣвшій многими землями въ Швабіи и Швейцаріи. Изъ него-то Рудольфъ былъ выбранъ въ германскіе императоры въ 1273 году. Въ 14-мъ вѣкѣ швейцарцы освободились отъ габсбургскаго ига, благодаря такимъ героямъ, какъ Вильгельмъ Тель. Но въ Германіи Габсбурги утвердились, какъ императоры, съ 1438 г. Въ началѣ 16-го вѣка имъ досталась и Испанія, благодаря браку сына императора Максимилиана I, Филиппа Красиваго, съ Іоанной Безумной, дочерью Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской. Сынъ Филиппа, Карлъ V, представлялъ собой это соединеніе двухъ могуществъ. Но уже при немъ Габсбургскій домъ распался на двѣ линіи—австрійскую и испанскую: когда онъ отрекся отъ престола, нѣмцы выбрали своимъ императоромъ не сына его, Филиппа II, а брата Фердинанда I (1556). Испанскіе Габсбурги существовали до 1700 г., когда умеръ пятый и послѣдній изъ нихъ, Карлъ II. Австрійскіе Габсбурги также прекратились въ 1740 году, со смертію Карла VI; но, благодаря дочери его, Маріи Терезіи, вышедшей замужъ за герцога Лотарингскаго, они существуютъ до сихъ поръ на австрійскомъ престолѣ, какъ Габсбурго-Лотарингскій домъ.

5) Стр. VII.—Въ Испаніи народъ рано приобрѣлъ политическія права, вслѣдствіе долгихъ войнъ съ арабами. Такъ какъ знать пользовалась выгодами древняго, готскаго права, то массы пришлось наградить новыми льготами. И вотъ, въ 11-мъ вѣкѣ, въ эпоху полубаснословнаго Сиды, городамъ и мѣстечкамъ, т. е. среднему сословію, были дарованы *фуэры* (отъ латин. *forum*—площадь, гдѣ происходили сходки)—жалованныя грамоты, которыя охраняли личность и имущество, давая горожанамъ право ставить своихъ выборныхъ наряду съ коронными графами (судьями) и алькадами (полиціей). Фуэры долго развивались, распространяясь даже на большія села, которыя заводили собственныя ополченія и составляли *германдады*—братства для отстаиванія своихъ правъ противъ знати, обращавшейся въ „рыцарей-разбойниковъ“. Короли покровительствовали германдадамъ: въ 16-мъ вѣкѣ послѣднія стали просто ихъ жандармеріей. Сверхъ того, еще слабой коронѣ приходилось дѣйствовать

противъ арабовъ съ общаго согласія всѣхъ сословій: отсюда какъ мѣстныя, такъ и государственныя собранія, съ участіемъ горожанъ, или *кортесы* (отъ *corto*—дворъ). Кортесы возникли около 1150 г. и установились лѣтъ черезъ 50. Они добывали отъ королей все новыя вольности, такъ какъ имѣли право разрѣшать налоги. Кортесы состояли изъ трехъ „рукъ“ (*brazos*), какъ называлась знать (прелаты и гранды), низшее дворянство (хидальги, ихъ избиралъ народъ) и депутаты *коммунъ* (городскихъ общинъ). Дѣла рѣшались единогласно. Кортесы, по существу, представляли всю власть: за ними признавалось право соизволять подати; и короли, при воцареніи, прежде всего присягали имъ въ соблюденіи вольностей королевства. Но кортесы, подобно государственнымъ чинамъ Франціи, не были правильнымъ учрежденіемъ: они собирались когда было угодно королю; и не были опредѣлены закономъ ни выборы депутатовъ, ни ихъ права; подконецъ ихъ засѣданія стали закрытыми, и корона даже требовала отъ нихъ соблюденія тайны. Кортесы были особенно сильны въ Арагоніи. Здѣсь отъ нихъ зависѣло все: безъ нихъ „король не смѣлъ даже никого казнить или посадить въ тюрьму“. Когда кортесы собирались сами, безъ призыва короля, они назывались „парламентомъ“. Арагонцы завели еще особую должность — *хустицію*, напоминавшую древняго трибуна. Это—бывшій главный королевскій судья, который сталъ стражемъ закона и правъ народа: онъ призывалъ къ отвѣту всякаго чиновника и самого короля, который присягалъ передъ нимъ на колѣнахъ, съ открытой головой. Самъ хустиція подчинялся кортесовымъ „инквизиторамъ“. Кортесы Арагоніи созывались обязательно разъ въ два года, а въ промежуткахъ безсмѣнно засѣдала ихъ комиссія изъ 8 человекъ, помимо того, что бодрствовалъ хустиція.

Такой демократизмъ арагонцевъ объясняется сосѣдствомъ съ Каталоніей, значеніе которой мы указали выше въ 3-мъ примѣчаніи. Каталонцы были чистые республиканцы. Они имѣли свое монетное право и смотрѣли на арагонскаго короля, какъ на своего наслѣдственнаго президента. Здѣсь безсмѣнная комиссія кортесовъ управляла, какъ монархъ; въ каждомъ городѣ сидѣлъ ея депутатъ, который и охранялъ права народа, и доносилъ объ его настроеніи. Въ каждомъ городѣ „святыя германдады“ содержали собственныхъ солдатъ, которые, въ случаѣ злодѣянія, скакали, на перемѣнныхъ коняхъ, пока не настигали преступниковъ. Последніе судились на мѣстѣ германдадами, которые нарушали даже церковное право убѣжища и, по словамъ современника, „производили истинныя бойни людей, безжалостно рѣзали руки и ноги, плечи и головы“. Въ Арагоніи, въ важныхъ случаяхъ, двери думы растворялись—и всѣ обыватели допускались на совѣщаніе съ присяжными вла-

стями. Въ Каталоніи купившій сеньерію мѣщанинъ и даже зажиточный крестьянинъ становились рыцарями, а ненесшій военной службы рыцарь терялъ свое званіе. Но такая власть городовъ, средняго сословія, обуславливалась лишь слабостью короны, которая нуждалась въ нихъ, чтобы сокрушить могучихъ феодаловъ. Какъ только, съ Фердинанда Католика, окрѣпъ монархизмъ, дѣло должно было измѣниться въ Испаніи, какъ и вездѣ. Произволъ знати и чиновниковъ вызвалъ, при Карлѣ V, бунтъ *комунеровъ* или городскихъ общинъ въ главной области королевства, въ Кастиліи. Вождемъ комунеровъ былъ дворянинъ Падилья. Оттого „сынами Падильи“ назывались и новѣйшіе комунеры—масонское общество, которое почти правило судьбами Испаніи въ 1821—1822 годахъ.

6) Стр. VII. — *Алкабала*—арабское названіе одного изъ самыхъ первобытныхъ и тяжелыхъ налоговъ. Это — извѣстный % съ товаровъ, при переходѣ ихъ изъ рукъ въ руки. Испанцы заимствовали алкабалу у мавровъ. Они предоставили ее королямъ за знаменитую побѣду надъ арабами при Саладо (1340), послѣ которой мусульмане уже не смѣли выходить за предѣлы своей Гранады. Съ тѣхъ поръ алкабала стала главною постоянною податью.

7) Стр. VIII. — *Конквистадорами* или „завоевателями“ называлась та отважная океанійская дружина, которая, со временъ Колумба, помогала открытію Новаго Свѣта и овладѣла туземцами. То были охочіе рыцари, которые устремлялись въ Америку на свой страхъ, безъ всякой помощи со стороны правительства: послѣднее лишь потомъ награждало ихъ всякими привилегіями, въ особенности же громкими титулами и помѣщичьими правами. Потомки конквистадоровъ жили сначала царьками, но съ 17-го вѣка испанскіе короли стали сокращать ихъ права въ пользу посылаемыхъ въ Америку своихъ приверженцевъ или „чапетоновъ“. Отсюда недовольство, которое привело къ отложенію испанскихъ колоній въ 1820-хъ годахъ. Во время этой борьбы за независимость вождями мятежей были по большей части потомки конквистадоровъ.

8) Стр. IX. — *Фюрстами* (Fürsten) или князьями называлась въ Германіи высшая знать, состоявшая изъ духовныхъ (владыки) и свѣтскихъ вельможъ (герцоги и графы разныхъ наименованій). Такъ было сначала и вездѣ въ феодальные средніе вѣка; но затѣмъ Германія рѣзко отдѣлилась отъ остальной Европы въ общественномъ строѣ. Между тѣмъ какъ феодалы вездѣ постепенно устраивали свои политическія права, въ борьбѣ съ монархизмомъ, фюрсты напротивъ, все ограничивали власть нѣмецкаго императора. Реформація особенно помогла имъ, доставивъ имъ новыя владѣнія благодаря „секуляризаціи“ или отобранія церковныхъ имуществъ. Отсюда та раздробленность Германіи, которая не исчезла совсѣмъ доселѣ, несмотря на ужасы франко-прусской войны 1870, смыслъ

которой состоялъ въ объединеніи всѣхъ нѣмцевъ. Исторія фюрстовъ подробно изложена нами въ сочиненіи „Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе“ (1898).

9) Стр. XI.—*Ландскнехтъ* (Landsknecht—„земскій слуга“, ополченецъ)—нѣмецкій пѣхотинецъ 16—17 в. Это войско завелъ Максимиліанъ I, взявъ нѣ швейцарскихъ наемниковъ, которые становились уже плохими воинами и враждовали съ нѣмцами. Сюда входили и мелкіе, объединенные рыцари, которымъ не на что было содержать коня. Къ тому же, съ изобрѣтеніемъ пороха и вообще съ паденіемъ дворянства, рыцарская конница уже негодилась. У новой пѣхоты и вооруженіе было не рыцарское: мечъ уступилъ мѣсто копью; оттого ландскнехтовъ называли еще „ланцкнехтами“ (Lanz—копье). За исключеніемъ турецкихъ янычаръ, ландскнехты представляли собой самую раннюю, вполне организованную, пѣхоту на Западѣ: ихъ строю подражали потомъ новыя войска вездѣ. Этотъ строй основывался на вербовкѣ или наемничествѣ, которымъ такъ прославилась древняя Эллада въ періодъ своего упадка (см. нашъ *Учебникъ Древней Исторіи*, § 135). Понятно, что и нравственная сторона дѣла здѣсь оказалась такая же, какъ въ Греціи. Ландскнехты—буйные головорѣзы, стекавшіеся отовсюду во всевозможныхъ нарядахъ и съ собственнымъ оружіемъ. Жизнь, своя ли, чужая ли, была для нихъ копѣйкой. Лишенные родины, чести, совѣсти, они знали одно только божество—свою алчность да кровожадность. Особенно отличались они въ пьянствѣ и азартныхъ играхъ: отъ нихъ идетъ игра „ланскнэ“ (lansquenet). Нравы ландскнехтовъ хорошо обрисованы въ трагедіяхъ Шиллера, посвященныхъ Тридцатилѣтней войнѣ, хотя тогда уже исчезло ихъ имя печальной памяти.

10) Стр. XIII.—*Разгромъ Рима* (sacco di Roma) называется взятіе столицы папства лютеранами въ 1527 году. Тутъ-то особенно проявилось живодерство ландскнехтовъ, которое ставятъ наряду съ знаменитымъ „вандализмомъ“ или разгромомъ Рима вандалами въ 429 г. Эти людоеды, давно жаждавшіе „задушить Антихриста“ (папу), около года хозяйничали въ св. городѣ, пока ихъ не разсѣяла зараза. Кроми убійствъ и грабежа, они всячески богохульствовали и провозгласили Лютера папой.

11) Стр. XIII.—*Ранке*, въ своихъ „Fürsten und Völker von Süd—Europa“, опровергъ мнѣніе извѣстнаго знатока исторіи инквизиціи *Лорентэ*, будто это учрежденіе было нарушеніемъ верховной власти со стороны церкви.

12) Стр. XIII.—*Григорій VII*—идеаль папы-міродержца. Его время (1073—1085) — верхъ могущества папства. Онъ-то возвѣстилъ, что духовная власть выше свѣтской: императоръ-де получаетъ корону отъ папы, „какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца“; и онъ

долженъ платить за нее намѣстнику св. Петра, какъ за пожалованный ленъ, послушаніемъ и данями. Поддерживаемый крайне религіознымъ духомъ времени (тогда подготавливались крестовые походы), Григорій провелъ въ жизнь свой идеалъ. Самъ императоръ, вздумавшій осадить его міровыя притязанія, принужденъ былъ смириться: въ 1077 году, Генрихъ IV явился въ замокъ Каноссу, чтобы совершить унижительный обрядъ раскаянія и безусловнаго подчиненія. Вторымъ столь же величавымъ папой былъ Александръ III, заставившій могучаго Фридриха I Барбароссу повторить Каноссу ровно черезъ сто лѣтъ. Еще болѣе подходилъ къ Григорію VII Иннокентій III (1198—1216). Онъ объявилъ уже прямо, что „Господь оставилъ св. Петру управленіе не только вселенскою церковью, но и всѣмъ міромъ“. Ему даже было мало Петра: онъ принялъ титулъ „намѣстника Христа“ и лишь изъ скромности отвергъ предложенную ему „непогрѣшимость“.

13) Стр. XVII.—Израильскій царь Ахавъ и жена его *Иезавель* поставили капища идоламъ и завели жрецовъ, а пророковъ Божіихъ преслѣдовали (850 г. до Р. Х.). Господь покаралъ ихъ: Ахавъ былъ пронзенъ стрѣлой въ битвѣ. Иезавель упала изъ окна на улицу; лошади колесницъ растоптали ее, собаки разорвали ее по кускамъ. См. „Священную исторію“ протоіерея *Соколова*.

14) Стр. XIX.—Мы не ставимъ въ счетъ четвертой трагедіи, которая не касается нашего романа и еще мало разъяснена наукой. Это—горькая судьба *Александра Фарнеза*, который и тутъ напоминалъ своего друга, дон-Жуана. Говорили, что и его погубилъ дядя, Филиппъ II. Несомнѣнно одно: инквизиція подымала обвиненіе противъ него, какъ противъ лютеранина, когда онъ управлялъ Нидерландами.

15) Стр. XXI.—Портретъ дон-Карлоса сохранился въ картинной галлерей Прадо въ Мадридѣ. Prado (лугъ) въ Испаніи называются вообще мѣста прогулокъ, въ особенности же главный бульваръ столицы.

16) Стр. XXIII.—Это событіе разъяснено во Введеніи къ нашему изданію „Темнаго Дѣла“ *Бальзака*.

17) Стр. XXIII.—Подробности о развязкѣ исторіи дон-Карлоса читатель найдетъ у современныхъ событіямъ посланниковъ, особенно у венеціанцевъ, которые славились тогда точностью своихъ свѣдѣній и мастерствомъ своихъ депешъ.

18) Стр. XXIII.—Врядъ ли потребовался якобы предписанный инквизиціей ядъ, о которомъ столько говорили поэты и даже старые историки. Отсутствие инквизиціи въ этомъ дѣлѣ доказано знатокомъ ея исторіи, *Llorente: Histoire critique de l'inquisition d'Espagne. 1817, т. III.*

19) Стр. XXV.—Прозвище *Австрійскій*, съ одной стороны, намекало на родину матери дон-Жуана, съ другой—указывало на австрійскихъ

Габсбурговъ. *Жуанъ*—невѣрное произношеніе: испанцы произносятъ *h*, какъ наше *х*. Но мы не рѣшились замѣнить столь укоренившася у насъ „*Жуана*“ „*Хуаномъ*“, который уже звучалъ бы странно въ ушахъ русскаго человѣка.

20) Стр. XXV.—См. 20-е примѣчаніе къ нашей „*Жаннѣ д'Аркъ*“ о *Батарн* Орлеанскомъ.

21) Стр. XXVI.—Эти описанія согласуются съ портретами тогдашнихъ художниковъ. Мы уже говорили (Введ. стр. LII), что *Стирлингъ-Максвелъ* обладалъ единственнымъ собраніемъ всякихъ изображеній дон-*Жуана*. Почти всѣ они приложены, въ гравюрахъ, къ его сочиненію. Здѣсь видимъ, съ разныхъ сторонъ, и огромную статую, стоящую понынѣ на главной площади Мессины. Это—одно изъ лучшихъ произведеній ваянія 16 вѣка, а также поразительно схожій портретъ, полный жизни и силы. Герой изображенъ въ парадномъ вооруженіи, съ жезломъ трехъ командъ въ рукѣ. Статуя поставлена тотчасъ послѣ побѣды у *Лепанто*.

22) Стр. XXVII.—Объ испанскихъ „*сіеррахъ*“ см. 80-е примѣчаніе къ нашему переводу „*Темнаго Дѣла*“ *Бальзака*.

23) Стр. XXXVII.—Любопытно, что въ завѣщаніи дон-*Жуана* ни словечкомъ не упомянуто объ его дѣтяхъ. Онъ вообще никогда не заикался о нихъ ни передъ кѣмъ. А у него были двѣ незаконныя дочери. Одна изъ нихъ, отъ знатной итальянки, вышла замужъ за мелкаго итальянскаго князья. Другая, *Анна*, отъ *Маріи Мендозы*, отдана была на попеченіе воспитательницы самого дон-*Жуана*, доньи *Маделены де-Уллоа*. Потомъ она поступила въ бенедиктинскій монастырь *Лас-Гуэльгасъ*, близъ *Бургоса*, гдѣ и умерла настоятельницей.

24) Стр. XXXVIII.—Касательно характера дон-*Жуана* не можетъ быть сомнѣній.—Рѣдко историческая личность представляется, въ безспорныхъ документахъ, въ такомъ ровномъ, одинаковомъ освѣщеніи, какъ со стороны друзей, такъ и со стороны враговъ. Приведемъ показанія выдающихся свидѣтелей. Самъ его косвенный убійца, *Перезъ*, говоритъ: „То была благородная природа и духъ, на который возлагались великія надежды ко благу государства“. Другой врагъ принца, по положенію, членъ бельгійскаго совѣта, устроеннаго *Альбой*, писалъ друзьямъ: „Природа одарила его замѣчательными умственными способностями. Истинно королевская натура, онъ былъ положительно храбрый и энергичный человѣкъ. Онъ былъ другомъ и товарищемъ лучшихъ, молодцоватыхъ людей. Больше всего ненавидѣлъ онъ зложелательство. Блестящій, полный состраданія, глубоко религіозный и набожный, онъ былъ въ то же время до того веселый, пріятный, привлекательный человѣкъ, что не было созданія, которое не любило бы его и не доброхотствовало ему. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ достоинъ болѣе долгой

жизни". Другой нидерландскій вельможа свидѣтельствуеъ: „Дон-Жуанъ превосходить Цирцею. Кто ни побываетъ у него, всякій становится его поклонникомъ. Всѣ вельможи опьянены его милостями. Одинъ взглядъ его красивыхъ, живыхъ глазъ привлекаетъ всѣ сердца“. Брантомъ приравнивалъ дон-Жуана къ своему любимцу, къ лучшему герою своихъ біографій. Особенно важно мнѣніе такого проницательнаго дипломата, какъ венеціанскій посланникъ Липпомано, который около года жилъ съ дон-Жуаномъ въ Италіи (1574). Вотъ оно.

„Донъ-Жуану теперь 30 лѣтъ; но онъ уменьшаетъ себѣ года, считая позорнымъ, что королевскій сынъ въ тридцать лѣтъ еще не владѣетъ государствомъ. Онъ не великъ ростомъ, но хорошо сложенъ и чрезвычайно привлекателенъ; вокругъ красиваго лица выются длинные, свѣтлые волосы. Костюмъ его чрезвычайно изященъ. Въ верховой ѣздѣ, борьбѣ и фехтованіи онъ никому не уступить первенства. Онъ упражняется иногда 5—6 часовъ въ игрѣ въ мячъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто ставитъ свою честь на карту, чтобы и здѣсь быть первымъ. Онъ обладаетъ большимъ умомъ и краснорѣчіемъ, рядомъ съ большимъ знаніемъ дѣлъ. Онъ умѣетъ прилично обходиться съ людьми всѣхъ сословій, основательно знаетъ фортификацію и артиллерію и больше всего любитъ говорить о предпріятіяхъ и побѣдахъ. Возможно, что дон-Жуанъ, какъ говоритъ молва, очень любитъ хорошенькихъ женщинъ; однако онъ никогда не подавалъ повода къ соблазнительнымъ толкамъ и никогда не оскорбилъ ни одного члена благороднаго дома въ Неаполѣ. Столь же мало онъ жертвуетъ ради любви своими служебными дѣлами. Онъ рано встаетъ, идетъ къ обѣднѣ, потомъ принимаетъ въ аудіенціи офицеровъ флота и служащихъ при дворѣ; наконецъ, запирается съ Эсковедо и читаетъ съ нимъ полученныя депеши, даетъ на нихъ отвѣты, разсматриваетъ просьбы и подписываетъ рѣшенія. Затѣмъ онъ оставляетъ кабинетъ и бесѣдуетъ въ залѣ съ испанскимъ и неаполитанскимъ дворянствомъ. До обѣда, если не собирается государственный совѣтъ, онъ принимаетъ всѣхъ, и нерѣдко просители являются къ нему по два раза. Послѣ обѣда онъ предается либо тѣлеснымъ упражненіямъ, либо пишетъ въ своемъ кабинетѣ до вечера. Онъ владѣетъ французскимъ языкомъ, понимаетъ по-фламандски и по-нѣмецки, маракуетъ по-итальянски, но всегда хочетъ слыть только испанцемъ. Его совѣтъ въ Неаполѣ состоитъ изъ вице-короля, Гарціи де-Толедо, Доріи, герцога Сезы, маркиза Санта-Круцъ и дон-Жуана де-Кордона. Онъ получаетъ 40.000 дукатовъ на содержаніе и каждые 2—3 года 80.000 или 100.000 дукатовъ награды. Но при его щедрости этого не хватаетъ. Въ одну поѣздку на богомолье въ Лоретто онъ роздалъ 10.000 дукатовъ; еслибы у него было больше,

то онъ еще щедрѣе одарялъ бы своихъ солдатъ, потому что держится взгляда, что презрѣніе къ деньгамъ увеличиваетъ его военную славу. Однажды онъ публично признался, что бросился бы изъ окошка, еслибы зналъ, что есть на свѣтѣ кто-нибудь, который больше него стремился бы къ славѣ и чести. Вслѣдствіе этого честолюбія, онъ втайнѣ сильно огорченъ нерѣшительностью испанцевъ, которая, какъ онъ говоритъ, мешаетъ ему на его пути къ побѣдамъ. Онъ не довольствуется малымъ; онъ думаетъ, что заслужилъ королевство“.

Лишиmano увѣряетъ, что слышалъ изъ устъ самого дон-Жуана слѣдующія слова: „Я не могу отрицать, что я молодъ и, сверхъ того, солдатъ, и что я проникнуть убѣжденіемъ, что тотъ, кто не идетъ впередъ, двигается назадъ; но, видитъ Богъ, я никогда не имѣлъ желанія, которое могло бы вызвать вражду между христіанами. Всѣ мои надежды обращены на борьбу съ турками; если же представляется случай драться, все равно гдѣ, то я скажу, какъ говорятъ на галерѣ, когда командиръ читаетъ *Ave Maria* („Богородицу“) и экипажъ отвѣчаетъ: *Да будетъ она благословенна!* Такъ и я отвѣчу, если представится случай; но искать его мнѣ никогда не приходило въ голову“. Эти слова венеціанецъ считаетъ достовѣрными и прибавляетъ, что дон-Жуанъ всегда выказываетъ, что онъ не думаетъ выходить изъ своего подчиненнаго положенія относительно Филиппа II. Хотя онъ и не скрываетъ своего недовольства испанскимъ государственнымъ совѣтомъ, но желаетъ устранить зависть, господствующую къ нему въ Мадридѣ.

25) Стр. XXXIX.—*Estremera*—приморская мѣстность въ Португаліи.—*Pastrana*—древній роскошный замокъ внутри Испаніи, отчасти сохранившійся до нашихъ дней.—*Eboli*—городъ въ Неаполитанской провинціи, близъ Салерно. Въ немъ теперь до 10.000 жителей. Онъ красиво расположенъ на горѣ, откуда разстилается чудесный видъ на море и на развалины древняго Пестума.

26) Стр. XL.—Именно съ Карла V при испанскомъ дворѣ сталъ укореняться обычай устраивать браки, руководясь богатствомъ и гербами. Отсюда нерѣдко соединеніе родственниковъ, что поддерживало внѣшнюю силу знати. Но только внѣшнюю: въ сущности, такіе браки губили знать, влекли къ ея вырожденію. Этотъ-то обычай подорвалъ испанскихъ Габсбурговъ такъ же, какъ и австрійскихъ. Въ этомъ домѣ пошли частые случаи болѣзненности: совсѣмъ плохи были послѣдніе Габсбурги въ Мадридѣ—Филиппъ IV и Карлъ II.

27) Стр. XL.—*Mendoza*—городъ въ западной Аргентинѣ, у аспидныхъ Кордельеровъ, близъ великана этой цѣпи—Аконкаги. Онъ прекрасно орошенъ; его окружаютъ красивыя дачи, плодовые деревья, виноградники; минеральные источники, а также величавые

слѣды вулканическихъ силъ. Здѣсь и теперь добываются золото, серебро, мѣдь.—*Sylva* также напоминаетъ Америку, ея дѣвственные могучіе лѣса. Любопытная генеалогія древняго богатаго рода Сильвы составлена ученымъ его потомкомъ, издавшимъ *Colection de documentos*— для исторіи Испаніи.—*Cerda*—суровая мѣстность въ Пиренеяхъ.—*Francavilla*—мѣстечко въ Сициліи, съ прекраснымъ видомъ на вулканъ ~~Этну~~ ~~Матра~~—древнее названіе о. Мальты.

28) Стр. XL.—Это описаніе списано съ портрета принцессы Эболи, который хранится въ галлерей ея отдаленнаго потомка герцога Пастраны. Онъ приложенъ къ книгѣ ея біографа Муро.

29) Стр. XLI.—*Св. Тереза* служить однимъ изъ лучшихъ признаковъ возрожденія католичества во второй половинѣ 16-го вѣка, въ отпоръ протестантизму. Тогда навстрѣчу обновленному могуществу папства шла помолодѣвшая сила старины. Въ монашескомъ быту воскресла эпоха аскетизма клонійцевъ: Древнія обители строго преобразились. Завелось много новыхъ монастырей, расширявшихъ кругъ трехъ обычныхъ обѣтовъ разными особыми обязанностями. Особенно много возникало ихъ въ Италіи, Испаніи и затѣмъ во Франціи. Появились и новые святые, среди которыхъ прославились папскій племянникъ, Карлъ Борромео, и Францискъ Сальскій. Возникли и святые, съ видѣніями и судорогами эпилепсіи, одна— даже въ Перу. Изъ нихъ особенно выдвинулась испанская Тереза. 18-ти лѣтъ стала она монахиней, по собственному страстному желанію—и тотчасъ проявила даръ устроителя. Она поступила въ орденъ *кармелитовъ*, который когда-то славился особенной строгостью и принадлежалъ къ „нищенствующей братіи“, но къ тому времени испортился. Тереза написала новый уставъ ордена, который былъ утвержденъ папой въ 1565 г. Онъ былъ необычайно строгъ: отсюда идетъ самая аскетическая отрасль кармелитовъ— „босоножки“. Ревностная, неумолимая Тереза провела всю жизнь въ борьбѣ съ своей братьей изъ-за ея пороковъ; зато ея уставъ распространился по многимъ монастырямъ. Сама же она назвала себя „Тереза Иисуса“ (*Teresa de Jesus*) и, всего 40 лѣтъ спустя по своей смерти, была причислена къ лику святыхъ (1622). Плодомъ ея искренней мистики были еще записки, стихи, назиданія, переведенныя на многіе языки. Въ настоящее время кармелитокъ немного; онѣ живутъ преимущественно въ Испаніи, Австріи и Баваріи.

30) Стр. XLI.—Невѣрующіе въ молву о близости отношеній между *принцессой Эболи и Филиппомъ II* опираются, главнымъ образомъ, на скользкую почву личной психологіи. Они безъ твердыхъ основаній относятъ молву лишь ко времени возвращенія доньи Анны ко двору, по смерти мужа. Затѣмъ они изумляются: вѣдь, ей-де было тогда уже 36 лѣтъ, съ прибавкой чуть не дю-

жины дѣтей! Не станемъ указывать на важную политическую роль при томъ же мадридскомъ дворѣ, принцессы Орсини, которую называли „лейтенантомъ капитана Ментенонъ“, какъ ученицу любимицы Людовика XIV: эта 60-лѣтняя красавица сводила всѣхъ съ ума. Но мы уже слышали свидѣтельство такого знатока доньи Анны, какъ Перезъ. Другой дамскій психологъ, Брантомъ, видѣвшій ее въ ту пору, также восхищался ее жгучей „красотой“. А Филиппъ II, по наблюденіямъ очевидцевъ, былъ въ этомъ отношеніи „напризень“. Главное же дѣло въ томъ, что крупныя обстоятельства указываютъ на время болѣе раннее, задолго до смерти мужа принцессы. Молва, особенно придворная, шла уже тогда: только этимъ объясняли такую силу доньи Анны, что она выжила изъ двора самого герцога Альбу, отправленнаго тогда въ Нидерланды. Это понимали и за предѣлами Испаніи. Смѣтливая и хорошо осведомленная Катерина Медичи ублажала принцессу Эболи подарками и лестью и все внушала своей дочкѣ Елизаветѣ дружить съ ней. Наконецъ, только старшій сынъ доньи Анны, герцогъ Пастрана, обладалъ русыми волосами Филиппа и открыто хвастался, что онъ—сынъ короля. Благодаря откровеннымъ нравамъ 16-го вѣка, этотъ юноша пользовался при дворѣ официально такими же почестями, какъ побочный сынъ Филиппа II, принцъ Асколи: оба они шли рядомъ, впереди грандовъ, во всѣхъ обрядностяхъ Альказара. Какъ вездѣ, и въ разсматриваемомъ вопросѣ есть средній взглядъ: признавали „капризъ“ короля, но прибавляли, что онъ встрѣтилъ отпоръ. Это толкованіе, не подходящее ни къ нравамъ, ни къ положенію сторонъ, опирается лишь на приведенное нами восклицаніе разсвирѣпѣвшей доньи при ея арестѣ.

31) Стр. XLVI.—Шайка *бандитовъ*, окружавшая принцессу Эболи, дорисовываетъ картину нравовъ 16-го вѣка, набросанную нами во Введеніи. Одинъ изъ нихъ назывался именемъ знаменитаго пирата и всегда носилъ за голенищами четыре заряженныхъ пистолета. Главой шайки былъ маркизъ де-ля-Фавара,—славный воинъ, но настоящій кондотьерь нравомъ. У него подъ начальствомъ состояло 20 отчаянныхъ головорѣзовъ, которые всѣмъ грозили смертью. У нихъ всегда стояли наготовѣ ослѣданные кони съ дорожными сумками, гдѣ хранился запасъ оружія и харчей.

32) Стр. XLVII.—*Димитрій Шемяка* галицкій былъ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ, который оспаривалъ первенство на Руси у прямыхъ потомковъ Мономаха. Съ его смертью прекращаются удѣльныя усобицы: стало тихо съ воцареніемъ Василия II (1425), прозваннаго Темнымъ, такъ какъ его ослѣпилъ жестокій Шемяка. Москвичи не любили Шемяку, который угнеталъ ихъ, съ помощью своихъ галицкихъ бояръ, и былъ до того пристрастенъ, что вошло въ пословицу называть всякую несправедливость „шемякинымъ судомъ“.

33) Стр. XLVIII.—*Азиль* (отъ греч. asylon—неприкосновенное, богоспасаемое)—мѣсто защиты для всякаго, даже для злѣйшаго преступника. Въ Элладѣ азиломъ считалось сначала всякое святилище, потомъ лишь извѣстные храмы и статуи боговъ. Это учрежденіе перешло и къ христіанамъ. Впрочемъ здѣсь вскорѣ было отказано въ азиль должникамъ; но онъ сохранялся, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, для уголовныхъ преступниковъ. Мало того: даже многія городскія общины имѣли право азила, что смягчало суровость крѣпостничества и способствовало развитію коммунъ. Бѣжавшіе сюда крѣпостные называли такіе города „спасительностью“ (*sauvété*). Въ новѣе время право азила постепенно отмѣнялось, сохраняясь только за помѣщеніями иностранныхъ посланниковъ. Родъ азила составляетъ, въ международномъ правѣ, право не выдавать чужихъ преступниковъ, и именно политическихъ.

34) Стр. LXI.—*Gachard: Don Carlos et Philippe II. 1863. 2 тома.—De Mouy: D.-C. et Ph. II. 1863. 3-е изд. въ 1888. Удостоено преміи французской академіи. Оба эти сочиненія равносильны по богатству документовъ.—Warnkönig: Don Carlos, 1876.—Büdinger: Don Carlos' Haft und Tod. 1891. Здѣсь особенно выставляется наслѣдственное помѣщательство.*

35) Стр. LXI.—*Havemann: Das Leben des Don Juan d'Austria. 1865.—Stirling-Maxwell: Don John of Austria. 1883.*

36) Стр. LXIV.—*Обинье* (Aubigné)—гугенотъ, ревностный помощникъ Генриха IV, а потомъ его врагъ, когда тотъ перешелъ въ католичество. Онъ мстилъ католикамъ прекрасными сатирами. Всѣ уважали Обинье за убѣжденность и правдивость. Безпристрастіемъ и благородствомъ проникнута его исторія второй половины 16 вѣка (*Histoire universelle*), „посвященная потомству“. Она была сожжена, въ 1620 году, рукой палача.—Насколько Обинье былъ серьезенъ, настолько же его современникъ *Брантомъ* (Brantôme) отличался легкомысліемъ. Но это былъ живой, даровитый царедворецъ, извѣдившій чуть не всю Европу и знавшій много закулисныхъ тайнъ политики. Его записки замѣчательны по богатству фактовъ и занимательности. Онъ обрабатывалъ ихъ лѣтъ 30, пользуясь невольнымъ досугомъ отъ болѣзни, приковавшей его къ постели. Эти записки издавались, съ 1665 года, частями, подъ разными названіями. Для насъ важнѣе всего „*Vies des hommes illustres et des grands capitaines étrangers*“. Значеніе Брантома недавно оцѣнилъ ученый *Pingaud: Brantôme historien* (въ „*Revue des questions historiques*, 1876).

37) Стр. LXIV.—*Bermudez de Castro: Antonio Perez. 1842.—Pidal: Historia de las alteraciones de Aragon en el reinado de Felipe II. 1865.—Mignet: A. Perez et Philippe II. 1845. (5-е изданіе въ 1881). Это замѣчательное сочиненіе полно исторической проникновенности:*

потомъ документы почти ничего не прибавили новаго и мало колебали его выводы.

38) Стр. LXV. — *Ranke: Historisch-biographische Studien. 1878.* — *Lafuente: Historia general de Espana. 1850—1866, 30 томовъ.* Новое изданіе, дополненное Валерой (Ляфуентэ умеръ въ 1866 г.), и съ рисунками, въ 6 томахъ, появилось въ 1877—1882 гг. — *Muro: Vida de la Princesa de Eoli. 1877.* Это — отличное сочиненіе по нашему предмету, по массѣ матеріала. Но авторъ доходитъ до натяжекъ въ стремленіи обълить Филиппа: онъ даже объясняетъ классическое слово Переза „zelos“ (соперникъ) ревностью къ службѣ и чести короля!

39) Стр. LXV. — *Morel-Fatio: L'Espagne au 16 et au 17 siècle. 1878.* — *Canovas del Castillo*, членъ королевской академіи въ Мадридѣ, ведетъ, съ 1890 года, классическое изданіе — „*Historia general de Espana*“. Это — извѣстный политикъ второй половины 19-го вѣка и подконецъ министръ.

40) Стр. LXVI. — Не знаемъ даже, найдетъ ли его наше письмо, тогда какъ отъ *Марка Твена* мы уже имѣемъ отвѣтъ на посланный ему нашъ переводъ „*Жанны д'Аркъ*“, отыскавшій его гдѣ-то въ *Riverdale on the Hudson*. Великій юмористъ сердечно благодаритъ за книжку, которою онъ „гордится (I am proud of it)“, тѣмъ болѣе, что она касается исторіи. Онъ признается, что ему „пріятны похвала и одобреніе“, ибо „онъ созданъ, какъ и остальной родъ человѣческій“ (I am made like the rest of the race). Касательно своихъ дальнѣйшихъ работъ онъ заявляетъ, что, „собираясь въ долгое морское странствіе“, хотя „вѣроятно и будетъ писать одну книгу“, но „врядъ ли найдетъ время для историческаго романа, столь любимаго имъ“.

б) Къ роману.

1) Стр. 3. — *Мавры* — потомки древнихъ мавританъ сѣверной Африки, которые, вмѣстѣ съ соплеменными имъ берберами, были завоеваны арабами еще въ 7-мъ вѣкѣ и слились съ ними, принявъ отъ нихъ не только могометанство, но и самый языкъ. Эти новые африканцы начали тотчасъ же дѣлать набѣги на Испанію и Италію. Съ тѣхъ поръ въ Испаніи всѣхъ мусульманъ начали называть „морамы“ (moros) или маврами, а въ Италіи — „сарацинами“ (восточными). Въ началѣ 8-го вѣка мавры овладѣли всею Испаніей, загнавъ туземцевъ-христіанъ, вест-готъ, и евреевъ, въ горы Астуріи. Они внесли въ страну богатую арабскую культуру и не трогали туземцевъ, довольствуясь лишь легкою данью. До сихъ поръ сохраняется въ Испаніи много слѣдовъ этой цивилизаціи, въ особенности по части зодчества. Къ нимъ относится и упоминаемый въ нашемъ

романъ *мавританскій дворецъ*, который былъ расположенъ къ югу отъ Мадрида. Но политически мавры начали падать уже около 1100 г. Ихъ все тѣснили христіане, которые образовали испанскую націю (смѣсь вест-готовъ съ римлянами) и превратили свою маленькую Астурію въ Кастилію, обнимавшую уже $\frac{1}{4}$ полуострова и прославленную такими богатырями, какъ Сидъ. Затѣмъ они создали еще государства Арагонію, *Наварру, Каталонію и Португалію*. Послѣ многихъ блестящихъ побѣдъ, испанцы, въ свою очередь, загнали мавровъ на югъ: около 1350 года, у мусульманъ оставалась одна Гранада, да и то какъ вассалъ Кастиліи. Такъ совершилось „отвоеваніе“ (reconquista). Когда Кастилія и Арагонія слились, благодаря браку Изабеллы съ Фердинандомъ Католикомъ, пришелъ конецъ и Гранадѣ: она сдалась, но на условіи сохраненія ея быта. (1492). Однако вскорѣ побѣжденнымъ велѣли или креститься, или выселяться. Фанатикъ, аскетъ, кардиналъ Хименезъ, руководившій постарѣвшей Изабеллой, плетями и пытками загонялъ ихъ къ купели. Для ускоренія обряда, ихъ лишь окропляли водой. Отсюда названіе „крещенные исономъ“, а въ отличіе отъ мусульманскихъ мавровъ, новокрещенные были наименованы *морисками*, мавроподобными. Мориски жили тихо, трудолюбиво и богатѣли, что возбуждало зависть нищихъ и фанатичныхъ испанцевъ. Мы видѣли, во Введеніи, какъ, пострадали несчастные при Филиппѣ II. При Филиппѣ III ихъ постигло новое гоненіе, + и болѣе полумилліона выселилось въ Африку (1609). Осталось лишь немного ихъ потомковъ въ горахъ Гранады.

2) Стр. 3.—*Мадридъ*—одна изъ столицъ новаго времени. Его судьба напоминаетъ Москву. Онъ не представлялъ никакихъ удобствъ для жизни: климатъ былъ нездоровый, сухой; не было значительной рѣки; почти не было дорогъ. Но срединное положеніе благоприятствовало политическимъ цѣлямъ. Оттого въ старину, при арабахъ, когда испанцамъ принадлежала лишь сѣверная часть полуострова, столицей былъ Вальядолидъ, значительно удаленный на сѣверо-западъ. Но тамъ тоже стало неудобно жить: свирѣпствовали заразы. Карлъ V уже задумывался, передъ смертью, о перемѣнѣ столицы. Да новая исторія, какъ у насъ при Петрѣ I, требовала новаго средоточія національной жизни, въ особенности послѣ завоеванія Гранады, перетягивавшаго центръ тяжести къ югу. Вальядолидъ становится опасенъ и какъ гнѣздо лютеранства въ Испаніи: за это-то Филиппъ совсѣмъ возненавидѣлъ старую столицу. Сначала онъ передвинулся въ Толедо, привлекаемый тѣмъ, что этотъ древній городъ былъ церковнымъ средоточіемъ націи, мѣстопробываніемъ примаса Испаніи. Но жизнь уже выдвигала свѣтскіе интересы насчетъ религіозныхъ; а Толедо, съ своей стороны, подверглось заразамъ. Кстати царедворцы роптали на недостатокъ

жизненныхъ удобствъ, а сестрѣ короля Іоаниѣ приглянулся Мадридъ. Филиппу совсѣмъ не нравился этотъ городъ; но онъ понялъ наконецъ его политическую выгоду. Онъ началъ наѣзжать туда; а съ 1560 г. Мадридъ сталъ окончательно мѣстопробываніемъ испанскаго двора.

3) Стр. 3.—*Возрожденіемъ въ искусствѣ* называется стиль или пошибъ, господствовавшій въ 16-мъ вѣкѣ. Онъ называется еще „глубокимъ Возрожденіемъ“, въ отличіе отъ „ранняго Возрожденія“ 14—15-го вѣковъ. Вообще Возрожденіе или искусство новаго времени отличалось отъ средневѣковаго, готическаго художества тою же главною чертой, какой отмѣчена вся новая исторія. Это—преобладаніе свѣтскости, реализма, надъ церковнымъ идеализмомъ, жизненнаго разнообразія и личности надъ сухими обобщеніями и условными типами и символами. Оно достигло высшаго развитія въ вѣкѣ реформациі, благодаря такимъ великанамъ искусства, какъ знаменитый триумвиратъ — Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэль. Тогда настало и господство новѣйшей отрасли искусства—живописи, а въ ней преобладаніе портрета, видовъ и бытовыхъ сценъ, хотя предметы выбирались еще церковные. Въ зодчествѣ стиль Возрожденія также совсѣмъ подавилъ ломаный, стрѣльчатый, капризный, но неудобный готикъ. Это—стиль величавый, строгій, трезвый и принимающій жизнь въ расчетъ. По требованію удобствъ, утвердились горизонтальная линия съ прямымъ угломъ, круглый сводъ и полная колонна. Храмы падали: на первый планъ выступили залитые свѣтомъ и воздухомъ дворцы, съ ихъ разубранными фасадами, колоннадами и дворовыми аркадами. Удобно и щеголевато стало и убранство этихъ дворцовъ и вообще домовъ зажиточныхъ людей. Стѣны покрывались росписными обоями, рисунками, рѣзбой, иногда изреченіями изъ классиковъ или Библии. Потолки расписывались, позолачивались, украшались гипсовой лѣпкой. Полы были деревянные, а иногда каменные съ рисунками, и нерѣдко застилались коврами. Любили держать обезьянъ, попугаевъ, павлиновъ, вообще заморскихъ животныхъ. Мебель, еще тяжелая, становилась изящною и рѣзною. Вокругъ стола тянулись скамьи; главная, хозяйская, покрывалась сукномъ. Для гостей ставили стулья съ длинными спинками, а для старцевъ и больныхъ — кресла: на нихъ клались кожаная, бархатная или шелковая подушки, иногда съ вышивками дочекъ. Подушки, недавно бывшія въ презрѣніи, какъ „принадлежность женщинъ при родахъ“, находились и на широкихъ, высокихъ, рѣзныхъ кроватяхъ, покрытыхъ коврами, на которыхъ спали безъ бѣлья. За столомъ появилась вилка (изъ Італіи) даже въ ю. Германіи, по не было салфетокъ; а скатерти снимались, когда начиналась попойка. Ложки были деревянные, также какъ и посуда. Но сосуды

дѣлались иногда изъ олова, встрѣчались даже серебряные съ позолотой: ихъ развѣшивали по стѣнамъ; ими дарили родильницъ. Нѣмцы особенно любили это мелкое искусство, причѣмъ старались поражать замысловатостью, чудесами миниатюрности. Гончарное производство блистало многоцвѣтной глазурью и пластикой, которая подконецъ уступала мѣсто живописи; оно доставляло также художественныя плитки для облицовки стѣнъ и половъ да кафельныя печи, въ видѣ огромныхъ гардеробовъ на ножкахъ или каріатидахъ. Деревянная скульптура и рѣзба встрѣчались всюду — отъ карнизовъ до сосудовъ.

4) Стр. 3. — *Капителлю* (отъ латин. capitellum — головка) называется верхняя часть колонны; какъ самая видная, она всегда обращала на себя особенное вниманіе. Оттого стили въ зодчествѣ различаются главнымъ образомъ по ней. Сначала, конечно, красота капители была незатѣйлива, какъ видимъ въ древнѣйшемъ египетскомъ искусствѣ или въ прото-дорическомъ стилѣ: это — просто 4-угольная плитка. Таково и отличіе „дорическаго“ стиля или древнѣйшаго греческаго. Въ Ассиріи видимъ уже красивый завитокъ, который дошелъ до совершенства въ „іоническомъ“ стилѣ, представлявшемъ высшее развитіе зодчества Эллады. Нѣсколько позднѣе греки изобрѣли „коринескій“ стиль, гдѣ капитель — чашечка распустившагося цвѣтка. Эта форма допускала много разнообразія, затѣйливости: оттого она заманчива, но и легко впадаетъ въ чопорность, въ кокетливость. Среди различныхъ цвѣтовъ, которые брались тутъ за образецъ, чаще всего встрѣчается *акантусъ* — (медвѣжьи лапы или когти), который употребляется и теперь, какъ декоративное, украшающее растеніе. Онъ-то и послужилъ основой коринескаго стиля. А такъ какъ этотъ стиль былъ распространенъ въ древнемъ Римѣ, то акантусовая капитель стала отличіемъ и стиля Возрожденія.

5) Стр. 4. — *Готы* — германское племя. Они играли главную роль среди восточныхъ германцевъ. Проживали они сначала въ Скандинавіи и у устьевъ Вислы. Отсюда готы двинулись на югъ, уступая мѣсто надвинувшимся славянамъ: около 200 г. по Р. Х. мы видимъ ихъ у Чернаго моря, откуда они постоянно тревожили Оракію, Грецію и даже Малую Азію. Тамъ же они, первые изъ германцевъ, приняли христіанство, въ формѣ аріанской ереси. Восточная часть племени, остготы, были подавлены гуннами, въ 4-мъ вѣкѣ; западная же отрасль, вестготы, переселились на южный Дунай, а оттуда устрѣмились сначала на Римъ (410), потомъ въ южную Францію, гдѣ основали первое германское государство на развалинахъ Римской имперіи. Вскорѣ они захватили и Испанію. Вестготское королевство просуществовало лѣтъ 300, пока арабы не подчинили себѣ всего Пиренейскаго полуострова въ 711 году. Въ

Испаніи готы слились съ римлянами: образовался новый племенной типъ—испанцы. Но такъ какъ готы заложили основы новаго, христіанскаго государства и были первыми бойцами противъ ислама, то испанецъ до сихъ поръ гордится ихъ преданіями: въ его глазахъ, это — благородные завоеватели. Знатные роды дѣйствительно ведутъ свое начало отъ готскихъ витязей или стараются связывать съ ними свое родословіе. Среди нихъ и теперь встрѣчаются не южныя, римскія, а германскія черты блондиновъ.

6) Стр. 5.—*Дугласы (Douglas)*—одинъ изъ знаменитѣйшихъ первобытныхъ родовъ Шотландіи. Его начало уходитъ въ 8-й вѣкъ: самое слово—кельтское. Оно значитъ „черный человѣкъ“: сказка изображаетъ родоначальника какимъ-то очень смуглымъ рыцаремъ. Вѣрнѣе, кажется, другое преданіе, которое выводитъ Дугласовъ отъ одной фламандской семьи, переселившейся въ Шотландію въ 12-мъ вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, лишь съ тѣхъ поръ мы имѣемъ непрерывныя и болѣе достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ родѣ. Дугласы отличались рѣдкой храбростью и упорствомъ: они вѣчно воевали съ англичанами, подавая шотландцамъ примѣръ отваги и патриотизма. Но чуть ли не всѣхъ ихъ превзошелъ сэръ Джемсъ Дугласъ, по прозванью Добрый. Онъ былъ вѣрнымъ сподвижникомъ Роберта Брюса, этого оплота независимости шотландцевъ и любимца ихъ поэзій. Эти товарищи-герои долго скитались по болотамъ и утесамъ, питаясь охотой, пока имъ не удалось воспользоваться ослабленіемъ Англіи при бездарномъ Эдуардѣ II. Они до того воодушевили своихъ горцевъ, что тѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ: даже женщины доблестно защищали крѣпости. Тутъ-то сэръ Дугласъ совершалъ чудеса храбрости и проворства, часто дурача враговъ. Самъ Эдуардъ едва спасся. Онъ призналъ независимость Шотландіи: и Брюсъ умеръ королемъ, а Дугласъ получилъ, по миру, даже англійскія владѣнія. Умирая, Брюсъ завѣщалъ другу отвести свое сердце въ святую землю. Дугласъ поѣхалъ съ драгоцѣнной ношей черезъ Испанію, но тамъ погибъ въ мимоходной стычкѣ съ маврами (1330). Его потомки продолжали борьбу съ англичанами: почти всѣ сложили свои головы въ бояхъ. Зато они стали графами и герцогами и правили Шотландіей въ отсутствіе ея королевъ. Они сдѣлались любимцами народной поэзій: ихъ общій типъ довольно вѣрно и тонко изображенъ у Вальтера-Скотта. Неукротимые Дугласы то возставали противъ собственныхъ королевъ, то роднились съ ними—именно съ той ихъ отраслью, которая называлась Стюартами. Одинъ изъ нихъ, протестантъ, былъ заклятымъ врагомъ Маріи Стюартъ и былъ обезглавленъ противной партіей. Родъ Дугласовъ, со всѣми его побочными линіями, прекратился въ 1857 году.

7) Стр. 5.—Родство дон-Жуана съ дон-Карлосомъ было призна-

но если не официально, по бумагамъ, то на дѣлѣ, какъ видно изъ нашего Введенія.

8) Стр. 5.—Прадѣломъ дон-Жуана былъ извѣстный мужъ Изабеллы кастильской, Фердинандъ арагонскій (1469—1516). Напрасно Кроуфордъ говоритъ объ его храбрости: мавровъ одолѣлъ не онъ, а его знаменитый полководецъ, отецъ новаго военного искусства, Гонсальво Кордовскій. Фердинандъ отличался другими чертами. Смуглый, мускулистый, красивый гимнастъ и наѣздникъ, привыкшій къ трудолюбію и простотѣ жизни во время своей почти нищенской юности, онъ отличался рѣзкимъ голосомъ, ледянымъ обращеніемъ, жалкимъ образованіемъ. Его бережливость доходила до скупости. „Экій крѣпкій камзолъ: вотъ ужъ третья рукава жена пришиваетъ къ нему“, сказалъ онъ однажды. Мелочный, властолюбивый себялюбецъ, Фердинандъ не разбиралъ средствъ, не зналъ сожалѣнія, даже обижалъ свою Изабеллу вѣчными измѣнами. Недоужинная личности внушали ему страхъ и отвращеніе. Молчаливый, скрытный, онъ хвастался своимъ вѣроломствомъ, за которое Макиавель поставилъ его „выше всѣхъ современниковъ въ искусствѣ правленія“. „Вотъ ужъ второй разъ онъ надулъ меня!“ воскликнулъ Людовикъ XII французскій.—„Неправда, десятый разъ“, поправилъ его Фердинандъ. Изабелла постоянно боролась съ грубостью и деспотизмомъ своего сожителя, отстаивая таланты и науку, смягчая его жестокость. Только въ фанатизмъ она сходилась съ королемъ, котораго папа назвалъ *Католикомъ* по преимуществу.

9) Стр. 5.—Битва при *Лепанто* описана въ нашемъ Введеніи. Прибавимъ, что флотъ Лиги состоялъ изъ 264 галеръ и другихъ судовъ и изъ 26.000 солдатъ. У турокъ было болѣе 300 судовъ и болѣе 100.000 воиновъ, въ особенности янычаръ, „одно имя которыхъ пугало все христіанство“, говоритъ современникъ. Турками командовали самые опытные и смѣлые вожди знаменитыхъ тогда морскихъ разбойниковъ ислама. Окружавшіе дон-Жуана лучшіе полководцы считали это предпріятіе „самымъ безумнымъ дѣломъ“. Но онъ сумѣлъ внушить всѣмъ довѣріе къ себѣ и воодушевить солдатъ до бѣшенства. Однако не менѣе пылки были турки, вполнѣ увѣренные въ блестящую побѣду. Оба флота искали другъ друга съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; но бури разлучали ихъ. Наконецъ, въ воскресенье, 7-го октября 1571 года, вѣтеръ утихъ: и подъ безоблачнымъ небомъ разразился богатырскій бой. Турки дрались образцово; но ихъ сломила ярость христіанъ, бившихся не только за славу, но и за Царствіе Небесное. Послѣ боя, турки не досчитывались 30.000 товарищей и 12.000 рабовъ изъ христіанъ, освобожденныхъ дон-Жуаномъ; Лига потеряла лишь 7500 воиновъ. Изъ турецкой добычи многимъ рядовымъ досталось по 2000 золо-

тыхъ. Дон-Жуанъ захватилъ еще много плѣнныхъ, даже начальниковъ. Онъ обошелся со всѣми милостиво; раненымъ даже уступилъ свои каюты. Битва при Лепанто обстоятельнѣе всего описана въ біографіи дон-Жуана, составленной Стирлингомъ. Здѣсь находится также цѣлое изслѣдованіе о флотахъ 16-го вѣка, украшенное множествомъ рисунковъ кораблей того времени.

10) Стр. 8.—Изобрѣтеніе ~~стекла~~ уходитъ въ баснословную древность. Недавно нашли въ Египтѣ стекляную вазу въ могильникѣ не позже 1800 г. до Р. Х. Послѣ египтянъ взялись за дѣло финикійцы; зато они довели его до такого совершенства, что ихъ издѣлія славились до половины среднихъ вѣковъ. Греки не дѣлали стекла; но римляне съ Августа развивали египетское мастерство: въ Помпѣяхъ находятъ даже оконныя стекла; много стекляныхъ кубковъ извлекается изъ катакомбъ или кладбищъ первыхъ христіанъ. Но все это—предметы роскоши: стекло было очень дорого. Только византійцы и особенно арабы начали пускать его въ болѣе широкій оборотъ. Когда турки взяли Византію, ея мастера бѣжали въ Венецію, которая и стала матерью современнаго стекла, какъ необходимой житейской принадлежности. Здѣсь оно сдѣлалось главнымъ предметомъ обогащенія: чтобы сохранить за собой монополію, венеціанцы окружали свои изобрѣтенія въ этомъ дѣлѣ строжайшей государственной тайной. Возрожденіе овладѣло стекломъ, но лишь въ художественныхъ цѣляхъ. Въ обыкновенномъ же быту стекло еще распространялось медленно и приготовлялось плохо, грубо, какъ описано у Кроуфорда. Но съ начала 16-го в. видимъ стекло уже не только на окнахъ, но и въ лампахъ, кружкахъ, особенно въ зеркалахъ. Подконецъ даже въ каретахъ занавѣски замѣнялись стеклянными рамами; и входили въ употребленіе очки, хотя только при чтеніи. Особенно схватились за стекло англичане, такіе лакомки до „комфорта“. Знаменитый Бэконъ уже ворчалъ: „Иногда твой домъ до того набитъ имъ, что не знаешь, куда спрятаться отъ солнца или холода“. Но не зѣвали и французы: Генрихъ IV добылъ-таки секретъ венеціанцевъ и завелъ у себя ихъ фабрики. Начало славиться и стекло фламандское, въ особенности же богемское (у насъ—бѣмское). Богемія вскорѣ забила Венецію на этомъ поприщѣ: тамъ стекло появилось даже въ избахъ крестьянъ. Богемцы обогащались отъ стекла: они были его поставщиками на всемірный рынокъ до конца 18-го вѣка.

11) Стр. 11.—*Валладолідъ* (Valladolid)—испанская провинція, къ югу отъ древнѣйшаго гнѣзда вест-готовъ, Астуріи, куда ихъ загнали арабы. Это—плоскогорье, орошаемое рѣкой Дуρο. Оно было покрыто въ 16-мъ в. еще дѣвственными лѣсами, отъ которыхъ и теперь уцѣлѣли высочайшія на югѣ Европы сосны. Почва здѣсь удобная для земледѣлія, климатъ сухой. Когда христіане начали

подвигаться изъ Астуріи къ югу, это плоскогорье, отвоеванное у арабовъ, составило одно изъ ихъ древнѣйшихъ королевствъ—Старую Кастилію. Столицей его сталъ Вальядолидъ (латин. Vallis Oléum), въ срединѣ провинціи, близъ Дуро. Въ этомъ городѣ, гдѣ теперь до 100.000 жителей, сохранился дворецъ королей Старой Кастиліи, а также соборъ временъ Филиппа II, который и родился здѣсь. Но Вальядолидъ былъ истребленъ пожаромъ въ 1561 году и сталъ гнѣздомъ заразы. Филиппъ II не взлюбилъ его, тѣмъ болѣе, что тамъ завелся-было лютеранизмъ: онъ перенесъ столицу въ Мадридъ. Въ этомъ городѣ умеръ Колумбъ.

12) Стр. 15.—*Австрійскій домъ*—другое названіе Габсбурговъ, по имени ихъ родовыхъ земель въ эрцгерцогствѣ Австріи.

13) Стр. 18.—*Свѣчи*—сравнительно позднее изобрѣтеніе. Вся древность пользовалась лишь масляными лампами. Только во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х. замѣтили, что освѣщенію могутъ служить и такія твердыя тѣла, какъ воскъ и сало. Сначала взялись за изготовленіе восковыхъ свѣчей. Оно требовалось особенно для религіозныхъ цѣлей, господствовавшихъ въ ту пору; изъ церквей восковыя свѣчи перешли потомъ во дворцы, какъ предметъ роскоши. Рядомъ входили въ общее употребленіе сальныя свѣчи. Съ начала 18-го вѣка появились спермацетныя свѣчи, но лишь какъ предметъ роскоши. Все это было освѣщеніе, такъ сказать, природное. Съ начала 19-го вѣка выдвинулись свѣчи искусственныя—изъ стеарина, парафина и керосина.

14) Стр. 18.—*Шпоры* (нѣм. Sporn, англ. spur, франц. éperon встрѣчаются уже въ древности, но рѣдко. Это—собственно принадлежность средневѣковыхъ рыцарей, у которыхъ конь едва ли не игралъ такой же важной роли, какъ и самъ всадникъ. Тогда же шпоры пріобрѣли условное, символическое значеніе, какъ признакъ рыцарскаго сословія: говорилось „заслужить шпоры“. Въ описываемое нашимъ романомъ время папы учредили орденъ Золотыхъ Шпоръ за особыя заслуги предъ католичествомъ. Имъ особенно дорожили испанцы, вообще любившіе щеголять шпорами.

15) Стр. 18.—Въ 16-мъ вѣкѣ былъ въ ходу мечъ съ рукояткой особеннаго устройства: это—эфесъ, защищающій кисть руки. Онъ имѣетъ у разныхъ народовъ разныя названія—раковина, дужка, ухватъ, коробка (нѣм. Korb, англ. basket hilted sword). Въ древности не знали эфеса такъ же, какъ не знаютъ его и теперь на Востока. Это, какъ и шпоры,—изобрѣтеніе рыцарства. Сначала эфесъ состоялъ изъ простой поперечной перекладки, гдѣ начинается ручка.

16) Стр. 18.—*Эспадеро* (исп. espadero, отъ spada—мечъ)—главное лицо въ боѣ быковъ. Эта жестокая забава встрѣчалась уже въ древней Греціи, именно въ полудикой Фессаліи; но особенно раз-

вилась она въ Римѣ при императорахъ. Въ средніе вѣка она привилась наиболѣе въ Испаніи. Здѣсь бой быковъ былъ отмѣненъ лишь въ эпоху Просвѣщенія, въ концѣ 18-го вѣка. Но братъ Наполеона I, Иосифъ, возстановилъ его не безъ политической цѣли. Затѣмъ бой быковъ такъ укоренился у испанцевъ, что и теперь нѣтъ у нихъ болѣе пріятнаго развлеченія: онъ сталъ какъ бы національнымъ учрежденіемъ; самыя блестящія представленія устраивались на казенный или общественный счетъ. Для этого во всѣхъ главныхъ городахъ страны устроены особые цирки, въ видѣ древнихъ амфитеатровъ: въ Севильѣ въ такомъ заведеніи помѣщается до 20.000 зрителей. Бойцы или „тореадоры“ оплачиваются весьма хорошо и пользуются большимъ почетомъ. Къ нимъ принадлежатъ „пикадоры“ (копьеносцы), „бандерильеры“ (лентоносцы) и самыя главные—„эспадеры“, отлично одѣтые, съ мечомъ въ правой рукѣ и „мулетой“ (палочка съ яркоцвѣтнымъ шолковымъ платкомъ)—въ лѣвой. Когда разъяренный быкъ бросается на платокъ, эспадеро пропускаетъ его подъ лѣвой рукой, а правой наноситъ смертельный ударъ. Эспадеры рѣдко рискуютъ жизнью: если они не убиваютъ животного наповалъ, то его прикалываютъ простые служители—„матадоры“ или убійцы.

17) Стр. 19.—*Марія Шотландская*, это—Марія Стюартъ. Въ 1570 г., къ которому относится нашъ романъ, ей было 28 лѣтъ. Она уже лишилась двухъ мужей и была матерью будущаго англійскаго короля, Карла I. Въ 1567 г. она стала женой графа Ботвелля, убійцы ея втораго мужа. Но противъ убійцы поднялся мятежъ, поддержанный борьбой католиковъ съ протестантами. Въ 1568 г. вельможи плѣнили свою королеву и засадили ее въ мрачный замокъ. Марія рѣшилась на отчаянный шагъ: она бѣжала къ своей соперницѣ, Елизаветѣ; а та заточила ее въ англійскую тюрьму. Филиппъ II хотѣлъ воспользоваться Маріей, съ политической цѣлью, еще въ 1562 году, вскорѣ по смерти ея перваго мужа, короля Франціи, Франциска II: онъ замышлялъ женить на ней своего сына. Но она успѣшила выйти замужъ за шотландскаго вельможу Дарнлея, въ которомъ потомъ жестоко разочаровалась. Да и Елизавета англійская не допустила бы ея брака съ дон-Карлосомъ: вѣдь, тогда Филиппъ овладѣлъ бы Шотландіей, а по смерти бездѣтной Елизаветы—и Англіей; Франціей же онъ заправлялъ бы посредствомъ Гизовъ, дядей Маріи Стюартъ! Немудрено, что въ 1570 г. у Филиппа мелькала мысль осуществить этотъ богатый замыселъ съ другого конца—женить дон-Жуана на Маріи Стюартъ.

18) Стр. 21.—*Дузня* (duenna)—тоже, что donna, госпожа. Въ Испаніи такъ называютъ преимущественно почетную, какъ римская матрона, надзирательницу за молодыми дѣвушками. Эти евнухи въ юбкахъ напоминаютъ взглядъ мавровъ на женщинъ.

19) Стр. 41.—*Донья* (поиспански, а попортугальски—*dona*)—тоже что итальянская *донна*, сокращено изъ латинскаго *domina*, госпожа. Въ Испаніи такъ титулуютъ даже мало знакомыхъ, съ прибавкой, имени, безъ фамиліи: *донья Анна* и т. д. *Дон* (въ Испаніи и Италіи а въ Португаліи—*dom*) сначала употреблялся по отношенію къ папамъ, потомъ къ владыкамъ и наконецъ къ монахамъ и даже священникамъ. Въ Испаніи начали давать этотъ титулъ всѣмъ за особыя государственныя заслуги, но преимущественно дворянамъ и прелатамъ. Теперь *дономъ* называютъ, какъ у насъ *бариномъ* или *сударемъ*, всякаго прилично одѣтаго и воспитаннаго человѣка. Но это вовсе не то, что *де* во Франціи или *фонъ*—въ Германіи, какъ многіе думаютъ: *дон* никогда не соединяется съ фамиліей; такъ же, какъ и *донья*, онъ ставится только передъ именемъ.

20) Стр. 42.—Здѣсь *Кроуфордъ* употребилъ не испанскую, а англійскую мѣру длины. *Ярдъ*—3 англійскихъ фута, болѣе 1¹/₄ аршина, немного меньше метра. Онъ введенъ съ 1889 года и въ Индіи. Эта мѣра употребляется также и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

21) Стр. 45.—*Альказаръ* (отъ араб. *al kassar*, —замокъ)—названіе (отъ латин. *castrum*—крѣпость) многихъ замковъ, дворцовъ и крѣпостей въ Испаніи. Это слово входитъ также въ составъ наименованія многихъ городовъ, напр. *Alcazar* (въ Португаліи *Alcacer*) *de San Juan*. Но замкамъ замокъ былъ *Альказаръ* кордовскій. Его построилъ знаменитый *Абд-эр-Рахманъ*, основатель царства *Омаядовъ* въ Испаніи или *Кордовскаго калифата* (755). Этотъ *Альказаръ*, вмѣстѣ съ тогда же построенной мечетью *Аль-Джами*, служилъ лучшимъ украшеніемъ „жемчужины міра“, какъ называли Кордову, столицу новаго халифата. Онъ утопалъ въ зелени садовъ и лавровыхъ аллей, окруженный множествомъ дворовъ, павильоновъ, террасъ, каскадовъ и фонтановъ. Конечно, народная поэзія украсила его сказками, а когда онъ превратился въ сѣдыя развалины, населила его привидѣніями.

22) Стр. 49.—*Кихада* (*Quixada*)—одинъ изъ древнихъ родовъ кастильскаго дворянства. Въ описываемое время представителемъ его былъ *дон-Люисъ Мендесъ*, владѣлецъ родоваго баронства и стараго замка *Вильягаріи*, лежавшаго въ 20 вер. отъ *Вальядолида*, (теперь это—мѣстечко, въ которомъ нѣтъ и тысячи жителей). Его отецъ, рыцарь нравомъ, былъ любимцемъ *Филиппа Красиваго*, отца *Карла V*; его двое братьевъ пали въ бояхъ при великомъ императорѣ. Самъ *дон-Люисъ* еще мальчикомъ сталъ пажомъ *Карла V*; потомъ онъ прославился, какъ вождь знаменитой испанской пѣхоты, въ *Тунисѣ*, *Германіи* и *Нидерландахъ*. За всѣ эти подвиги онъ удостоился званія *гофмейстера*, т. е. одного изъ наперсниковъ императора. *Дон-Люисъ* былъ типичный испанскій *грандъ* и

лицомъ, и сложеніемъ, и нравомъ. Онъ палъ, на глазахъ дон-Жуана, въ горахъ Гранады, въ 1570 году. Его прахъ отвезли въ Вильягарцію, въ имъ же построенный монастырь. Дон-Жуанъ лишился въ немъ отца. Онъ писалъ Филиппу II послѣ похоронъ „Сегодня ваше величество потеряли одного изъ вашихъ лучшихъ служителей и министровъ. И это въ то время, какъ присутствіе Люиса Кихады было такъ необходимо въ текущихъ дѣлахъ. Въ войнѣ была ведена доселѣ согласно его указаніямъ и мнѣніямъ! Я чувствую себя одинокимъ: не знаю, къ кому обратиться за совѣтомъ“. Филиппъ отвѣчалъ: „Ни одно ваше письмо не опечалило меня до такой степени. Нельзя говорить о Кихадѣ безъ грусти. Вы вполне правы, оплакивая его“. Тогда же дон-Жуанъ такъ извѣщалъ принца Эболи о постигшемъ его горѣ: „Намъ недостаетъ Кихады. Я буду любить его тамъ (а онъ у Бога, судя по его христіанской кончинѣ) такъ же горячо, какъ любилъ здѣсь“. Эболи отвѣчалъ: „Я такъ опечаленъ смертью Кихады, что, право, едва хватаютъ силъ взяться за перо. Это—столько же отъ моей любви и старой дружбы къ нему, сколько и отъ сознанія, какая это потеря для службы его величества и вашего превосходительства“. Жена Люиса Кихады, Мадалена де Уллоа, принадлежала также къ древнему роду, который славился не только на военномъ, но и на ученомъ поприщѣ. Она состояла даже въ родствѣ съ кастильскимъ королевскимъ домомъ. Это была женщина просвѣщенная и благовоспитанная, а главное—человѣчная, не въ примѣръ надменнымъ доньямъ того времени: крестьяне любили ее. Ей было 30 лѣтъ, когда ей отдали дон-Жуана на воспитаніе. По смерти мужа, донья Мадалена, какъ истая испанка, предалась благочестію: она одаряла монастыри и особенно покровительствовала іезуитамъ. Она умерла въ 1578 году. Ее похоронили въ церкви Вильягарціи.

23) Стр. 57.—*Битва при Павии* связана съ знаменитымъ соперничествомъ нѣмцевъ и французовъ, въ лицѣ Карла V и Франциска I. Какъ только „великій императоръ“ утвердился на престолѣ Германіи и Испаніи, онъ замыслилъ, прежде всего, употребить свое мировое могущество на подавленіе Франціи, которая давно уже боролась съ испанцами изъ-за Италіи. Его силы и хитрая дипломатія ослѣпили Францію со всѣхъ сторонъ,—и Францискъ I, проигравшій на императорскихъ выборахъ, выступилъ съ оружіемъ въ рукахъ уже не для добыванія удѣловъ въ Италіи своимъ принципамъ крови, а для спасенія чести и интересовъ своей страны. Въ новой 23-лѣтней борьбѣ у націй-соперницъ роли были прежнія: какъ въ итальянскихъ войнахъ, французы отличались рыцарственностью (еще былъ живъ Баярдъ), высокомеріемъ и безтолковщиной, испанцы—дипломатическимъ коварствомъ и осторожностью. Францискъ I опирался на старую силу—на швейцарцевъ, наемни-

ческая честь которыхъ уже пострадала при Мариньяно; Карлъ V выдвинулъ новую красу наемничества— „сѣверныхъ медвѣдей“, какъ называли нѣмецкихъ ландскнехтовъ, особенно коренастыхъ швабовъ. Тѣ и другіе ненавидѣли другъ друга, какъ соперники по ремеслу и по страсти къ „бѣлому хлѣбу и освѣжительному вину красавицы Италіи“. Ландскнехты доканали славу „коровниковъ“, какъ называли они презрительно швейцарцевъ; они одушевленно дрались за Карла, воображая, что ~~нѣмѣцкій~~ императоръ долженъ быть другомъ Лютера. Карлъ измыслилъ адскій планъ раздѣла Франціи: одновременно нѣмцы бросились возвращать себѣ Бургундію, англичане—западъ, испанцы—югъ королевства. Сверхъ того, онъ побилъ къ измѣнѣ коннетабля *Карла Бурбона*, посуливши ему корону Франціи, съ рукой своей сестры; отважный, самый могучій феодалъ Франціи, но человѣкъ бездарный и тщеславный, Бурбонъ питалъ злобу къ Франциску за его абсолютизмъ, невниманіе да за придворныя козни, готовившія ему гибель. Какъ бы возобновляя столѣтнюю войну между Англіей и Франціей, онъ бросился съ имперцами въ Провансъ, во имя „нашего общаго господина“, Генриха VIII англійскаго, который приближался тогда къ Парижу. Югъ Франціи былъ опустошенъ; палъ Баярдъ, проклиная „измѣнника“. Франциску удалось вытѣснить непріятеля и ворваться, по его слѣдамъ, въ Италію; но здѣсь его постигло неслыханное бѣдствіе. Бурбонъ съ ландскнехтами поразилъ его подъ Павіей (1525); и дважды раненый король попалъ въ плѣнъ. При вѣсти о побѣдѣ, дрожавшій въ Мадридѣ Карлъ долго озирался кругомъ, какъ безумный, потомъ палъ ницъ передъ Мадонной. Около года держалъ онъ соперника въ мрачной тюрьмѣ, не пускалъ его къ себѣ на глаза и лишь разрѣшилъ Маргаритѣ Валуа утѣшать своего несчастнаго брата. Наконецъ, онъ принудилъ его уступить Бургундію, не говоря уже про Италію, которая съ тѣхъ поръ болѣе 300 л. находилась частью во владѣніи Габсбурговъ, частью подъ ихъ вліяніемъ.

24) Стр. 66.—*Орденъ Золотого Руна* (Golden Fleece) связанъ съ извѣстной греческой сказкой объ аргонавтахъ, искавшихъ золота въ Колхидѣ (на Кавказѣ). Этотъ одинъ изъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ рыцарскихъ орденовъ былъ учрежденъ Филиппомъ Добрымъ бургундскимъ въ 1429 году лишь для 31 рыцаря изъ старѣйшихъ родовъ знати. Когда домъ герцоговъ бургундскихъ угасъ со смертью Карла Смѣлаго (1477), grosмейстерство или главенство этого ордена перешло, вмѣстѣ съ рукой его дочери, къ ея мужу, Габсбургу Максимилиану I. Карлъ V умножилъ число рыцарей ордена до 52. Внѣшнимъ знакомъ ордена Золотого Руна служить изображеніе руна въ золотомъ кольцѣ, которое носятъ на красной лентѣ, на шеѣ. Прежде была еще золотая цѣпь, которую теперь носятъ только grosмейстеры, т. е. государи Австріи и Испаніи.

25) Стр. 68.—Примѣненіе къ безобразному шуту имени *Адониса*—одинъ изъ признаковъ жестокости нравовъ того времени. Адонисъ—такой же красавецъ эллинской міеологіи, какъ и Аполлонъ. Сама Афродита (Венера) влюбилась въ него и, когда онъ умеръ, выхлопотала ему у Зевса позволеніе выходить изъ подземнаго міра на свѣтъ Божій, на нѣкоторое время, каждый годъ. Изъ крови Адониса расцвѣла роза. Такъ, греки-художники разукрасили семитское преданіе: Адонисъ (имя значитъ Господь) первоначально былъ божествомъ въ Вавилонѣ, откуда онъ перешелъ и къ евреямъ; у сѣверныхъ вратъ іерусалимскаго храма одно время стоялъ его истуканъ, которому поклонялись еврейки. Праздновали Адониса среди лѣта, мѣстами весной: сначала оплакивали его нисхожденіе въ подземный міръ, потомъ воспѣвали возвращеніе красавца къ Афродитѣ. При этомъ большую роль играли быстро распускающіеся и увядающіе цвѣты. Миѳъ объ Адонисѣ очевидно изображаетъ собой кругъ жизни природы—весну и зиму. Греки называли всякаго красавца Адонисомъ. У нихъ былъ и „адоническій стихъ:“ это—припѣвъ у лириковъ, особенно и Сафо, которымъ замыкалась каждая строфа. Ударенія въ этомъ стихѣ звучали, какъ у насъ „милая роза“.

26) Стр. 68.—*Шуты* или дурачки (лат. *stultus*, нѣм. *Narr*, франц. *fou*, итал. *buffone*) играли въ старину почти такую же роль, какъ черти. Они были вездѣсущи; о нихъ написано множество книгъ. Тяжкая жизнь человѣка всегда взывала къ развлеченію, къ шуткѣ, которая къ тому же давала возможность выйти изъ рамокъ условности, критически отнестись къ окружающему. Комедія родилась въ одно время съ трагедіей и всегда сопутствовала ей. Конечно, чѣмъ грубѣ нравы, тѣмъ больше шуты походили на масляничнаго дѣда. Крайне сальны были сатурналіи въ древнемъ Римѣ. Изъ нихъ проистекли средневѣковые праздники дураковъ въ 12-мъ вѣкѣ; и они совершались въ церквахъ. Они были запрещены лишь въ концѣ 16-го вѣка. Властители и богачи заводили у себя какъ бы постоянныя сатурналіи, въ видѣ шутовъ, уже въ древней Элладѣ. Но истиннымъ царствомъ шутовъ было средневѣковье. Тогда при дворахъ возникла для нихъ особая должность, къ которой готовились, обучаясь придворнымъ манерамъ и остроумію. У нихъ былъ и свой мундиръ—дурацкій колпакъ на бритой головѣ, съ бубенцами и ослиными ушами, дурацкій скипетръ, огромные воротнички, пестрый нарядъ. Эти несчастные рѣдко доживали до старости. Среди нихъ встрѣчались замѣчательные острословы и критики, умныя шутки которыхъ печатались, какъ у насъ анекдоты Балакирева. Позже выдвинулись карлики, калѣки, идіоты. Это—уже паденіе шутинства, которое окончатѣльно вымерло въ началѣ 18-го в. У насъ оно встрѣчается еще при Аннѣ Ивановнѣ. О скоморо-

не перегибайте книгу при чтении!

хахъ и шутахъ въ Россіи см., по указателю, въ нашей *Русской Истории*.

27) Стр. 71.— *Мавританскій стиль* представляетъ собой высшее развитіе арабскаго или исламскаго искусства, этой дивной смѣси вліяній древняго Египта, Индіи и особенно Византіи. Это искусство возникло уже въ 7-мъ вѣкѣ, тотчасъ послѣ Магомета, на основѣ тогдашняго древне-христіанскаго художества. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше отступало оно отъ этого начальнаго образца; но въ послѣднее время снова замѣчается сближеніе между ними. Главное различіе между ними заключается въ отсутствіи человѣческихъ изображеній у магометанъ и въ орнаментовкѣ или въ узорочьѣ, какъ называютъ виѣшнія украшенія основныхъ архитектурныхъ формъ. Если не самый коранъ, то „сунна“ (преданія о словахъ Магомета) воспрещаетъ человѣческія фигуры: оттого живопись и ваеніе не могли развиваться; да они и были чужды точному уму араба и его пылкой фантазіи, не укладывавшейся въ строгіе пластическіе образы. Впрочемъ это правило вполнѣ соблюдается только суннитами (турками); шииты же (персіяне) допускаютъ изображенія человѣка и животныхъ. Немудрено, что арабы и мусульмане вообще оказались мастерами только въ зодчествѣ, и именно церковномъ. По всему исламскому міру разбросано множество красивыхъ мечетей (араб. „месджидъ“ — мѣсто молитвы), иногда достигающихъ огромныхъ размѣровъ (до 40 саженой вышины). При нихъ всегда находится „минаретъ“ („маякъ“) — высокая башня, съ площадкой наверху, откуда, за отсутствіемъ колоколовъ, „муэzzинъ“ созываетъ вѣрующихъ на молитву. Мечеть окружена оградой съ арками, особенно разукрашенной со стороны Мекки, гдѣ стоитъ и будочка, предъ которой „имамъ“ совершаетъ богослуженіе. На дворѣ — неизбежный водоемъ для омовеній, предписываемыхъ кораномъ. При мечетяхъ состоятъ школы, библіотеки, госпитали, трапезныя для учащейся молодежи изъ бѣдныхъ, а также надгробныя памятники богатой знати. Особенно крупныя и роскошныя мечети называются „джами“: онѣ обыкновенно передѣланы изъ христіанскихъ соборовъ.

Итакъ, архитектурная основа или форма въ исламскомъ искусствѣ бѣдна и невыдержана: это — или чужое и часто смѣшанное, или первобытно простое, — нерѣдко однѣ плоскія стѣны, съ немногими отверстіями. Зато изумительно внутреннее узорочье, въ которомъ, словно въ декораціяхъ театра, проявился весь юношескій геній араба, смѣлый до волшебной фантастичности. И такъ какъ изображеніе тварей было возбранено, то этотъ геній весь уходилъ на затѣйливыя украшенія вратъ, будочки, каеэдръ чтеца, лампъ и множества надписей изъ корана. Эта орнаментовка — изящная смѣсь яркихъ, пестрыхъ красокъ, мозаики, позолоты,

мраморовъ, „лазурей“ (цвѣтные изразцы), въ особенности же „арабесковъ“—геометрическихъ фигуръ съ вѣтвями и цвѣтами, напоминающихъ восточные ковры и шатры кочевниковъ. Здѣсь арабы превзошли всѣхъ и вліяли на христіанское искусство. Ихъ орнаментовка заплонила міръ также въ художественномъ ремеслѣ—въ этихъ блестящихъ шелкахъ, коврахъ, вязаньяхъ, фаянсахъ, кожахъ. Конечно и арабское зодчество было сначала бѣдно и не самостоятелно. Знаменитая каба (древнѣйшая святыня магометанъ въ Меккѣ) — шатеръ, который и покрывается ковромъ; іерусалимская мечеть—христіанская базилика; въ старинныхъ мечетяхъ Багдада, Каирвана и Сициліи—прямо византійскій куполъ и коринѣская колонна. Въ кордовскомъ дворцѣ было болѣе 4000 древнихъ колоннъ изъ Рима и Константинополя; въ Арменіи выработался арабо-византійскій стиль, проникавшій и въ Закавказье (соборъ въ Ани и Эчміадзинѣ, Гелатскій монастырь въ Грузіи). Настоящій мавританскій стиль зародился лишь около 800 г. въ Каирѣ и слагался съ 10-го в. Африкѣ, Сициліи, особенно же въ Испаніи.

Его отличіями служатъ: обширная срединная зала мечети на столбахъ—намокъ на шатеръ Магомета; куполъ; тонкая, короткая колонна съ кудряво-лиственной головкой; въ особенности же сводъ подковой, разбитый на кучу подковочекъ или облѣпленный штукатуркой наподобіе сталактитовыхъ сосулекъ и пчелиныхъ сотовъ. Подлѣ мечетей, съ ихъ художественными мавзолеями или памятниками, славилась дворцы. Особенно роскошны дворецъ великаго могола въ Дели, Куба въ Сициліи, Альказаръ въ Севильѣ. Но перлами мавританскаго стиля считаются главная Джами въ Кордовѣ и дворецъ Альгамбра въ Гранадѣ. Эта великая Джами была начата еще Абд-эр-Рахманомъ; а строилась она два вѣка. Въ ней было 52 придѣла и 1400 мраморныхъ колоннъ. Колоннады составляли прямоугольникъ; а посрединѣ находился дворъ съ водоемомъ, усаженный пальмами, апельсиновыми деревьями, журчащими фонтанами. Мечеть производитъ особенное, сказочное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что колонны расположены не правильными рядами, а въ шахматномъ порядкѣ. Теперь это—кордовскій соборъ. Отъ Джами вполне сохранилась только часть внутренности, съ 860 колоннами: остальное попорчено, частью отъ фанатизма, частью отъ страсти къ „реставрованію“, подновленію. Окончаніе Джами означало созрѣваніе мавританскаго стиля, который началъ господствовать въ разгаръ крестовыхъ походовъ. Его остатками усажены Севилья, Толедо, Фецъ, Марокко. Онъ проникъ даже къ сицилійскимъ норманнамъ и обогатился въ Египтѣ знаменитыми мавзолеями съ куполомъ. Его вліяніе замѣтно во всемъ христіанскомъ искусствѣ. Въ формѣ армянскаго типа, онъ прошелъ къ иконійскимъ сельджукамъ. Около 1300 года, въ Гранадѣ началась эпоха его высшего

процвѣтанія. Здѣсь - то мавританскій стиль проявился во всемъ своемъ блескѣ въ Альгамбрѣ. Она занимала три версты въ окружности и была обнесена стѣной со многими башнями, которыя служили темницами. Этотъ „Красный Замокъ“, на кремнистой горѣ, былъ весь испещренъ, въ причудливыхъ арабескахъ, надписью: „Одинъ Богъ—побѣдитель!“ Здѣсь чудеса. Здѣсь—сталактитовые куполы, цѣлый лѣсъ тонкихъ колоннъ и легкихъ сводовъ; низы стѣнъ покрыты плитами изъ цвѣтныхъ фаянсовъ, а наверху всюду нарядные арабески, словно филигранная работа, да золотые узоры по лазоревому полю; посреди залъ и на дворахъ—фонтаны, ванны, розовые сады; есть даже зачатки ваянія и живописи, напоминающіе работу флорентійцевъ того времени. И теперь развалины Альгамбры поражаютъ смѣлостью, воздушностью, нѣжной граціей умершаго искусства. Чудится, будто журчить и плещется вода, играетъ солнце промежъ колоннъ и арокъ, несутся тонкіе, опьяняющіе ароматы, подъ сводами ложатся мягкія, прохладныя тѣни—и воскресаетъ таинственная сказка Востока съ изнѣживающими чарами мечтательной поэзіи.

Альгамбра была такъ хороша, что знаменитая Изабелла, несмотря на свое отвращеніе изувѣрки ко всему исламскому, завѣщала похоронить въ ней свои кости. Въ настоящее время сохранилась окружная стѣна и часть мавританскаго дворца, построеннаго въ 1213—1338 гг. Въ одной залѣ темное пятно на мраморномъ полу: по преданію, это — кровь послѣднихъ поборниковъ ислама. За этими развалинами приходская церковь, монастырь (теперь казарма), несконченный дворецъ Карла V и нѣсколько домовъ. Все это утопаетъ въ зелени роскошнаго, изобильно снабженнаго водой парка, который стелется у подошвы бѣлоснѣжной Сьерры Невады. Въ 1890 году пожаръ нанесъ новый ущербъ маститой Альгамбрѣ.

28) Стр. 71. — *Мажордомъ* (majorduomo) — гофмейстеръ, „глава дома“ (латин. major domus, франц. maire du palais). Такъ назывался уже у французскихъ Меровинговъ первый придворный чинъ. Особенную силу придавало ему то, что онъ раздавалъ вассаламъ земли и подарки. Оттого знать присвоила себѣ право его выбора, и между ея родами шла жестокая борьба изъ-за этой должности. Потомокъ одного изъ могущественныхъ майордомовъ, Пипинъ, смѣстилъ Меровинговъ на престолѣ въ 752 году: съ тѣхъ поръ прекратилось званіе майордома. Оно стало означать, при нѣкоторыхъ дворахъ, лишь управляющаго хозяйствомъ короля или его принцевъ.

29) Стр. 72. — *Стулъ* употреблялся на Востокѣ — въ Египтѣ съ незапамятныхъ временъ, но лишь какъ почетное мѣсто, особенно для царей. То же видимъ у грековъ и римлянъ, которые не сидѣли, а возлежали и при ѣдѣ, и за работой; только у ихъ женщинъ

стулья понемногу входили въ домашній обиходъ, замѣняя перво-бытныя скамьи. Въ средніе вѣка стулъ также долго былъ почетнымъ мѣстомъ; и онъ сталъ украшаться рѣзбой въ готическомъ стилѣ; его спинка вытягивалась и накрывалась наметомъ. Постепенно его начали употреблять не только во дворцахъ, но и въ замкахъ рыцарей, но лишь для главы семьи, какъ тронъ: его и ставили посреди задней узкой стѣны. Но рыцарши уже употребляли его, какъ простую мебель, особенно въ спальняхъ. Лишь съ конца среднихъ вѣковъ, и особенно въ 16-мъ вѣкѣ, стулья стали вытѣснять скамьи въ домашнемъ обиходѣ, и появилось соломенное сидѣнье. Но для своихъ, вокругъ стола тянулись еще скамьи, и главная, хозяйская, покрывалась сукномъ; стулья ставились только для гостей. Стулья все еще были грубые, тяжелые, шероховатые. Женщины начали смягчать ихъ подушками — кожаными, бархатными, шелковыми, иногда съ вышивками дочекъ. Лишь къ концу 16-го в. появились мягкія сидѣнья, а потомъ и такія же стѣнки. Роскошь и мода замѣшались и тутъ: тотчасъ же появились — прежде всего въ Испаніи, подъ вліяніемъ мавровъ — кожаныя спинки, съ тисненными фигурами и съ позолотой. Но при дворахъ еще долго сохранялся пережитокъ древняго значенія стула: тамъ лишь высшіе чины могли сидѣть на креслахъ; низшимъ предоставлялись табуреты, эти какъ бы обрѣзки скамей; а остальная мелочь должна была пребывать на своихъ на двоихъ. Исторію стульевъ у насъ см. въ нашей *Русской Исторіи*, §§ 26, 187.

30) Стр. 72.—*Моды 16-го вѣка* служили зеркаломъ этого пышнаго, сложнаго, бурнаго времени. Тогда царствовали моды Испаніи, Италіи и отчасти Франціи, вѣрнѣе — причудливая смѣсь всевозможныхъ вкусовъ: итальянцы любили и здѣсь игру личности, а французы лишь слегка подчиняли ихъ капризы правиламъ условности. Только испанская мода отличалась строгостью; но она касалась больше верхняго платья, въ видахъ проявленія „грандецпы“: ея плащи, различные по сословіямъ, были признакомъ степеннаго отца семейства, разбогатѣвшаго мѣщанина, чопорнаго сановника; ея шляпы были предметомъ соперничества, на которое уходило иногда цѣлое состояніе. Изъ націй самой щеголеватой была французская. Здѣсь царедворцы носили шелковыя поножья, бархатные калесоны въ буфахъ съ шелковыми прорѣзами, такіе же башмаки, парчевые камзолы съ маншетами, тончайшее голландское полотно, мантильки съ шитьемъ и золотомъ, сборчатыя шляпы съ перьями, — все это ярко и многоцвѣтно. Генрихъ III ввелъ въ моду камзолы съ выпяченнымъ „брюшкомъ“, брыжки съ круглыми складками и воротнички раструбами. Дамы, нерѣдко прикрытыя бархатными масками, съ вѣромъ, бильбоке или болонками въ рукахъ, гордились таліями въ рюмочку — этимъ произве-

деніемъ корсетовъ съ вливающимися въ тѣло желѣзными поло-сами. Онѣ носили длинныя тяжелыя платья съ широчайшими ру-кавами и эполетами (наплечіями), принимая видъ кривыхъ и гор-батыхъ. Ихъ головы сидѣли, какъ въ гнѣздѣ, въ необъятныхъ и твердыхъ, какъ дерево, воротничкахъ; но зато надъ ними возвыша-лась цѣлая башня волосъ, поддерживаемая массивными металли-ческими сѣтками. ~~Первымъ щеголемъ періода~~ былъ Францискъ I, затмившій своего соперника въ „Златотканномъ Лагерѣ“, первую щеголихой—Елизавета Тюдоръ и здѣсь побѣдившая Марію Стюартъ: у нея было 3.000 однихъ парадныхъ платьевъ.

„У нѣмцевъ, по словамъ Цельтеса, платье часто мѣнялось, смотря по тому, съ кѣмъ они торговали: они носили то сарматскіе мѣха и длинную одежду со складками, то венгерку съ итальян-ской мантілей поверхъ, то французскій камзолъ съ отворотами и маншетами“. Бюргерши старались перещеголять дворянокъ: онѣ мѣняли по два платья въ день, носили на себѣ нарядовъ заразъ на 400 гульд., держали въ комодахъ тряпья тысячи на три. Все это было картинно, но грубо, тяжело, тѣмъ болѣе, что нѣмцы попрежнему носили погремушки и позвонки на платьѣ и на обуви съ безконечными носками и, какъ шуты, дѣлали одинъ бокъ одного цвѣта, другой — другого. Но гордостью нѣмца, осо-бенно ландекнехта, были шаровары. Какъ реакція узкимъ шта-намъ 15-го вѣка, въ которыхъ ходили осторожными шажками, онѣ шились изъ 60—130 локтей сукна или шелка, на толстой подкладкѣ, съ массой складокъ. Когда стало почти невозможно ходить въ нихъ, начали дѣлать прорѣзы съ легкой подклад-кой; наконецъ, разрѣзали ихъ горизонтально — и возникли пан-талоны съ чулками. Чулки пошли въ ходъ лишь въ концѣ пе-ріода, и то вязаные; шелковыми щеголяла одна Елизавета.

Въ Германіи бюргеры, студенты и духовныя лица носили мечи, подобно дворянамъ; въ Италіи духовенство прятало кинжалы подъ рясой. Появились и зонтики, огромные и расписные; но они упо-треблялись только въ церемоніяхъ папами и государями. Попреж-нему много занимались волосами. Итальянцы и здѣсь любили кар-тинную свободу, и ихъ вкусъ распространялся подконецъ вездѣ, особенно въ Германіи и Англіи. Они отпускали бороду по при-мѣру Аріоста; ихъ дамы распускали волосы. Размножились па-рики, даже шелковые—на югѣ свѣтлые, на сѣверѣ темные. Жен-щины украшали голову золотыми нитями и алмазами, уши—серь-гами, шею—жемчугомъ; мужчины носили тяжелыя цѣпи на груди. Первые вышивали на своихъ платьяхъ астрологическіе знаки, ноты, звѣрей или человѣчковъ, вторые—изображали свои гербы даже на колѣняхъ и башмакахъ. Тѣ и другіе нерѣдко замѣняли шляпы живыми или золотыми вѣнками, а пуговицы—драгоценными

камнями. Всюду чернили зубы, румянились, красили волосы и не жалѣли духовъ, которыми опрыскивали даже парадныхъ коней. Душились всякими спеціями — шафраномъ и сандаломъ, размариномъ и ладаномъ, лавандовой и розовой водою; носили съ собой амбровыя яблочки и мускусныя пуговички; любили курительныя свѣчки и порошки; мылись душистыми мылами; намазывались бальзамами. Все это практиковалось особенно у итальянцевъ, которые все еще считались образцомъ чистоплотности настолько же, насколько нѣмцы слыли воплощеніемъ грязи.

Щегольство уже разоряло знать, которая носила цѣлыя имѣнія на своихъ плечахъ. Но она хотѣла и тутъ пользоваться привилегіей, а дворы щадили третій чинъ: отсюда законы противъ роскоши. Мѣщанамъ предписывалось не тратить на пирушки больше извѣстной суммы и не засиживаться за полночь, въ особенности же быть скромными въ нарядахъ. Фюрсты и ихъ проповѣдники ополчались больше всего противъ „дьявольскихъ шароваръ“. Въ Италіи, гдѣ впервые возникли законы противъ роскоши, даже выставлялись кружки въ церквахъ для доносовъ на щеголихъ. Но вездѣ платили штрафы—и продолжали свое. Къ концу періода даже въ Женевѣ сами власти разстилали пуховики по голымъ скамьямъ своихъ „отцовъ“ и задавали знатные пиры.

31) Стр. 73.—*Гаремомъ* принято называть затворничество женщинъ; и считается, что это—признакъ турецкихъ нравовъ. Но это явленіе—признакъ первобытности: оно встрѣчается вездѣ при переходѣ отъ вполне откровеннаго дикарства къ зачаткамъ цивилизаціи. Едва ли не въ одно время человѣкъ началъ и прикрывать свое тѣло, и закрывать свою женщину. Пока женщина была самкой, а мужчина—только самцомъ, иначе и не могло быть. На древнѣйшихъ памятникахъ Ассиріи, прекрасно рисующихъ быть тѣхъ временъ, мы видимъ, что дворцы и дома богачей заключали въ себѣ замкнутое помѣщеніе для женщинъ, охраняемое евнухами (см. нашу *Древнюю Исторію* § 42). Греки держали своихъ женщинъ въ своего рода гаремѣ—въ „гинекеѣ“. Въ Византіи выработались всѣ условія затворничества—евнухи, рѣшетки на окнахъ, покрывала на лицѣ. Отсюда этотъ обычай перешелъ къ арабамъ, которымъ принадлежитъ и слово „гаремъ“, означающее святое, запретное мѣсто. У мавровъ строго соблюдалось затворничество женщинъ. Здѣсь, какъ и у всѣхъ мусульманъ, гаремъ имѣлъ даже государственное значеніе: всѣ рожденные въ немъ дѣти считались законными, полноправными, кто бы ни были ихъ матери—жены или рабыни-наложницы. Изъ Византіи же затворничество женщинъ перешло къ древней Руси, въ видѣ терема, вѣрнѣе—„чердака“, какъ назывался верхній этажъ дома, снабженный своимъ „гульбищемъ“ (паружная галлерея) для затворницъ. Подъ тѣми же, византійско-арабскими, влия-

ніями и рыцари запирали своихъ дамъ на верху башни, какъ въ теремѣ.

32) Стр. 74.—*Толедо* лежитъ въ самой срединѣ Испаніи, версть 50 къ югу отъ Мадрида, на высокой горѣ, омываемой рѣкой Тахо. Это—весьма древній городъ (латин. Toletum): его узкія, темныя, кривыя улицы и теперь полны остатковъ сѣдой старины. Онъ былъ столицей еще готскаго королевства (6 вѣкѣ) и мѣстопребываніемъ примаса или главы испанской церкви, а въ 8—11 вѣкахъ служилъ однимъ изъ главныхъ очаговъ арабской учености. Съ 11 вѣка до Карла V Толедо былъ столицей кастильскихъ королей, а въ 1520-хъ гг. составлялъ центръ возстанія коммунаровъ. Въ 14-мъ вѣкѣ здѣсь было до 200.000 жителей, теперь—только 25.000. Въ Толедо есть и важные остатки мавританскаго зодчества, и замѣчательный соборъ 13-го вѣка; и до сихъ поръ сохранилось множество монастырей. Здѣсь состоялось 18 церковныхъ соборовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ: немудрено, что городъ славится богатой богословской библіотекой.

33) Стр. 75.—*Джины* назывались у арабовъ древнѣйшія божества, которыя стали послѣ Магомета демонами, врагами людей; оттого и лукавый, зловредный человѣкъ называется у нихъ джиномъ; помѣшанные считаются одержимыми джиномъ. Вокругъ этого первобытнаго образа сплетается множество сказокъ разныхъ временъ. Арабы вѣрятъ, что джины и населяли пустыни Туркестана, и строили дворецъ царицы Сабы, по приказу Соломона, и даже соорудили дворцы въ Персеполи и Пальмирѣ.

34) Стр. 76.—*Каноники* — служители церкви съ своеобразными правами. О нихъ см. 50-е примѣчаніе нашего перевода. „Жанны д'Аркъ“ *Твой*.

35) Стр. 76.—*Гранада*—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстностей въ исторіи. Она занимаетъ верхнюю, гористую, или южную Андалузію, вмѣстѣ съ берегами Средиземнаго моря. Здѣсь проходятъ и самые высокіе, и самые красивые края горъ на полуостровѣ—снѣжная Сьерра Невада и Альпухара. Отсюда—прохлада, которая, вмѣстѣ съ увлажняющимъ вліяніемъ моря и горныхъ потоковъ, умѣряетъ зной 36° градуса с. ш. Эти условія создали изъ Гранады одинъ изъ благодатныхъ уголковъ міра. Здѣсь алоэ, кактусы, сахарный тростникъ, оливки, шелковичникъ, виноградъ, финики, апельсины произрастаютъ въ изобиліи, рядомъ съ хлѣбами умѣреннаго пояса, которые иногда рождаются самъ-сто. Немудрено, что эта мѣстность изстари привлекала къ себѣ человѣка. Съ незапамятныхъ временъ сюда заглядывали финикияне и, пожалуй, индусы: здѣсь и теперь живетъ много цыганъ. Затѣмъ Гранадой владѣли карфагеняне. Ихъ вытѣснили римляне, назвавшіе Гранадой Карфагенской Испаніей или Бэтикой (Бэтисомъ называлась рѣка

Гвадалквивирь). Послѣ Р. Х. ихъ смѣнили византійцы. Но они заняли только берега: на остальной Гранадѣ, въ 5 вѣкѣ по Р. Х., во время переселенія народовъ, проходили разныя германскія племена, по большей части скрывшіяся въ Африкѣ (аланы, свевы, вандалы); только вест-готы утвердились, да и то ненадолго. Ихъ вытѣснили къ сѣверу арабы или мавры, около середины 8-го вѣка.

Долго Гранада составляла часть Кордовскаго калифата; но въ 1238 г. она сдѣлалась самостоятельнымъ королевствомъ, подѣ властью Альгамаровъ. Въ этомъ цвѣтущемъ государствѣ было три милліона довольно образованныхъ жителей и до 100 городовъ, составлявшихъ 100.000 воиновъ. Изъ этихъ городовъ славилась по всему міру сама Гранада,—веселая, роскошная столица, гдѣ подолгу заживались испанскіе гранды и купцы, забывая свой фанатизмъ за прелестями жизни. Въ ней было до полумилліона жителей, 50 школъ и 70 библіотекъ. Но уже лѣтъ черезъ десять послѣ своего отдѣленія отъ Кордовы, Гранада была такъ стѣснена кастильцами, что принуждена была платить имъ дань. Испанцы совѣмъ овладѣли Гранадой, послѣ 11-лѣтней борьбы, въ 1492 г. И кстати: Колумбъ снаряжался тогда на открытіе Нового Свѣта. Королева Изабелла дала ему средства, именно благодаря тому одушевленію, тому высокому настроенію, которое овладѣло ею послѣ побѣды креста надъ луной. Съ тѣхъ поръ Гранада стала провинціей Испаніи. Теперь въ ней всего съ полмилліона жителей, среди которыхъ не наберется и 100.000 грамотныхъ. Въ городѣ Гранадѣ числится до 80.000 жителей. Нынѣшняя Гранада расположена террасами вокругъ главнаго холма, украшеннаго Альгамброй. Она представляетъ видъ утопающихъ въ садахъ развалинъ древняго могущества и цивилизаціи мавровъ: въ лабиринтѣ ея узкихъ, кривыхъ, крутыхъ улицъ всюду торчатъ башни, куполы, крѣпостныя стѣны, а также высится много церквей, монастырей и дворецъ архіепископа. Въ соборѣ, выстроенномъ въ стилѣ Возрожденія, покоится прахъ Фердинанда и Изабеллы, Филиппа Красиваго и Іоанны Безумной, а также Гонсальва Кордовскаго, „славнаго побѣдителя мавровъ, французовъ и турокъ“.

36) Стр. 77.—У Филиппа II было четыре жены. 1) Марія португальская вышла замужъ за него въ 1543 году, когда ей, какъ и ему, было всего 16 лѣтъ. Она была дочь короля Іоанна III, который, въ свою очередь, былъ женатъ на сестрѣ Карла V. Португальскія принцессы были богаты: оттого самъ Карлъ V сочетался бракомъ съ одною изъ нихъ, чтобы только заплатить жалованье ландскнехтамъ, въ разгаръ борьбы съ Францискомъ I. Филиппъ II почти не жилъ съ Маріей португальской. Она умерла уже въ 1545 году отъ родовъ, произведя на свѣтъ только несчастнаго дон-Карлоса. Но еще при ея жизни Филиппъ тайно обвѣнчался съ одною юной

испанкой, которая родила ему трехъ дѣтей. Тогда-то венеціанскій посланникъ доносилъ своему дожу: „Король очень предается страсти къ дамамъ“.—2) Марія Тюдоръ, прозванная Католичкой или Кровавой, вступила въ бракъ съ Филиппомъ черезъ годъ по восшествіи на престолъ Англіи, въ іюлѣ 1554 года. Но Филиппъ скоро уѣхалъ изъ Лондона и забылъ свою невзрачную, болѣзненную супругу, влюбленную въ него до безумія. Марія Тюдоръ умерла въ 1558 году, Филиппъ тотчасъ же замыслилъ жениться на ея сестрѣ, Елизаветѣ, знаменитой защитницѣ протестантизма. Конечно, этотъ нелѣпый и слишкомъ дерзкій планъ не удался. Тогда Филиппъ бросился въ противоположную сторону—къ Франціи, которую онъ же втравилъ въ войну съ Англіей при Маріи Кровавой.—3) Заключивъ миръ съ Генрихомъ II французскимъ въ Като-Камбрези, Филиппъ обручилъ своего сына, дон-Карлоса, съ дочерью этого короля и Катерины Медичи, Елизаветой Валуа. Но вслѣдъ затѣмъ, въ іюнѣ 1559 года, онъ самъ женился на ней: ей было тогда 14 л., ему—32 г. Елизавета, которую испанцы перекрестили въ Изабеллу, умерла отъ родовъ въ октябрѣ 1568 года, вскорѣ послѣ гибели дон-Карлоса. Она оставила Филиппу двухъ дочерей.—4) Черезъ годъ Филиппъ женился на другой невѣстѣ дон-Карлоса, на Аннѣ Богемской, старшей дочери нѣмецкаго императора Максимилиана II, который доводился ему двоюроднымъ братомъ. Этимъ бракомъ Филиппъ купилъ нейтралитетъ Германіи въ своей борьбѣ съ Нидерландами. Аннѣ былъ тогда 21 годъ, Филиппу—ровно вдвое. Анна жила, какъ въ монастырѣ, поглощенная придворными церемоніями да материнскими заботами: у нея было четверо дѣтей.

37) Стр. 79.—Во Введеніи мы упомянули о загадочномъ происхожденіи *Переза*. Дѣло въ томъ, что онъ считался сыномъ сарагосскаго архидіакона, состоявшаго секретаремъ при Карлѣ V. Между тѣмъ Карлъ V почему-то счелъ нужнымъ снабдить его особымъ патентомъ, удостовѣрившимъ его законное происхожденіе.

38) Стр. 80.—Богатство Анны Эболи было связано съ родомъ Мендозовъ, изъ котораго она происходила (см. 25-е примѣчаніе къ Введенію). Оно касалось самого трона. Дѣдъ Анны былъ женатъ на дочери того графа Гомеза, котораго звали Краденымъ Плодомъ (*Hurtado*): онъ былъ сынъ королевы кастильской и графа Гомеза и отличался въ бояхъ, подъ начальствомъ Гонсальва Кордовскаго. Одинъ изъ Мендозовъ, герцогъ Инфантадо, жившій при Филиппѣ II, владѣлъ 800 деревнями, гдѣ проживало до 100.000 его вассаловъ. Еще въ началѣ 17-го вѣка у Мендозовъ было 60 имѣній, съ которыми были связаны высокіе титулы.

39) Стр. 80.—*Андалузія* (*Andalucía*)—южная часть Испаніи, которая составляла въ древности часть римской провинціи Бѣтики. Настоящее свое имя она получила, во времена переселенія наро-

довъ, отъ германскаго племени вандаловъ, которые образовали тамъ особое королевство, покинутое ими потомъ для Африки. Затѣмъ Андалузія стала перломъ мавританскаго господства въ Испаніи, когда соединились королевства Севилья, Кордова и Гранада. Здѣсь и покончилось это господство арабовъ. Теперь Андалузія составляетъ одно изъ „капитанствъ“ (губерній) испанской монархіи, съ мѣстопробываніемъ генераль-капитана въ Севильѣ. Въ ней числится 3½ милліона жителей. Она отдѣляется отъ Кастиліи отрогами Сьерры Морены и соприкасается съ Португаліей, Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Благодатная почва и климатъ снискали этой странѣ много лестныхъ названій—„садъ, житница, погребъ, конюшня, даже золотой мѣшокъ Испаніи“ (см. 35-е примѣчаніе). Но такъ какъ знаменитое маврское орошеніе пало, то нигдѣ не встрѣтишь такой разительной противоположности между богатствомъ и скудостью природы: здѣсь горныя мѣстности—дикія скалы, а западъ, у устьевъ главной рѣки Андалузіи, Гвадалквивира, представляетъ собой пустынную степь, гдѣ лѣтомъ все вымираетъ отъ палящаго африканскаго вѣтра „соляно“ (солнечнаго).

40) Стр. 83.—*Этикетъ* (étiquette)—слово французское, но ставшее міровымъ. У насъ оно соотвѣтствуетъ татарскому „ярлыкъ“. Это—первоначально надпись, билетикъ вообще, въ особенности же на товарахъ, для обозначенія собственника, а иногда и цѣны пересылаемой вещи. Затѣмъ этикетомъ стали называть совокупность обычаевъ и правилъ, установленныхъ преданіемъ въ высшемъ обществѣ, особенно при дворахъ. Это произошло при французскомъ дворѣ, гдѣ начали обозначать на „этикеткахъ“ порядокъ допускаемыхъ къ королю лицъ, по чинамъ и званіямъ. Это—своего рода мѣстничество, изъ котораго вытекли потомъ и „табели“ (таблички, росписанія) о чинахъ или „рангахъ“. Нарушенія этихъ росписаній считались проступками „противъ этикета“ и судились гофмаршаломъ или начальникомъ двора. Постепенно слово этикетъ было распространено, въ Версалѣ, на всѣ обряды придворной жизни; а оттуда оно перешло, въ этомъ значеніи, во всѣ дворы. Часть этикета образовалъ „церемоніаль“ или обрядность при государственныхъ торжествахъ. Онъ возникъ еще въ Византіи, откуда перешелъ главнымъ образомъ къ сосѣднимъ нѣмцамъ. Габсбурги перенесли его въ Испанію, гдѣ онъ достигъ крайняго развитія при Филиппѣ II: съ нимъ-то связана знаменитая испанская „грандецца“ или величаніе.

Эта *грандецца*, съ прибавкой итальянской „элеганціи“, изящества, была доведена до совершенства въ Версалѣ Людовика XIV. Здѣсь у cadaго царедворца былъ свой рангъ, съ присвоеннымъ ему мундиромъ и почетомъ. Ихъ обязанностью было участвовать въ каждомъ шагѣ короля, ловить на лету его желанія, слѣдовать

за нимъ, безпрекословно. Жизнь короля была царскимъ чиномъ Византіи и древней Россіи. Дамы не допускались сюда этикетомъ такъ же, какъ и въ алтарь; всѣ онѣ, не исключая принцессъ, преклоняли колѣна передъ высочайшею постелью, когда имъ случалось проходить черезъ спальню короля, даже въ его отсутствіе. Зато царедворцы только и дѣлали, что совершали церемоніи въ святилищѣ великаго. Каждое утро, каждый вечеръ толпились они въ передней дворца, названной Бычачимъ Глазомъ (Oeil de Boeuf) по окну у потолка, гдѣ появлялся придворный швейцаръ, выкликавшій имена счастливицевъ, удостоенныхъ присутствія при облаченіи или разоблаченіи короля. Если швейцаръ не появлялся въ точно опредѣленный моментъ, всѣ трепетали, думая, что „солнце станетъ, небо обрушится“, говоритъ С. Симонъ. Иной десятки лѣтъ дежурилъ у завѣтнаго окна, чтобы не пропустить вождедѣннаго вызова: иначе, при испрашиваніи милостей, король скажетъ: „Я не знаю его; я никогда не видалъ его“. Сынъ „великаго“ Кондэ, чтобы не прозѣвать „опочиванья“, дремалъ по цѣлымъ вечерамъ на табуретѣ, у двери спальни короля. Нето подкупали слугъ: „весь дворъ былъ на лапкахъ“ передъ главнымъ лакеемъ его величества. Аристократы покидали свои прелестныя усадьбы и тѣснились по проходнымъ, нездоровымъ конуркамъ Версаля, чтобы только быть въ числѣ „нахлѣбниковъ“ короля: они ставили ребромъ послѣднюю копѣйку и платили по 100.000 ливровъ за честь именоваться „ординарнымъ королевскимъ галстучникомъ“, „капитаномъ левретокъ“ или „плащеносцемъ его величества“.

41) Стр. 85.—Средневѣковая знать, связанная такимъ общимъ явленіемъ, какъ рыцарство, вездѣ на Западѣ походила другъ на друга. Но вездѣ были нѣкоторыя мѣстныя названія: гдѣ встрѣчаемъ „бароновъ“, гдѣ „лордовъ“, гдѣ „фюрстовъ“. Въ Испаніи знать именовалась *грандами* (*grandes*—великіе, какъ у насъ „бояринъ“ значило „большій“). Этотъ наследственный титулъ установился въ Кастиліи съ 13-го вѣка, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ войнъ съ маврами. Нуждаясь въ дружинахъ, короли начали раздавать лены или земли съ знаменемъ, т. е. право набирать собственныя войска. Это — нѣчто вродѣ нашихъ древнихъ служилыхъ людей или помѣщиковъ, которые должны были являться на службу къ великому князю „конно, людно и оружно“. Конечно такими дружинниками могли быть только люди состоятельные: гранды назывались еще „рикосомбрами“, т. е. „богатыми людьми“. Эти вельможи вынуждали себѣ у королевъ все новыя привилегіи, составляя сильныя „хунты“ или соединенія, союзы, вродѣ конфедерацій польскаго дворянства. Они стали царьками и обращались съ своими безчисленными крѣпостными, почти какъ съ рабами; они добились права даже воевать съ своими королями безнаказанно.

Гранды гордились еще привилегіей не ломать шапки передъ королемъ, что дозволялось прежде только „титулядамъ“ или титулованнымъ особамъ—принцамъ крови, герцогамъ и графамъ. Король называлъ каждого изъ нихъ „mi primo“, т. е. близкій родственникъ, своякъ. Въ кортесахъ гранды засѣдали тотчасъ за прелатами, впереди титулядовъ. Все это и составляло испанскую „грандеццу“, которой соотвѣтствовало и надменное поведеніе вельможъ. Монархизмъ конечно уничтожилъ этотъ пережитокъ средневѣковаго феодализма: политическое значеніе грандовъ пало уже въ концѣ 15-го вѣка, при Фердинандѣ и Изабеллѣ. Карлъ V совсѣмъ превратилъ это независимое родовое дворянство въ придворную, льстивую, раболѣпную знать. Съ тѣхъ поръ гранды занимались только препирательствами изъ-за ранговъ; они были раздѣлены на три класса, по церемоніалу покрытія головы шляпами. При Іосифѣ Бонапартѣ титулъ грандовъ былъ совсѣмъ отмѣненъ; его возстановили при реставраціи, въ 1815 году, но лишь какъ пустой звукъ.

42) Стр. 85.—*Токай* (Токау)—община въ Венгріи, у р. Тиссы, въ одной изъ долинъ Гедяльскихъ горъ, которая изстари славится своими виноградниками. Тамъ и теперь 25 мѣстечекъ занимаются приготовленіемъ отличнаго, употребляемаго даже въ медицинѣ, вина, на пространствѣ 40 кв. в. Работаютъ попреимуществу славяне: лучшіе сорта винъ называются „самородный“ и „масло“. Въ послѣднее время это производство оскудѣло на $\frac{3}{4}$ противъ прежняго: цѣна на настоящее „токайское“ сильно поднялась—и пошла въ ходъ поддѣлка—„uso Tokajer“.

43) Стр. 91.—Тутъ имѣется въ виду пышный императоръ нѣмецкій *Максимиліанъ I* (1493—1519), приобрѣвшій Нидерланды черезъ свой бракъ съ дочерью Карла Смѣлаго Бургундскаго. Послѣ своего тестя, онъ былъ лучшимъ представителемъ перехода отъ средневѣковья къ новому времени: его называютъ „послѣднимъ рыцаремъ“. Въ немъ было что-то дон-Кихотское. Неугомонная натура, съ южной кровью матери—португалки, храбрецъ, раненый при осадѣ мятежной Вѣны, Максимиліанъ руководился быстро смѣнявшимися фантазіями, когда въ политикѣ уже воцарился холодный расчетъ. Среди разгрома нѣмецкаго императорства, онъ считалъ себя владыкой Европы и величался, какъ второй Карлъ Великій, но не брезгалъ водить хороводы съ мѣщанками. Какъ человѣкъ просвѣщенный, великодушный, изящный, онъ, словно представитель новаго времени, мечталъ о процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Онъ въ лагерѣ читалъ классиковъ, перепутывалъ боевые приказы со стихами *Виргилія* и радовался, какъ дитя, что можетъ говорить съ своими разноплеменными адъютантами на семи языкахъ. При безденежѣ, онъ продавалъ драгоцѣнности ради ли-

тературы и говорилъ, указывая на ученыхъ гуманистовъ: „Вотъ кому слѣдовало бы быть государями, а не подданными!“ При немъ въ вѣнскомъ университетѣ было до 7.000 студентовъ и до сотни профессоровъ, съ которыми онъ обращался дружески, предоставляя имъ свою драгоценную библіотеку. Онъ защищалъ еврейскія книги и знаменитаго филолога Рейхлина, знатока еврейскаго языка, когда на нихъ напали фанатики. Онъ устроилъ историческое общество и самъ набрасывалъ рыцарскія поэмы по-нѣмецки, хотя былъ хорошій латинистъ. Порядомъ Максимилианъ больше всего увлекался средневѣковой идеей міродержавія. Онъ жилъ съ ослѣпительной пышностью и величіемъ, вмѣшивался во всѣ дѣла Запада, суетился, спѣшилъ—и всегда опаздывалъ, запутывался въ тенетахъ дипломатіи, терпѣлъ пораженія, нуждался въ деньгахъ. Другъ знаменитаго художника Дюрера, онъ закидывалъ его заказами, но не платилъ за нихъ. Во время итальянскихъ войнъ Максимилианъ много шумѣлъ, кидался изъ стороны въ сторону, хотѣлъ быть то рыцаремъ, то папой; а наемники разбѣгались у него передъ битвой: нечѣмъ было платить имъ. Чѣмъ меньше средства соотвѣтствовали замысламъ, тѣмъ больше становился онъ щекотливымъ, безпокойнымъ и неразсчитливымъ, тѣмъ больше постигали его неудачи. О Максимилианѣ сложилось не мало сказокъ. Къ ихъ числу относится и преданіе объ его отравленіи дынями.

44) Стр. 94.—Здѣсь говорится о старинныхъ кубкахъ, которые назывались во Франціи *гоблэ* (gobelet): отсюда „гоблетерія“ у купцовъ—вообще стеклянные обиходные предметы. Гоблэ—стаканъ съ маленькой ножкой: это—переходъ отъ первоначальныхъ длинныхъ бокаловъ къ обыкновеннымъ стаканамъ, изобрѣтенный для игры въ кости, которыя выкидывались изъ кубка. Конечно, лучшіе стеклянные кубки изготовлялись тогда въ Венеціи: только они и могли быть при дворѣ (см. выше 10-е примѣч.).

45) Стр. 98.—*Священная Римская Имперія нѣмецкой націи* (Heiliges römisches Reich deutscher Nation)—таковъ былъ трехэтажный титулъ Германіи въ средніе вѣка у нѣмцевъ, вообще любящихъ многосложныя слова. Этотъ титулъ существовалъ полностью съ 962 до 1806 г. Но онъ созданъ не сразу: въ немъ какъ бы отразилась вся христіанская исторія или сліяніе трехъ ея основъ—древняго міра, новой религіи и новыхъ племенъ. Сначала воскресла просто Римская (западная) имперія, благодаря Карлу Великому,—поразившее міръ событіе, которымъ начался 800-й годъ. Но уже тогда видно было, что такое, чисто свѣтское, воскресеніе античнаго язычества было немыслимо безъ содѣйствія новой силы—христіанства. Была разыграна міровая комедія. Папа, выгнанный изъ Рима вельможами и возвращенный Карломъ, внезапно короновалъ его „римскимъ императоромъ“ и даже преклонилъ ко-

лѣна передъ нимъ, какъ вассалъ. Карлъ притворился изумленнымъ и даже огорченнымъ, но снизошелъ до согласія. Онъ сталъ теперь выше всѣхъ государей Запада, какъ свѣтскій глава католическаго міра. Но поднялось и папство: оно приобрѣло могучаго покровителя; только тогда оно бросило обычай считать время по византійскимъ императорамъ, которымъ подчинялось прежде.

Папа и римскій императоръ были названы двумя „мечами христіанства“—духовнымъ и свѣтскимъ: нельзя было стать императоромъ безъ папскаго коронованія; нельзя было попасть въ папы безъ согласія императора. Они совмѣстно должны были водворять „царство Божіе (миръ) на землѣ“. Отсюда прибавка къ титулу новой имперіи слова „священная“, т. е. церковная, папская. А такъ какъ главою ея уже привыкли считать германскаго короля, избираемаго „нѣмецкою націей“, то при Оттонѣ I, въ 962 году, возникъ и этотъ третій придатокъ къ ея имени. Такъ у одного и того же лица явилось два титула, но вскорѣ римскій „императоръ“ сталъ лишь громкимъ именемъ: вся сила заключалась въ нѣмецкомъ „королѣ“. Когда настало паденіе папства, нѣмецкая нація, на съѣздѣ своихъ курфюрстовъ въ Рензэ (1338), объявила, что выборы „короля“ не нуждаются въ утвержденіи св. отца; а имперскій сеймъ, гдѣ было много городскихъ депутатовъ, добавилъ, что король самъ собою становится и „императоромъ“. Затѣмъ прекратился и пресловутый „римскій походъ“—путешествіе короля въ Римъ для императорскаго коронованія: Фридрихъ III послѣдній вѣнчался у св. отца (1452); его преемникъ, Максимилианъ I, уже назвался „избраннымъ римскимъ императоромъ“ безъ папскаго коронованія. Но самое-то это императорство стало пустымъ титуломъ, которымъ только тщеславились австрійскіе Габсбурги. Сокрушивъ австрійцевъ при Аустерлицѣ, Наполеонъ I уничтожилъ и пышное названіе Священной римско-нѣмецкой имперіи, въ 1806 году.

46) Стр. 114.—*Ниша* (франц. niche)—полукруглое расширение длиннаго пространства на заднемъ концѣ, или же углубленіе въ стѣнѣ, съ полукуполомъ наверху. Въ средніе вѣка любили ниши, такъ какъ стѣны тогда были толстыя, а ниши давали возможность защищать статуи въ церквахъ и разукрашать всякія большія зданія. Особенно часты и красивы ниши въ мавританскомъ искусствѣ. Тогда всюду устраивались и оконныя ниши, опять благодаря толстотѣ стѣнъ, а также большимъ косякамъ, вытягивавшимся наружу.

47) Стр. 114.—*Анонимъ* (греч. анонимъ, безыменное)—всякая бумага или книга, лишенная имени сочинителя, который, въ такомъ случаѣ, также называется анонимомъ. Встарину любили анонимы, частью изъ страха предъ разными инквизиціями, частью изъ скромности (монахи, лѣтописцы): они начали исчезать лишь съ Возрожденія наукъ и искусствъ, когда вообще впервые выдвиг-

нулась личность. Многие занимались разоблаченіем анонимовъ, такъ же какъ и псевдонимовъ (ложныхъ именъ). Почти во всякой образованной странѣ есть указатели въ этомъ родѣ,—плодъ муравьиного трудолюбія библіографовъ. Особенно много сдѣлали на этомъ поприщѣ французы. Славится вмѣщающая въ себѣ 24.000 статей работа *Barbier: Dictionnaire des ouvrages anonymes*, въ 4 томахъ. Издатель энциклопедическаго словаря *Brunet* сдѣлалъ дополненіе къ нему въ 1890 году. Изъ этихъ трудовъ видно, что анонимность наиболѣе развита среди журналистовъ и особенно публицистовъ, что и понятно. Оттого-то Наполеонъ III закономъ запрещалъ ее. Но вѣрнѣе противодѣйствіе самого общества: теперь распространяется обычай даже подписывать передовыя статьи въ газетахъ, рецензіи и критики полнымъ именемъ автора.

48) Стр. 160.—Знаменитая *Елизавета англійская*, давшая имя своему вѣку, конечно, была все-таки человѣкомъ. Рядомъ съ высокими достоинствами, сдѣлавшими ее любимицей націи, гордостію протестантизма и прогресса въ новое время, въ ней совмѣщались и видные недостатки, какъ во всякой крупной личности. Къ счастью, они больше проявлялись въ ея домашнемъ быту, чѣмъ въ политикѣ. Ея приближеннымъ жилось не легко. Отъ отца перешли къ Елизаветѣ порывы Тюдоровскаго своеволія, чувственность и тщеславіе. Ея упоеніемъ были окруженные восточнымъ величаніемъ парадные переѣзды изъ замка въ замокъ, съ широкими пирами и удалыми охотами, такъ увлекательно описанными у Вальтера Скотта. Сановники стояли передъ ней безъ шляпъ; надменные леди цѣловали ей руки; на аудіенціяхъ все падало ницъ; кушанья подавали ей на колѣняхъ, хотя бы она обѣдала одна. А когда она гнѣвалась, и по двору грохоталъ ея могучій голосъ, все бѣжало куда ни пошло. Она бранила министровъ, какъ слугъ; однажды забывшійся любимецъ, Эссексъ, получилъ отъ нея оплеуху при всемъ дворѣ. Особенно деспотичной ставилась Елизавета подъ старость. Она усиленно охотилась, скакала, плясала, кокетничала, подъ 70 лѣтъ, какъ въ юности; но лицо покрывалось морщинами, она высохла, какъ скелетъ, по недѣлѣ не мѣняла платья. Она стала предаваться дикимъ порывамъ гнѣва, держала при себѣ мечъ и въ ужасѣ тыкала имъ въ обои. Она дни и ночи сидѣла безмолвно на скамейкѣ, обложенная подушками, приложивъ палецъ къ губамъ, устремивши неподвижный взоръ на полъ. Только разъ очнулась умирающая львица—когда сынъ уже умершаго Сесилия сказалъ ей, что она „должна лечь“. „Должна!“—воскликнула она величаво: „Королева должна? О, человѣчекъ, человѣчекъ! Твой отецъ не посмѣлъ бы употребить такое слово“.

49) Стр. 174.—*Танцы*, какъ дополненіе мимики или тѣлодвиженій и музыки, существовали всегда. Чѣмъ глубже въ древность и

первобытность, тѣмъ они серьезнѣе. Первоначально танцы были связаны съ религіей и войной, т. е. съ мыслью о смерти. Позже они начинаютъ служить жизни, какъ забава, развлеченіе и признакъ вездѣсущей любви. Церковныя и боевыя пляски смѣнились театральными и общественными. Послѣднія развились въ античной древности. У грековъ они были тѣсно связаны съ поэзіей и театромъ: они назывались оркестикой, а оркестра составляла часть сцены. Въ Римѣ мы видимъ, въ пантомимахъ, зародышъ драматическаго балета, а въ домашнихъ пляскахъ—образецъ національных, народныхъ танцевъ, чисто лирическихъ, возбуждающихъ разныя пріятныя чувства. Римскіе танцы отчасти перешли къ романцамъ; у германцевъ возникли собственныя подобныя же пляски. Къ концу среднихъ вѣковъ явились даже попытки описывать и изображать ихъ. Тогда же итальянцы, подъ вліяніемъ Возрожденія, изобрѣли знаменитый „карнаваль“ („прощаніе съ мясомъ“, масляница), который многое заимствовалъ у языческихъ праздниковъ весны. Такъ какъ тутъ были неизбѣжно ряженые, то карнаваль называли еще „маскарадомъ“. Онъ такъ понравился, что вскорѣ разошелся по всему Западу; и его начали справлять по нѣскольку разъ въ годъ; а затѣмъ онъ обратился въ маскированные балы. Новые танцы особенно развивались во Франціи. Въ 1588 г. тамъ появился и первый учебникъ хореографіи или „танцовальнаго письма“, т. е. изображеніе танцевъ условными знаками. Здѣсь видимъ такія національныя пляски, какъ извѣстный итальянскій „сальтарелло“ (въ припрыжку). Въ Испаніи славился тогда собственный танецъ—„паванэ“ (отъ pavone—павлинъ): то была важная прогулка въ тактъ, соответствовавшая національной грандецѣ. Въ 17-мъ вѣкѣ паванэ проникъ во Францію, Англію и Германію. Но вслѣдъ затѣмъ танцами овладѣли французы, которые и теперь соперничаютъ съ итальянскою школою; и національныя пляски начали вымирать. Сначала они пустили въ ходъ веселый „котильонъ“; а при Людовикѣ XIV явился „менуэтъ“—близнецъ паванэ, такой же чопорный и бездушный, сопровождаемый версальскими „реверансами“ или поклонами. Лишь около половины 18-го в., послѣ побѣдъ англійской коалиціи надъ французами, эти танцы смѣнились англійскимъ „контрадансомъ“ (country-dance—сельскій танецъ), переименованный итальянцами въ „кадриль“,—слово, которымъ обозначали, въ средніе вѣка, четырехъ участниковъ на турпирѣ.

50) Стр. 182.—Герцогъ толедскій Альба обрисованъ нами во Введеніи. Въ то время, къ которому относится нашъ романъ, онъ находился въ Нидерландахъ. Сынъ града, павшаго въ борьбѣ съ маврами, онъ съ 16-ти лѣтъ былъ сподвижникомъ Карла V повсюду. Въ 1567 году, когда Альбъ было уже подѣшестьдесятъ, Филиппъ II отправилъ его въ Нидерланды, гдѣ онъ лѣтъ шесть

прославлялся своей жестокостью. Наконецъ, надменный палачъ самъ отчаялся въ успѣхѣхъ и испросилъ у короля позволеніе вернуться. (1573). Съ тѣхъ поръ Альба впалъ въ немилость; но въ 1580 году онъ успѣлъ еще помочь Филиппу завоевать Португалію. Послѣдніе годы онъ провелъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ бы въ почетной ссылкѣ. Альба умеръ въ 1582 году, 74-хъ лѣтъ отъ роду, сохраняя живость и бодрость молодого человѣка. Въ настоящее время было бы умѣстно переработать исторію герцога толедскаго: въ 1891 г., одна изъ отраслей его потомства, герцогиня Бервикъ-Альба, издала бумаги своего дома— „Documentos escogidos del archivo de la casa de Alba.“

51) Стр. 182.— *Медина-Сидонія*—небольшой мрачный городъ близъ Кадикса, служившій, въ средніе вѣка, крѣпостью и мѣстопробываніемъ епископа. Здѣсь сохранились развалины родового замка герцоговъ этого имени, принадлежавшихъ къ древнему знатному роду Гузмановъ. Изъ этихъ герцоговъ Кроуфордъ имѣетъ въ виду того, который, 18 лѣтъ спустя, командовалъ злополучной „Непобѣдимой Армадой“.

52) Стр. 182.— *Инфантадо* (лат. *infantagium*) называется въ Испаніи удѣлъ инфанта или наслѣдника престола. Подобныя земли могли попадать потомъ, по пожалованію, къ грандамъ. Отсюда титулъ герцоговъ Инфантадо, который встрѣчается довольно часто въ исторіи Испаніи. Въ описываемое время богатые герцоги Инфантадо принадлежали къ роду Мендозовъ.

53) Стр. 229.— *Нефритъ* (*perhit* или почечный камень; такъ же называютъ образованіе камней въ почкахъ)—зеленоватый минераль. Изъ него уже въ глубокой древности готовились разные предметы домашняго обихода, даже въ доисторическія времена. Сосуды изъ него, печати, рукоятки ножей и т. под. откапываются почти вездѣ, отъ Сибири до Мексики. Особенно много встрѣчается топоровъ каменнаго вѣка: нефритъ даже называли „топорнымъ камнемъ“. Но самый минераль находятъ только въ Азій, особенно въ Туркестанѣ, Сибири и Китаѣ. У китайцевъ и теперь кусочки нефрита употребляются, какъ драгоценные камни; а въ Малой Азій ихъ носятъ, какъ амулеты и ладонки.

54) Стр. 231.— *Портвейнъ*—крѣпкое вино, изготовляемое въ Португаліи, особенно въ городѣ Оporto, у р. Дуро. Вывозъ его начался въ 17-мъ вѣкѣ, и все возросталъ. Теперь оно больше всего идетъ въ Англію, Германію и Бразилію. Съ половины прошлаго вѣка производство портвейна сокращается, вслѣдствіе болѣзни требуемаго винограда. И стала усиливаться его поддѣлка. Настоящій портвейнъ сталъ дорогъ: англичане платятъ до 20 р. за бутылку стараго вина, изготовленнаго въ 1840-хъ годахъ.

Оглавленіе.

Введеніе.

	СТР.
ГЛАВА I. Общія условія испанскаго владычества	III
II. „Великій императоръ“	VIII
III. Трагическая личность	XIII
IV. Отецъ и сынъ	XIX
V. Братья-соперники	XXIII
VI. Преступная чета	XXXVIII
VII. Жестокій вѣкъ, жестокія сердца!	LI
VIII. Книги о дон-Жуанѣ и Маріонѣ Кроуфордъ	LIV

КНИГА ПЕРВАЯ.

Въ тенетахъ Альказара.

I. Двѣ сестры и одна любовь	3
II. Неумолимый отецъ	17
III. Снаряженіе Долоресы на приключеніе	31
IV. Неожиданная встрѣча	44
V. Долореса у дон-Жуана	57
VI. Приемъ въ тронной залѣ	71
VII. Вѣнчанный паукъ и юный герой	84
VIII. Альказарская Мегера	98
IX. Коварство и любовь	111
X. Воркованіе голубковъ	125

КНИГА ВТОРАЯ.

Неожиданная развязка.

Глава	Стр.
I. Муки слѣпой и стараго воина	141
II. Братоубійца	150
III. Плачь покинутаго и скровищница состра- данія	167
IV. Королевскій пиръ и смерть	174
V. Дочерняя жертва	188
VI. Допросъ невиннаго убійцей	201
VII. Прощаніе отца съ дочерью	215
VIII. Побѣда ангела надъ демономъ	229
IX. Воскресшій изъ мертвыхъ	238
X. Освобожденіе изъ тенетъ	252
Примѣчанія	271

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

www.libtool.com.cn

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

Los Angeles

This book is DUE on the last date stamped below.

www.libtool.com.cn

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY

A 001 381 029 6

www.libtool.com.cn

PS
1455
I35R

